

Дин Кунц Ангелы-хранители

Аннотация

Из секретного исследовательского центра, занимающегося запрещенными генетическими экспериментами, убегают наделенные человеческим интеллектом собака и злобный монстр-убийца. В сплошной кошмар превращается в одночасье жизнь Тревиса Корнелла и Норы Девон, приютивших несчастного пса и пытающихся спасти его от преследования.

Дин Кунц Ангелы-хранители

Часть первая Сокрушая прошлое

Глава первая

1

В день своего тридцатишестилетия, 18 мая, Тревис Корнелл поднялся в пять утра, облачился в тяжелые походные ботинки, джинсы, ковбойку в голубую клетку, сел в красный пикап и поехал от своего дома в Санта-Барбаре в направлении каньона Сантьяго на востоке графства Ориндж, к югу от Лос-Анджелеса. С собой он взял только пакет печенья «Ореос», большую флягу апельсинового напитка «Кул-Эйд» и заряженный револьвер «смит-вессон» тридцать восьмого калибра, модели «Чиф-спешал».

В течение двухчасовой поездки он ни разу не включил радио, не свистел и не напевал, как это часто делают мужчины, оставшись в одиночестве. На одном из участков пути, по правой стороне, плескался Тихий океан, воды которого вдали, у горизонта, были цвета сланца, но ближе к берегу лучи утреннего солнца расцвечивали их яркими фиалковыми и

розовыми красками. Но Тревис так и не удостоил взглядом сияющие под солнечными лучами воды.

Это был худой жилистый мужчина, с глубоко посаженными темными глазами, такого же цвета, как и его волосы. У него было узкое лицо, профиль римского патриция, высокие скулы и слегка выступающий вперед подбородок. Его аскетическое лицо вполне подошло бы какому-нибудь члену монашеского ордена, склонному к самобичеванию и верующему в очищение души через страдание. Видит Бог, ему довелось страдать в жизни. Временами, однако, его лицо способно было принимать доброе, открытое выражение, которое располагало к нему людей. Когда-то женщины не могли устоять перед его улыбкой. Но давно уже улыбка не посещала это лицо.

Печенье, фляга и револьвер находились в зеленом нейлоновом рюкзаке с черными лямками, лежащем на сиденье рядом с Тревисом. Время от времени он поглядывал туда и, казалось, видел револьвер сквозь плотную ткань рюкзака.

С шоссе, ведущего в каньон Сантьяго, он свернул на узкую проселочную дорогу, губительную для автомобильных покрышек. Примерно в половине девятого Тревис остановил пикап на обочине под огромной раскидистой кроной трисовой ели.

Выйдя из машины и вскинув на спину рюкзак, Тревис зашагал к подножию горной гряды Санта-Ана. В детстве он облазил здесь все склоны, долины, ущелья и хребты. У его отца была каменная хижина в верхнем каньоне Святого Джима — возможно, самом отдаленном из обитаемых каньонов, и Тревис потратил много недель и прошагал немало миль, изучая его окрестности.

Ему нравились эти дикие места. Когда он был мальчиком, в лесах еще водились черные медведи — теперь их уже нет. Встречаются чернохвостые олени, но не в таком количестве, как двадцать лет назад. Что осталось в неприкосновенности, так это радующий взгляд ландшафт, обильная и разнообразная растительность. Вот и сейчас Тревис долго шел под сводами, образованными кронами вирджинских дубов и платанов.

Время от времени ему попадались одиночные или стоящие кучно хижины. Немногочисленные их обитатели — своего рода отшельники — боялись приближающейся цивилизации, но не решались переселиться в места, еще более от нее отдаленные. Многие из них были обычными людьми, которым надоела суэта современной жизни: они наслаждались своим отшельничеством, несмотря на отсутствие водопровода и электричества.

При всей кажущейся отдаленности каньонов к ним неумолимо приближались пригородные стройки. В радиусе ста миль от этих мест, в примыкающих друг к другу поселениях графства Ориндж и округа Лос-Анджелес, обитало почти десять миллионов человек, и число жителей постоянно увеличивалось.

Сейчас на эту дикую местность падал хрустальный всепроникающий свет, все вокруг казалось первозданно чистым и нетронутым.

На безлесном хребте, где низкая трава, выросшая за короткий сезон дождей, уже высохла и приобрела бурую окраску, Тревис сел на плоский валун и снял с себя рюкзак.

Полутораметровая гремучая змея грелась на солнышке на другом камне, метрах в пятнадцати от Тревиса.

Подростком он убил множество гадов в этих горах. Сейчас Тревис достал револьвер из рюкзака, встал и сделал несколько шагов в сторону змеи.

Она подняла голову и стала внимательно следить за ним. Тревис сделал еще шаг, затем еще один и, держа револьвер обеими руками, приготовился к выстрелу.

Змея начала сворачиваться в кольца. Скоро она поймет, что находится слишком далеко от противника для нападения, и попытается скрыться.

Хотя Тревис был уверен: выстрел прозвучал, но с удивлением обнаружил, что так и не нажал на спусковой крючок. Он приехал сюда, на эти склоны, не только за воспоминаниями о лучших днях, но и чтобы убивать гремучих змей, если те попадутся на его пути. В последнее время угнетенный и раздраженный бессмысленностью своей жизни Тревис чувствовал: его нервы натянуты как струна. Ему необходимо было разрядиться с помощью каких-то

необузданных действий, и уничтожение нескольких тварей — невелика потеря — казалось ему прекрасным лекарством от хандры. Но вот сейчас, глядя на змею, Тревис вдруг понял, что ее существование не такое бессмысленное, как его собственное: она заполняет экологическую нишу и, кроме того, наверное, наслаждается жизнью куда больше, чем он сам. От этих мыслей Тревис вздрогнул, его рука отвела револьвер от цели. Он не смог заставить себя выстрелить. Палач из него не получился. Тревис опустил револьвер и вернулся к тому месту, где оставил рюкзак.

Змея, по-видимому, пребывала в мирном настроении: она снова положила голову на камень и замерла.

Посидев немного, Тревис вскрыл пакет с «Ореос» — в молодости это было его любимое лакомство. Он не ел его уже пятнадцать лет. Печенье было вкусное — почти как тогда. Тревис отпил «Кул-Эйд» из фляги, но напиток доставил ему меньшее удовольствие — оказался слишком сладким для взрослого человека.

«Неискушенность, энтузиазм, радости и аппетиты юношеских лет можно вспомнить, но нельзя полностью восстановить», — подумал он.

Оставив змею наслаждаться солнечным теплом, Тревис надел рюкзак и зашагал по южному склону в тень деревьев в начале каньона, где воздух был пропитан весенним ароматом вечнозеленых растений. Добравшись до дна каньона, он свернул на оленью тропу.

Через несколько минут, пройдя между двумя большими калифорнийскими платанами, кроны которых смыкались, образуя зеленый свод, Тревис вышел на поляну, залитую солнечным светом. На другом ее конце оленья тропа уходила дальше в лес, где ели, лавры и платаны росли еще теснее. Стоя на границе солнечного света, он вглядывался в уходящую вниз тропу, но на расстоянии пятнадцати ярдов была уже крошечная тьма.

Не успел Тревис шагнуть в тень деревьев, как справа из сухого кустарника выскочила собака и, тяжело дыша и фыркая, бросилась прямо на него. Это был чистопородный золотистый ретривер. На вид ему было чуть больше года: он уже приобрел стать взрослого пса, но еще не утратил щенячьей резвости. Его густая шерсть была влажной, грязной, спутанной, в ней виднелись травинки, листья, колючки. Собака остановилась перед Тревисом, присела на задние лапы, склонила голову набок и посмотрела на него с явным дружелюбием.

Несмотря на свой замызганный вид, пес был очень симпатичный. Тревис нагнулся, потрепал его по голове и почесал за ухом.

Он был почти уверен, что вслед за собакой из кустов вот-вот выскочит его хозяин, задыхающийся от бега и, возможно, сердитый на беглеца. Однако никто не появился. Тревис осмотрел пса, но не обнаружил ни ошейника, ни жетона.

— Ты же не бродячий пес, а, малыш?

Собака фыркнула.

— Нет, конечно, для бродячего пса ты слишком дружелюбен. Ты что, потерялся?

Собака ткнулась носом в его руку.

Тревис заметил запекшуюся кровь на ухе пса. На передних лапах виднелась свежая кровь, как будто он так быстро и долго бежал по каменистой местности, что подушечки его лап стерлись.

— Похоже, ты проделал нелегкий путь, малыш.

Ретривер тихонько заскулил, как бы соглашаясь с человеком.

Тревис продолжал гладить пса по спине и почесывать ему за ухом, но через пару минут осознал, что хочет получить от животного то, чего оно ему дать не может: смысл, цель жизни, надежду.

— Ну, давай беги.

Он слегка шлепнул собаку по боку и выпрямился.

Та не двинулась с места.

Тревис шагнул мимо нее на узкую тропу, уходящую в лесную тьму.

Пес забежал вперед и загородил ему дорогу.

— Иди своей дорогой, малыш!

В ответ он оскалил зубы и злобно зарычал.

Тревис нахмурился:

— Давай иди. Ты же умный пес.

Как только он сделал шаг, ретривер оскалился и стал хватать его за ноги.

Тревис отпрянул.

— Эй, что с тобой?

Пес перестал рычать и сел, тяжело дыша.

Тревис предпринял очередную попытку, но собака кинулась на него с еще большей яростью. Она не лаяла, но рычала все громче и щелкала зубами, стараясь схватить за ноги. Тревис постепенно отступал. Он сделал восемь или девять неуклюжих шагов по скользкому ковру из опавших сосновых и еловых иголок и, споткнувшись, со всего размаха сел на землю.

Как только Тревис оказался на земле, пес отвернулся от него, засеменил поперек поляны к началу уходящей вниз тропы.

— Чертов пес, — сказал Тревис.

Собака не обернулась на звук его голоса. Стоя на границе света и тени, она напряженно вглядывалась в даль — туда, где оленья тропа исчезала во тьме. Хвост был опущен, поджат.

Тревис подобрал полдюжины мелких камешков, встал и бросил один из них в пса. Камень угодил в цель, но, несмотря на очевидную боль, собака не взвизгнула, а только быстро повернулась к Тревису с выражением удивления на морде.

«Ну вот, — подумал Тревис. — Теперь она схватит меня за горло».

Но пес только взглянул на него осуждающе и остался на месте.

Что-то в облике измученного животного — выражение его темных глаз или наклон большой угловатой головы — заставило Тревиса пожалеть о своем поступке. Этот чертов пес смотрел на него с таким разочарованием, что ему стало стыдно.

— Эй, послушай, — сказал Тревис. — Ты же сам первый начал.

Пес не сводил с него глаз.

Тревис бросил на землю оставшиеся камни.

Собака посмотрела на них, и, когда подняла глаза, Тревис готов был поклясться, что увидел в них одобрение.

Тревис мог вернуться назад или найти выход из каньона. Однако он был охвачен необъяснимым желанием во что бы то ни стало идти туда, куда считает нужным. Сегодня, как и всегда, никто не мог стоять у него на пути, тем более эта упрямая собака.

Тревис поднялся, надел рюкзак, глотнул пахнущего сосной воздуха и отважно двинулся через поляну.

Пес опять начал рычать, негромко, но угрожающе.

Зубы его оскалились.

С каждым новым шагом Тревис чувствовал, что смелость его тает, и, не дойдя нескольких футов до ретривера, решил изменить тактику. Он остановился, осуждающе покачал головой и стал читать ему нотацию:

— Нехороший пес. Ты плохо себя ведешь, знаешь ты или нет? Какая муха тебя укусила? А? Ты же незлой. На вид очень добрый пес.

По мере того как Тревис говорил, собака перестала рычать. Раза два она даже вильнула хвостом.

— Ну вот и молодец, — сказал он с хитрецей в голосе. — Так-то лучше. Мы же с тобой не ссорились, правда?

Пес примирительно заскулил — звук, который издают все собаки, выражая естественное желание услышать ласковые слова в свой адрес.

— Ну вот, это уже кое-что, — сказал Тревис и сделал шаг в направлении собаки, собираясь нагнуться и погладить ее.

В то же мгновение пес бросился на Тревиса и погнал его обратно через поляну.

Вцепившись зубами в штанину его джинсов, он яростно мотал головой из стороны в сторону. Тревис хотел лягнуть его свободной ногой, но промахнулся. Пока он пытался восстановить равновесие, собака схватила его за другую штанину и побежала по кругу, таща Тревиса. Он не смог удержаться на ногах и со всего размаха шлепнулся на землю.

— Черт возьми, — сказал Тревис, чувствуя себя в чрезвычайно глупом положении.

Между тем пес, вернувшись в дружеское расположение духа, заскулил и лизнул ему руку.

— Ты шизофреник, вот ты кто, — сказал Тревис.

Собака отбежала на противоположный край поляны. Она по-прежнему смотрела на оленью тропу, уходившую в прохладную тенистую глубь. Вдруг голова ее опустилась, спина выгнулась, и все тело напряглось, как перед отчаянным броском.

— Ты что там увидела? — Тревис вдруг понял, что она разглядывает не тропу, а что-то находящееся на ней. — Там что, пума? — спросил он и поднялся с земли. В годы его юности пумы, или кугуары, водились в этих лесах, и, наверное, несколько особей живут здесь и сейчас.

Пес заворчал, но не на Тревиса, а на что-то, привлечшее его внимание в лесной чаще. Ворчанье это было едва слышным, и Тревису показалось, что собака одновременно испытывает и злобу, и страх.

Может, это койоты? Здесь, в предгорьях, их великое множество. Стая голодных хищников вполне может встревожить даже такое мощное животное, как этот золотистый ретривер.

Вдруг, коротко тявкнув, пес сорвался с места и помчался мимо Тревиса через поляну. Тому уже подумалось, что через мгновение собака исчезнет в лесу. Однако она остановилась в тени двух платанов, мимо которых недавно проходил Тревис, и стала выжидательно смотреть в его сторону. Выражая всем видом тревогу и отчаяние, пес заспешил обратно, схватил Тревиса за штанину и, пятясь назад, попытался потащить его за собой.

— погоди, погоди, сейчас, — сказал Тревис.

Собака разжала зубы и тявкнула.

Совершенно очевидно, что она сознательно не позволяла Тревису ступить на темную оленью тропу, потому что там что-то было. Что-то опасное. Теперь же она хотела побыстрее увести его с этого места, поскольку это опасное «что-то» приближалось, двигалось на них. Но что?

Тревис не испытывал страха, но его разбирало любопытство.

Нетерпеливо скуля, пес опять стал хватать Тревиса за штанину.

Поведение его было совершенно необъяснимо. Если он был напуган, почему не убежал? Тревис не был его хозяином — его не связывали с ним ни дружба, ни собачий инстинкт охраны человека. У бродячих собак нет чувства долга к незнакомым людям. Интересно, не воображает ли этот пес, что он добровольный последователь Лэсси?¹

— Хорошо, хорошо, — сказал Тревис, следуя за ней под своды платанов.

Пес вырвался вперед по идущей вверх к входу в каньон оленьей тропе — туда, где лес был реже и было больше света. Дойдя до платанов, Тревис остановился. Нахмурившись, он оглянулся на залитую солнцем поляну, на дальнем краю которой в чаще леса чернотой зияла дыра, откуда начинался уходящий вниз по склону участок оленьей тропы. Что за опасность таилась там?

Вдруг разом замолкли все цикады, будто невидимая рука сняла пластинку с проигрывателя. В лесу наступила небывалая тишина. И в этой тишине Тревис услышал, как по погруженной во тьму тропе на него что-то движется. Он уловил звук отлетающих в сторону камешков, еле слышное шуршание сухого кустарника. Существо, которое передвигалось там, по тропе, находилось не так близко от Тревиса, как ему казалось: в тоннеле, образованном кронами деревьев, звук обманчиво усиливался. Тем не менее было ясно: существо это перемещается быстро, очень быстро.

¹ Лэсси — овчарка колли, персонаж популярной телевизионной серии.

Впервые за все это время Тревис почувствовал, что подвергается страшной опасности. Он знал: в лесу не водятся животные, достаточно большие или смелые для того, чтобы напасть на него, но инстинкт подсказывал ему другое. Сердце у Тревиса застучало.

Ретривер, очевидно, почувствовал его нерешительность и возбужденно залаял.

Случись это лет двадцать назад, Тревис подумал бы, что разъяренный черный медведь рыщет там, на оленьей тропе, изнывая от болезни или от боли. Однако местные жители и туристы, приезжающие в горы на выходные, давно вытеснили нескольких сохранившихся хищников далеко в глубь Санта-Аны.

Судя по шуму, неизвестный зверь через несколько секунд должен был появиться на поляне, разделявшей нижнюю тропу и верхнюю.

По спине Тревиса, как мелкий дождь по оконному стеклу, пробежали мурашки.

Ему не терпелось узнать, кто же двигался там, в чаще, но одновременно он холодел от чисто животного страха.

На верхней тропе ретривер заходился тревожным лаем.

Тревис повернулся и побежал.

Он был в отличной форме — ни одного фунта лишнего веса. Прижав локти к телу, Тревис мчался за рванувшим с места псом, изредка пригибаясь, чтобы не задеть низко растущие ветки. Шипованные подметки его ботинок были хорошо приспособлены для такой местности: он несколько раз поскользнулся на камнях и слежавшихся сосновых иглах, но не упал.

Жизнь Тревиса Корнелла состояла из опасных и трагических эпизодов, но он никогда не отступал. Даже в самые тяжелые времена он спокойно встречал потери, боль и страх. Сейчас с ним произошло что-то из ряда вон выходящее. Он утратил контроль над собой. Впервые поддался панике. Страх вошел в него настолько глубоко, что затронул какой-то первобытный слой его сознания, о существовании которого он и не догадывался.

Мчась изо всех сил, он весь покрылся гусиной кожей и холодным потом. Тревис не мог понять, почему неизвестное существо, преследующее его, вызывает такой небывалый ужас.

Он не оглядывался и бежал, не сводя глаз с извивающейся между деревьями тропинки, боясь налететь на низко растущую ветку. Но по мере того как Тревис удалялся от поляны, панический страх в груди у него продолжал расти, и, преодолев ярдов двести, он не оглядывался уже потому, что боялся увидеть такое, при виде чего его сердце остановилось бы.

Тревис понимал, что страх этот иррациональный. Мурашки по спине и ледяной холод в животе — симптомы суеверного ужаса. Но случилось так, что Тревис, человек цивилизованный и образованный, позволил одержать верх над собой тому первобытному началу, которое живет в каждом из нас, и никак не мог взять себя в руки, несмотря на очевидную абсурдность своего поведения. Сейчас им управлял грубый, первобытный инстинкт, и этот инстинкт приказывал ему бежать, не рассуждать, а просто бежать.

Недалеко от входа в каньон тропа сворачивала влево и извилисто поднималась по крутому северному склону в направлении гребня. Тревис выбежал из-за скалы, увидел бревно, лежащее поперек тропы, прыгнул, но одной ногой зацепил трухлявое дерево. Он упал лицом вниз, ударившись грудью о землю. Оглушенный, Тревис не мог ни вздохнуть, ни двинуться с места.

Он лежал и ждал: сейчас на него сзади навалится страшное существо и разорвет ему горло.

Ретривер примчался назад и, перепрыгнув через распростертого на земле человека, стал яростно лаять на преследователя — более угрожающе, чем раньше, когда пытался прогнать Тревиса с поляны.

Тревис перекатился на спину и сел, пытаясь восстановить дыхание. Тут до него дошло, что внимание ретривера обращено не в ту сторону, откуда они прибежали. Пес стоял поперек тропы, глядя в заросли лесного кустарника к востоку от места, где они находились. Разбрызгивая слюну, он лаял так громко, что у Тревиса заболели уши. В этом лае, однако,

уже не было вызова — собака как бы предупреждала неизвестного противника, чтобы тот не приближался.

— Тихо, малыш, — сказал Тревис. — Тихо.

Ретривер замолк, не оглянувшись на Тревиса. Он продолжал напряженно вглядываться в заросли, время от времени оскаливая зубы и издавая грозное рычание.

Все еще тяжело дыша, Тревис поднялся на ноги и стал смотреть в ту же сторону, что и пес. Хвойные деревья, платаны, редкие лиственницы. Тенистые участки были тут и там пронизаны золотыми булавками солнечного света. Кустарники. Заросли вереска. Вьюны. Несколько разрушенных, похожих на гнилые зубы скал. Ничего необычного.

Как только он нагнулся и положил ладонь на голову ретривера, тот сразу перестал рычать, как будто понял, чего от него хотят. Тревис затаил дыхание и стал прислушиваться, стараясь уловить малейшее движение в зарослях.

Цикады молчали. Птиц не было слышно. В лесу не раздавалось ни единого звука, как будто огромный часовой механизм природы остановился.

Тревис был уверен, что не он причина этой внезапной тишины. Ведь его появление в каньоне не потревожило ни птиц, ни цикад.

Там, в зарослях, находилось какое-то существо, к которому лесные обитатели отнеслись с явным неодобрением.

Тревис опять затаил дыхание, пытаясь уловить хоть малейший звук. На этот раз он услышал шорох, треск ломающейся ветки, мягкий хруст сухой листвы и пугающе тяжелое прерывистое дыхание какого-то крупного существа. Судя по звукам, оно находилось футов в сорока от Тревиса.

Рядом с ним ретривер весь напрягся и замер. Его лохматые уши приподнялись.

Звук дыхания неизвестного врага был настолько страшен — вероятно, его усиливало эхо между лесом и каньоном, а может, он был страшен сам по себе, — что Тревис, не раздумывая, сбросил рюкзак, рванул на себя откидной клапан и выхватил свой «смит-вессон».

Пес уставился на револьвер. У Тревиса было странное чувство: собака знает, что такое револьвер, и одобряет его появление.

Тут Тревис подумал, что, возможно, в зарослях скрывается человек, и крикнул:

— Эй, кто там? Выйдите оттуда, чтоб я мог вас видеть!

За грубым дыханием в зарослях теперь улавливалось низкое, угрожающее рычание. Этот жуткий утробный рык парализовал Тревиса. В течение нескольких секунд, показавшихся ему вечностью, он не мог понять, почему этот звук наполнил его жилы таким сильным страхом. Затем он осознал: дело не в самом звуке, а в том двойственном впечатлении, которое он оставлял. Рычание явно исходило от какого-то животного, но в его тембре и интонации чудились звуки, похожие на ор разъяренного мужчины. Чем больше Тревис прислушивался, тем больше он приходил к выводу: звук этот был не животного и не человеческого происхождения. Но если так, то... черт побери, какого?

Он увидел, как зашевелились кусты. Что-то двигалось прямо на Тревиса.

— Стой! — крикнул он. — Ни с места!

Существо не отреагировало. Ему оставалось пройти футов тридцать до того места, где стоял Тревис. Передвигалось оно, пожалуй, помедленнее, чем раньше. Более устало, что ли. Но расстояние между ними продолжало сокращаться.

Ретривер опять угрожающе зарычал, делая очередное предупреждение противнику. Но теперь бока у собаки дрожали и голова подергивалась. Видимо, перспектива встретиться с ним вызвала у пса непреодолимый страх.

От собаки страх передался Тревису. Ретриверы вообще знамениты своей храбростью. Их воспитывают как охотничьих псов и часто используют в опасных спасательных операциях. Что же могло вызвать такой ужас в этом сильном и гордом животном?

Существо в зарослях продолжало двигаться, их разделяло не более двадцати ярдов.

Хотя Тревис и не увидел до сих пор ничего необычного, в него вселился суеверный

страх от присутствия рядом с ним чего-то неизвестного, но ужасного. Он старался внушить себе, что наткнулся на кугуара, который, возможно, боится Тревиса больше, чем тот его. Но ледяные мурашки, которые начали распространяться по его спине и добрались до головы, побежали быстрее. Его ладонь так вспотела, что он мог запросто выронить револьвер.

Оставалось футов пятнадцать.

Тревис поднял револьвер и произвел предупредительный выстрел. Грохот эхом прогремел в каньоне.

Ретривер даже не вздрогнул, но существо в зарослях повернуло назад и побежало по склону на север, к краю каньона. Тревис не мог разглядеть, что именно там перемещалось, но ему было видно, как высокие, в пояс человека, заросли травы и кустарника шевелились и раздвигались под напором неизвестного существа.

На короткий миг он испытал облегчение от мысли, что ему удалось отпугнуть своего преследователя. Вскоре, однако, он заметил, что отступление существа нельзя назвать бегством. Оно направлялось на северо-запад по дуге, которая должна была вывести его на верхнюю тропу. Тревис вдруг понял: таким маневром существо старается отсечь их и заставить выходить из каньона по нижней тропе, где у него будет гораздо больше возможностей для нападения. Тревис не знал, почему сделал такой вывод, но был уверен — все обстоит именно так.

Проснувшийся в нем инстинкт пращуров заставил его действовать немедленно, не задумываясь о том, что именно он должен делать: все действия сейчас он производил как бы автоматически. Он не чувствовал в себе этого автоматизма с тех пор, как был в бою почти десять лет назад.

Стараясь не потерять из поля зрения движение кустарника справа от себя, оставив на земле рюкзак и захватив с собой только револьвер, Тревис помчался по круто уходящей вверх тропе, и ретривер последовал за ним. Тревис бежал очень быстро, но не успевал за неизвестным противником. Когда он понял, что тот достигнет верхней тропы раньше его, Тревис сделал предупредительный выстрел, который на этот раз не отпугнул преследователя и не заставил его изменить направление. Тогда Тревис выстрелил еще дважды прямо в кустарник, туда, где, судя по движению веток, находилось существо, не думая о том, человек это или нет. Он не был уверен, что попал в преследователя, но на этот раз наконец отпугнул его и заставил повернуть прочь.

Тревис продолжал бежать. Он хотел добраться до входа в каньон. Там, на гребне, деревья стояли редко, кустарник не был таким густым, как внизу, и яркий солнечный свет не оставлял места для предательской тени.

Когда пару минут спустя Тревис достиг вершины своего восхождения, он почувствовал: силы на исходе. Мышцы ног обжигала боль. Сердце так сильно стучало в груди, что он не удивился бы, если бы слышал, как его сердцебиение разносится по всему каньону. Вот место, где он останавливался, чтобы перекусить. Гремучая змея, которая грелась здесь на камне, исчезла. Золотистый ретривер не отстал от Тревиса. Он был рядом, тяжело дышал и вглядывался в склон, по которому они только что поднялись.

Чувствуя легкое головокружение и преодолевая желание сесть на землю и отдохнуть, Тревис устремил свой взор вниз на тропу и стал внимательно оглядывать кустарник, понимая, что неведомая опасность еще не миновала. Если их преследователь идет за ними, то он делает это скрытно, поскольку никакого шевеления в кустах Тревис не заметил.

Ретривер заскулил и потянул Тревиса зубами за штанину. Затем он пересек узкий гребень и направился по склону, по которому они могли бы спуститься в другой каньон. Очевидно, пес понимал, что опасность где-то близко, и призывал Тревиса продолжать путь.

Атавистический страх и инстинкт, разбуженный этим страхом, заставили Тревиса поспешить за собакой через гребень вниз, в соседний заросший деревьями каньон.

Винсент Наско провел долгие часы ожидания в темном гараже. Весь его вид говорил о том, что он не приспособлен к такому времяпрепровождению, — крупный мужчина, больше двухсот фунтов весу, ростом шесть футов три дюйма, с хорошо развитой мускулатурой. Он всегда производил впечатление человека, готового взорваться от избытка накопившейся в нем энергии. Широкая физиономия Наско была равнодушной, как коровья морда, но его зеленые глаза светились жизненной силой и каким-то нервным выжиданием — выражение, которое можно увидеть в глазах дикого животного, например, лесной кошки. Несмотря на таящуюся в нем невероятную энергию, он был терпелив, как кошка: мог часами сидеть в засаде, поджидая жертву.

В 9.40 утра во вторник, гораздо позже, чем ожидал Наско, замок в двери между прачечной комнатой дома и гаражом открылся с коротким тяжелым звяканьем. Дверь отворилась, и доктор Дэвис Вэтерби, включив свет в гараже, потянулся к кнопке, чтобы поднять большую секционную створку.

— Стой, где стоишь, — сказал Наско, неожиданно возникший перед жемчужно-серым «Кадиллаком» доктора.

Вэтерби удивленно заморгал.

— Кто, черт побери, вы...

Наско поднял «вальтер Р-38» с глушителем и выстрелил доктору прямо в лицо.

Умолкнувший на середине фразы, Вэтерби рухнул на спину на пол прачечной, окрашенной в веселые желтые и белые тона. Падая, он стукнулся головой о сушильную машину и толкнул тележку для белья, которая покатилась и ударилась о стену.

Произведенный при этом шум не встревожил Винса Наско, он знал: Вэтерби был холостяком и жил один. Винс наклонился над трупом, лежащим в дверном проеме, и мягким движением положил ладонь на лицо доктора.

Пуля попала Вэтерби в лоб, примерно на дюйм выше переносицы, и застряла в голове. Кровотечение было слабое, поскольку смерть наступила мгновенно. Карие глаза Вэтерби остались широко раскрытыми. В них застыл испуг.

Винс потрогал пальцами щеку и шею доктора. Он закрыл левый глаз мертвеца, затем правый, хотя и знал, что через пару минут они опять откроются под воздействием посмертной мышечной реакции. С глубокой благодарностью дрожащим голосом Винс сказал:

— Спасибо, доктор. Спасибо.

Затем он поцеловал закрытые глаза мертвеца.

— Спасибо.

Поеживаясь от удовольствия, Винс подобрал с пола ключи от автомобиля, которые уронил убитый, прошел в гараж и открыл багажник «Кадиллака», стараясь не оставлять отпечатков пальцев. Багажник был пуст. Отлично. Он вытащил труп из дома, положил его в багажник и закрыл замок.

Винсу было сказано, что труп доктора не должен быть обнаружен раньше завтрашнего дня. Он не знал, зачем это было нужно, но любил во всем точность. Поэтому Винс вернулся в прачечную комнату, поставил тележку на место и осмотрелся. Убедившись в том, что все стоит как прежде, затворил дверь и запер замок одним из ключей на связке, которую выронил Вэтерби.

Затем выключил свет в гараже, прошел через темное помещение и вышел наружу через боковую дверь. Он запер за собой дверь и пошел прочь от дома.

Дэвис Вэтерби жил в Корона-дель-Мар с видом на Тихий океан. Винс оставил свой двухлетней давности микроавтобус марки «Форд» за два квартала от дома доктора. Шагая назад к своей машине, он испытывал наслаждение и прилив бодрости. Это было приятное местечко, славившееся разнообразием архитектурных стилей: дорогие испанские гасиенды соседствовали с красивыми островерхими коттеджами, да так гармонично — не опишешь. Растительность вокруг была пышной, хорошо ухоженной. Пальмы, фикусы и оливковые деревья затеняли тротуары. Красные, коралловые, желтые и оранжевые бугенвиллеи горели

на солнце тысячами соцветий, цвели хвощи. Ветви джакаранд свисали вниз, как пурпурные кружевные ленты. Воздух был пропитан запахом жасмина.

Винсент Наско чувствовал себя превосходно: таким бодрым, сильным, таким *живым*.

3

Время от времени собака бежала впереди, иногда ее обгонял Тревис. Они преодолели вдвоем уже довольно значительное расстояние, прежде чем Тревис понял, что чувство отчаяния и одиночества, которое привело его к подножию гряды Санта-Ана, не владеет им более.

Большой замызганный пес находился рядом с ним на всем пути назад к пикапу, который стоял у проселочной дороги под раскидистыми ветвями огромной ели. Остановившись у машины, ретривер начал смотреть в сторону, откуда они пришли.

Черные птицы чертили безоблачное небо, как будто какой-то лесной колдун послал их на разведку. Деревья, росшие темной стеной, были похожи на бастии сказочного зловещего замка.

Дорога, на которую вышел Тревис, была ярко освещена солнцем, высушена до светло-коричневого цвета и покрыта слоем мягкой пыли. При каждом шаге Тревиса она облачком взлетала над его ботинками. Тревис с удивлением подумал о том, как такой яркий день может внезапно наполниться непреодолимым, почти осязаемым чувством страха.

Не сводя глаз с леса, который им пришлось так поспешно покинуть, пес коротко залаял в первый раз за последние полчаса.

— Что, он еще идет за нами? — спросил Тревис.

Пес взглянул на него и заскулил.

— Да, — сказал Тревис. — Я тоже его чувствую. Бред какой-то... но я чувствую, что оно там. Что, черт возьми, это такое, малыш? А? Что там такое, черт возьми?

Собаку вдруг пробила сильная дрожь.

Каждый раз, когда ретривер выказывал признаки страха, собственный страх Тревиса усиливался.

Он откинул задний борт пикапа и сказал:

— Влезай. Я тебя увезу отсюда.

Пес прыгнул в грузовое отделение машины.

Тревис захлопнул борт и стал обходить пикап, чтобы сесть за руль. В тот момент, когда он открывал дверцу, ему показалось, что в ближних кустах что-то шевельнулось, но не со стороны леса, откуда они пришли, а на противоположной стороне дороги. Там за ней было узкое поле, густо заросшее высокой, в пояс человека, коричневой травой, а также виднелись несколько мескитовых кустов и раскидистые олеандры, корни которых достаточно глубоко уходят в землю, чтобы питать их зеленую листву. Вперив взгляд в это поле, он не заметил, однако, никакого движения, хотя его не оставляло чувство, что несколько секунд назад зрение его не обмануло.

Тревога вновь вернулась к Тревису. Он забрался в пикап и положил револьвер на сиденье рядом с собой. Затем погнал машину на предельно возможной для этой дороги скорости, помня, однако, о четвероногом пассажире в грузовом отделении.

Двадцатью минутами позже, когда Тревис остановил машину у обочины шоссе «Сантьяго каньон», в мире асфальта и цивилизации, он все еще ощущал слабость и нервную дрожь. Страх, который в нем остался, отличался от того, что он испытал в лесу. Сердце у него больше не колотилось, а ладони и лоб уже не покрывал холодный пот. Сейчас тревогу Тревиса вызывало не какое-то неизвестное существо, а его собственное странное поведение. Оказавшись в безопасности, он уже не мог восстановить в памяти степень страха, охватившего его там, в лесу, и поэтому его собственные действия казались ему теперь иррациональными.

Тревис поднял рукоятку ручного тормоза и выключил зажигание. Было одиннадцать

часов, и утренний поток автомобилей уже схлынул — время от времени случайные машины проезжали мимо него по асфальтированному двухрядному шоссе. Тревис посидел минуту, стараясь убедить себя в том, что он только повиновался инстинктам — правильным, разумным и надежным.

Тревис всегда гордился своим самообладанием и трезвым прагматизмом — качествами, которые ценил в себе выше прочих. Он выдержал бы даже пытку огнем. Тревис умел принимать решения в чрезвычайных ситуациях и отвечать за последствия.

Тем не менее ему все труднее было поверить в то, что его пытались преследовать какое-то страшное существо. Может быть, он неправильно понял поведение собаки, и все эти шевеления в кустах были плодом его воображения?

Он вышел из машины и встал рядом с грузовым отделением, откуда на него глянула морда ретривера.

Пес ткнулся в него своей лохматой головой и лизнул шею и подбородок. Хотя до этого собака лаяла на Тревиса и хватала его зубами, надо признать: она отличалась большим дружелюбием — и в первый раз за все это время ее замызганный вид заставил Тревиса улыбнуться. Он попытался оттолкнуть пса, но тот тянулся к нему, чуть не упав через борт пикапа, стараясь лизнуть его в лицо. Тревис засмеялся и потрепал его по спутанной шерсти.

Веселый нрав ретривера и энергичное виляние хвостом оказали неожиданное воздействие на Тревиса. Долгое время в его сознании царил мрак, наполненный мыслями о смерти, — кульминацией этих настроений и явилась сегодняшняя поездка. Но сейчас почувствовал: во тьму, наполнившую его душу, проник лучик света. Он напомнил ему о том, что у жизни есть светлая сторона, о которой Тревис давно уже не вспоминал.

— Что же там такое было? — спросил он.

Ретривер перестал лизаться, вилять своим свалывшимся хвостом. Он смотрел на Тревиса очень серьезно, и этот взгляд влажных коричневых собачьих глаз парализовал его. Что-то необычное, проникающее было в этом взгляде. Тревис впал в какой-то полусон, и пес, казалось, также находится в загнипнотизированном состоянии. Стоя на весеннем южном ветру, Тревис всматривался в собачьи глаза, стараясь отыскать в них разгадку их гипнотического воздействия, но не обнаружил ничего особенного. Разве что... ну, в общем, они казались более выразительными, умными и понимающими, чем у обычных собак. Животные вообще не любят долго смотреть в одну точку, поэтому долгий, неморгающий взгляд ретривера и показался ему странным. Шли секунды, но они продолжали смотреть друг другу в глаза, и Тревиса охватило странное чувство. Его пробил дрожь, но не от страха, а от странности происходящего, от предчувствия, что он находится на пороге какого-то ужасного открытия.

Тут собака тряхнула головой, лизнула Тревису руку, и чары рассеялись.

— Откуда ты взялся, малыш?

Пес склонил голову влево.

— Кто твой хозяин?

Собака наклонила голову вправо.

— И что мне с тобой делать?

Как бы отвечая на последний вопрос, ретривер перепрыгнул через задний борт пикапа, побежал мимо Тревиса к водительской дверце и забрался в кабину.

Заглянув внутрь, Тревис обнаружил, что собака сидит на сиденье рядом с водительским и смотрит прямо перед собой сквозь лобовое стекло. Затем она повернула голову к Тревису и слегка тявкнула, как бы осуждая его медлительность.

Тревис сел за руль и засунул револьвер под сиденье.

— Вряд ли я смогу тебя содержать, парень. Слишком много ответственности. И это вообще не входит в мои планы. Ты уж извини.

Пес смотрел на него просительно.

— Ты, наверное, голодный.

Он тихонько тявкнул.

— Ладно, тут я тебе помогу. По-моему, в отделении для перчаток лежит плитка «Херши»,¹ а недалеко отсюда есть «Макдональдс», где для тебя найдется пара бутербродов. Ну, а потом... либо я должен буду отпустить тебя, либо сдать собачникам.

Тревис еще не закончил говорить, а пес уже поднял переднюю лапу и нажал на кнопку, отпирающую отделение для перчаток. Крышка откинулась.

— Что за черт...

Собака просунула морду в открытое углубление и вытащила шоколадку зубами, держа ее так нежно, что даже не порвала обертку.

Тревис заморгал от удивления.

Ретривер протянул ему шоколадку, как бы требуя, чтобы Тревис развернул лакомство.

Пораженный, Тревис взял из пасти пса шоколадку и снял с нее обертку.

Собака наблюдала за его действиями и облизывалась. Тревис начал отламывать от плитки маленькие кусочки и скармливать псу. Тот благодарно брал их у него из рук и ел почти изящно.

Тревис со смятением наблюдал за ним, не зная, было ли происшедшее с ним чем-то экстраординарным или имело разумное объяснение. Неужели собака поняла его слова о том, что в отделении для перчаток лежит шоколадка? Или она просто учуяла запах шоколада? Определенно, последнее.

Обращаясь к псу, он спросил:

— Но как ты узнал, что надо нажать на кнопку, чтобы открылась крышка?

Ретривер уставился на него, облизнулся и взял еще кусочек.

Тревис сказал:

— О'кей, о'кей, тебя, наверное, научили этому фокусу. Хотя обычно собак учат другим вещам, так ведь? Переворачиваться, притворяться мертвыми, подавать голос на еду, даже на задних лапах ходить... — всему такому прочему... но их не учат открывать замки и задвижки.

Собака жадно смотрела на оставшийся кусочек шоколада, но Тревис убрал ладонь.

По времени получалось странно. Через две секунды после того, как Тревис упомянул о шоколадке, пес полез ее доставать.

— Ты понял мои слова? — спросил Тревис, чувствуя, что глупо подозревать в собаке лингвистические способности. — Ты понял? Ты понял, что я говорил?

Нехотя ретривер перевел взгляд с кусочка шоколада на Тревиса. Их глаза встретились. И опять у Тревиса возникло ощущение необычности происходящего — его опять пробила дрожь, но уже не так неприятно, как в прошлый раз.

Он немного помолчал, затем откашлялся и спросил:

— М-м... ты не обидишься, если я съем последний кусочек?

Пес взглянул на шоколадный квадратик на ладони у Тревиса. Он фыркнул как бы с сожалением и стал смотреть сквозь лобовое стекло.

— Будь я проклят, — произнес Тревис.

Собака зевнула.

Стараясь не двигать рукой, чтобы не привлечь внимание пса к шоколаду, Тревис опять обратился к нему:

— Может быть, конечно, тебе больше необходим шоколад, чем мне. Если хочешь, можешь съесть этот кусочек.

Ретривер посмотрел на него.

Все еще не двигая рукой, прижав ее к телу, сделав вид, что оставил шоколад для себя, он сказал:

— Бери, если хочешь, или я просто выброшу его.

Ретривер заерзал на сиденье, придвинулся к Тревису и аккуратно взял шоколад у него с ладони.

— Будь я дважды проклят, — сказал Тревис.

¹ Сорт шоколада. — *Прим. пер.*

Пес встал на четыре лапы, чуть не доставая при этом головой до потолка. Он посмотрел сквозь заднее стекло кабины и тихо зарычал.

Тревис взглянул в зеркало заднего обзора, затем в боковое, но не увидел позади машины ничего необычного. Шоссе, узкая насыпь и заросший сорняками склон с правой стороны.

— Ты полагаешь, что нам пора ехать, так ведь?

Пес взглянул на него, посмотрел сквозь заднее стекло, затем снова повернулся, сел, подогнув задние лапы, и снова стал смотреть вперед.

Тревис включил зажигание, вырулил на шоссе «Сантьяго каньон» и поехал на север. Покосившись на своего пассажира, он сказал:

— Ты на самом деле не тот, кем кажешься... или я просто рехнулся? А если ты не тот, кем кажешься... то кто ты такой, черт возьми?

Не доезжая до города, Тревис свернул с восточной оконечности Чэпмен-авеню на запад — туда, где находился упомянутый им «Макдональдс».

Он сказал:

— Теперь я уже не могу ни прогнать тебя, ни отдать на живодерню.

Через минуту Тревис снова заговорил.

— Если бы тебя не стало, я бы умер от любопытства.

Проехав еще около двух миль, Тревис припарковал пикап на стоянке у «Макдональдса».

— Стало быть, теперь ты моя собака.

Ретривер никак не отреагировал.

Глава вторая

1

Мастер из телеателье напугал Нору Девон. Несмотря на то, что на вид ему было около тридцати (ее ровесник), его отличала агрессивная наглость самоуверенного подростка. Когда она открыла дверь на его звонок, он нахально смерил ее взглядом и представился: «Арт Стрек, телеателье Вэдлоу» — а потом, встретившись с ней глазами, подмигнул. Высокий, худой и ухоженный, он был одет в униформу, состоящую из белых брюк и рубашки. Его лицо было чисто выбрито, а темно-русые волосы коротко подстрижены и аккуратно причесаны. Арт Стрек выглядел обычным парнем, совсем не похожим на насильника или психа, но Нора тем не менее сразу испугалась его — может быть, из-за его нахальных манер, которые не соответствовали его наружности.

— Требуется обслуживание? — спросил мастер, видя, что она замешкалась в дверях.

Хотя это был вполне невинный вопрос, Норе показалось, что ударение, которое тот сделал на слове «обслуживание», придало ему сексуально-угрожающий смысл. Она была почти уверена, что он сделал это намеренно. Как бы там ни было, Нора сама вызвала механика из ателье Вэдлоу и теперь не могла отправить назад Стрека просто так, без всяких объяснений. Ей не оставалось ничего другого, как впустить его в дом.

Провожая его через просторный, прохладный холл к арке, ведущей в гостиную, Нора не могла избавиться от тяжелого чувства: вся эта его ухоженность и улыбочка — всего лишь элементы притворства.

У Стрека был пристальный, внимательный взгляд хищного животного, какая-то внутренняя собранность — и по мере того, как они удалялись от входной двери, ее беспокойство продолжало расти.

Следуя за Норой на слишком близком расстоянии, почти наклонившись над ней, Арт Стрек сказал:

— У вас очень красивый дом, миссис Девон. Очень красивый. Мне он очень нравится.

— Спасибо, — сказала она сдержанно, не поправляя его ошибки в отношении ее

семейного положения.

— Любой мужчина был бы счастлив здесь. Да, мужчине было бы здесь очень хорошо.

Дом был построен в архитектурном стиле, который иногда называли «Олд Санта-Барбара спэниш»:¹ два этажа, светлая штукатурка, красная черепичная крыша, несколько веранд, балконов и везде вместо углов — округлые линии. Пышные красные выюны бугенвиллеи взбирались по северной стороне здания, свисая вниз гроздьями ярких соцветий. Дом был очень красивый.

Нора ненавидела его.

Она прожила в этом доме двадцать восемь лет, и только год из всех этих долгих лет она не находилась под железной пятой своей тетки Виолетты. Ни ее детство, ни вся ее жизнь в целом не были отмечены счастьем. Тетка умерла год назад. Но, по правде говоря, Нора все еще продолжала ощущать на себе ее гнет — память об этой ненавистной женщине буквально держала Нору за горло.

В гостиной, положив свой чемоданчик рядом с телевизором марки «Магнавокс», Стрек не спеша огляделся. Убранство комнаты вызвало у него неподдельное удивление.

Обои с цветочным рисунком были мрачные. Персидский ковер на полу — определенно непривлекательным. Сочетание цветов: серого, темно-бордового и синего — усугублялось редкими бледно-желтыми вкраплениями. Тяжелая английская мебель середины девятнадцатого века с вычурной резной окантовкой стояла на ножках в форме лап: массивные кресла, скамеечки для ног, шкафы, буфеты, каждый из которых на вид весил полтонны. Небольшие столики были накрыты тяжелыми вышитыми скатертями. Лампы двух видов — сделанные из темно-бордовой керамики и с бледно-серыми абажурами, крепящимися на литую оловянную основу, — не давали достаточно света. Шторы были такими тяжелыми, что казались отлитыми из свинца; между ними сквозь пожелтевшие от времени тюлевые занавески в комнату проникали рассеянные лучи солнечного света, окрашенные в горчичный цвет. Все убранство дома явно не соответствовало испанскому стилю его архитектуры.

— Вы обставляли? — спросил Арт Стрек.

— Нет. Моя тетка, — ответила Нора. Она стояла у мраморного камина, стараясь держаться от мастера как можно дальше. — Это ее дом. Я... мне он достался по наследству.

— На вашем месте, — сказал Стрек, — я бы выкинул отсюда все это барахло. Можно сделать светлую, веселую комнату. Извините меня, но это не в вашем стиле. Это подходит для какой-нибудь старой девы... Ваша тетка ведь была старой девой? Ага, я так и думал. Высушенной старой деве это подходит, но такой симпатичной леди, как вы, — нет.

Норе хотелось сказать, что это не его дело и ему лучше заткнуться и заняться ремонтом телевизора, но у нее не было опыта и умения постоять за себя. Тетя Виолетта воспитывала Нору тихой и почтительной.

Стрек улыбнулся ей. Правый угол его рта противно оскалился. Лицо приняло почти насмешливое выражение.

Она заставила себя сказать:

— Мне здесь нравится.

— Неужели?

— Да.

Он пожал плечами.

— Что с телевизором?

— Картинка все время бежит. И помехи вроде снега.

Он отодвинул телевизор от стены, включил его и стал изучать изображение. Затем включил в сеть небольшую переносную лампу и прицепил ее к задней стенке телевизора.

Большие часы в холле пробили четверть часа, и этот звон эхом прокатился по всему дому.

— Вы много времени проводите у телевизора? — спросил он, отвинчивая заднюю

¹ Буквально: староиспанский стиль Санта-Барбара. — *Прим. пер.*

крышку.

— Нет.

— Я люблю смотреть вечерние серии «Даллас», «Династия» и другие в этом роде.

— Я это не смотрю.

— Да? Ладно, чего уж там. Готов спорить, что смотрите. — Он хитро засмеялся. — Все смотрят, но не все хотят в этом признаться. Ведь нет ничего интереснее, чем истории об убийствах в спину, интригах, кражах, лжи... и супружеских изменах. Вы же понимаете. Люди сидят, смотрят и щелкают языком: «Какой ужас!», а сами при этом ловят кайф. Так уж устроен человек.

— Я... у меня есть дела на кухне, — сказала Нора нервно. — Позовите меня, когда закончите ремонт.

Она вышла из комнаты, прошла через холл и через вращающуюся дверь вошла в кухню.

Ее била дрожь. Нора презирала себя за слабохарактерность, за легкость, с которой поддавалась страху, но оставалась тем, чем была, — мышью.

Тетя Виолетта часто говорила:

— Девочка моя, в мире существует два типа людей: кошки и мышки. Кошки гуляют сами по себе, делают то, что хотят, и берут, что хотят. По натуре кошки агрессивны и самостоятельны. В мышах, напротив, нет ни грамма агрессивности. По природе своей они уязвимые, нежные и тихие зверьки, и самое большое счастье для них — смириться и довольствоваться тем, что дает им жизнь. Ты — мышка, моя дорогая. Но в этом нет ничего плохого. Ты можешь быть совершенно счастливой. У мышки, возможно, не такая яркая и разнообразная жизнь, как у кошки, но если она не будет высовываться из своей норки и будет сидеть тихо, то проживет дольше кошки и испытает гораздо меньше потрясений в жизни.

В данный момент там, в гостиной, представитель семейства кошачьих занимался ремонтом телевизора, а Нора отсиживалась в кухне, обуреваемая мышинным страхом. У нее не было здесь никаких дел. Минуту-другую Нора просто стояла у раковины, сцепив холодные ладони — они у нее всегда были ледяные, — стараясь придумать себе занятие на то время, пока Стрек чинит телевизор. Она решила испечь торт. Такой желтый торт с шоколадной глазурью. Это отвлечет ее и поможет не думать больше об агрессивном подмигивании Стрека.

Она достала посуду, электрический миксер, пакетик с ингредиентами для торта и принялась за работу. Вскоре ее взвинченные нервы успокоились.

Не успела Нора развалить тесто в две формы, как в кухню вошел Стрек и спросил:

— Вы любите готовить?

От удивления она чуть не выронила пустую миску из-под теста и лопаточку. Сумев все-таки удержать в руках эти предметы и выдав свой испуг легким звяканьем, она положила их в мойку.

— Да. Я люблю готовить.

— Это просто здорово! Я восхищаюсь женщинами, которые любят женскую работу. Вы, наверное, еще и шьете, вяжете крючком, вышиваете и так далее, да?

— Плету кружева.

— Это еще лучше.

— Телевизор готов?

— Почти.

Нора собралась поставить торт в духовку, но ей не хотелось нести формы под наблюдением Стрека. Она опасалась, что руки у нее будут слишком сильно дрожать. Тогда он поймет: Нора боится его, и сделается еще нахальнее. Поэтому она поставила полные формы на стол.

Стрек прошел в глубь просторной кухни, держа себя свободно и расслабленно, дружелюбно улыбаясь, но двигаясь при этом прямо на нее.

— Можно мне стакан воды?

Нора почувствовала некоторое облегчение, стараясь уверить себя, что жажда —

единственное желание, приведшее его на кухню.

— Да, конечно, — сказала она, достала стакан из шкафа и открыла кран с холодной водой.

Когда Нора повернулась к Стреку со стаканом в руках, оказалось, что он по-кошачьи тихо успел подойти к ней вплотную. Она невольно вздрогнула, и вода плеснула на пол.

— Вы...

— Давайте, — сказал Стрек, забирая у нее стакан.

— ...напугали меня.

— Я? — переспросил он, улыбаясь и не сводя с нее своих ледяных голубых глаз. — Я не хотел, извините. Я абсолютно безопасен, миссис Девон. Правда. Я всего лишь хотел пить. Вы же не думаете, что я хотел чего-то другого, а?

Каков наглец. Невероятно нахальный, развязный и агрессивный тип. Ей хотелось ударить его по физиономии, но она боялась последствий. Дать ему пощечину — и тем самым признать его оскорбительные двусмысленности — означало поощрить его к еще более наглым действиям.

Стрек смотрел на нее пугающим плотоядным взглядом. Его улыбка была улыбкой хищника.

Инстинктивно Нора поняла, что лучший способ отделаться от Стрека — это притвориться непонимающей дурочкой, до которой якобы не доходят его противные сексуальные намеки. Короче говоря, необходимо было вести себя так, как ведет мышь, оказавшись в опасности. Притворись, что не видишь кошки, притворись, что ее просто здесь нет, и, возможно, она будет разочарована отсутствием реакции и начнет искать более пугливую жертву в другом месте.

Чтобы избежать взгляда его требовательных глаз, Нора оторвала пару бумажных полотенец с крепления рядом с мойкой и начала вытирать расплескавшуюся на полу воду. Но в тот момент, когда она нагнулась перед Стреком, Нора почувствовала, что совершает ошибку. Он не сдвинулся с места, а продолжал стоять над ней, опустившейся перед ним на корточки. Вся эта сцена превратилась в своего рода эротический символ. Когда Нора осознала уязвимость своей позы, она вскочила и увидела, что Стрек улыбается еще шире, чем прежде.

Покрасневшая и запыхавшаяся Нора швырнула мокрые полотенца в мусорное ведро под раковиной.

Арт Стрек сказал:

— Готовит, плетет кружева... да это просто замечательно. А что еще вы любите делать?

— Боюсь, что это все, — сказала она. — У меня нет никаких необычных увлечений. Я не очень интересный человек. Так себе. Скучный даже.

Проклиная себя за то, что не сумела выгнать этого ублюдка из дома, Нора скользнула мимо него к духовке, давая понять, что хочет проверить, нагрелась ли она, но на самом деле пытаясь оказаться вне досягаемости Стрека.

Он опять приблизился к ней.

— Когда я подъехал сюда, я увидел много цветов. Это вы ухаживаете за ними?

Не сводя глаз с термометра духовки, Нора сказала:

— Да, мне нравится работать в саду.

— Я одобряю это, — продолжал Стрек с таким видом, будто она ждала именно этого одобрения. — Цветы... хорошее занятие для женщины. Готовка, кружева, цветы — у вас прямо целый набор чисто женских занятий и талантов. Готов спорить: вы все делаете хорошо, миссис Девон. Я имею в виду все, что должна делать женщина. По всем статьям вы наверняка первоклассная женщина.

«Если он до меня дотронется, я закричу», — подумала Нора.

Надо заметить, что стены старого дома были достаточно толсты, а соседи находились не так уж близко. Никто не услышит ее криков и не придет на помощь.

«Я буду брыкаться, — подумала она. — Так просто ему не дамся».

На самом деле Нора совсем не была уверена в том, что у нее хватит храбрости сопротивляться ему. Даже если она и попыталась бы защитить себя, Стрек все равно был намного выше и сильнее ее.

— Да, готов спорить: вы — женщина первый сорт, по всем статьям, — повторил он уже с более провокационной интонацией.

Повернувшись от духовки, Нора выдавила смешок:

— Мой муж удивился бы, услышав такое. Я неплохо пеку торты, но корочки у моих пирогов не пропекаются, а жаркое получается сухим. Вяжу я неплохо, но очень медленно.

Она проскользнула мимо него к кухонной стойке. Вскрывая пакет с порошком глазури, Нора болтала без умолку, к собственному удивлению. Отчаяние было причиной ее словоохотливости.

— С цветами у меня хорошо получается, а вот хозяйка я неважная, и, если бы мой муж мне не помогал, этот дом превратился бы черт знает во что.

«Все это звучит фальшиво», — подумала Нора. В своем голосе она расслышала истеричные нотки, на которые он наверняка тоже обратил внимание. Но упоминание о муже, по-видимому, заставило Арта Стрека задуматься, прежде чем атаковать с новой силой. Пока Нора высыпала порошок в миску и отмеряла нужный кусок масла, Стрек пил воду из стакана. Затем он поставил стакан в мойку с грязной посудой. На этот раз парень не приблизился к ней на непочтительно близкое расстояние.

— Ну, мне пора вернуться к работе.

Нора нарочно ответила ему рассеянной улыбкой, кивнула и стала напевать себе под нос, как будто ничего не случилось.

Стрек прошел через кухню, но остановился, приоткрыв дверь.

— Ваша тетя любила темные помещения, так ведь? Эта кухня смотрелась бы шикарно, если ее перекрасить повеселее.

Прежде чем Нора успела отреагировать, он вышел и дверь за ним закрылась.

Несмотря на непрошенный комментарий насчет кухни, Стрек все-таки поубавил свой пыл, и Нора была довольна собой. Прибегнув к невинной лжи по поводу несуществующего мужа, которую она произнесла с завидным хладнокровием, Нора сумела поставить Стрека на место. Конечно, кошки не так реагируют на противника, но такое поведение не было поведением запуганной насмерть мышки.

Нора оглядела кухню с высоким потолком и решила, что на самом деле здесь мрачновато. Стены выкрашены в грязновато-синий цвет. Матовые шары светильников источали тусклый, зимний свет. Она стала думать о перекраске кухни и замене светильников.

Сама мысль о том, чтобы произвести какие-либо крупные изменения в доме Виолетты Девон вызывала некоторое головокружение. С тех пор как умерла тетка, у Норы хватило духу переоборудовать только свою спальню. Сейчас же, когда перед ней встал вопрос о косметическом ремонте всего дома, она чувствовала, как ее охватывает необузданное, дикое чувство раба, восставшего против хозяина. Возможно, Нора решится на это. Возможно. Если ей удастся не подпустить к себе Стрека, у нее достанет мужества и для того, чтобы выйти из повиновения покойной тетке.

Ее самодовольное настроение продержалось двадцать минут, в течение которых она поставила коржи в духовку, взбила глазурь и помыла посуду. В кухню вернулся Стрек, объявил, что телевизор в порядке, и подал счет. Когда парень уходил, казалось, он слегка успокоился, но сейчас к нему вернулась прежняя наглость. Стрек осматривал ее с ног до головы, как бы мысленно снимая с нее одежду, и когда их взгляды встретились, в его глазах было вызывающее выражение.

Счет показался ей чрезмерным, но Нора не стала спорить, поскольку хотела отделаться от него побыстрее. Стрек прибегнул к уже испытанному приему: придвинулся вплотную к ней, стараясь запугать ее своей мужественностью и высоким ростом. Когда Нора встала из-за стола и протянула ему чек, Стреку удалось взять его таким образом, что она почувствовала его похотливое прикосновение.

Пока они шли к выходу через холл, Нора была почти уверена: вот сейчас он поставит на пол свой чемоданчик и набросится на нее сзади. Однако, когда они подошли к двери, Стрек прошел мимо нее на веранду, сердце перестало колотиться.

На выходе он замешкался.

— А чем занимается ваш муж?

Этот вопрос сбил Нору с толку. Стрек мог задать его еще тогда, на кухне, когда она упомянула о своем муже, но теперь такой вопрос показался ей несвоевременным.

Норе надо было сказать ему, что это его не касается, но она все еще боялась Стрека. Нора чувствовала: Стрека сейчас легко разозлить. Накопившаяся в нем агрессивность может выйти наружу из-за какого-нибудь пустяка. Поэтому она решила соврать ему еще раз в надежде, что это охладит его пыл:

— Он... полицейский.

Стрек удивленно поднял брови.

— В самом деле? Здесь, в Санта-Барбаре?

— Совершенно верно.

— Ничего себе домик у полицейского.

— Простите?

— Я не знал, что полицейские так хорошо зарабатывают.

— А... но ведь я говорила вам — я унаследовала этот дом от своей тетки.

— Ах да, конечно. Я вспомнил. Вы мне говорили. Точно.

Стараясь подкрепить свою ложь, она сказала:

— Мы снимали квартиру, а когда тетя умерла, переехали сюда. Вообще-то вы правы, если не это, такой дом был бы нам не по карману.

— Ну, — сказал Стрек, — я рад за вас. Правда. Такая красивая леди, как вы, заслуживает, чтобы жить в таком красивом доме.

Он прикоснулся кончиками пальцев к воображаемой шляпе, подмигнул и зашагал по дорожке в сторону улицы, где был припаркован его белый фургончик.

Нора закрыла дверь и стала наблюдать за ним сквозь овальное витражное окошечко, устроенное в центре двери. Стрек обернулся, увидел Нору и помахал рукой. Она отпрянула от окошка в глубь полутемного холла, продолжая наблюдать за ним. Оттуда он уже не мог ее увидеть. Стрек ей не поверил — это ясно. Он знал: никакого мужа у нее нет. Господи, не надо было говорить, что она замужем за полицейским, ему сразу стало понятно: это же уловка с целью обескуражить его. Надо было сказать, что она замужем за слесарем или доктором, за кем угодно, только не за полицейским. Тем не менее Арт Стрек удалялся. Он уходил, хотя и знал, что Нора наврала ему.

Она почувствовала себя в безопасности, только когда его фургончик исчез из виду.

Вообще-то говоря, даже и тогда она продолжала бояться.

2

После убийства доктора Дэвиса Вэтерби Винс Наско поехал в своем сером «Форде» к автостанции на шоссе «Пасифик Коаст». Там зашел в телефонную будку и набрал номер в Лос-Анджелесе, он уже давно прочно удерживал его в памяти.

На звонок ответил мужской голос, повторив вслух номер, по которому звонил Винс. Это был один из трех голосов, обычно отвечающих по этому номеру, мягкий, низкого тембра. Чаше Винсу приходилось говорить с другим мужчиной. У того раздражающе резкий голос.

Изредка к телефону подходила женщина с сексуальным голосом: гортанным и в то же время каким-то девичьим. Винс никогда не видел ее, но часто пытался представить себе, как она выглядит.

Когда мягкий голос повторил номер, Винс сказал:

— Дело сделано. Я признателен вам за это предложение, и, если у вас будет для меня еще работа, я всегда к вашим услугам.

Он был уверен, что человек там, на другом конце провода, также узнал его.

— Я очень рад слышать, что все прошло хорошо. Мы очень ценим вас как специалиста. Теперь постарайтесь запомнить следующее... — И он произнес семизначный номер.

Винс удивленно повторил номер вслух.

Человек сказал:

— Это номер одного из общественных телефонов в Фенш-Айленде. Он находится в открытой галерее около универсального магазина Робинсон. Можете подъехать туда через пятнадцать минут?

— Конечно, — ответил Винс. — Даже через десять.

— Через пятнадцать минут я позвоню вам туда и сообщу подробности.

Винс повесил трубку и, насвистывая, зашагал к своему микроавтобусу. Раз его посылают к другому телефону, чтобы «сообщить подробности», это может означать только одно: у них для него есть еще задание.

3

После того как Нора испекла коржи и залила их глазурью, она ушла в спальню, которая располагалась в юго-западном крыле дома.

Когда была жива Виолетта Девон, эта комната служила Норе убежищем, где она могла уединиться, несмотря на отсутствие замка в двери. Подобно остальным комнатам, спальня была заставлена громоздкой мебелью, как будто это было не жилое помещение, а склад. Да и в остальных отношениях это было мрачное местечко. Тем не менее закончив дела по хозяйству или освободившись от нескончаемых нравоучений тетки, Нора убегала в спальню и спасалась чтением или предавалась мечтам.

Виолетта всегда проверяла, что делает ее племянница, тихонько подкрадывалась к двери ее спальни и врывается туда в надежде застать Нору за каким-нибудь предосудительным занятием. Когда Нора была ребенком и подростком, эти внезапные инспекции происходили часто, потом они стали реже. Но до конца дней своих тетка контролировала Нору, хотя та была уже взрослой двадцатидевятилетней женщиной. Поскольку Виолетта любила одеваться во все темное, стягивала волосы в тугой пучок, а ее бледное старенькое личико никогда не знало косметики, она скорее походила не на женщину, а на мужчину — такого сурового монаха в грубой рясе, который, крадучись, бродит по коридорам какого-то средневекового монастыря и следит за поведением своих собратьев.

Если Виолетта заставала Нору спящей или мечтающей, она сурово отчитывала ее и тут же назначала ей наказание в виде самых неприятных дел по хозяйству. Тетка не любила лентяев.

Книги дозволялись — конечно, предварительно требовалось одобрение со стороны Виолетты — хотя бы потому, что чтение способствует образованию. Кроме того, она часто приговаривала:

— Простые домашние женщины, вроде тебя и меня, никогда не проживут яркую жизнь и никогда не побывают в экзотических местах. Поэтому книги имеют для нас особую ценность, читая их, мы можем многое испытать умозрительно. Это не так уж плохо. Жить в мире книг даже лучше, чем иметь друзей и... знать мужчин.

При помощи сговорчивого семейного врача тетке удалось освободить Нору от занятий в общеобразовательной школе под предлогом слабого здоровья. Она получала образование дома, поэтому книги заменяли ей школу тоже.

Помимо того, что к тридцати годам Нора успела прочесть тысячи книг, она самостоятельно освоила живопись маслом, акриловыми красками, акварелью, а также карандашный рисунок. Эти увлечения Виолетта одобряла. Искусство было единственным занятием, помогавшим Норе не думать о мире, оставшемся за пределами теткиного дома, и избегать контактов с людьми, которые обязательно отвергли бы, обидели и разочаровали ее.

В одном из углов Нориной комнаты стояли чертежная доска, мольберт и шкафчик с

рисовальными принадлежностями. Место для миниатюрной студии было найдено за счет сдвигания вместе находившейся в комнате мебели — именно сдвигания, а не выноса — поэтому эффект от этого получился клаустрофобический.

Много раз за долгие годы, особенно по ночам, Норе начинало казаться, что пол в спальне вот-вот рухнет под тяжестью мебели и она провалится в комнату, под спальней и будет раздавлена насмерть своей собственной кроватью с балдахином. Временами этот страх становился непреодолимым, и тогда Нора убегала на лужайку за домом и сидела там под открытым небом, съезжившись и дрожа. Ей исполнилось уже двадцать пять лет, когда она поняла, что эти приступы паники происходят не только из-за излишка мебели в ее комнате и мрачной обстановки в доме, но и из-за всеподавляющего присутствия Виолетты.

В одно свободное утро четыре месяца назад (и восемь месяцев спустя после кончины тетки) Нору вдруг охватило нестерпимое желание перемены, и она поспешно переоборудовала свою спальню. Нора вытащила из нее все малогабаритные предметы обстановки и распределила их равномерно по другим пяти комнатам второго этажа. Более тяжелые вещи пришлось разбирать и вытаскивать по частям. В конце концов в спальне остались кровать с балдахином, ночной столик, кресло, чертежная доска, табурет, шкафчик и мольберт — все, что ей было нужно. Потом она ободрала обои со стен.

Всю субботу и воскресенье у Норы было чувство: происходит какая-то революция и она никогда не вернется к прежней жизни. Однако к моменту, когда переоборудование спальни было закончено, мятежный дух в ней угас, и все остальные помещения в доме остались нетронутыми.

Но по крайней мере эта комната стала светлой, даже веселой. Стены были окрашены в светло-желтый цвет. Тяжелые гардины заменены занавесками, подходящими по цвету к стенам. Нора убрала ужасный ковер и отполировала красивый дубовый паркет.

Эта комната стала ее убежищем еще в большей степени, чем раньше. Когда Нора вошла туда и увидела плоды своих трудов, настроение у нее сразу поднялось и она даже забыла о недавних тревогах.

Нора села за чертежную доску и начала делать карандашный эскиз для будущей картины, замысел которой вынашивала уже некоторое время. Поначалу руки у нее дрожали, но, по мере того как она продолжала рисовать, внутренний страх пропал.

Нора уже подумала о Стреке и попыталась представить, как далеко он зашел бы в своих домогательствах, если бы ей не удалось выпроводить его из дома. В последнее время она все чаще спрашивала себя, насколько верным был пессимистический взгляд Виолетты Девон на внешний мир и других людей; и, хотя этот взгляд лежал в основе воспитания самой Норы, у нее росло подозрение, что это неправильное, даже нездоровое мировоззрение. Но вот на ее пути встретился Арт Стрек — наглое подтверждение тому, в чем уверяла ее тетка; слишком тесное соприкосновение с окружающим миром таит в себе опасность.

Прошло много времени, и, закончив набросок, Нора начала думать о том, правильно ли она восприняла все, что делал и говорил Стрек. У него наверняка и не было сексуальных намерений по отношению к ней. Только не *к ней*.

По правде говоря, в сексуальном плане она не представляла интереса. Обычная. Домашняя. Возможно, даже некрасивая. Это был факт, который тетя Виолетта довела до сведения Норы еще в раннем возрасте. Несмотря на множество недостатков, старуха имела некоторые достоинства, одним из которых была прямолинейность. Нора была непривлекательной женщиной, которая не могла рассчитывать на объятия, поцелуи и обожание.

Хотя как личность Стрек внушил ей отвращение, внешне он был привлекательным мужчиной и, очевидно, не испытывал недостатка в хороших подружках. Смешно даже думать о том, что его могло заинтересовать такое чучело, как она.

Нора все еще носила одежду, купленную когда-то теткой: темные бесформенные платья, юбки и блузы, похожие на те, которые носила сама Виолетта. Более нарядные и яркие вещи только бы подчеркивали худобу нескладного тела девушки, заурядность и

непривлекательность лица.

Но почему тогда Стрек сказал, что она хорошенькая?

Ну, это легко объяснимо. Он, наверное, подшучивал над ней. Или, что вероятнее, хотел быть учтивым.

Чем больше Нора думала на эту тему, тем больше уверяла себя, что не поняла беднягу. В тридцать лет она уже превратилась в нервную старую деву, пугливую и одинокую.

Эти мысли расстроили ее на какое-то время. Но Нора собралась, удвоила свои усилия и закончила набросок, после чего начала следующий, уже в другом ракурсе. Шло время, и она забылась, погрузившись в работу.

Внизу большие часы пунктуально отбивали каждые час, полчаса и четверть.

Солнце на западе приобретало все более золотистый оттенок, и к концу дня комната становилась светлее. Воздух мерцал золотыми блестками. За окном, выходящим на южную сторону, королевская пальма нежно подрагивала под порывами майского ветерка.

К четырем часам Нора уже совершенно успокоилась и, мурлыкая себе под нос, продолжала работать.

Зазвонил телефон, она вздрогнула. Отложив в сторону карандаш, сняла трубку.

— Алло?

— Интересно получается, — сказал мужской голос.

— Простите?

— Они никогда о нем не слышали.

— Извините, — сказала она, — но боюсь, вы не туда попали.

— Это вы, миссис Девон?

Она узнала этот голос. Это был он. Стрек.

На секунду у Норы отнялся язык.

Стрек сказал:

— Они никогда о нем не слышали. Я позвонил в полицейское управление Санта-Барбары и попросил к телефону полицейского Девона. Они ответили, что такой у них не числится. Странно, правда, миссис Девон?

— Что вам нужно? — спросила она дрожащим голосом.

— Я думаю: дело в компьютере, — сказал Стрек, посмеиваясь. — Наверняка из-за какой-нибудь ошибки в нем вашего мужа не оказалось среди личного состава полиции. Мне кажется, миссис Девон, вам лучше сказать ему об этом, как только он придет домой. Если об этом не позаботиться... то, черт возьми, в конце недели ему просто не начислят зарплату.

На этих словах Стрек повесил трубку. Услышав гудки, Нора поняла: ей надо было первой прекратить этот разговор, просто хлопнуть трубку на рычаг, как только он сообщил, что звонил в полицию. Ей не следовало выслушивать всю эту болтовню.

Нора прошла по дому и проверила запоры на окнах и дверях. Все они были надежно закрыты.

4

В кафе «Макдональдс» на Ист Чэпмен-авеню Тревис Корнелл заказал пять гамбургеров для золотистого ретривера. Сидя на переднем сиденье пикапа, пес съел всю мясную начинку и две булочки. Попытался лизнуть Тревиса в лицо, выражая таким способом свою благодарность.

— У тебя из пасти воняет, как от больного аллигатора, — запротестовал тот, отпихивая от себя собаку.

Обратный путь в Санта-Барбару занял у них три с половиной часа, поскольку машин на дорогах стало уже гораздо больше, чем утром. Пока они ехали, Тревис поглядывал на своего четвероногого спутника и разговаривал с ним, надеясь обнаружить в нем признаки так изумившего его разумного начала. Но ожидания не оправдались. Ретривер вел себя обыкновенно, как любая собака в такой поездке. Время от времени он усаживался очень

прямо и смотрел сквозь ветровое или боковое стекло на бегущий мимо пейзаж, может быть, с несколько большим для собаки интересом и вниманием. Но основную часть времени он лежал, свернувшись на сиденье, или спал, пофыркивая во сне, или скулил и зевал со скучающим выражением на морде.

Когда запах псины стал невыносим, Тревис опустил стекла, чтобы проветрить кабину, и ретривер высунул голову из окна. Ветер трепал его мягкие уши и шерсть, и на морде у него появилось глупое и очаровательное бесхитростное выражение, которое бывает у всех собак, перевозимых таким способом.

В Санта-Барбаре Тревис остановился у торгового центра и купил несколько банок «Алпо»,¹ коробку собачьих галет «Милк Боун», тяжелые пластмассовые миски для корма и воды, жестяную ванну, флакон шампуня для домашних животных с компонентами против блох и клещей, щетку для расчесывания шерсти, ошейник и поводок.

Пока Тревис загружал покупки в кузов пикапа, пес наблюдал за ним через окно кабины, прижав влажный нос к стеклу.

Садясь за руль, Тревис сказал:

— Ты грязный и воняешь. Надеюсь, с мытьем у нас с тобой проблем не будет, а?

Пес зевнул.

К тому времени, как Тревис подъехал к арендуемому им бунгало на севере Санта-Барбары и заглушил мотор, он начал спрашивать себя, действительно ли поведение собаки было таким необычным, как ему показалось утром?

— Если ты вскоре не покажешь мне свои фокусы, — обратился он к псу, вставляя ключ в дверной замок, — я начну думать, что мне все почудилось там, в лесу, что я рехнулся и все сам выдумал.

Стоя рядом с ним на крыльце, пес вопросительно поднял голову.

— Ты же не хочешь, чтобы я усомнился в том, что с головой у меня все в порядке, а?

Яркая оранжево-черная бабочка порхнула перед мордой ретривера, напугав его. Пес тьякнул, соскочил с крыльца и помчался за ней по дорожке. Бегая туда-сюда по лужайке, прыгая и щелкая зубами, он старался схватить яркое насекомое, но чуть не налетел на покрытый рисунком ствол Канарской пальмы, затем едва избежал лобового столкновения с бетонной емкостью для воды и, наконец, неуклюже плюхнулся в клумбу с новогвинейскими недотрогами, над которой искала спасения бабочка. Перекатившись через спину, ретривер вскочил на лапы и выпрыгнул из клумбы.

Поняв, что жертва ускользнула, он вернулся к Тревису и виновато посмотрел на него.

— Ну и псина, — сказал Тревис. — Горе мое.

Он открыл дверь, ретривер вбежал внутрь дома и сразу стал исследовать незнакомое помещение.

— Только попробуй наделать мне на пол, — крикнул Тревис ему вслед.

Он прошел на кухню, неся в руках ванну и пластиковый мешок с остальными покупками. Тревис оставил там собачью еду и посуду, остальное вынес во двор через заднюю дверь. Он поставил ванну рядом со свернутым кольцами шлангом, надетым на водопроводный кран.

Зайдя обратно в дом, Тревис вытащил ведро из-под кухонной раковины, наполнил его горячей водой, вынес наружу и вылил воду в ванну. После того как Тревис принес четвертое ведро, появился ретривер и начал обследовать задний двор. К тому времени, как Тревис наполнил водой больше половины ванны, пес стал мочиться через каждые четыре фута вдоль побеленной бетонной стены, отмечая таким образом свою территорию.

— Когда закончишь портить газон, — сказал Тревис, — давай купаться. Ты воняешь.

Ретривер повернулся на звук его голоса, наклонил голову в сторону и стал слушать. Он, однако, совсем не походил на тех умных собак, которых снимают в кино. Было очевидно, что он не понимает человеческую речь. Он просто смотрел на Тревиса, и все. Как только Тревис замолчал, пес прошел немного вдоль стены и опять поднял заднюю ногу.

¹ Корм для собак. — *Прим. пер.*

Наблюдая, как пес справляет нужду, Тревис почувствовал: ему тоже пора последовать его примеру. Он зашел в туалет, а затем переоделся в старые джинсы и футболку с короткими рукавами, готовясь к предстоящей грязной работе.

Выйдя наружу, Тревис увидел: ретривер стоит рядом с дымящейся ванной и держит в зубах шланг. Каким-то образом псу удалось повернуть кран. Из шланга в ванну текла вода.

Открыть кран — трудное, почти невозможное дело для собаки. По степени сложности это можно сравнить с ситуацией, в которой Тревису пришлось бы открывать за спиной пузырек с аспирином, снабженный крышкой с подстраховкой от случайного вскрытия детьми, и при этом он должен был действовать одной рукой.

— Слишком горячая вода для тебя? — удивленно просил он.

Ретривер выпустил из зубов шланг, из которого на пол дворика продолжала литься вода, и почти изящно шагнул в ванну. Он сел в воду и посмотрел на Тревиса, как бы говоря: «Давай начинать, ты, недоумок».

Тревис подошел к ванне и присел на корточки рядом.

— Покажи мне, как ты закрываешь воду.

Пес посмотрел на него с глупым выражением на морде.

Собака фыркнула и устроилась поудобнее в теплой воде.

— Если ты сумел включить воду, значит, ты должен уметь ее выключить. Как ты это проделал? Зубами? Наверное, зубами. Не лапами же, прости Господи. Но ведь тебе пришлось крутить кран, а это непросто. Ты мог сломать себе зубы об эту чугунную ручку.

Пес вытянул шею и схватил зубами пакет, в котором находился шампунь.

— Не будешь закрывать кран? — спросил Тревис.

Пес непонимающе моргнул.

Тревис вздохнул и завернул кран.

— Ладно. О'кей, раз ты такой умник.

Он вынул из пакета щетку и шампунь и протянул их псу.

— Держи. Обойдешься без моей помощи. Уверен, что ты сам все сумеешь.

Собака испустила долгий подвывающий звук, и у Тревиса появилось чувство, что она говорит ему: «Сам ты умник!»

«Спокойно, — сказал Тревис себе. — Так недолго и умом тронуться. Конечно, это еще та собака, но она все-таки не понимает того, что я говорю, и, уж конечно, не может отвечать».

Ретривер не выказывал никакого неудовольствия по поводу купания — напротив, псу нравилась эта процедура. Приказав ему выйти из ванны и сполоснув чистой водой, Тревис потратил около часа, расчесывая его мокрую шерсть. Он вытаскивал застрявшие там колючки, травинки и распутывал колтуны. За все это время пес ни разу не проявил нетерпения, и к шести часам он совершенно преобразился.

Вымытый и расчесанный, он превратился в красивое животное. Его шерсть приобрела в основном среднелазурный окрас, переходящий в более светлые подпалины на тыльных сторонах ног, живота и на нижней стороне хвоста. Подшерсток у него был густой и мягкий, хорошо сохранявший тепло и отталкивающий воду. Сама шерсть тоже была мягкая, хотя и не такая густая, и лежала волнами там, где волосы были длиннее. Хвост слегка закручивался кверху, придавая псу довольный, игривый вид — впечатление, которое еще усиливалось из-за постоянного виляния.

Запекшаяся кровь на ухе была следствием небольшой ранки, которая уже заживала. Кровь на лапах появилась от долгого бега по каменистой местности. Тревис смазывал трещины раствором борной кислоты, обладающей антисептическим действием. Он был уверен, что, поскольку пес не хромает, через несколько дней все будет в порядке.

Ретривер выглядел великолепно, в то время как Тревис был весь мокрый, потный и пропитался запахом собачьего шампуня. Ему не терпелось принять душ и переодеться.

Кроме того, у него разыгрался аппетит.

Оставалось только надеть на пса ошейник. Но когда он попытался это сделать, ретривер тихо зарычал и отпрянул назад.

— Ну что еще такое? Это всего лишь ошейник, малыш.

Пес уставился на кольцо из красной кожи в руке у Тревиса и снова зарычал.

— У тебя с ошейником связаны неприятные воспоминания?

Собака перестала рычать, но не сдвинулась с места.

— С тобой плохо обращались? — спросил Тревис. — Вот в чем дело. Может, тебя душили, затягивали ошейник и душили, а может, держали на слишком короткой цепи? Что-нибудь в этом роде?

Ретривер твякнул и прошлепал в самый дальний угол двора, поглядывая оттуда на ошейник.

— Ты доверяешь мне? — спросил Тревис, все еще стоя на коленях в позе, свидетельствующей о его мирных намерениях.

Пес отвел взгляд от ошейника и посмотрел в глаза Тревису.

— Я никогда не буду тебя обижать, — торжественно сказал Тревис, уже не чувствуя себя по-дурацки от того, что так искренне и прямо разговаривает с собакой. — Ты должен был это понять. Я имею в виду, что ты хорошо разбираешься в таких вещах, не так ли? Положись на свои инстинкты, малыш, и доверься мне.

Ретривер вышел из своего угла и подошел ближе. Он посмотрел на ошейник, а затем обратил свой жутковатый пристальный взгляд прямо в глаза Тревису. Как и раньше, Тревис ощутил, что между ним и псом существует невидимый контакт — прочный, странный и неопиcуемый.

Он произнес:

— Послушай, наверняка мне придется брать тебя с собой в такие места, где потребуется держать тебя на поводке, который прицепляется к ошейнику, так ведь? Это единственная причина, заставляющая меня надеть на тебя ошейник. Ты сможешь везде сопровождать меня. И еще — чтобы отпугивать от тебя блох. Но, если ты не хочешь надевать его, я не буду делать это насильно.

Некоторое время они стояли друг перед другом молча, пока ретривер, казалось, обдумывает ситуацию. Тревис продолжал держать ошейник в руке таким образом, чтобы он выглядел как подарок, а не как угроза, а пес продолжал смотреть в глаза своего нового хозяина. Наконец ретривер встряхнулся, чихнул и медленно приблизился к Тревису.

— Вот и молодец, — сказал тот одобряюще.

Подойдя к нему, собака улеглась на живот, затем перевернулась на спину и задрала все четыре лапы, как бы сдаваясь на милость человека. В его взгляде Тревис увидел любовь, доверие и легкую настороженность.

К своему удивлению, Тревис почувствовал, что к горлу у него подступает комок, а в уголках глаз скапливается влага. Он сглотнул и заморгал ресницами, чтобы прогнать слезы, и назвал себя сентиментальным рохлей. Но он понял, почему смиренная покорность пса подействовала на него так сильно. Впервые за последние три года Тревис Корнелл осознал, что он кому-то нужен, почувствовал глубокую связь между собой и другим живым существом. Впервые за эти три года его жизнь приобрела смысл.

Он надел на пса ошейник и почесал ему брюхо.

— Надо тебе придумать кличку, — сказал он.

Пес встал на лапы, взглянул на него и напряг уши, как бы желая услышать свое новое имя.

«Господи помилуй, — подумал Тревис, — я зря приписываю ему человеческие поступки. Он просто пес, хотя, возможно, и не такой, как все. Смотрит на меня, как будто хочет узнать, как его будут называть, хотя наверняка не понимает английскую речь».

— Не могу придумать ни одного подходящего имени, — наконец сказал Тревис. — Ты не простой пес, мохнатая ты морда. Мне надо хорошенько подумать на эту тему.

Тревис вылил грязную воду из ванны, сполоснул ее и оставил во дворе сушиться. Затем вместе с ретривером они вернулись в дом, который теперь был их общим домом.

Доктор Элизабет Ярбек и ее муж Джонатан, адвокат по профессии, жили в районе Ньюпорт-Бич в приземистом одноэтажном доме, похожем на ранчо, с тесовой крышей, кремовыми оштукатуренными стенами и дорожкой из природного камня. Заходящее солнце зажигало золотистые и рубиновые огоньки, которые мерцали и вспыхивали на ограненных стеклах узких окошек со свинцовыми переплетами по обе стороны входной двери, придавая им вид огромных бриллиантов.

На звонок Винса Наско дверь открыла Элизабет. Это была пятидесятилетняя подтянутая привлекательная женщина с копной светло-серебристых волос и голубыми глазами. Винс представился ей Джоном Паркером, сотрудником ФБР, и сказал, что ему нужно переговорить с ней и ее мужем по поводу дела, находящегося в данный момент в стадии расследования.

— Дела? — спросила она. — Какого дела?

— Речь идет о финансируемом правительством исследовательском проекте, вы в нем когда-то участвовали, — ответил Винс, повторив фразу, с которой, как его проинструктировали, он должен был начать разговор.

Она внимательно изучила предъявленное им служебное удостоверение с фотографией.

Винсу было на это наплевать. Фальшивое удостоверение он получил от тех же самых людей, которые наняли его десять месяцев назад, когда у него было задание в Сан-Франциско, и с тех пор он показывал его трижды и ни разу не прокололся.

Хотя он знал: удостоверение не вызовет у нее подозрений, но не был уверен, что сам выдержит проверку. На нем был темно-синий костюм, белая сорочка, синий галстук и начищенные башмаки — обычное одеяние агента ФБР. Его габариты и бесстрастное выражение лица тоже соответствовали роли, которую ему было поручено сыграть. Однако убийство доктора Вэтерби и предстоящие в течение ближайших нескольких минут еще два убийства настолько возбуждали Винса, переполняли каким-то маниакальным ликованием, что он едва скрывал свои эмоции. Смех буквально душил его, а все попытки сдержаться с каждой минутой становились все безуспешнее. Еще когда Винс сидел за рулем неприметного зеленого «Форда», угнанного им минут сорок назад для выполнения этого задания, его начало сильно трясти, но не оттого, что он нервничал, а от чувства переполнявшего его предвкушения почти сексуального свойства. Ему даже пришлось остановиться у обочины и посидеть минут десять, чтобы отдышаться и успокоиться. Элизабет Ярбек подняла взгляд от фальшивого удостоверения на Винса, встретила с ним глазами и нахмурилась.

Он рискнул улыбнуться, хотя осознавал опасность того, что может непроизвольно расхохотаться и таким образом выдать себя. У него была мальчишеская улыбка, которая не соответствовала его внушительной внешности и могла оказывать обезоруживающее действие на собеседника.

После минутного колебания доктор Ярбек улыбнулась в ответ. С удовлетворенным видом она вернула ему документы и пригласила войти.

Мне нужно поговорить с вашим супругом тоже, — напомнил ей Винс, пока женщина закрывала входную дверь.

— Он в гостиной, мистер Паркер. Сюда, пожалуйста.

Гостиная была большая и светлая. Светло-кремовые стены и ковер. Светло-зеленые диваны. Через огромные, во всю стену, окна, затемненные снаружи зелеными матерчатыми козырьками, были видны тщательно ухоженные участки и дома на холмах внизу.

Джонатан Ярбек засовывал пригоршни щепок между поленьев, которые он заложил в кирпичный камин, готовясь развести огонь. Он встал, отряхнул ладони, и его жена представила ему Винса:

— Джон Паркер из ФБР.

— ФБР? — переспросил Ярбек, недоуменно вскинув брови.

— Мистер Ярбек, — сказал Винс, — если в доме находятся остальные члены вашей

семьи, я бы хотел, чтобы они тоже присутствовали при нашем разговоре.

Ярбек отрицательно покачал головой.

— Дома только Лиз и я. Ребята сейчас в колледже. А в чем дело?

Винс выхватил пистолет с глушителем из внутреннего кармана пиджака и выстрелил Джонатану Ярбеку в грудь. Адвоката отбросило назад к каминной полке, где он на мгновение замер, как пришибленный, а затем упал на лежавшие на полу латунные принадлежности для камина.

«Ссссснап».

От удивления и ужаса Элизабет Ярбек остолбенела. Винс быстро подскочил к ней, схватил левую руку и сильно вывернул ее за спину. Когда женщина вскрикнула от боли, он приставил ей пистолет к виску и сказал:

— Если не будешь молчать, мозги вышибу.

Винс провел ее через комнату к телу мужа. Джонатан Ярбек лежал лицом вниз на совке для угля и кочерге с латунной ручкой. Он был мертв. Но Винс не хотел рисковать и выстрелил еще два раза с близкого расстояния ему в затылок.

Лиз Ярбек испустила странный мяукающий звук и разразилась рыданиями.

Винс был почти уверен, что даже ближайшие соседи не могут рассмотреть происходившего в гостиной из-за большого расстояния между домами и дымчатых стекол на окнах, но на всякий случай решил разделаться с женщиной в более укромном месте.

Он повел ее в глубь дома через холл, пока, наконец, они не подошли к двери спальни. Там Винс сильно толкнул Элизабет, и она упала на пол.

— Лежи смирно, — сказал он.

Винс включил прикроватные лампы, затем подошел к раздвижным стеклянным дверям, выходящим на открытую террасу, и задернул шторы.

В тот момент, когда он повернулся к Элизабет спиной, она вскочила на ноги и побежала к двери в холл.

Винс догнал ее, ударил о стену, затем кулаком в живот и швырнул на пол. Приподняв голову женщины за волосы, он заставил ее посмотреть ему в глаза.

— Послушайте, леди. Я не собираюсь застрелить вас. Я пришел сюда, чтобы убить вашего мужа. Только его одного. Но, если вы попытаетесь удрать, я буду вынужден сделать с вами то же самое, понятно?

Это, конечно, было неправдой. Ему поручили убить именно ее, а мужа пришлось убить только потому, что он оказался дома. Однако Винс не соврал, сказав, что не застрелит Элизабет. Он просто хотел, чтобы она не сопротивлялась и не пыталась бежать, пока он не свяжет ее и не разделается с ней в более спокойной обстановке.

Двух человек Винс застрелил, и это было приятно, но теперь он хотел продлить удовольствие, убить ее помедленнее. Иногда убийство можно смаковать, как хорошую еду или вино, или красивый закат.

Задыхаясь и рыдая, Элизабет спросила:

— Кто вы?

— Тебя не касается.

— Что вы хотите?

— Заткнись и не дергайся, останешься живой.

Она стала торопливо бормотать молитву, произнося слова слитно и иногда прерывая их короткими вздохами отчаяния.

Убедившись, что шторы плотно задернуты, Винс вырвал телефон из розетки и швырнул его через всю комнату.

Схватив женщину за руку, он заставил ее встать и потащил за собой в ванную комнату. Затем стал выдвигать ящики, пока не нашел то, что искал, — аптечку. Ему нужен был пластырь.

Притащив Элизабет обратно в спальню, Винс заставил ее лечь на спину на кровать и с помощью пластыря связал ей щиколотки и запястья. Открыв ящики комода, он достал оттуда

кружевные трусики, скомкал их и засунул ей в рот в виде кляпа и сверху заклеил пластырем.

Женщину била сильная дрожь, и глаза ее часто моргали от разъедавших их слез и пота.

Винс вышел из спальни в гостиную и опустился на колени рядом с трупом Джонатана Ярбека. Он перевернул тело лицом вверх. Одна из пуль, которая вошла в затылок Ярбека, пробила ему спереди горло прямо под подбородком. Его открытый рот был полон крови. Один глаз закатился, и виден был только белок.

Винс посмотрел мертвецу в целый глаз.

— Спасибо, — сказал он искренне и почтительно. — Благодарю вас, мистер Ярбек.

Затем он закрыл мертвецу веки и поцеловал их.

— Спасибо за то, что вы мне дали.

После этого Винс прошел в гараж, где, порывшись в шкафах, нашел некоторые инструменты. Он выбрал молоток с удобной рукояткой в резиновой облицовке и головкой из полированной стали.

Когда Винс вернулся в тихую спальню и положил молоток рядом со связанной женщиной, глаза ее смешно округлились.

Она начала ерзать и ворочаться, стараясь освободить руки из липких пут, но тщетно.

Винс стал снимать с себя одежду.

Видя, что Элизабет смотрит на него с таким же ужасом, с каким она смотрела на молоток, он сказал:

— Пожалуйста, не беспокойтесь, доктор Ярбек. Я не собираюсь насиловать вас.

Винс повесил пиджак и рубашку на спинку стула.

— Я не испытываю к вам сексуального интереса. — Он снял ботинки, носки и брюки. — Это унижение вам не грозит. А одежду я снимаю просто для того, чтобы не запачкаться кровью.

Раздевшись, он взял молоток и, размахнувшись, ударил по ее левой ноге, разбив вдребезги коленную чашечку. Винс произвел еще пятьдесят или шестьдесят ударов молотком, пока не наступил Момент.

«Сссснап».

Он вдруг ощутил мощный прилив энергии. Чувства его резко обострились. Винс мог различить мельчайшую текстуру материала и тончайшие оттенки цвета вокруг себя. Его переполняло чувство такой невероятной силы, какое бывает, наверное, у Бога, принявшего человеческое обличье.

Он выпустил из рук молоток и упал на колени рядом с кроватью, уперся лбом в окровавленную простыню и несколько раз глубоко вздохнул, сотрясаясь от почти невыносимого наслаждения.

Двумя минутами позже Винс пришел в себя и адаптировался к своему новому состоянию, он поднялся на ноги, нагнулся над Элизабет и поцеловал ее изуродованное лицо и кисти рук.

— Спасибо.

Винс так расчувствовался от жертвы, которую она принесла ему, что чуть не зарыдал. Но радость от собственной удачи оказалась сильнее, чем жалость к убитой, и слезы не потекли.

Затем он быстро сполоснулся под душем. Пока струйки горячей воды смывали с него мыльную пену, Винс думал о том, как ему повезло, что он выбрал профессию наемного убийцы — ему платят за то, что он все равно делал бы бесплатно.

Одевшись, Винс протер полотенцем все предметы в доме, до которых дотрагивался. Он всегда помнил каждое свое движение и не боялся оставить случайных отпечатков пальцев. Совершенная память была составной частью его Дара.

Выскользнув наружу, Винс увидел, что наступила ночь.

Глава третья

В начале вечера ретривер не выказывал ни малейших признаков какого-либо выдающегося поведения, которое до этого так поразило воображение Тревиса. Он все время наблюдал за собакой, иногда открыто, иногда боковым зрением, но не увидел ничего интересного.

Он приготовил ужин. Бекон, салат из помидоров и сэндвичи для себя. Открыл жестянку с «Алпо» для ретривера. «Алпо» пес ел с удовольствием, но было ясно, что он предпочитает меню, приготовленное Тревисом для себя. Собака сидела рядом со стулом Тревиса и глядела на него грустными глазами, пока тот ел свои бутерброды за столом, покрытым красным пластиком «Формика». Наконец Тревис сжалился и кинул ей две полоски бекона.

В том, что пес кланчил еду, не было ничего необычного. Он не проделывал при этом никаких фокусов, а просто сидел и облизывался, скуля время от времени. На морде у него появлялись поочередно выражения, предназначенные для возбуждения жалости и сочувствия. Любая собака, выпрашивая подачку, делала бы то же самое.

Позже, когда Тревис включил телевизор в гостиной, пес улегся на диване рядом с ним. Потом он положил голову Тревису на бедро, явно желая, чтобы его погладили и почесали за ухом, что Тревис и сделал. Время от времени собака поглядывала на экран телевизора, но не проявляла какого-либо интереса к передачам.

Тревис смотрел на экран также без интереса. Его занимал пес. Ему хотелось получше узнать его повадки и увидеть побольше его фокусов. И хотя Тревис пытался придумать способы проверки удивительных умственных способностей ретривера, он так ни до чего не додумался.

Кроме того, у Тревиса было опасение: собаке это не понравится. Ему казалось, что пес инстинктивно пытается скрывать свои способности. Тревис вспомнил, с каким глупым и комичным видом тот гонялся за бабочкой, а потом открыл водопроводный кран — действие, ничего общего не имеющее с глупостью и неуклюжестью. Создавалось впечатление, что в двух этих случаях действовали разные животные.

Хотя Тревис и считал это абсурдом, он все же подозревал: ретривер не хотел привлекать внимание к себе и обнаруживал свои выдающиеся способности только в экстремальной ситуации (например, в лесу), или когда был голоден (как это произошло с шоколадкой в машине), или когда думал, что за ним никто не наблюдает (как в случае с водопроводным краном).

Это была слишком уж смелая мысль. Если думать так, то пес не только чрезвычайно умен, но и знает о своих необычайных способностях. Собаки — и вообще животные — не обладают той высокой степенью сознания, которая позволила бы им оценивать себя в сравнительных категориях. Сравнительный анализ — это человеческая способность. Даже если собака очень умна и знает множество всяких приемов, она все равно не в состоянии понять, что чем-то отличается от своих собратьев. Предположить же, что этот пес обладает таким качеством, означало бы признать в нем наличие не только редкого ума, но и способностей здраво рассуждать — вместо того чтобы просто повиноваться инстинктам, как остальные животные.

— Ты загадка, завернутая в тайну, — сказал Тревис, глядя ретривера по голове. — Или я кандидат в психушку.

Пес поднял голову на звук его голоса, посмотрел ему в глаза, зевнул и... вдруг резко задрал голову и стал смотреть на книжные полки, которые высились до потолка по обе стороны арки, разделявшей гостиную и столовую. Довольное выражение исчезло у него с морды, и на смену ему пришел пристальный интерес, который Тревис уже замечал раньше и который явно был сильнее, чем обычное собачье любопытство.

Соскочив с дивана, ретривер бросился к стеллажам. Он начал бегать под ними из стороны в сторону, поглядывая на разноцветные корешки аккуратно расставленных томов.

Дом, который снимал Тревис, достался ему уже с мебелью (дешевой и непритязательной); обивка рассчитана на длительное пользование (винил) или на способность делать незаметными невыводимые пятна (фактурная клетка). Местами был использован пластик «Формика» «под дерево», не боящийся сколов, царапин и прижиганий сигаретами. Единственными предметами в этом доме, говорящими о вкусах и интересах его хозяина, были книги — в мягких и твердых обложках, — которыми были забиты полки в гостиной.

Пес проявил явный интерес, по крайней мере к некоторым из этих нескольких сотен книг.

Вставая с дивана, Тревис спросил:

— В чем дело, малыш? С чего это тебя так разбирает?

Ретривер встал на задние лапы, положил передние на одну из полок и начал обнюхивать корешки книг. Он обернулся к Тревису, а затем вновь стал изучать библиотеку хозяина.

Тревис подошел к полке и взял одну из книг, которую пес успел потрогать своим носом — «Остров сокровищ» Роберта Луиса Стивенсона, и показал ему обложку.

— Эта? Тебя она интересует?

Пес изучил картинку, изображавшую одноногого Джона Сильвера на фоне пиратского корабля. Мельком взглянув на Тревиса, он снова обратил свой взор на Джона Сильвера. Секунду спустя собака опустилась на пол и помчалась к полкам по другую сторону арки, встала вертикально и начала обнюхивать книги.

Тревис поставил «Остров сокровищ» на место и последовал за ретривером. Тот как раз тыкался своим влажным носом в собрание сочинений Диккенса. Тревис снял с полки «Повесть о двух городах» в мягкой обложке.

Как и в предыдущий раз, пес внимательно рассматривал картинку на обложке, как бы пытаясь определить, о чем книга, и с выжиданием посмотрел на Тревиса.

Полностью растерявшись, тот сказал:

— Французская революция. Гильотины. Обезглавливание. Трагедия и героизм. Это о... ну, в общем, о приоритете личности над группами... о необходимости ценить жизнь конкретного человека больше, чем прогресс общества.

Выслушав его, собака повернулась к стеллажу, продолжая обнюхивать книги.

— Я совсем чокнулся, — сказал Тревис, ставя на место «Повесть о двух городах». — Пересказываю краткое содержание книги, и кому — собаке!

Переставив передние лапы на соседнюю полку, ретривер заскулил и стал тыкаться носом в корешки книг. Увидев, что Тревис не собирается снимать их с полки, пес наклонил голову, нежно схватил зубами один том и попытался вытащить его.

— Еще не хватало, — сказал Тревис, протягивая руку к книге. — Испортишь мне переплет, мохнатая ты морда. Это «Оливер Твист». Тоже Диккенс. Он там попадает к темным личностям, уголовникам, и они...

Ретривер опустился на пол и потрусил к полкам на другой стороне арки, где опять начал обнюхивать тома, до которых мог дотянуться. Тревис готов был поклясться: пес с тоской поглядывал на книги, стоящие на верхних полках.

Примерно в течение пяти минут, охваченный предчувствием чего-то очень важного, что вот-вот должно произойти, Тревис ходил за собакой, показывая ей обложки дюжины книг и в нескольких словах излагая их содержание. Он не мог сообразить, чего добивается от него этот пес-вундеркинд. Наверняка тот не понимает кратких пересказов Тревиса. С другой стороны, собака очень внимательно слушала все, что он говорил. Тревис был уверен: у него создается искаженное представление о поведении животного и он приписывает ему сложные намерения, не имеющие ничего общего с реальностью. В то же время по спине Тревиса пробежал холодок. По мере того как они продолжали свои изыскания, Тревис пребывал в ожидании какого-то пугающего откровения, которое может произойти в любой момент, и одновременно чувствовал себя одураченным.

Библиотеку Тревис собирал бессистемно. Среди томов, которые он доставал с полок,

были «Долгое прощание» Чендлера, «Почтальон всегда звонит дважды» Кейна и «И восходит солнце» Хемингуэя, произведения Рея Брэдбери, Ричарда Кондона, Энн Тайлер, Дороти Сэйерз и Элмора Леонарда.

Наконец пес оставил книги в покое, вышел на середину комнаты и начал расхаживать взад и вперед с явно возбужденным видом. Затем остановился перед Тревисом и тявкнул три раза.

— Что-нибудь не так, малыш?

Ретривер заскулил, посмотрел на стеллажи, сделал круг по комнате и опять устался на книги. Он, казалось, был расстроен. Глубоко расстроен.

— Я не знаю, что еще сделать, малыш, — сказал Тревис. — Я не знаю, чего ты хочешь, и не понимаю то, что ты хочешь мне сказать.

Собака фыркнула и встряхнулась. Опустив голову, как бы признавая свое поражение, она с отрешенным видом вернулась на диван и устроилась там на подушках.

— Все на этом? — спросил Тревис. — Мы сдаемся?

Пес смотрел на него влажным, грустным взглядом.

Тревис медленно скользил глазами по стеллажам, как будто за информацией, содержащейся на страницах книг, скрывалось какое-то потустороннее послание, которое вдруг легко могло стать понятным ему, как будто их разноцветные корешки были неизвестными рунами давно исчезнувшего языка и, будучи расшифрованными, могли бы пролить свет на чудесные тайны. Но расшифровать их было ему не под силу.

Поверив поначалу, что он находится буквально на грани какого-то невероятного открытия, Тревис почувствовал огромное разочарование. Он был разочарован в гораздо большей степени, чем пес; не мог же Тревис просто улечься на диван, опустить голову и забыть обо всем, как это сделал ретривер.

— Что все это значит, черт побери? — воскликнул он.

Пес загадочно посмотрел на Тревиса.

— Во всей этой возне с книгами был какой-то смысл?

Собака не сводила с него глаз.

— Ты ведь не обычный пес, так ведь? Или я уже совсем рехнулся?

Ретривер лежал спокойно и совершенно неподвижно с таким видом, как будто глаза его вот-вот закроются и он уснет.

— Попробуй только зевнуть — получишь по заднице.

Пес зевнул.

— Ублюдок.

Он снова зевнул.

— Послушай меня внимательно. Что все это значит? Ты специально зеваешь, назло мне? Или ты просто зеваешь? Как я должен это понимать? Как мне узнать, что ты делаешь специально, а что нет?

Собака вздохнула.

Тревис тоже вздохнул, подошел к окну и стал смотреть в ночь, где разлапистые ветви большой Канарской пальмы причудливо освещались странным желтоватым светом уличных фонарей. Он слышал, как за спиной у него пес соскочил с дивана и зашпешил из комнаты, но решил не вмешиваться. Тревис просто не выдержал бы еще одного разочарования.

Было слышно, как ретривер орудует на кухне. До Тревиса доносилось звяканье, затем легкое постукивание. Наверное, пьет воду из своей миски.

Вскоре пес вернулся. Он подошел к Тревису и потерся о его ногу.

Тревис посмотрел вниз и, к своему изумлению, увидел, что в зубах у собаки зажата жестянка с пивом марки «Коорз». Тревис взял банку и почувствовал: холодная.

— Ты достал это из холодильника?!

Пес, казалось, улыбнулся в ответ.

Телефон зазвонил опять, когда Нора Девон на кухне готовила себе ужин. «Только не Стрек», — взмолилась она. Но это был он.

— Я знаю, что вам нужно, — сказал Стрек. — Я знаю, что вам нужно.

«Я ведь не хорошенькая, — хотелось сказать ей. — Я некрасивая старая дева, так что же вы хотите от меня? Ваши притязания меня не касаются, потому что я непривлекательная. Вы что, ослепли?»

Однако вслух она ничего не произнесла.

— Знаете, что вам нужно? — спросил Стрек.

Обретя наконец голос, Нора сказала:

— Оставьте меня в покое.

— Я знаю, что вам нужно. Вы можете не знать этого, а я знаю.

На этот раз Нора первой оборвала разговор, хлопнув трубку на рычаг с такой силой, что у него, наверное, заболело ухо.

В 20.30 телефон зазвонил снова. Нора сидела в постели, читала «Большие ожидания» и ела мороженое. Звонок так напугал ее, что она выронила ложку и чуть не опрокинула десерт.

Отложив в сторону блюдце и книгу, Нора с тревогой уставилась на телефон, стоявший на ночном столике. Десять звонков. Пятнадцать. Двадцать. Резкие звуки наполняли комнату, отражались от стен и мелкими буравчиками сверлили ей голову.

В конце концов Нора поняла: она совершает большую ошибку, не отвечая на звонки. Стреку известно, что она дома, но боится снимать трубку, и это доставляет ему удовольствие. Превосходство — вот что он любит больше всего. А ее робость только воодушевляет его. Норе не приходилось конфликтовать с другими людьми, но она осознала: пора научиться постоять за себя, и не откладывая.

Нора сняла трубку на тридцать первом по счету звонке.

Стрек сказал:

— Я не могу не думать о тебе.

Она промолчала.

Он продолжал:

— У тебя красивые волосы. Такие темные. Почти черные. Густые и блестящие. Мне хочется перебирать их.

Ей следовало ответить, чтобы поставить его на место, или положить трубку. Но Нора не смогла сделать ни того, ни другого.

— Я никогда не видел таких глаз, как у тебя, — произнес Стрек, тяжело дыша. — Они у тебя серые, но не просто серые. Такие глубокие, теплые, сексуальные...

Нора лишилась дара речи и сидела как парализованная.

— Ты хорошенькая, Нора Девон. Очень хорошенькая. И я знаю, что тебе нужно. Правда. Я правда знаю, Нора. Я знаю, что тебе нужно, и собираюсь дать это тебе.

Дрожь, охватившая Нору, вывела ее из оцепенения. Она опустила трубку на рычаг. Наклонившись вперед в кровати, Нора с трудом уняла дрожь.

У нее не было оружия, и она чувствовала себя маленькой, уязвимой и очень одинокой.

Нора начала подумывать о том, чтобы обратиться в полицию. Но что сказать полицейским? Что стала объектом сексуальных домогательств? Они воспримут это как шутку. Она? Объект домогательств? Старая дева, серая, как мышь, даже отдаленно не напоминающая тех женщин, которых мужчины провожают взглядом и которые вызывают у них эротические мечты. В полиции решат: либо Нора обманщица, либо истеричка. Или дадут понять, что она просто приняла обходительность Стрека за сексуальный интерес — а ведь на самом деле поначалу так и было.

Нора натянула голубой халат поверх просторной мужской пижамы и завязала пояс. Босая, она поспешила вниз, в кухню, и, поколебавшись, достала тесак для рубки мяса с полки у плиты. Узкая полоска света, как ртуть, пробежала по его отточенному лезвию.

Поворачивая сверкающее лезвие в руке, Нора видела отражение своих глаз в его

полированной поверхности. Она вглядывалась в это отражение, думая о том, хватит ли у нее когда-либо духу ударить другого человека этим ужасным оружием, даже в целях самообороны.

Хорошо бы ей никогда не пришлось об этом узнать.

Вернувшись наверх, Нора положила тесак на ночной столик на расстоянии вытянутой руки.

Затем она сняла халат и присела на край кровати, скорчившись и стараясь подавить дрожь.

— Почему я? — спросила Нора вслух. — Почему Стрек пристает ко мне?

Он сказал, что она хорошенькая, но Нора знала, что это неправда. Мать оставила ее, двухгодовалую, на тетю Виолетту и появилась только дважды за двадцать восемь лет, последний раз, когда Норе было шесть лет. Отца своего она не знала, а другие члены семьи Девон никогда не предлагали забрать ее к себе — нежелание, которое Виолетта открыто приписывала непривлекательной наружности девочки. Поэтому, хотя Стрек и назвал ее хорошенькой, вряд ли на самом деле Нора его интересуется в этом смысле. Нет, ему нужно запугать и обидеть ее, испытать от этого удовольствие. Бывают такие люди. Она читала об этом в книгах и газетах. И тетя сто раз предупреждала Нору: если мужчина подходит к ней со всякими там улыбочками и разговорчиками, то только для того, чтобы поднять ее повыше, а потом сбросить вниз с этой новой высоты, сделав ей при этом еще больнее.

Через некоторое время приступ охватившей ее дрожи почти прошел. Мороженое растаяло, поэтому она отставила блюдце на ночной столик. Взяв в руки роман Диккенса, Нора попыталась сосредоточиться на сюжете, но взгляд ее все время переходил с книги на телефон, потом на тесак и — через открытую дверь — на холл второго этажа, где она, как ей показалось, заметила какое-то движение.

3

Тревис пошел на кухню, и пес последовал за ним.

Он показал пальцем на холодильник и сказал:

— Покажи мне. Прodelай это еще раз. Достань мне банку пива. Покажи, как ты это сделал.

Собака не двинулась с места.

Тревис присел на корточки рядом с ней.

— Послушай, морда мохнатая, кто вывез тебя из леса и спас от погони? Я. А кто купил тебе гамбургеры? Я. Я тебя искупал, накормил и приютил. Теперь твоя очередь. Кончай прикидываться. Если можешь открыть холодильник, то давай открывай!

Ретривер подошел к старенькому холодильнику марки «Фриджидэр», уцепился зубами за нижний угол эмалевой дверцы и стал тянуть на себя, напрягаясь всем телом. Резиновая прокладка дверцы наконец поддалась с едва слышным чмокающим звуком. Дверца распахнулась, он быстро засунул голову в холодильник, поставил передние лапы на нижний поддон и устоялся на вторую полку, где Тревис хранил банки с пивом, «Диет-Пепси» и витаминным овощным соком. Пес вытащил жестянку пива, опустил на пол и подошел с ней к Тревису в тот момент, когда дверца сама захлопнулась.

Тревис взял у ретривера банку. Глядя на собаку, он сказал скорее самому себе, чем ей:

— О'кей, кто-то научил тебя открывать дверцу холодильника. И этот «кто-то» мог научить тебя отличать жестянки с определенным сортом пива от других банок и приносить пиво хозяину. Но кое-что мне еще не ясно. Какова степень вероятности, что именно тот сорт пива, который ты умеешь распознавать, мог оказаться в моем холодильнике? Очень небольшая. Я же тебя ни о чем не просил. Я не просил принести мне пива. Ты сделал все по собственному разумению, как будто знал: пиво — это как раз то, что мне требовалось в тот момент. Между прочим, так оно и было.

Тревис вытер жестянку о свою рубашку, выдернул кольцо и сделал несколько глотков.

Его не смущало, что банка перед этим побывала в собачьей пасти. Он был слишком возбужден необычными способностями пса, чтобы волноваться насчет микробов. Кроме того, если уж говорить о гигиене, то тот хватался зубами только за низ банки.

Ретривер смотрел, как пьет Тревис.

Опустошив банку примерно на треть, тот сказал:

— Как будто понимал: я нервничаю, расстроен, и пиво поможет мне расслабиться. Бред это или нет? Речь идет об аналитическом мышлении. О'кей, домашние животные почти всегда чувствуют настроение своих хозяев. Но сколько есть на свете домашних животных, знающих, что такое пиво, и сколько таких, которые понимают: от пива хозяин может подобреть? И потом, откуда тебе стало известно, что в холодильнике есть пиво? Наверное, ты подсмотрел, когда я до этого открывал холодильник, но все же...

Руки у него дрожали. Он опять пригубил из банки, и она застучала о его зубы.

Пес обошел вокруг покрытого красным пластиком стола и подошел к двойным дверцам шкафчика под мойкой. Он открыл одну из них, засунул голову в темноту, вытащил оттуда пакет с собачьими галетами «Милк Боун» и принес его Тревису.

Тревис сказал со смехом:

— Ну, если мне положено пиво, то ты тоже кое-что заслужил, а? — Он взял пакет и вскрыл его. — А ты подбробнее от нескольких галет, мохнатая морда? — Он положил печенье на пол. — Угощайся. Я надеюсь, ты не слопаешь все сразу, как обычная собака. — Он опять засмеялся: — Черт возьми, скоро я разрешу тебе водить мою машину!

Ретривер аккуратно достал галету из пакета, уселся, распластав задние лапы, и со счастливым видом захрустел.

Тревис сел за стол и сказал:

— Ты даешь мне повод верить в чудеса. Знаешь, что я делал в лесу сегодня утром?

Энергично работая челюстями, разгрызая печенье, собака, казалось, на мгновение потеряла всякий интерес к Тревису.

— Я поехал в сентиментальное путешествие в надежде вспомнить то время, когда мальчишкой наслаждался предгорьями Санта-Аны... Когда еще все вокруг не стало таким мрачным. Я хотел убить нескольких змей, как тогда, в детстве, побродить и исследовать местность — в общем, ощутить себя снова молодым. Потому что долгие годы мне было все равно, буду ли я жить или умру.

Пес перестал жевать, заглотнул и стал внимательно слушать Тревиса.

— Последнее время моя депрессия вступила в самую мрачную стадию. Ты понимаешь, что такое депрессия, псина?

Оставив галеты, пес поднялся и подошел к нему. Он посмотрел в глаза Тревису с той жутковатой прямоотой и пристальностью, что и раньше.

Встретившись с ним взглядом, Тревис сказал:

— Тем не менее я не думал о самоубийстве. Во-первых, я получил католическое воспитание, и, хотя годами не бывал в церкви, я вроде как верующий. А самоубийство для католика — смертный грех. Как убийство. Кроме того, я слишком злой и упрямый, чтобы сдаться вот так, как бы плохо мне ни было.

Ретривер моргнул, но продолжал смотреть ему прямо в глаза.

— Там, в лесу, я искал счастье, которое познал когда-то. И наткнулся на тебя.

— Гав, — произнес пес, как бы говоря: «Хорошо».

Тревис взял его морду в ладони, наклонился и сказал:

— Депрессия. Чувство бессмысленности собственного существования. Собакам это неведомо, не так ли? У вас нет никаких забот. Для собаки — каждый день — новая радость. Так неужели ты понимаешь то, о чем я говорю, малыш? Молю Бога, чтобы это было так. Может быть, я наделяю тебя слишком развитым умом и сообразительностью даже для такого чудесного пса, как ты? А? Конечно, ты можешь проделывать всякие удивительные штуки, но ведь это не то же самое, что понимать мои слова.

Ретривер пошел к своему печенью. Он схватил пакет зубами и вытряхнул двадцать или

тридцать галет на линолеум.

— Ну вот здрасте, — сказал Тревис. — То ты ведешь себя как получеловек, то опять становишься собакой со своими собачьими замашками.

Оказалось, однако, ретривер высыпал печенье не для того, чтобы его съесть. Черным кончиком носа он стал выталкивать галеты на середину кухни, аккуратно кладя их одна к другой.

— Что, черт возьми, ты делаешь?

Пес уложил пять галет в линию, которая слегка загибалась вправо. Затем он прибавил еще одну и усилил изгиб.

Наблюдая за действиями собаки, Тревис поспешно допил одну банку пива и открыл вторую. У него было ощущение, что без пива ему не обойтись.

Ретривер осмотрел свое творение, как бы сомневаясь, правильно ли он все сделал. Несколько раз он прошелся по кухне с неуверенным видом и добавил две галеты. Бросив взгляд на Тревиса, а потом на фигуру, которую складывал на полу, он придвинул к ней еще одно печенье.

Тревис отхлебнул пива и стал ждать, что будет дальше.

Тряхнув головой и расстроено вздохнув, пес ушел в дальний конец кухни и, опустив голову, уткнулся мордой в угол. «Интересно, что с ним?» — подумал Тревис, но потом до него дошло: собака собирается с мыслями. Постояв немного в углу, она вернулась и придвинула еще две галеты к своей конструкции.

Тревиса опять охватило чувство: вот-вот должно произойти что-то чрезвычайное. Руки его покрылись гусиной кожей.

На этот раз Тревиса не постигло разочарование. С помощью девятнадцати галет ретривер изобразил грубый, но узнаваемый вопросительный знак на кухонном полу и теперь выразительно смотрел на Тревиса.

Вопросительный знак.

Вопрос: «Почему? Почему ты дошел до такого мрачного состояния? Почему ты считаешь, что жизнь бессмысленна и пуста?»

Тревису стало ясно: собака поняла все, что он ей рассказал о себе. Ну ладно, хорошо — возможно, она не понимает языка, не улавливает отдельных слов, но каким-то образом ей удастся ухватить смысл сказанного, по крайней мере в достаточной степени, чтобы проявить к этому интерес и любопытство.

И если пес уразумел значение вопросительного знака, то, следовательно, у него есть способность к абстрактному мышлению! Боже правый! Само понятие простых обозначений, таких, как буква, цифра, вопросительный и восклицательный знаки, служащих для передачи сложных мыслей, требует способности к абстрактному мышлению. А таковым обладает лишь человек. Тем не менее совершенно очевидно, ретривер проявляет умственные способности, которых лишено любое другое животное.

Тревис был ошеломлен. Вопросительный знак не был случайностью.

Собака изобразила его довольно грубо, но осознанно. Наверное, ее научили понимать его значение. Специалисты по теоретической статистике говорят: бесконечное число обезьян, снабженных пишущими машинками, могут в принципе воссоздать всю английскую прозу — во всяком случае, теоретически. Вероятность того, что за две минуты этот пес мог сложить вопросительный знак чисто случайно, была в десять раз меньше того, что эти чертовы обезьяны напечатают пьесы Шекспира.

Собака выжидательно смотрела на Тревиса.

Поднявшись со стула, он обнаружил, что у него слегка дрожат колени. Тревис подошел к разложенным на полу галетам, раскидал их в стороны и вернулся на место.

Ретривер обвел взглядом разбросанное печенье, понюхал его и всем своим видом изобразил удивление.

Тревис сидел и ждал.

В доме было неестественно тихо, как будто время на земле остановилось для всех

живых существ и неодушевленных предметов, — кроме Тревиса и собаки.

Наконец пес стал двигать носом разбросанные галеты, и через минуту-другую вопросительный знак был готов.

Тревис ошеломленно глотнул пива. Сердце у него колотилось, а ладони вспотели. Его охватили одновременно изумление и трепет, радостное возбуждение и страх неизвестного, восторг и неверие собственным глазам. Тревису хотелось смеяться от того, что никогда раньше не приходилось видеть ничего подобного, и плакать, потому что только несколько часов назад жизнь представлялась ему тоскливой, мрачной и бессмысленной. Но теперь он понял: несмотря на удары судьбы, жизнь драгоценна. Ему начинало казаться, что сам Господь послал ему ретривера, чтобы пробудить в нем интерес к жизни и напомнить: в мире есть чему удивляться и отчаиваться не стоит. Тревис начал было смеяться, но его смех перемешивался с рыданиями. Когда же он разрыдался, его рыдания прозвучали как смех. Тревис пытался встать, но понял, что не удержится на ногах, ему ничего не оставалось, как плюхнуться обратно на стул и сделать большой глоток пива.

Наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, пес наблюдал за ним, как бы соображая, не сошел ли с ума его хозяин. «Сошел, — признался себе Тревис. — Только это было давно. А сейчас мне намного лучше».

Он поставил банку на стол и тыльной стороной ладони вытер набежавшие на глаза слезы.

— Иди сюда, мохнатая морда.

Поколебавшись, ретривер подошел к нему.

Тревис потрепал его густую шерсть и почесал за ухом.

— Ты удивляешь и пугаешь меня. Не могу понять, откуда ты взялся и почему ты такой умный, но появился ты в самый подходящий момент. Вопросительный знак, а? Господи Иисусе. Ладно. Хочешь узнать, почему жизнь потеряла для меня радость и смысл? Я расскажу. Клянусь Богом, буду сидеть вот здесь, пить пиво и рассказывать это собаке. Но сначала... я дам тебе имя.

Пес выдохнул через ноздри, как бы говоря: «Давно пора».

Держа ладонями его голову и глядя ему прямо в глаза, Тревис сказал:

— Эйнштейн. Отныне, мохнатая морда, твоя кличка — Эйнштейн.

4

В 21.1 °Стрек позвонил опять.

Не успел зазвонить телефон, как Нора резко схватила трубку, полная решимости сказать ему, чтобы он оставил ее в покое. Но почему-то она опять сжала трубку и потеряла дар речи.

Отвратительно фамильярным голосом Стрек произнес:

— Скучаешь, лапочка? А? Хочешь я приду к тебе и буду твоим мужчиной?

Нора бросила трубку на рычаг.

«Что со мной случилось? — спросила она себя. — Почему я не могу сказать, чтобы он не приставал ко мне?»

Возможно, ее оцепенение происходит из-за тайного желания слушать, как голос, принадлежащий любому мужчине, даже такому отвратительному, как Стрек, называет ее хорошенькой? Хотя он явно не тот человек, который способен на нежность или настоящее чувство, но, возможно, слушая его, Нора представляет, как это бывает, когда достойный мужчина говорит нежные слова женщине.

«Ну, уж хорошенькой тебя не назовешь, — сказала она сама себе, — и ты никогда ею не станешь, поэтому хватит распускать нюни. Когда он позвонит в следующий раз, пошли его подальше».

Нора встала с постели и пошла через холл в ванную, где висело зеркало. По традиции, заведенной еще при Виолетте Девон, зеркала в доме были только в этих комнатах. Нора не любила смотреться в зеркало: то, что там отражалось, огорчало ее.

В этот вечер, однако, ей захотелось взглянуть на себя. Лесть Стрека, грубая и неискренняя, разбудила в ней любопытство. Не то чтобы Нора надеялась увидеть в зеркале что-то такое, что раньше не замечала. Нет. Превратиться за ночь из гадкого утенка в прекрасного лебедя... это была безнадежная мечта. Скорее она хотела удостовериться в собственной непривлекательности.

Непрощенные ухаживания Стрека взбудоражили Нору, привыкшую к домашней обстановке и одиночеству, и ей необходимо было убедить себя в том, что он просто дразнит ее и дальше слов не пойдет. Так Нора уговаривала себя, входя в ванную и зажигая свет.

Узкое помещение комнаты было сплошь выложено бледно-голубым кафелем с белым бордюром. Огромная ванна на ножках-лапах. Белый фаянс и латунные краны. Большое зеркало слегка помутнело от времени.

Нора посмотрела в зеркало на свои волосы, которые Стрек назвал красивыми, темными и блестящими. Они были ровного оттенка и не имели естественного блеска, разве что засалились немного, хотя она и мыла их сегодня утром. Быстрым взглядом Нора окинула брови, нос, подбородок, губы. Задумчиво проведя по лицу рукой, она не увидела ничего такого, что могло бы заинтересовать мужчину.

Наконец, сделав над собой усилие, Нора посмотрела своему отражению в глаза, которые так расхваливал Стрек. Они имели отвратительный серый оттенок. Нора не могла выдерживать собственный взгляд более нескольких секунд. В глазах она увидела не свойственный ей гнев, вызванный ее поведением, гнев на саму себя. Злиться, конечно, не следовало: Нора была такая от природы, тут уж ничего не поделаешь.

Отведя взгляд от покрытого пятнами зеркала, она ощутила приступ разочарования: изучение собственного отражения не принесло ей никаких приятных неожиданностей. В ту же секунду, однако, Нора ужаснулась этому чувству. Стоя в дверях ванной, она удивлялась той каше, которая была у нее в голове.

Она что, хочет понравиться Стреку? Конечно, нет. Он подлый, опасный извращенец. Возможно, Нора не возражала бы, если бы на нее благосклонно взглянул другой мужчина, но только не Стрек. Она должна упасть на колени и благодарить Бога за то, что он создал ее именно такой. Если бы Нора была хоть чуточку привлекательной, Стрек уже выполнил бы свои угрозы. Он пришел бы сюда и изнасиловал ее... а может быть, и убил. От такого, как Стрек, всего можно ожидать. Кто знает, на что он способен? Мысль об убийстве пришла ей в голову не потому, что Нора была нервной старой девой, нет, просто сейчас ужас что творится — все газеты только и пишут об этом.

Осознав свою незащищенность, она поспешила назад в спальню, где оставила тесак.

5

Большинство людей полагают, что с помощью психоанализа можно стать счастливее. Они уверены в том, что смогут преодолеть все свои проблемы и обрести спокойное состояние духа, если поймут собственную психологию, причины плохого настроения и саморазрушительного поведения. Тревис, однако, знал: это не так. На протяжении многих лет он подвергал себя беспощадному самоанализу и давно уже понял, почему превратился в одиночку, неспособного завести друзей. Но несмотря на это понимание, Тревис так и не смог ничего в себе изменить.

Сейчас, когда близилась полночь, он сидел на кухне, пил очередную банку пива и рассказывал Эйнштейну о своей добровольной изоляции. Собака неподвижно сидела рядом, не шевелясь и не зевая, как будто была поглощена его историей.

— Я одинок с самого детства, хотя, конечно, у меня были приятели. Просто я всегда предпочитал свое собственное общество. Думаю, это у меня от природы. Я имею в виду, что, будучи мальчишкой, я еще не пришел к выводу о том, что дружба со мной представляет опасность для моих сверстников.

Мать Тревиса умерла при родах, и он знал об этом с раннего возраста. Наступит время,

и ее уход покажется предзнаменованием будущих событий, и тогда он поймет всю его важность, но это произойдет позже. Ребенком Тревис не испытывал чувства вины.

Оно пришло к нему в десятилетнем возрасте. Когда погиб его брат Гарри. Он был на два года старше Тревиса. Одним июньским утром, в понедельник, Гарри уговорил Тревиса пойти за три квартала на пляж, хотя отец строго-настрого запретил им купаться без него. Это был небольшой, окруженный скалами участок моря, где не было спасательной станции и где, кроме них, никого не оказалось.

— Гарри попал в подводное течение, — сказал Тревис Эйнштейну. — Мы плавали самое большое футов в десяти друг от друга, и проклятое течение зацепило его и затащило на глубину, а я остался цел. Я даже попытался спасти его — и уж, наверно, должен был попасть на то же самое место, но течение, видимо, изменило направление после того, как утащило Гарри.

Он долго не сводил глаз с поверхности кухонного стола, но вместо красного пластика видел катящиеся зелено-голубые предательские морские волны.

— Я любил своего старшего брата больше всех на свете.

Эйнштейн тихо заскулил, как бы выражая соболезнование.

— Никто не винил меня в гибели Гарри. Из нас двоих он был старший. Он должен был отвечать за меня. Но я... я думал тогда, что, раз течение утащило брата, оно должно было утащить и меня.

Прилетевший с запада ночной ветер постучал в оконное стекло.

Сделав глоток пива, Тревис сказал:

— Однажды летом, когда мне исполнилось четырнадцать, я был одержим страстным желанием попасть в теннисный лагерь. Я тогда очень увлекался спортом. В общем, отец записал меня в один лагерь под Сан-Диего на интенсивный месячный курс. Он повез меня туда в воскресенье, но мы так и не доехали. К северу от Оушенсайда водитель грузовика заснул за рулем, выехал на осевую и снес нас с дороги начисто. Отец умер мгновенно. Перелом шеи, позвоночника, открытые травмы черепа, грудная клетка смята. Я сидел на переднем сиденье рядом с ним, но отделался несколькими порезами, ушибами и двумя сломанными пальцами.

Пес внимательно смотрел на него.

— История повторилась. Мы оба должны были погибнуть, но я остался цел. И мы вообще бы не поехали, если бы я не завелся с этим лагерем. На этот раз я почувствовал, что влип. Возможно, меня нельзя винить в кончине матери, умершей при родах, и, вероятно, я не был виноват в гибели Гарри, но это... В общем, становилось ясно: я приношу несчастье, и другим людям небезопасно иметь дело со мной. Все, кого я любил, по-настоящему любил, обязательно умирали.

Только ребенок мог убедить себя в том, что именно он повинен во всех этих трагических событиях. Но Тревис ведь и был, в сущности, ребенком в свои четырнадцать лет, а кроме того, это было самое подходящее объяснение. Он был слишком юн, чтобы понять: за природой несчастий и злого рока не стоит какого-либо определенного умысла. Поэтому Тревис сказал себе, что он проклят и если будет заводить близких друзей, то тем самым приговорит их к преждевременной смерти. Будучи по характеру «самокопателем», Тревис без особых трудностей погрузился в себя и удовлетворился собственным обществом.

К двадцати четырем годам, когда Тревис закончил колледж, он превратился в законопослушного одиночку, хотя, повзрослев, относился к смерти своих родных по-иному. Он уже не думал о себе как об источнике несчастий и не винил в случившемся. Но так и не завел близких друзей, отчасти из-за неумения создавать и поддерживать дружеские отношения, отчасти из-за того, что без близких друзей он становился неуязвим для переживаний и горя в случае их потери.

— Привычка и самозащита стали основой моей эмоциональной изоляции, — сказал он Эйнштейну.

Пес поднялся и приблизился к нему на те несколько футов, которые разделяли их. Он

протиснулся между колен Тревиса и положил голову ему на бедро.

Поглаживая собаку, Тревис продолжал:

— После окончания колледжа я не знал, чем заняться. Тут подоспел набор в армию, и я пошел, прежде чем получил повестку. Специальные войска. Мне там нравилось. Может быть, оттого, что... ну, в общем, там было чувство братства, и я был *вынужден* обзавестись друзьями. Понимаешь, я делал вид, что не хочу ни с кем сблизиться, но там просто некуда было деться. Потом я решил остаться в армии. Когда формировалась группа «Дельта» по борьбе с терроризмом, я подался туда. Ребята в «Дельте» были крутые, настоящие парни. Они прозвали меня Немой и Гарпо,¹ потому что я был молчун, но друзья у меня появились вопреки мне самому. Во время одиннадцатой по счету операции наш взвод вылетел в Афины для освобождения посольства США от захватившей его группы палестинских экстремистов. Они уже убили восьмерых работников посольства и продолжали расстреливать каждый час по одному заложнику. На переговоры палестинцы не шли. Мы атаковали их быстро, аккуратно... и неудачно. Они заминировали все здание. Девять парней из взвода погибли. Я был единственным, кто уцелел. С пулей в бедре. И с шрапнелью в заднице. Но уцелел.

Эйнштейн поднял голову с бедра Тревиса.

Ему показалось, что пес смотрит на него с сочувствием. Может быть, он увидел то, что ему хотелось увидеть.

— Это было восемь лет назад, когда мне исполнилось двадцать восемь. Потом я демобилизовался. Вернулся домой в Калифорнию. Получил лицензию агента по торговле недвижимостью: не знал, чем заняться, и решил пойти по стопам отца. Мне это здорово удавалось, возможно, потому, что было наплевать, покупают ли дома, которые я показываю, или нет. Я вообще не вел себя как продавец. Но факт оставался фактом — я так преуспел, что стал брокером, открыл свою контору, нанял агентов...

На этом поприще Тревис и встретился с Паулой. Она была высокой красивой блондинкой, умной и веселой. Паула умела так хорошо продавать недвижимость, что говорила в шутку, будто в прошлой жизни, наверное, была среди голландских колонистов, когда те покупали Манхэттен у индейцев в обмен на бусы и побрякушки. Она была без ума от Тревиса. Так ему и говорила:

— Мистер Корнелл, сэр, я без ума от вас. Вы прекрасно справились со своей ролью без слов. Это лучшая имитация Клинта Иствуда,² которую мне когда-либо приходилось видеть.

Тревис не сразу сошелся с Паулой. Нельзя сказать, что он боялся принести несчастье ей — тогда еще его детское суеверие не вернулось к нему с новой силой. Но Тревис не хотел подвергать себя риску испытать боль от очередной потери. Невзирая на все его сомнения, Паула не оставила Тревиса, и по прошествии некоторого времени он признался себе в том, что любит ее.

Так сильно любит, что даже рассказал ей о своей игре со Смертью — о чем никогда и никому не рассказывал.

— Послушай, — сказала Паула, — тебе не придется меня оплакивать. Я еще тебя переживу, потому что не привыкла сдерживать чувства. Свои собственные переживания я переношу на людей, которые меня окружают. Поэтому приготовься к тому, что я буду стоять тебе лет десять жизни.

Они поженились без особой помпы четыре года назад, летом, сразу после того, как Тревис отметил свое тридцатидвухлетие. Он любил ее. Боже, как он любил ее!

Обращаясь к Эйнштейну, Тревис сказал:

— В день, когда мы поженились, Паула уже была больна раком. Но мы не знали об этом. Через десять месяцев она умерла.

Пес опять положил морду ему на бедро.

Какое-то время Тревис не мог заставить себя продолжать. Он выпил еще пива и погладил собаку по голове.

¹ *Гарпо* — Бог тишины и молчания в древнегреческой мифологии. — *Прим. пер.*

² *Клинт Иствуд* — актер кино, снявший во многих вестернах. — *Прим. пер.*

Потом сказал:

— После этого я попытался жить, как жил. Я всегда гордился тем, что ничто меня не может сломить, встречал трудности грудью — в общем, верил во все это дерьмо. Еще год управлял своей конторой по продаже недвижимости. Но бизнес потерял для меня всякий смысл. Два года назад я все продал и вырученные деньги положил в банк. Снял вот этот дом. Провел эти два года... в размышлениях. Стал пугливым. Ничего удивительного, а? Чертовски пугливым. Вернулся на круги своя, к тому, во что поверил еще мальчишкой. Будто это я опасен для всех, кто приближается ко мне. Но ты заставил меня измениться, Эйнштейн. Вывернул наизнанку. Клянусь, это так. Ты был *послан* для того, чтобы показать мне: жизнь полна таинственных, странных и чудесных вещей, и только дураки по своей воле отстраняются от этой жизни и смотрят, как она проходит мимо.

Пес устремил на него полный внимания взгляд.

Тревис взял банку, но она была пуста.

Эйнштейн сбегал к холодильнику и принес еще одну.

Беря жестянку из пасти собаки, Тревис спросил:

— Теперь, когда ты слышал всю эту историю, что ты думаешь? Можно со мной иметь дело? Ты не боишься?

Пес тявкнул.

— Это что, означает «нет»?

Эйнштейн улегся на спину, задрав лапы вверх, и подставил ему брюхо, как и в прошлый раз, когда согласился надеть ошейник.

Отставив жестянку с пивом в сторону, Тревис встал из-за стола, опустился рядом с псом и погладил ему брюхо.

— Ладно, — проговорил он, — ладно. Только не умирай. Не вздумай умирать, пока ты со мной.

6

Телефон в доме Норы Девон зазвонил вновь в одиннадцать часов. Это был Стрек.

— Ты в постели, лапочка?

Она не ответила.

— Хотела бы, чтобы я был рядом?

Со времени предыдущего звонка Нора все размышляла о том, как с ним разговаривать, и придумала несколько угроз, которые, по ее разумению, могли подействовать на него.

Она сказала:

— Если вы не оставите меня в покое, я обращусь в полицию.

— Нора, а ты спишь голая?

Сидя в кровати, Нора выпрямилась и окаменела.

— Я обращусь в полицию и скажу, что вы пытались... приставать ко мне. Клянусь, я так и сделаю.

— Хотелось бы увидеть тебя голенькой, — сказал Стрек, не реагируя на ее угрозу.

— Я солгу. Скажу, что подверглась из... изнасилованию.

— Хочешь ощутить мои ладони у себя на груди, Нора?

Тупые рези в животе заставили ее скорчиться.

— Я попрошу телефонную компанию прослушать мой телефон, записать все разговоры и, таким образом, у меня будут доказательства.

— Было бы здорово целовать тебя всю, Нора.

Боли в животе усилились. Нору начинало трясти. Срывающимся голосом она выложила последнюю угрозу:

— У меня есть револьвер. У меня есть револьвер.

— Сегодня ты увидишь меня во сне, Нора, уверяю тебя. Тебе приснится, как я целую тебя повсюду, все твое красивое тело...

Она с силой опустила трубку на рычаг.

Улегшись на бок, Нора сжала плечи, подтянула колени и обхватила себя руками. Рези в животе были чисто эмоциональной реакцией, вызванной страхом, яростью и невероятной безысходностью.

Постепенно боли утихли. Страх исчез, и осталась только злость.

Нора была настолько отстранена от внешнего мира и присущих ему отношений, так не приспособлена к общению с другими людьми, что просто не могла существовать вне своего дома, который, как крепость, защищал ее. В социальном смысле она была неграмотной. Нора не умела поддерживать вежливую беседу даже с Гаррисоном Дилвортом, адвокатом тети Виолетты и теперь ее, Нориным, адвокатом, когда им несколько раз пришлось вместе обсуждать дела о наследстве. Она отвечала на его вопросы односложно и сидела, опустив глаза вниз, не находя места своим холодным рукам, ужасно стесняясь. Боялась собственного адвоката! Если Нора робела в присутствии Гаррисона Дилворта, как она могла противостоять Арту Стреку? В будущем Нора уже никогда больше не отважится вызвать техника, что бы ни сломалось в доме — пусть все лучше развалится и рухнет, ведь следующий мастер может оказаться очередным Стреком или того хуже. По традиции, установленной еще теткой, Нора заключила договор с ближайшим супермаркетом на доставку продуктов, поэтому ей не надо было ходить в магазин, но теперь она будет опасаться впускать в дом даже посыльного; за все это время он ни разу не вел себя агрессивно, двусмысленно или оскорбительно по отношению к ней, но в один прекрасный день он может почувствовать ее уязвимость, как это произошло со Стреком.

Нора ненавидела Виолетту Девон.

С другой стороны, тетка права: Нора — мышь. И, как всем мышам, судьбой ей предназначено бежать, прятаться и отсиживаться в темноте.

Ее ярость утихла, как до этого утихли боли в животе.

На смену гневу пришло одиночество, и Нора беззвучно зарыдала.

Позже, облокотившись головой о спинку кровати, промокая покрасневшие от слез глаза салфетками «Клинекс» и сморкаясь, она храбро решила покончить со своим отшельничеством. Нора найдет в себе силы и мужество вступить в более тесный контакт с внешним миром. Будет встречаться с другими людьми. Перезнакомится с соседями, от которых в большей или меньшей степени отгородилась Виолетта. Заведет друзей. Видит Бог, так и сделает. И Нора не позволит Стреку запугивать ее. Кроме того, она научится решать и новые проблемы, которые могут возникнуть перед ней, и со временем превратится в совершенно другую женщину. Она обещает, что так и будет. Клянется всеми святыми.

Нора подумала, не отключить ли телефон и таким образом обезоружить Стрека, но остаться без телефона было страшно. Что, если она проснется, услышит, как кто-то забрался в дом, и не успеет включить телефон в розетку?

Прежде чем погасить свет и укрыться одеялом, Нора затворила дверь спальни и забаррикадировала ее с помощью кресла, подпиравшего дверную ручку. Уже лежа в постели, она убедилась, что в случае необходимости может быстро схватить тесак с ночного столика.

Нора лежала на спине с открытыми глазами. Бледно-янтарный свет уличных фонарей проникал сквозь ставни в комнату. На потолке образовался узор из перемежающихся темных и золотистых полос, как будто над ее кроватью в вечном прыжке распростерся огромный тигр. Теперь, наверное, ей всегда будет нелегко засыпать.

Интересно, найдется ли когда-нибудь человек в том большом мире, куда она поклялась войти, способный заботиться о ней, полюбить ее? Разве нет на свете никого, кто смог бы полюбить мышку и нежно с ней обращаться?

Где-то далеко за окном прозвучал гудок поезда на пустой, холодной и скорбной ноте.

Когда он позвонил по известному номеру в Лос-Анджелес, чтобы доложить об успешном выполнении задания в доме Ярбеков, ему приказали перейти в другую телефонную будку. Она находилась на Бальбоа-Айленд в бухте Ньюпорт, между магазинчиком, торговавшим замороженным йогуртом, и рыбным рестораном.

Туда ему позвонила женщина с гортанным сексуальным и в то же время каким-то детским голосом. Она расспрашивала об убийстве обтекаемо, не называя вещи своими именами, а прибегая к эвфемизмам, которые в юридическом смысле нельзя использовать как доказательства. Женщина звонила из другого телефона, выбранного наугад, поэтому шансы на то, что разговор может быть прослушан, практически сводились к нулю. Но все-таки это был мир спецслужб и сыска, поэтому рисковать было нельзя.

У женщины было для него задание.

Глядя на автомобили, медленно ползущие мимо по узкой улице, Винс внимал женщине, которую никогда не видел и имени которой не знал. Она продиктовала ему адрес доктора Альберта Хадстона в Лагуна-Бич. Хадстон проживает там вместе с женой и шестнадцатилетним сыном. Ликвидации подлежат оба супруга, а судьбу подростка предстоит решить Винсу. Если удастся сделать так, чтобы тот остался в стороне, отлично. Но, если он заметит Винса или станет свидетелем происшедшего, его необходимо убрать.

— На ваше усмотрение, — сказала женщина.

Винс к этому моменту уже знал, что расправится с парнем, поскольку он извлекал тем больше пользы и энергии из преступления, чем моложе была жертва. Он уже давно не убивал по-настоящему молодого, и сейчас такая перспектива возбуждала его.

— Хочу только подчеркнуть, — сказал голос в трубке, немного сбивая Винса с толку паузами между словами, — этот вариант необходимо осуществить достаточно быстро. Мы хотим, чтобы сегодня вечером все было сделано. Уже завтра конкурирующая фирма узнает о наших целях и попытается помешать нам.

Винс понял, что под «конкурирующей фирмой» подразумевается полиция. Ему платили за ликвидацию трех докторов — никогда раньше он не убивал людей этой профессии, — и Винс догадывался, что между этими преступлениями существует связь, о которой, в свою очередь, догадается полиция, когда обнаружит труп Вэтерби в багажнике автомобиля и изуродованное тело Элизабет Ярбек в спальне. Винс не знал, что это за связь, потому что никогда ничего не знал о своих жертвах, да и никогда не интересовался. Так было безопаснее. Но полиция протянет ниточку от Вэтерби к Ярбек и от этих двоих к Хадстону, так что если Винс не прихлопнет Хадстона сегодня, то уже завтра полиция предоставит ему охрану.

Винс сказал:

— Можно спросить... Вы хотите, чтобы этот вариант был выполнен так же, как и предыдущие два? Вам нужен почерк?

Он подумывал о том, не сжечь ли дом Хадстонов вместе с трупами, чтобы спрятать следы.

— Почерк должен быть обязательно, — сказала женщина. — Один и тот же во всех вариантах. Нам необходимо, чтоб те, кто надо, знали: мы не сидим без дела.

— Понятно.

— Мы должны дернуть их за нос, — сказала она и негромко рассмеялась. — Посыпать соль на рану.

Винс повесил трубку и отправился обедать в «Веселый Роджер». Винс заказал овощной суп, гамбургер, поджаренный картофель, лук, запеченный колечками в тесте, шинкованную капусту, кусок шоколадного торта с мороженым и после некоторого раздумья порцию яблочного пирога. Все это он запил пятью чашками кофе. Винс всегда обильно ел, но после удачно выполненного задания аппетит его усиливался многократно. Честно говоря, даже покончив с яблочным пирогом, он не почувствовал сытости. Понятное дело. Всего за один день Винс вобрал в себя жизненную энергию Дэвиса Вэтерби и четы Ярбек, и теперь ему требовалось топливо, как форсированному спортивному двигателю. Его метаболизм стоял на высшей передаче; ему понадобится еще топливо, пока организм не зарядит энергией

биологические аккумуляторы для последующего использования.

Способность поглощать жизненные силы людей, которых Винс убивал, и являлась Даром, отличавшим его от всех остальных людей. Благодаря этому Дару Винс всегда будет полон сил, бодрости и обладать хорошей реакцией. Он будет жить бесконечно.

Винс никогда не открывал тайну своего необыкновенного Дара ни женщине с гортанным голосом, ни другим своим работодателям. На свете слишком мало людей, имеющих достаточно воображения для того, чтобы всерьез отнестись к такой поразительной способности. Винс держал свой секрет при себе: он боялся, что его сочтут ненормальным.

Выйдя из ресторана, Винс немного постоял на тротуаре, с наслаждением вдыхая свежий морской воздух. Со стороны бухты дул прохладный ночной ветер, взметая обрывки бумажек и пурпурные лепестки джакаранд по мостовой.

Винс чувствовал необыкновенный прилив сил. Он ощущал себя такой же составной частью природы, как море и ветер.

Из Бальбоа-Айленд он поехал в Лагуна-Бич. В 23.20 он припарковал свой микроавтобус через улицу напротив дома Хадстонов. Одноэтажное строение стояло высоко на одном из холмов, откуда открывался прекрасный вид на океан. Два окна в доме светились.

Винс пролез между передними сиденьями назад в глубину машины и стал ждать, когда Хадстоны улягутся спать. Покинув дом Ярбеков, он сменил синий костюм на серые слаксы, белую рубашку и темно-бордовый свитер, поверх которого он надел темно-синюю нейлоновую ветровку. Сидя в темной машине, Винс коротал время, доставая орудия своего ремесла из картонной коробки, где они были спрятаны под двумя батонами хлеба, упаковкой туалетной бумаги из четырех рулонов и другими предметами, создававшими впечатление, будто он только что вышел из магазина.

Его «вальтер-38» был полностью заряжен. Закончив дело в доме Ярбеков, он навинтил на ствол новый глушитель — в два раза короче прежнего. Винс отложил пистолет в сторону. У него был нож с шестидюймовым выкидным лезвием. Его он засунул в боковой карман брюк.

Свернув проволочную удавку в кольцо, Винс засунул ее в левый наружный карман куртки. В правый положил мешочек со свинцовой дробью.

Вообще-то он собирался воспользоваться только пистолетом. Однако Винс любил быть готовым ко всяким неожиданностям.

На некоторых заданиях он использовал пистолет «узи», который подпольно переделал для стрельбы очередями. Но сегодняшнее поручение не требовало тяжелого вооружения.

У него был еще небольшой кожаный мешочек, размером в половину бритвенного набора, где он хранил отмычки. Винс не стал их осматривать. Возможно, они ему вообще не понадобятся, поскольку большинство людей удивительно беззаботно относятся к безопасности своих жилищ, оставляя на ночь незапертыми окна и двери, как будто живут в квакерской деревне девятнадцатого века.

В 23.40 Винс просунул голову между спинками передних сидений и сквозь боковое стекло посмотрел на дом Хадстонов. Все огни были погашены. Они легли спать.

Чтобы дать им время уснуть, Винс опять уселся на прежнее место и, грызя шоколадку, стал прикидывать, как распорядиться сегодняшним немалым заработком.

Ему давно хотелось купить реактивные водные лыжи, на которых можно кататься без помощи катера. Он любил океан. В нем было что-то притягательное; Винс умел обращаться с волнами и чувствовал душевный подъем, когда превращался в одно целое с огромными, поднимающимися почти вертикально массами воды. Ему нравились подводное плавание, парусный спорт и серфинг. Еще подростком он проводил на берегу гораздо больше времени, чем в школе. Да и взрослым Винс часто плавал на доске при хорошей волне. Ему, правда, стукнуло уже двадцать восемь, и серфинг был для него пройденным этапом. Теперь он любил *скорость*. Винс мысленно представил себя, несущегося по темной, будто сланц, поверхности моря на реактивных лыжах, рассекая ветер и подпрыгивая на бесчисленных бурунах, умирняя Тихий океан, как ковбой в родео умиряет дикого мустанга...

В 00.15 он вышел из машины, засунул пистолет за пояс и перешел через тихую, пустынную улицу, отделявшую его от дома Хадстонов. Через незапертую деревянную калитку Винс проник на открытую боковую веранду, освещенную лунным светом, пробивающимся через густую листву огромного кораллового дерева.

Он остановился на минутку, чтобы надеть тонкие кожаные перчатки.

Раздвижная стеклянная дверь вела с веранды в гостиную. Она была заперта. При свете карманного фонарика Винс увидел: на нижнем полозе двери лежит деревянный упор, для того чтобы створку нельзя было отодвинуть.

Хадстоны оказались более осторожными людьми, чем можно было предполагать, но Винсу было все равно. Он приставил небольшую резиновую присоску к стеклу, алмазным резцом обвел ее по окружности и бесшумно вынул вырезанный стеклянный кружок около дверной ручки. Просунув руку в отверстие, открыл замок. Затем вырезал еще один кружок у порога и через него вытолкнул деревянный упор в комнату.

Насчет собак Винс не беспокоился. Женщина с сексуальным голосом сказала ему, что Хадстоны не держат домашних животных. Это был один из тех моментов, которые нравились Винсу в его работодателях: их информация была подробной и аккуратной.

Отодвинув дверь, он проскользнул через задернутые шторы в темную гостиную. Давая своим глазам привыкнуть к темноте, Винс постоял несколько мгновений, прислушиваясь. В доме было тихо, как в могиле.

Сначала он нашел комнату сына. Ее освещал зеленый отсвет от электронных часов, вмонтированных в радиоприемник. Подросток спал на боку, слегка похрапывая. Шестнадцать лет. Молоденький. Винс любил, когда ему попадались молоденькие.

Он обошел кровать и присел так, что оказался лицом к лицу со спящим. Зубами Винс стащил левую перчатку и, держа пистолет в правой руке, приставил дуло ему под подбородок.

Парень мгновенно проснулся.

Винс сильно ударил его левой рукой по лбу и одновременно нажал на курок. Пуля прошла мягкие ткани под подбородком и застряла в мозге. Смерть наступила мгновенно.

«Ссссснап».

Сгусток энергии вырвался из умирающего тела и был моментально поглощен Винсом. Это была такая чистая и живая энергия, что он даже застонал от удовольствия, чувствуя, как она наполняет его.

На мгновение Винс задержался у кровати, не смея сдвинуться с места, опьянев и задыхаясь. Наконец он поцеловал мертвого подростка в губы и сказал:

— Принимаю. Спасибо. Принимаю.

Как кошка, быстро и бесшумно, он прокрался через дом и нашел супружескую спальню. Зеленое сияние от электронных часов и свет ночника, проникавший через открытую дверь ванной, достаточно хорошо освещали комнату. Супруги Хадстон спали. Винс убил первой жену.

«Ссссснап».

Муж так и не проснулся. Женщина спала голышом. Получив от нее жертву, он прислонил ухо к обнаженной груди, чтобы услышать, как перестало биться сердце. Затем поцеловал соски и прошептал:

— Спасибо.

Обойдя вокруг кровати, Винс включил лампу на ночном столике и разбудил доктора Хадстона. Сначала тот не мог понять, в чем дело. Пока не увидел мертвые глаза жены. Тогда Хадстон закричал и вцепился Винсу в плечо, и пришлось дважды ударить его рукояткой пистолета.

Винс оттащил обнаженное тело Хадстона в ванную комнату. Как и раньше, он нашел пластырь и связал потерявшего сознание доктора по рукам и ногам.

Наполнив ванну холодной водой, он перевалил в нее Хадстона. Доктор очнулся.

Несмотря на наготу и путы, Хадстон попытался вскочить и навалиться на Винса.

Тот ударил его пистолетом в лицо и толкнул обратно в воду.

— Кто ты такой? Чего тебе надо? — произнес Хадстон, отплевываясь.

— Я убил твою жену и сына и собираюсь убить тебя.

Глаза Хадстона, казалось, еще глубже ушли в его худое, бледное лицо.

— Джимми? Только не Джимми, нет...

— Твой сын мертв, — сказал Винс. — Я ему вышиб мозги.

Это известие совершенно подкосило Хадстона. Он не зарыдал, не стал вслух оплакивать сына — ничего такого драматического. Но его глаза помертвели в одно мгновение. Как будто повернули выключатель. Хадстон продолжал смотреть на Винса, но в его взгляде уже больше не было ни страха, ни гнева.

Винс сказал:

— У тебя есть выбор: умереть легко или помучиться. Если расскажешь мне о том, о чем я хочу знать, умрешь быстро и небольно. Если заупрямишься, я могу растянуть это удовольствие на пять-шесть часов.

Доктор Хадстон молча глядел на него. За исключением следов свежей крови, его лицо было очень бледным, белым, как кожа какого-то глубоководного существа.

«Надеюсь, он не припадочный», — подумал Винс.

— Я хочу знать, какая связь существует между тобой, Дэвисом Вэтерби и Элизабет Ярбек.

Хадстон заморгал, стараясь сосредоточиться на вопросе.

— Дэвисом и Лиз? Что вы имеете в виду?

— Знаешь их?

Хадстон кивнул.

— Откуда ты их знаешь? Вместе учились в школе? Или жили рядом?

Покачивая головой, Хадстон сказал:

— Мы... мы вместе работали в Банодайне.

— Что такое Банодайн?

— Исследовательский комплекс. Лаборатория.

— Где это?

— Здесь, в графстве Ориндж, — уточнил Хадстон. Он назвал адрес в Ирвин-сити.

— Чем вы там занимаетесь?

— Исследованиями. Но я ушел оттуда месяцев десять назад. А Вэтерби и Ярбек еще работают там.

— Что это за исследования?

Хадстон заколебался.

Винс повторил:

— Быстро и без боли или долго и мучительно?

Доктор рассказал ему об исследованиях, которыми он занимался в Банодайне. Проект «Франциск». Эксперименты. С собаками.

То, о чем он поведал, было невероятно. Винс заставил Хадстона повторить некоторые подробности три или четыре раза, прежде чем убедился: это правда.

Вытянув из Хадстона все, что тот знал, Винс выстрелил ему в лицо — быстрая смерть, как и обещал.

«Ссссснап».

Сидя за рулем микроавтобуса и двигаясь по ночным холмам Лагуна-Хилла, прочь от дома Хадстонов, Винс думал об опасном шаге, который он только что предпринял. Обычно Винс ничего не знал о жертвах. Так было безопаснее и для него самого, и для его работодателей. Он *не хотел* знать, чем провинились эти несчастные люди, что им приходится так дорого платить. Возможно, за такое знание пришлось бы расплачиваться и самому Винсу. Но сейчас ситуация была не совсем обычная. Ему поручили убить трех докторов — но не врачей, а ученых, как теперь выяснилось, — все трое уважаемые граждане, а также членов их семей, попадавших на пути. Что-то здесь не так. В завтрашних газетах

не хватит места для сообщений о случившемся. Происходит что-то очень большое и важное, настолько важное, что если Винс это вычислит, то это принесет ему невиданную удачу и небывалые деньги. Деньги можно получить за запретную информацию, которую он выудил из Хадстона... если, конечно, он правильно вычислит потенциального покупателя. Сведения такого рода — опасный товар. Знание вообще опасно — вспомнить хотя бы Адама и Еву. Если его теперешние работодатели — леди с сексуальным голосом и другие в Лос-Анджелесе узнают, что он нарушил основную заповедь своей профессии: допрашивал одну из жертв, то они наймут другого человека, который начнет охоту за Винсом.

Правда, мысль о смерти не очень беспокоила его. Он накопил в себе достаточно жизненной энергии других людей. Винс был раз в десять более живуч, чем кошка. Он собирался жить вечно. Был почти уверен в этом. Но... не знал точно, *сколько* жизней ему нужно взять у других людей, чтобы обеспечить себе бессмертие. Иногда ему казалось, что он уже близок к цели. Но были моменты, когда Винс ощущал свою уязвимость и, следовательно, необходимость накопить больше жизненной энергии, прежде чем на него снизойдет желанное состояние собственной бесконечности. Пока он не убедится в том, что наконец взойшел на свой Олимп, ему нужно проявлять определенную осторожность.

Банодайн.

Проект «Франциск».

Если все, о чем рассказал ему Хадстон, было правдой, то риск, которому подвергался Винс, окупится сторицей, когда найдется нужный покупатель для этой информации. Винс скоро станет богатым человеком.

8

Вэс Далберг уже десять лет жил один в каменной хижине в верхней части каньона Святого Джима на восточной границе графства Ориндж. Единственным источником освещения в его доме были переносные лампы «Коулман», а воду он получал с помощью ручной помпы, установленной над кухонной раковиной. Туалетом служило деревянное сооружение во дворе, стоящее футах в ста позади хижины, на двери которого была вырезана щербатая луна.

Вэсу исполнилось сорок два года, но выглядел он старше своих лет. У него было обветренное и продубленное солнцем лицо. Вэс носил аккуратно подстриженную бородку и большие седые бакенбарды. Несмотря на старообразную внешность, он был крепким, как двадцатилетний мужчина. Вэс верил в то, что его хорошее здоровье — следствие жизни на природе.

Вечером во вторник 18 мая он сидел за кухонным столом при серебристом свете шипящей лампы «Коулман», потягивая самодельную сливянку, и читал роман Джона Д. Макдональда. Сам себя Вэс называл «антисоциальным элементом, родившимся не в том веке» и не видел пользы в современном обществе. Но любил читать о таком персонаже, как Мак Ги, поскольку тот обретался в этом самом вонючем и ужасном мире и плыл поперек его гибельного течения.

Когда к часу ночи Вэс дочитал книгу, он вышел наружу, чтобы принести дров для очага. Качающиеся на ветру ветки сикомор отбрасывали причудливые тени, а гладкие поверхности шуршащих листьев тускло поблескивали в лунном свете. Вдалеке слышался вой койотов, которые, наверное, охотились на зайца или другого зверька. В ближних кустах звенел хор насекомых, а в верхушках деревьев пел холодный ветер.

Вэс хранил дрова в сарае, пристроенном к северной стене хижины. Он вытащил колышек, которым запирались двойные двери сарая. Вэс настолько хорошо знал, где лежат поленья, что прекрасно ориентировался в темноте, наполняя ими прочный железный лоток. Держа его двумя руками, Вэс вышел наружу, поставил лоток на землю и повернулся, чтобы запереть двери.

Тут до него дошло, что и койоты, и насекомые вдруг внезапно умолкли. Был слышен

только шум ветра.

Нахмурившись, он повернулся лицом к лесу, темной стеной окружавшему вырубку, где стояла его хижина.

До него донеслось рычание.

Вэс скосил глаза на лес, который, казалось, стал еще темнее, чем минуту назад.

Рычание было низким и злобным. За те десять лет, которые он провел здесь в одиночестве, ему никогда не приходилось слышать ничего похожего.

То, что ощутил Вэс, можно было назвать любопытством, озабоченностью, но никак не страхом. Он стоял не шевелясь и прислушивался. Прошла минута, но все было тихо.

Вэс закрыл двери сарая, засунул колышек на место и подхватил лоток с дровами.

В этот момент опять раздалось рычание. Потом снова все затихло. Затем послышался треск сухих веток и шорох опавшей листвы под чьими-то шагами.

Судя по звуку, кто-то двигался там, в лесу, ярдах в тридцати от Вэса. К западу от туалета.

Рычание возобновилось, на этот раз громче. И ближе. Теперь уже ярдах в двадцати.

Он не мог рассмотреть источник этих звуков. Луна спряталась за узкую гряду облаков.

Прислушиваясь к этому утробному, с подвыванием, ворчанию, Вэс почувствовал, что ему становится не по себе. Впервые за десять лет обитатель каньона Святого Джима осознал, что подвергается опасности. С лотком поленьев в руках он заспешил к кухонной двери с задней стороны хижины.

Шуршание и треск в кустах усилились. Существо там, в лесу, двигалось быстрее, чем раньше. Да оно просто бежало на него.

Вэс тоже побежал.

Рычание перешло в мощный злобный рык: причудливое сочетание звуков, которые одновременно могли издавать собака, кабан, кугуар, человек и еще что-то неведомое, но страшное. Преследователь уже нагонял Вэса.

Забежав за угол хижины, он раскачал лоток и запустил им туда, где, по его предположению, находилось животное. Ему было слышно, как поленья застучали о землю, как сверху на них упал металлический лоток, но рык становился все громче и ближе, и Вэс понял, что промахнулся.

Перепрыгнув через три ступеньки заднего крыльца, Вэс распахнул кухонную дверь, заскочил внутрь и захлопнул дверь. Затем он поспешно задвинул щеколду — мера предосторожности, к которой он не прибегал уже девять лет, с тех пор как убедился, что жизнь в каньоне абсолютно безопасна.

Подбежав к передней двери, Вэс тоже запер ее на щеколду. Удивительно, что он так сильно испугался. Даже если там, снаружи, находился какой-то хищник — например, спустившийся с гор бешеный медведь, — он не сможет открыть дверь и войти в хижину. Не было нужды запирать двери изнутри, но, задвинув щеколды, Вэс почувствовал облегчение. Он действовал так, как подсказывал ему инстинкт. Проведя столько времени в общении с живой природой, Вэс знал: инстинктам надо доверять, даже если их следствием является иррациональное поведение.

О'кей, теперь он в безопасности. Ни одно животное не сможет открыть дверь. Даже такое мощное, как медведь, а похоже, что это именно он.

По правде, медведь не издает таких звуков. Это и напугало Вэса Далберга: рычание, которое он слышал там, снаружи, не могло принадлежать ни одному животному из здешних лесов. Он ведь знал все о зверях, живущих с ним по соседству, и мог отличать их завывания, крики и другие издаваемые ими звуки.

Хижина сейчас освещалась только огнем, пылавшим в камине, а в углах лежали глубокие тени. Отсветы пламени бросали причудливые блики на стены. Впервые за все эти годы Вэс пожалел, что в доме нет электричества.

У него было ружье 12-го калибра марки «ремингтон», с его помощью он пополнял запасы продовольствия, охотясь на мелкую дичь. Оно хранилось на полке в кухне. Он

подумал, что не мешало бы достать и зарядить его, но, почувствовав себя в безопасности за закрытыми дверями, вдруг устыдился собственной паники. Как какой-нибудь салага, прости Господи. Как житель пригорода, визжащий при виде полевой мыши. Если бы Вэс закричал и захлопал в ладоши, то наверняка отпугнул бы то животное в кустах. Даже с поправкой на инстинкт реакция на случившееся не соответствовала его собственному представлению о себе как об эдаком прошедшем огонь и воду скваттере. Если Вэс возьмется за ружье сейчас, он потеряет большую часть самоуважения, представлявшего для него огромную важность, поскольку единственное мнение, которым Вэс Далберг дорожил, было его собственное. Ружье отменяется.

Вэс рискнул подойти к большому окну в комнате. Лет двадцать назад бывший хозяин заменил узкое окошко с частым переплетом на большое со сплошным стеклом, чтобы, очевидно, наслаждаться видом, открывавшимся из него.

Несколько посеребренных лунным светом облаков, казалось, флуоресцировали на фоне черного, как бархат, ночного неба. Рассеянный лунный свет падал на двор перед домом, скользил по радиаторной решетке, капоту и ветровому стеклу принадлежащего Вэсу джипа «Чероки» и призрачно освещал силуэты подступавших к вырубке деревьев. Там, за окном, ничего не двигалось, если не считать колыхания веток на несильном ветру.

Минуты две Вэс изучал пейзаж. Не увидев и не услышав ничего необычного, он решил, что неизвестный зверь ушел. С чувством значительного облегчения и стыда за свое поведение Вэс отвернулся было от окна, но тут обратил внимание на какое-то движение около джипа. Он скосил глаза, ничего не увидел и на всякий случай простоял у окна еще пару минут. В тот момент, когда Вэс решил, что это ему почудилось, он опять заметил, как что-то движется позади автомобиля и приближается к стеклу.

Что-то мчалось через двор к дому, прижимаясь к земле. Вместо того чтобы осветить как следует животное, лунный свет делал его еще более таинственным и бесформенным. Существо несло прямо на хижину. Внезапно — Господи Иисусе! — оно поднялось в воздух, и Вэс увидел что-то странное, летящее прямо на него из темноты, и вскрикнул от ужаса. Мгновением позже мерзкая тварь с оглушительным треском влетела через окно, и Вэс закричал, но тут же захлебнулся собственным криком.

9

Поскольку Тревис пил редко, три банки пива были для него хорошим средством от бессонницы. Он заснул через несколько секунд, едва его голова коснулась подушки. Ему приснилось, что он дрессировщик в цирке, а все животные, выступающие с ним на манеже, умеют разговаривать и после каждого представления рассказывают ему какой-то свой удивительный секрет, о котором он успевает забыть, подойдя к следующей клетке.

В четыре часа утра Тревис проснулся и увидел, что Эйнштейн стоит у окна, поставив передние лапы на подоконник, и внимательно смотрит в темноту.

— Что случилось, малыш? — спросил Тревис.

Собака взглянула на него, а затем вновь устремила взгляд в ночь за окном.

— Там кто-то есть? — Тревис встал с постели и натянул джинсы.

Пес опустил лапы и выбежал из спальни.

Последовав за ним, Тревис обнаружил, что он смотрит уже в окно гостиной. Опустившись на корточки рядом с ретривером и положив руку на его широкую мохнатую спину, Тревис спросил:

— В чем дело, а?

Эйнштейн прижал нос к стеклу и нервно заскулил.

Посмотрев в окно, Тревис не заметил ничего угрожающего ни на лужайке перед домом, ни на улице. Вдруг его осенило, и он спросил:

— Ты разволновался из-за того существа, которое вчера гналось за тобой в лесу?

Пес посмотрел на него серьезными глазами.

— Что это было там, в лесу? — спросил Тревис.

Собака заскулила и передернулась.

Вспомнив сильный страх, охвативший ретривера и его самого в предгорьях Санта-Аны, пережитое им жуткое ощущение того, что их преследует что-то сверхъестественное, Тревис почувствовал: его тоже начинает бить дрожь. Он стал всматриваться в ночь за окном. Через острые листья пальм просвечивал бледно-желтый свет от ближайшего уличного фонаря. Порывистый ветер закручивал небольшие вихри из дорожной пыли, опавших листьев и мелкого мусора, тащил их по мостовой, опускал на землю и через несколько секунд поднимал вновь. Ночная бабочка мягко билась в стекло прямо напротив лица Тревиса, очевидно, принимая отражение луны или уличного фонаря за живой огонь.

— Ты полагаешь, что это существо все еще идет за тобой? — спросил Тревис.

Эйнштейн негромко тявкнул.

— Знаешь, я так не думаю, — сказал Тревис. — Ты, наверное, не понимаешь, как далеко мы уехали от того места. Мы-то были на колесах, а ему пришлось бы передвигаться своим ходом — не уверен, что это возможно. Я не знаю, что это было, но оно осталось далеко позади, Эйнштейн, там, в графстве Ориндж, и уж, конечно, не знает, куда мы подевались. Пусть тебя это больше не волнует. Понимаешь?

Пес ткнулся носом в руки Тревиса и лизнул их, как бы выражая благодарность за поддержку. Через секунду, однако, он опять взглянул в окно и тихо заскулил.

Тревису пришлось уговаривать его вернуться в спальню. Там ретривер захотел лечь на кровать рядом со своим хозяином, и, желая успокоить животное, Тревис не стал протестовать.

Под козырьком крыши бормотал и стонал ветер.

Время от времени дом потрескивал, оседая.

Тихо урча мотором и шелестя шинами, мимо дома проехал автомобиль.

Уставший от эмоциональных и физических потрясений дня, Тревис вскоре уснул.

Незадолго до рассвета он на мгновение проснулся и увидел, что Эйнштейн стоит на страже на том же месте у окна. Полусонным голосом Тревис позвал пса и похлопал ладонью рядом с собой, но тот не оставил своего поста, а Тревис опять погрузился в сон.

Глава четвертая

1

На следующий день после встречи с Артом Стреком Нора Девон отправилась на прогулку, намереваясь осмотреть районы города, где ей еще не приходилось бывать. Когда была жива Виолетта, она совершала прогулки раз в неделю. С тех пор как старуха умерла, Нора делала вылазки из дома, но уже не так часто, и уж никогда не удалялась от него дальше чем на шесть-восемь кварталов. Сегодня она собиралась уйти гораздо дальше. Это станет первым маленьким шагом на длинном пути к свободе и самоуважению.

Еще находясь дома, Нора подумала, что зайдет по дороге в какой-нибудь ресторан и съест легкий ленч. Она, правда, никогда не была в ресторане. Ей там придется разговаривать с официантом и сидеть за столом в компании незнакомых людей: такая перспектива напугала ее. Поэтому Нора взяла небольшой бумажный пакет и положила туда яблоко, апельсин и два овсяных кекса. Она поест в одиночестве, пристроившись где-нибудь в парке. Даже это будет революционным по значению шагом. Маленьким шагом к свободе.

Погода стояла теплая, и небо было безоблачным. Покрытые весенней листвой деревья выглядели необычайно свежими; они слегка колыхались на слабом ветру, не позволяя жарким лучам иссушить их.

Проходя мимо ухоженных домов, большинство из которых были построены в испанском стиле, она всматривалась в двери и окна, с неожиданно возникшим любопытством

спрашивала себя: «Что за люди живут в этих домах? Счастливы ли они? Печальны? Любят ли они друг друга? Какая музыка и какие книги им нравятся? Что они едят? Хотят ли они провести отпуск в каком-нибудь экзотическом месте, пойти вечером в театр или ночной клуб?»

Нора никогда раньше не проявляла интереса к этим людям, так как знала: их пути никогда не пересекутся. Интересоваться тем, как они живут, означало просто терять время. Но сейчас...

Когда ей кто-нибудь попадался навстречу, она по старой привычке опускала голову и отворачивала лицо, но, погуляв немного, нашла в себе мужество смотреть прохожим в глаза. К ее удивлению, многие из них улыбались и здоровались с ней. Спустя некоторое время Нора с еще большим удивлением обнаружила, что отвечает им тем же.

Около здания окружного суда она задержалась, чтобы полюбоваться желтыми цветами юкки и ярко-красными бугенвиллеями, взбирающимися по оштукатуренной стене и вплетающимися в узорчатую чугунную решетку на одном из высоких окон.

Дойдя до миссионерской церкви Санта-Барбары, построенной в 1815 году, Нора остановилась у входных ступенек и осмотрела красивый фасад старинного храма. Затем походила по церковному двору, заглянула в Священный Сад и поднялась на колокольню.

Постепенно Нора начала понимать, почему во многих из прочитанных ею книг Санта-Барбара называлась в числе самых красивых мест на земле. Она прожила здесь почти всю свою жизнь, но оттого, что сидела безвылазно в доме Виолетты Девон, а если и выходила, то смотрела только себе под ноги, Нора, как оказалось по-настоящему видела город в первый раз. Он очаровал и восхитил ее.

В час дня Нора присела на скамье у пруда в парке Аламеда в тени трех огромных старых пальм. Ноги у нее ныли, но она не собиралась возвращаться домой. Нора открыла бумажный пакет и начала ленч с желтого яблока. Никогда не было так вкусно. Она очень проголодалась, быстро съела еще и апельсин, бросив кожуру обратно в бумажный мешок, и принялась было за кекс, как вдруг рядом с ней на скамейку сел Артур Стрек.

— Привет, лапочка.

На нем красовались синие шорты, кроссовки и толстые белые носки, которые носят спортсмены. Было очевидно, что он не бегал, так как совсем не вспотел. Это был мускулистый, с широкой грудной клеткой, загорелый самец. Он вырядился так специально, и Нора сразу отвела от него глаза.

— Стесняешься? — спросил Стрек.

Она не могла ответить ему, потому что не успела еще проглотить кусок кекса, который откусила перед его появлением. У нее во рту вдруг исчезла слюна. Нора хотела проглотить этот кусок, но испугалась, что подавится, выплюнуть постеснялась.

— Моя сладкая, застенчивая Нора, — сказал Стрек.

Опустив глаза, Нора увидела, как сильно дрожит правая рука. Кекс раскрошился у нее в пальцах, и крошки сыпались ей под ноги.

Нора отправилась на эту прогулку, предполагая пробыть целый день в городе и, таким образом, сделать первый шаг на пути собственной независимости, но сейчас ей пришлось сознаться себе в том, что она хотела выбраться из дома еще по одной причине: надеялась избавиться от приставаний Стрека. Нора боялась оставаться дома, опасаясь, что Стрек будет без конца звонить ей. И вот теперь он нашел ее здесь, на улице, где ее не защищали запертые окна и закрытые на щеколду двери, и это было гораздо хуже, чем домогательства по телефону, гораздо хуже.

— Посмотри на меня, Нора.

— Нет.

— Посмотри на меня.

Последняя крошка кекса выпала из ее пальцев.

Стрек взял ее левую ладонь в свою. Нора попыталась вырваться, но он сдавил ее руку, перебирая ее пальцы, и она сдалась. Стрек приложил ее ладонь к своему обнаженному бедру.

Его плоть была твердой и горячей.

В животе у нее появилось противное ощущение, сердце заколотилось, и Нора уже не могла понять, что произойдет раньше: ее стошнит или она упадет в обморок.

Медленно двигая ее ладонь вдоль своего бедра, Стрек сказал:

— Я тот человек, который тебе нужен, лапочка. Я позабочусь о тебе.

Кекс во рту склеил ей челюсти. Голова ее была опущена, но Нора подняла глаза и взглянула исподлобья, надеясь увидеть кого-нибудь, к кому могла бы обратиться за помощью, — поблизости никого не оказалось. Две молодые дамы, гуляющие с маленькими детьми, были слишком далеко, чтобы помочь ей.

Все еще сжимая Норину ладонь, Стрек переставил ее на свою обнаженную грудь.

— Хорошо погуляла сегодня? Тебе понравилась миссионерская церковь, а? А какие прекрасные цветы юкки у окружного суда, не правда ли?

Своим негромким наглым голосом он расспрашивал ее о впечатлениях от увиденных ею достопримечательностей, и Нора поняла, что все утро он следил за ней, пешком или из машины. Она его не видела, но Стрек, без сомнения, был где-то рядом, поскольку знал о всех ее передвижениях, с тех пор как Нора вышла из дома. Это напугало и разозлило ее больше, чем все остальные гадости, которые он успел до сих пор наделать.

Нора дышала тяжело и часто, но ей все равно не хватало воздуха. В ушах у нее зазвенело, но она отчетливо слышала каждое его слово. Готовая ударить Стрека, вцепиться ему в глаза, Нора тем не менее пребывала в каком-то оцепенении, ярость наполняла ее силой, а страх эту силу отнимал. Ей хотелось кричать, но не о помощи, а от отчаяния.

— Ну вот, — сказал Стрек, — теперь ты нагулялась, подкрепилась на природе и расслабилась. Знаешь, что было бы сейчас лучше всего? Чтобы день завершился как надо, лапочка? Как праздник? Надо сесть в мою машину, поехать к тебе домой, в твою желтую комнату, забраться в твою кровать с балдахином...

Так Стрек был в ее спальне! Наверное, вчера, когда должен был в гостиную чинить телевизор, он прокрался наверх, ублюдок, в ее убежище и совал нос в ее вещи!

— ...в эту большую старинную кровать, где я сниму с тебя одежду, золотце, и трахну...

Нора и потом не могла понять, что придало ей смелости: ужас от того, что он проник в ее единственное убежище, или от того, что он впервые за все это время произнес похабное слово, или то и другое вместе, но она вскинула голову, обожгла его взглядом и выплюнула содержимое своего рта ему в лицо. Крошки не до конца пережеванной пищи прилипли к его правой щеке, веку и боковой стороне носа. Мокрые крошки овсяного теста застряли в волосах и испещрили его лоб.

Увидев, как ярость зажглась в глазах Стрека и исказила его лицо, Нора испугалась содеянного. Одновременно все внутри у нее пело от сознания того, что ей удалось стряхнуть с себя эмоциональный паралич, пусть даже ей придется за это поплатиться.

Расплата последовала незамедлительно. Все еще продолжая держать Нору за руку, Стрек так сдвинул ей ладонь, что у нее хрустнули пальцы. Ей было ужасно больно. Но она не желала плакать ему на потеху, поэтому сжала зубы и терпела. На лбу у Норы выступили капельки пота, и она чувствовала, что теряет сознание. Хуже боли, однако, был ледяной взгляд голубых глаз Стрека. Продолжая сдвигать ей пальцы, он удерживал ее не только рукой, но и взглядом — холодным и странным. Стрек пытался подавить и запугать ее, и у него это получалось, потому что в его глазах она увидела безумие, против которого была бессильна.

Увидев ее отчаяние, явно доставлявшее ему большее удовольствие, чем боль, которую он ей причинял, Стрек перестал сдвигать ей пальцы, но не позволил выдернуть руку. Он сказал:

— Ты заплатишь за это, за этот плевок. И тебе *понравится* за это платить.

Нора неуверенно произнесла:

— Я пожалуюсь вашему боссу, и вас выгонят с работы.

Стрек только улыбнулся в ответ.

«Почему он не смахнет крошки кекса с лица?» — подумала Нора, но ответ напрашивался сам собой: Стрек заставит ее сделать это.

— Выгонят со службы? Да я уже уволился из Вэдлоу Телевижен. Вчера положил заявление на стол. Так что теперь у меня много свободного времени, и я могу посвятить его тебе, Нора.

Она опустила глаза. Нора уже не могла скрывать своего страха — еще немного, и у нее застучали бы зубы.

— Я подолгу не задерживаюсь ни на одной работе. Мужчинам вроде меня, в которых столько энергии, быстро наскучивает на одном месте. Я люблю быть в движении. Кроме того, жизнь слишком коротка, чтобы посвящать ее работе, как ты думаешь? Поэтому я нанимаюсь куда-нибудь, зарабатываю немного, а потом гуляю, пока хватит денег. Время от времени на моем пути попадает девушка вроде тебя, которой я просто необходим. Она просто умоляет побыть с ней, и я не отказываю.

«Ударь его, впейся в него зубами, выцарапай ему глаза», — говорил ее внутренний голос.

Но Нора продолжала сидеть в оцепенении.

Кисть руки у нее тупо ныла. Она не забыла, как было больно, когда Стрек сдавливал ей пальцы.

Он заговорил более мягким и ободряющим голосом, но от этого ее страх только усилился:

— Я не откажу и тебе, Нора. На время я поселюсь у тебя. Нам будет хорошо вместе. Конечно, ты меня немножко боишься, я это понимаю. Но поверь, детка, тебе просто нужно вывернуть твою жизнь наизнанку — это сейчас для тебя самое лучшее.

2

Эйнштейну нравилось в парке.

Когда Тревис отцепил поводок, ретривер поспешил к ближайшей клумбе, где крупные желтые календулы росли внутри бордюра из пурпурных первоцветов, и обошел вокруг, явно восхищенный увиденным. Затем он проследовал к клумбе с яркими поздноцветущими лютиками и к следующей — с недотрогами. Его хвост приходил в движение от каждого нового открытия. Говорят, что собаки видят все предметы в черно-белом изображении, но Тревис готов был спорить: Эйнштейн обладает цветным зрением. Пес обнюхивал все, что попадалось ему на пути: цветы, кусты, деревья, камни, урны для мусора, смятые бумажки, основание фонтанчика для питья, а также практически каждый фут земли под ногами — без сомнения, воссоздавая в своем воображении «портреты» людей и собак, прошедших здесь до него, картинки, которые для пса были такими, как для Тревиса — фотографии.

В утренние и ранние дневные часы ретривер ничем не отличался. На его месте любая собака вела бы себя точно так же, и Тревис уже начал думать, что его почти человеческие способности находят на него приступами, как эпилепсия. Однако после вчерашнего необычайные качества Эйнштейна не подлежали сомнению.

Когда они прогуливались вокруг пруда, пес вдруг замер, поднял голову, слегка приподнял свои мягкие уши и уставился на парочку, сидящую на скамейке футах в шестидесяти от них. На мужчине были спортивные шорты, а женщина была одета в мешковатое серое платье; он держал ее за руку, и, казалось, они были поглощены беседой друг с другом.

Тревис начал поворачивать в сторону зеленого газона, чтобы не мешать им разговаривать. Но собака, издав короткий лай, помчалась прямо к парочке.

— Эйнштейн! Назад! Ко мне!

Пес проигнорировал его призыв, подбежал к скамейке и начал яростно облаивать сидящих на ней мужчину и женщину.

К тому времени, когда Тревис приблизился к скамейке, мужчина в шортах уже стоял на

ногах. Выставив вперед руки и сжав кулаки, он сделал осторожный шаг назад.

— Эйнштейн!

Ретривер перестал лаять, увернулся от Тревиса, не дав ему прицепить поводок к ошейнику, подошел к женщине, сидевшей на скамейке, и положил ей морду на колени. Такая перемена в поведении пса удивила всех троих.

Тревис сказал:

— Извините. Он вообще-то никогда...

— Какого черта, — накинулся мужчина в шортах. — Нельзя отпускать такую злую собаку в парке без привязи.

— Он не злой, — возразил Тревис. — Он...

— Ерунда, — сказал мужчина, брызгая слюной. — Чертова тварь пыталась меня укусить. Вам что, нравится, когда на вас подают в суд?

— Я не знаю, что взбрело ему в...

— Давайте двигайте отсюда, — потребовал мужчина.

Обескураженно кивнув, Тревис повернулся к Эйнштейну и увидел, что женщина уговорила его сесть с ней рядом на скамейку. Эйнштейн сидел, поставив передние лапы ей на колени, а она не просто гладила, а прижимала его к себе. В том, как женщина прижималась к собаке, усматривалось какое-то отчаяние.

— Убирайтесь отсюда! — злобно сказал мужчина.

Он был выше, шире в плечах и вообще намного здоровее Тревиса. Сделав несколько шагов вперед, глядя на Тревиса сверху вниз, он таким образом попытался его запугать. Видимо, привык добиваться своего с помощью вот такой агрессивности и угрожающего поведения. Тревис презирал таких людей.

Эйнштейн повернул голову в сторону мужчины, обнажил зубы и издал низкое рычание.

— Послушай, ты, придурок, — сказал тот злобно, обращаясь к Тревису, — ты что, оглох? Я же сказал: собаку надо держать на поводке. Поводок у тебя в руках. Чего же ты ждешь?

До Тревиса начало доходить: что-то здесь не так. Справедливый гнев мужчины в шортах был уж слишком преувеличенным — как будто его застали за каким-то постыдным занятием, и теперь он пытается скрыть свою вину, нападая на случайного свидетеля. Женщина тоже вела себя подозрительно. Во-первых, она не вымолвила ни слова. Лицо ее было бледно, а руки дрожали. Судя по тому, как она обнимала пса, причиной ее страха был не Эйнштейн. Кроме того, Тревису показалось странным, что, собираясь погулять в парке, парочка вырядилась так по-разному: он в шортах для бега, а она в нескладном домашнем платье. Тревис заметил боязливые взгляды, которые женщина бросала на «бегуна», и вдруг понял: вместе эти двое оказались случайно, и уж, конечно, не по воле женщины, и мужчина на самом деле сделал что-то недостойное.

— Мисс, — сказал Тревис, — вы в порядке?

— Разумеется, нет, — сказал «бегун». — Твоя чертова собака напугала ее.

— Мне так не кажется, по крайней мере в данную минуту, — произнес Тревис, пристально глядя на незнакомца.

На его щеке Тревис увидел прилипшие крошки, по всей видимости, овсяного кекса. Он также заметил овсяный кекс, вывалившийся из бумажного пакета на скамейку, и еще один раскрошенный под ногами у женщины. Что, черт возьми, здесь произошло?

«Бегун» посмотрел на Тревиса и начал было что-то говорить, но, бросив короткий взгляд на женщину и Эйнштейна, очевидно, понял, что его деланный гнев уже неуместен.

— Вы... в общем, нужно следить за своей собакой.

— Я не думаю, что сейчас в этом есть необходимость, — сказал Тревис, сворачивая поводок в кольцо. — На него просто нашло.

Все еще злобно, но уже не так уверенно, мужчина обратился к съежившейся на скамейке женщине:

— Нора?

Она не ответила и продолжала гладить Эйнштейна.

— Увидимся позже, — сказал ей «бегун».

Не получив ответа, он, сузив глаза, посмотрел на Тревиса:

— Если эта чертова тварь станет хватать меня запятки...

— Не станет, — перебил Тревис. — Можете продолжать свою тренировку. Он больше не побеспокоит вас.

Направляясь трусцой к ближайшему выходу из парка, мужчина несколько раз оглянулся на них. Потом исчез из виду.

На скамейке Эйнштейн лег на брюхо и положил морду на колени женщины.

— Вы ему понравились, — сказал Тревис.

Не поднимая глаз и продолжая одной рукой гладить Эйнштейна, она произнесла:

— Замечательный пес.

— Он у меня только со вчерашнего дня.

Она не ответила.

Тревис присел на другой конец скамейки так, что Эйнштейн очутился между ними.

— Меня зовут Тревис Корнелл.

Наконец женщина подняла голову и посмотрела на него.

— Нора Девон.

— Рад познакомиться.

Она нервно улыбнулась.

Несмотря на ее прямые волосы и отсутствие косметики, Нора была довольно привлекательна. Волосы у нее были темные и блестящие, кожа безукоризненная, а в ее серых глазах на ярком майском солнце светились зеленые прожилки.

Почувствовав его одобчительно-оценивающий взгляд и испугавшись, она сразу же отвела глаза в сторону и опустила голову.

Тревис спросил:

— Мисс Девон... что-нибудь случилось?

Она не ответила.

— Этот человек, он... приставал к вам?

— Все в порядке, — сказала Нора.

Склонив голову и сжав плечи, охваченная невероятным смущением, она выглядела настолько беззащитной, что Тревис не смог просто так встать и уйти, оставив ее наедине с проблемами.

Он сказал:

— Если этот человек приставал к вам, я думаю, надо найти полицейского и...

— Не надо, — возразила Нора мягко, но настойчиво.

Она встала со скамейки.

Пес вскочил на землю и встал рядом, глядя на нее влюбленными глазами.

Поднимаясь со скамейки, Тревис сказал:

— Извините, я лезу не в свое дело.

Нора заспешила прочь, но не по той дорожке, по которой удалился «бегун».

Эйнштейн было рванулся за ней, но Тревис окликнул его, и он неохотно вернулся к своему хозяину.

Тревис следил за Норой озадаченно, пока она не исчезла, загадочная и взволнованная чем-то женщина в сером платье, нескладном и бесформенном, как одеяние послушниц какой-нибудь секты, драпирующих свои фигуры, чтобы не вводить в искушение мужчин.

Вместе с Эйнштейном они продолжили прогулку по парку. Потом пошли на пляж, где ретривера, казалось, поразили вид бескрайнего морского простора и волн, разбивающихся о песчаный берег. Он все время останавливался, чтобы посмотреть на океан, а потом со счастливым видом носился по мелководью.

Вернувшись домой, Тревис попытался привлечь внимание Эйнштейна к книгам, которые так волновали его накануне вечером, надеясь выяснить, что пес хотел в них найти.

Собака, однако, без всякого интереса обнюхала тома, принесенные ей Тревисом, и зевнула.

В течение всего дня образ Норы Девон с поразительной частотой и яркостью вставал у Тревиса перед глазами. Для того чтобы вызвать к себе мужской интерес, ей не требовалась броская одежда. Достаточно было взглянуть ей в лицо, в ее серо-зеленые глаза.

3

После нескольких часов глубокого сна Винсент Наско ранним утренним рейсом вылетел в Акапулько, в Мексику. Прибыв на место, он поселился в огромной, выходящей на залив гостинице — сверкающем, но бездушном небоскребе, сплошь состоящем из стекла, бетона и мозаики. Переодевшись в белые мягкие туфли, белые хлопчатобумажные брюки и бледно-голубую тенниску, он отправился на поиски доктора Лоутона Хейнса.

Хейнс проводил свой отпуск в Акапулько. Это был тридцатидевятилетний мужчина, пяти футов одиннадцати дюймов ростом и ста шестидесяти фунтов весом, с непослушными каштановыми волосами. Он был бы похож на Аль Пачино, если бы не красное родимое пятно размером с полдоллара у него на лбу. Хейнс приезжал на курорт по крайней мере дважды в год, всегда останавливаясь в элегантном отеле «Лас Бризас», стоящем на мысе на восточном берегу залива, и был завсегдатаем ресторана рядом с гостиницей «Калета», который любил за подаваемый там коктейль «Маргарита» и вид, открывающийся оттуда на Плайя де Калета.

В 12.30 Винсент сидел в плетеном кресле с удобными желтыми и зелеными подушками за столом у окна этого самого ресторана. Хейнса он увидел еще при входе в обеденный зал. Доктор тоже расположился у окна через три столика от Винса, частично скрытый от посторонних взоров стоящей рядом пальмой в кадке. Хейнс обедал вместе с потрясающей блондинкой. На ней были белые слаксы, ярко-полосатый топ, и добрая половина мужчин в ресторане не сводила с нее глаз.

На взгляд Винса, Хейнс скорее напоминал Дастина Хофмана, чем Пачино. У него были такие же резкие черты лица. Но в целом он соответствовал описанию, которое получил Винс. На нем были розовые хлопчатобумажные брюки, бледно-желтая рубашка и белые сандалии — наряд, который, по мнению Винса, даже для тропиков был чересчур экзотичен.

Винс съел ленч, состоявший из супа «Альбондиго», тортилий с начинкой из даров моря в зеленом соусе, безалкогольного коктейля «Маргарита», и заплатил по счету к тому времени, когда Хейнс с блондинкой собирались уходить.

Женщина села за руль красного «Порше». Винс последовал за ними во взятом напрокат «Форде». На его счетчике было намотано черт знает сколько миль, он гремел, как ударные в мексиканском свадебном оркестре, а его пол был выстлан изъеденным плесенью ковром.

У «Лас Бризас» блондинка высадила Хейнса на автомобильной стоянке, но, прежде чем расстаться, они еще минут пять простояли у машины, держа друг друга за задницы и целуясь враскоряку у всех на виду.

Винс был в смятении. Он ожидал, что Хейнс соблюдает хоть какие-то приличия. Все-таки у него докторская степень. Если люди с таким образованием пренебрегают принятыми нормами поведения, то чего ожидать от других? Неужели пришло время, когда в университетах перестали учить хорошим манерам и правилам хорошего тона? Тогда неудивительно, что мир день ото дня делается все более грубым и жестоким.

Женщина наконец уехала в своем «Порше», а Хейнс — в белом спортивном «Мерседесе-560SL». «Мерседес» уж точно не был взят напрокат, и Винсу стало интересно, откуда у доктора такая машина.

Доехав до следующей гостиницы, Хейнс отдал ключи от зажигания подбежавшему служителю, и Винс сделал то же самое. Он последовал за доктором через вестибюль на пляж, где они сначала просто шли один за другим, пока Хейнс не остановился рядом с роскошной мексиканкой в бикини. Она была смуглая, прекрасно сложена и лет на пятнадцать моложе доктора. Девушка загорала в шезлонге, закрыв глаза. Хейнс поцеловал ее в шею, испугав при этом. Но, очевидно, они были знакомы, потому что она со смехом обняла его.

Винс прошелся по пляжу, затем улегся на песок через два человека от Хейнса и девушки. Он не беспокоился о том, что доктор обратит на него внимание. По всей видимости, его интересовала исключительно женская анатомия. Кроме того, несмотря на свои габариты, Винс умел быть незаметным.

В заливе какой-то турист парил на парашюте, прицепленном на тонком тросе к катеру. Солнечные лучи нескончаемым золотым дождем падали на песок и на море.

Спустя минут двадцать Хейнс поцеловал девушку в губы и в не закрытую купальником верхнюю часть груди и зашагал прочь той же дорогой, которая привела его сюда. Она крикнула ему вслед:

— Вечером в шесть!

— Договорились, — ответил Хейнс.

Затем доктор и Винс отправились на автомобильную прогулку. Сначала Винс думал, что Хейнс едет с какой-то конкретной целью, но, проехав некоторое расстояние, понял: тот просто так катается по побережью, глаза на пейзаж за окном.

Они миновали пляж «Револькадеро» и двинулись дальше, Хейнс на белом «Мерседесе», а за ним, на почтительном расстоянии, Винс на «Форде».

Наконец они добрались до одной из смотровых площадок, где Хейнс свернул с шоссе и припарковался рядом с автомобилем, из которого как раз выходили четверо франтовато одетых туристов. Винс тоже поставил свою машину и прошел к железному рельсу, ограждавшему край обрыва, откуда открывался великолепный вид на побережье и на волны, с грохотом разбивающиеся о скалы более чем в ста футах внизу.

Туристы в попугайных рубашках и полосатых брюках, закончив громко восхищаться зрелищем, сделав снимки и напоследок намусорив, сели в машину и уехали, оставив Хейнса и Винса один на один на вершине утеса. Единственной машиной на шоссе был приближающийся к ним черный автомобиль компании «Транс-Америкэн». Винс ждал, пока он проедет мимо. После чего собирался сделать Хейнсу сюрприз.

Но вместо этого «Транс-Америкэн» съехал на обочину и припарковался рядом с «Мерседесом» Хейнса. Из машины вышла ослепительной красоты девушка лет двадцати пяти и заспешила в сторону доктора. Она была мексиканкой с примесью китайской крови, очень экзотичная особа. На ней был белый корсаж и белые шорты, и у нее были самые красивые ноги из всех, что приходилось видеть Винсу. Хейнс и девушка отошли футов на сорок от Винса вдоль ограды, а затем вошли в такой клинч, который заставил Винса покраснеть.

В течение нескольких минут он приближался к ним вдоль ограды, время от времени довольно рискованно свешиваясь вниз, где прибой поднимал брызги на двадцать футов в высоту, и приговаривая: «Вот это да!» — когда особенно большая волна разбивалась о каменную стену обрыва, стараясь вести себя так, чтобы его движение в их направлении выглядело случайным.

Несмотря на то, что они стояли к нему спиной, ветер доносил до Винса обрывки их разговора. Женщина беспокоилась, что ее муж может узнать о приезде Хейнса в город, а доктор пытался договориться с ней на завтрашний вечер. «У этого парня нет ни стыда, ни совести», — подумал Винс.

Шоссе опять опустело, и Винс решил: такой возможности ему может больше не представиться. Он одним прыжком преодолел несколько футов, отделявших его от девушки, схватил ее за шею и за пояс шорт, приподнял в воздух и перебросил через ограду. Визжа, она полетела вниз.

Все произошло так быстро, что Хейнс не успел среагировать. Девушка еще находилась в воздухе, а Винс уже нанес два удара по лицу доктора, разбив губы и сломав нос.

В момент, когда потерявший сознание Хейнс повалился на землю, девушка ударилась о скалы, и Винс, даже на таком расстоянии, получил от нее подарок:

«Сссснап».

Ему хотелось перегнуться через ограду и посмотреть на ее изуродованное тело там,

внизу, на скалах, но у него не оставалось на это времени. На шоссе могла появиться какая-нибудь машина.

Он оттащил Хейнса к «Форду» и усадил на переднее сиденье, прислонив к боковому стеклу. Создавалось впечатление, что тот мирно спит. Затем он слегка откинул голову Хейнса назад, чтобы кровь из перебитого носа стекала ему в носоглотку.

С прибрежного шоссе, которое изобиловало крутыми поворотами и местами имело плохое покрытие, Винс свернул на боковую дорогу. После того как дорога из гравия перешла в обычную проселочную колею, он остановил автомобиль на краю тропического леса, у сплошной стены из огромных деревьев и буйной растительности. Дважды за это время Хейнс начинал приходить в сознание, и Винс вынужден был его успокаивать, ударяя головой о передний щиток.

Выйдя из машины, Винс стащил с пассажирского сиденья безжизненное тело доктора и поволок его сквозь заросли, пока не нашел небольшую поляну, покрытую густым мхом. Птичий гомон вокруг сразу прекратился, а находившиеся в кустах невидимые глазу животные бросились врассыпную. Крупные насекомые, включая жука размером с ладонь Винса, поспешили убраться с дороги, а ящерицы побежали вверх по стволам деревьев.

Винс вернулся к «Форду», в багажнике которого находились кое-какие приспособления для допроса. Упаковка шприцов и две ампулы пентотала натрия. Кожаный мешочек, наполненный свинцовой дробью. Ручной «тазер»,¹ напоминающий пульт дистанционного управления для телевизора. А также штопор с деревянной ручкой.

Когда Винс пришел обратно на поляну, Лоутон Хейнс все еще был без сознания. Кровь булькала в его сломанном носу. Хейнс вообще-то должен был умереть уже двадцать четыре часа назад. Люди, которые наняли Винса для выполнения предыдущих трех заданий, предполагали, что доктором займется другой наемник, живущий в Акапулько и «работающий» по всей Мексике. Но парень этот погиб накануне утром. В посылке, которую он с нетерпением ожидал от «Фортнум и Мейсон» из Лондона, вместо мармеладного ассорти оказалось два фунта пластиковой взрывчатки. Попав в отчаянное положение, «контора» в Лос-Анджелесе поручила это задание Винсу, хотя, принимая во внимание перегруженность Винса работой, это становилось уже опасно. Винс обрадовался заданию, поскольку был уверен: этот доктор также связан с лабораторией в Банодайне и сможет дать ему дополнительную информацию о проекте «Франциск».

Пройдясь по краю поляны, на которой лежал Хейнс, Винс отыскал упавшее дерево и оторвал от него большой изогнутый кусок коры. Найдя затем заросший водорослями ручей, он набрал примерно полквартиры воды в импровизированную емкость. Вода была тухлой. Можно себе представить, сколько в ней было разных бактерий. Но теперь Хейнсу уже все равно, заболит он или нет.

Сначала Винс плеснул водой доктору в лицо. Сходив еще раз в ручей, он заставил доктора напиться. Хейнс начал кашлять, давиться, потом его вырвало, но в результате сознание его прояснилось настолько, что он мог понимать и отвечать на задаваемые ему вопросы.

Показав мешочек с дробью и штопор, Винс объяснил доктору, как он собирается их использовать, если тот заупрямится. Хейнс — специалист по физиологии и деятельности мозга — обнаружил, что разумное начало в нем преобладает над патристическими чувствами, и охотно поведал Винсу обо всех деталях сверхсекретного оборонного проекта, в котором он участвовал в Банодайне.

Когда Хейнс начал клясться, что рассказал все, что знает, Винс достал пентотал натрия. Набирая наркотик в шприц, он между прочим спросил:

— Доктор, что у вас с женщинами?

Хейнс, лежавший на спине, вытянув руки вдоль тела, как велел ему Винс, не сразу перестроился на другую тему и растерянно заморгал.

— Я следил за вами с обеда и узнал, что у вас тут, в Акапулько, три женщины...

¹ Электрошоковое устройство. — Прим. пер.

— Четыре, — поправил его Хейнс. Несмотря на испытываемый им ужас, в его голосе прозвучала гордость. — Этот «Мерседес», на котором я езжу, принадлежит Гизелле, очаровательной крошке...

— Так вы пользуетесь ее машиной для свидания с тремя другими женщинами?

Хейнс кивнул и попытался улыбнуться, но вместо улыбки на его лице появилась гримаса боли от сломанного носа.

— Я всегда... так веду себя с женщинами.

— Господи помилуй! — Винс пришел в ужас. — Вы что, не понимаете: сейчас уже не шестидесятые и не семидесятые? Время свободной любви кончилось. Теперь за это надо платить. По крупному счету. Вы не слышали о венерических заболеваниях, о СПИДе, наконец?

Вкалывая доктору наркотик, он добавил:

— Вы наверняка носитель всех венерических болезней, известных человечеству.

Хейнс глупо заморгал в недоумении, а затем быстро погрузился в наркотический сон. Под воздействием пентотала натрия он подтвердил все, что до этого рассказывал Винсу о Банодайне и о проекте «Франциск».

Когда действие наркотика закончилось, Винс развлечения ради прибегнул к помощи «тазера», пока не вышли из строя батарейки. Доктор корчился и брыкался, как полураздавленный водяной жук, выгибая спину и взрывая мох руками и пятками.

Отложив «тазер» в сторону, Винс избил Хейнса до потери сознания с помощью мешочка с дробью, а затем убил, воткнув штопор ему между ребер и направив острие прямо в сердце.

«Сссснап».

Все это время в лесу стояла кладбищенская тишина, но Винс чувствовал, как тысячи глаз его обитателей следят за ним. Он был уверен: невидимые наблюдатели одобряют то, что он сделал с Хейнсом, поскольку стиль жизни доктора оскорблял естественный порядок вещей, которому подчинялись жители джунглей.

Он сказал «спасибо» Хейнсу, но целовать не стал. Ни в губы, ни даже в лоб. Жизненная энергия доктора годилась, как и любая другая, а вот его тело и дух были нечисты.

4

Из парка Нора поспешила домой. Ощущение свободы и дух приключений, которые окрашивали ее утреннюю прогулку, уже больше не возвращались к ней. Стрек испортил ей все настроение.

Закрыв за собой входную дверь, она заперла обычный замок, щеколду и накинула латунную цепочку. Затем Нора прошла по комнатам нижнего этажа, плотно задергивая шторы на всех окнах, чтобы Стрек, если он подкрадется снаружи, не мог заглянуть внутрь. Образовавшаяся темнота не понравилась ей, и Нора включила свет во всех комнатах. Придя на кухню, она закрыла ставни и проверила замок черного хода.

Общение со Стреком вызвало в ней не только страх, но и чувство физического омерзения. Больше всего на свете ей хотелось долго стоять под горячим душем.

Вдруг ноги у Норы задрожали и подкосились, и она почувствовала приступ головокружения. Ей пришлось ухватиться за край кухонного стола, чтобы не упасть. «Если я сейчас пойду к лестнице, то непременно упаду», — подумала Нора и села, опершись на стол сложенными руками, опустила на них голову и стала ждать, пока ей полегчает.

Когда головокружение прекратилось, она вспомнила: в шкафу рядом с холодильником стоит бутылка бренди, и решила, что немножко спиртного придаст ей сил. Она купила бутылку «Реми Мартен» после смерти Виолетты, так как тетя с неодобрением отзывалась о любой выпивке, кроме домашнего сидра. В качестве акта неповиновения Нора налила себе рюмку бренди, вернувшись с похорон тетки. Напиток ей не понравился, и большую часть порции она вылила в раковину.

Но сейчас Норе казалось, что глоток бренди поможет снять охватившую ее дрожь.

Она подошла к раковине и несколько раз вымыла руки самой горячей водой, которую только могла стерпеть, сначала мылом, а потом жидкостью для посуды «Айвори», стараясь смыть прикосновения Стрека. Когда Нора выключила воду, руки у нее были красные, как ошпаренные кипятком.

Затем она поставила на стол бутылку и стакан. В книгах она читала о персонажах, которые от отчаяния садились за выпивку, чтобы заглушить боль. Иногда это им удавалось. Возможно, это поможет и ей. Если бренди хотя бы чуть-чуть улучшит ее состояние, она готова выпить всю эту чертову бутылку.

Однако по своей природе Нора не любила излишеств. Последующие два часа она провела за одной и той же порцией «Реми Мартен».

Как только Нора перестала думать о Стреке, ее сейчас же начали мучить воспоминания о тете Виолетте, и наоборот, а когда она заставила себя не думать об этих двоих, ее мысли повернулись к Тревису Корнеллу, человеку, который познакомился с ней в парке, но его образ не привел ее в душевное равновесие. Тревис показался ей приятным: мягким, вежливым, заботливым — и, кроме того, это он прогнал Стрека. Но на самом деле Тревис, наверное, ничуть не лучше Стрека. Если бы Нора дала ему возможность, он, безусловно, повел бы себя по отношению к ней также, как и Стрек. Тетя Виолетта была, конечно, тираном, но Норе все чаще начинало казаться, что она была права, предупреждая ее об опасностях, которые таит в себе общение с другими людьми.

Но ведь была еще собака. Это уже совсем другое дело. Нора не испугалась пса даже в тот момент, когда тот рванул к скамейке, яростно лая. Каким-то образом Нора поняла: ретривер — Эйнштейн, как называл его хозяин, — лаял не на нее, а на Стрека. Прижимаясь к собаке, она ощутила себя в безопасности, под защитой, даже в присутствии Стрека.

Может быть, ей стоит завести собственную собаку? Виолетта приходила в ужас от одной мысли о домашних животных. Но тетка умерла, умерла навсегда, и теперь никто не мог помешать Норе взять в дом собаку.

Разве что...

У Норы было странное чувство: никакая другая собака не даст ей такого глубокого ощущения безопасности. Им с Эйнштейном понравилось их короткое знакомство.

Разумеется, оттого что пес избавил ее от Стрека, Нора, наверное, приписывает ему качества, которыми тот на самом деле не обладает. Она, естественно, приняла его за спасителя, за отважного защитника. Но, несмотря на все попытки уговорить себя, что Эйнштейн — обычный пес, Нора все равно чувствовала: он какой-то особенный, и никакая другая собака не сможет обеспечить ей такую защиту.

Порция «Реми Мартен», растянутая на два часа, плюс мысли об Эйнштейне в конце концов улучшили ее настроение. Она настолько расхрабрилась, что подошла к стоявшему на кухне телефону, намереваясь позвонить Тревису Корнеллу с предложением купить у него ретривера. Ведь он сам сказал, что собака у него только со вчерашнего дня, поэтому Тревис не мог за такое короткое время сильно привязаться к нему. За хорошую цену он может уступить. Нора полистала справочник, нашла номер Корнелла и набрала его.

Тревис ответил на второй гудок.

— Алло!

Услышав голос, Нора поняла: попытка купить у него собаку даст ему повод вмешаться в ее жизнь. Она забыла, что он может оказаться таким же опасным, как Стрек.

— Алло? — повторил Тревис.

Нора колебалась.

— Алло? Вас не слышно!

Она положила трубку, так и не произнеся ни слова.

Прежде чем говорить с Корнеллом о собаке, ей нужно было обезопасить себя на случай, если Тревис окажется таким же, как Стрек.

Когда без пяти пять зазвонил телефон, Тревис занимался тем, что опорожнял содержимое жестянки «Алпо» в миску Эйнштейна. Ретривер с интересом следил за его действиями и облизывался, но не совался в миску, терпеливо ожидая, когда Тревис выскребет всю банку дочиста.

Тревис пошел к телефону, а Эйнштейн принялся за еду. Никто не ответил на приветствие Тревиса, он опять произнес «алло», и пес поднял морду от своей миски. Когда Тревису вновь не ответили, он сказал, что ничего не слышит, и тогда Эйнштейн подошел и с интересом взглянул на трубку в его руке.

Тревис положил трубку, повернулся и увидел пристальный взгляд собаки, направленный на настенный телефон.

— Наверное, не туда попали.

Пес взглянул на него и опять уставился на аппарат.

— Или какие-нибудь ребята балуются.

Ретривер с несчастным видом заскулил.

— Ну а тебя какая муха укусила?

Он не сводил глаз с телефона.

Со вздохом Тревис сказал:

— Все. На сегодня с меня хватит твоих штук. Если хочешь продолжать — давай без меня.

Перед тем как приготовить ужин для себя, он решил посмотреть по телевизору новости, поэтому достал «Диет-Пепси» из холодильника и ушел в гостиную, оставив пса наедине с телефоном. Включив телевизор, Тревис услышал, что Эйнштейн что-то делает там, на кухне.

— Эй, ты чем там занят?

Послышалось звяканье, стук, поскребывание когтей по твердой поверхности. Потом что-то тяжелое упало.

— Если что-нибудь разобьешь, будешь за это платить, — предупредил Тревис. — Интересно, как ты будешь зарабатывать баксы? Можешь поехать на Аляску и стать там упряжной собакой.

Шум на кухне стих. Но только на минуту. Затем два раза что-то звякнуло, загремело и опять послышалось поскребывание.

Тревиса разбирало любопытство. Нажав кнопку на пульте, он выключил звук телевизора.

На кухне что-то с шумом бухнулось на пол.

Тревис уже собрался пойти и посмотреть, что происходит, но в эту минуту в гостиной появился Эйнштейн. В зубах он нес телефонный справочник. Стало быть, пес долго прыгал, стараясь скинуть справочник со стола, пока ему это не удалось. Он пересек гостиную и положил книгу к ногам Тревиса.

— Ну и что это значит? — спросил Тревис.

Собака пододвинула справочник носом и выжидательно посмотрела на хозяина.

— Хочешь, чтобы я кому-нибудь позвонил?

— Тяв.

— Кому?

Эйнштейн опять ткнул носом в книгу.

Тревис сказал:

— Ну и кому же я должен позвонить? Лэсси, Рин Тин Тину или Старому Ворчуну?

Ретривер посмотрел ему в глаза, стараясь передать взглядом то, что можно было выразить только словами.

— Послушай, может быть, ты умеешь читать мои мысли, но я твои не умею.

Заскулив от отчаяния, ретривер выбежал из комнаты и исчез за углом короткого коридора, куда выходили двери ванной и двух спален.

Тревис хотел пойти за ним, но решил подождать и посмотреть, что будет дальше.

Меньше чем через минуту Эйнштейн вернулся, неся в зубах фотографию в позолоченной рамке, и положил ее рядом с книгой. Это был портрет Паулы, который Тревис держал на комоде в спальне. Снимок сделали в день их свадьбы, за десять месяцев до ее смерти. На нем Паула выглядела красивой и обманчиво здоровой.

— Нет, малыш. Я не могу звонить мертвым.

Пес тявкнул, как бы удивляясь несообразительности Тревиса. Он подошел к стойке с журналами в углу комнаты, столкнул ее набок и вернулся с номером «Тайм» в зубах, который положил рядом с портретом. Передними лапами ретривер стал перелистывать страницы, порвав при этом несколько из них. Сев на краешек кресла, Тревис с интересом наблюдал за собакой. Несколько раз она останавливалась и изучала страницы журнала, а затем начинала листать снова. Наконец она нашла рекламу автомобилей, которую сопровождала фотография красивой брюнетки. Пес посмотрел на Тревиса, затем на рекламу, потом опять на Тревиса и тявкнул.

— Не понимаю, — сказал Тревис.

Перебрав лапами несколько страниц, Эйнштейн нашел рекламу, где улыбающаяся блондинка держала в пальцах сигареты. Затем он фыркнул на Тревиса.

— Автомобили и сигареты? Хочешь, чтобы я купил машину и пачку «Вирджиния слимз»?

Эйнштейн опять отправился в угол комнаты и на этот раз вернулся с журналом по продаже недвижимости, который, несмотря на то, что Тревис уже два года, как бросил это дело, каждый месяц регулярно доставлялся ему на дом. Пес начал перелистывать страницы, пока не наткнулся на картинку, изображавшую женщину-агента по продаже недвижимости в куртке с надписью: «XXI век».

Тревис перевел взгляд с фотографии Паулы на блондинку с сигаретой, на смазливую женщину в куртке и вспомнил первую рекламу, с брюнеткой на фоне автомобиля.

— Женщина? Ты хочешь, чтобы я позвонил какой-нибудь женщине?

Эйнштейн залаял.

— Какой именно?

Взяв Тревиса зубами за запястье, пес попытался вытащить его из кресла.

— О'кей, о'кей. Отпусти меня. Я сам пойду.

Но пес отпустил его только, когда дотащил до телефона на кухне. Там Тревис наконец смог выпрямиться.

— Кому звонить? — опять спросил Тревис и вдруг понял. Они с Эйнштейном успели познакомиться только с одной женщиной. — Той леди, которую мы сегодня встретили в парке?

Собака завиляла хвостом.

— Ты думаешь, это она сейчас звонила?

Хвост задвигался быстрее.

— А откуда ты знаешь, кто звонил? Она же не сказала ни слова. И вообще, ты что, решил заняться сводничеством?

Пес дважды тявкнул.

— Ну, она, конечно, симпатичная, но не в моем вкусе, приятель. Немного странная, как ты думаешь?

Эйнштейн залаял, подбежал к Тревису и опять залаял, затем обежал вокруг стола, не переставая лаять, и еще раз бросился к двери. Стало ясно, что его что-то сильно беспокоит.

Эта женщина.

В парке Тревису показалось, что с ней что-то не так. Он вспомнил того ублюдка в шортах. Тревис предложил ей помощь, но она отказалась. Но потом, видимо, передумала и позвонила несколько минут назад, но ей не хватило храбрости объяснить все ему.

— Ты правда думаешь, что это она звонила?

Хвост пришел в движение.

— Ну, если это даже была она, по-моему, лучше остаться в стороне.

Ретривер бросился к Тревису, схватил его за правую штанину и яростно замотал головой, чуть не повалив на пол.

— Ну ладно, хватит! Я позвоню. Дай мне этот чертов справочник!

Эйнштейн отпустил Тревиса и помчался, оскальзываясь на линолеуме. Через мгновение он вернулся со справочником в зубах.

Только взяв книгу в руки, Тревис осознал, что он даже не задумался о том, поймет пес его просьбу или нет.

Собака обладала такими способностями, что Тревис многое уже воспринимал как должное.

Тут его осенило, что ретривер с самого начала не принес бы справочник ему в гостиную, если бы не знал его значения.

— Клянусь Богом, псина, ты оправдываешь свою кличку.

6

Хотя Нора не привыкла ужинать раньше семи, она почувствовала, что проголодалась. От утренней прогулки и выпитого бренди у нее разыгрался аппетит, который не могли испортить даже мысли о Стреке. Ей не хотелось готовить, поэтому она положила на тарелку свежих фруктов, немного сыра и подогрела себе в духовке сдобную булочку. Обычно Нора ужинала в своей кровати и во время еды читала журнал или книгу — так ей нравилось больше всего. Взяв в руки тарелку и приготовившись подняться наверх в спальню, она услышала телефонный звонок.

Это Стрек.

Кто же, кроме него? Ей вообще мало звонили.

Нора замаялась, слушая звонки. Даже после того как они прекратились, она все еще стояла, опираясь на кухонную стойку, чувствуя слабость и ожидая, что вот сейчас телефон зазвонит вновь.

7

Когда Нора Девон не ответила на его звонок, Тревис собрался смотреть вечерние новости, но Эйнштейн не успокаивался. Он прыгал на кухонную стойку, стараясь достать справочник, затем он все-таки свалил его на пол, зажал в зубах и выбежал из кухни. Гадая о том, что последует дальше, Тревис пошел за ним и увидел: пес стоит у входной двери, все еще зажав книгу в зубах.

— Ну теперь-то что?

Эйнштейн уперся передней лапой в дверь.

— Хочешь выйти?

Ретривер заскулил, но книга у него в пасти заглушила звук.

— Справочник-то тебе зачем? Хочешь закопать его, как кость? В чем дело?

Хотя вопросы оставались без ответа, Тревис все-таки открыл дверь и выпустил собаку наружу, где все было залито золотистыми лучами клонившегося к закату солнца. Эйнштейн запрыгал у дверцы автомобиля, глядя при этом на Тревиса.

— Хочешь, чтобы я узнал адрес мисс Девон по справочнику и поехал к ней домой? Так, что ли?

— Тяв.

— Извини, — сказал Тревис, — я знаю, что она тебе понравилась, но в данный момент мне не нужна подруга. Кроме того, она не в моем вкусе. Я же тебе говорил. И я не в ее вкусе. Я вообще думаю, что все мужчины не в ее вкусе.

Пес залаял.

— Нет, говорю тебе.

Он опять схватил Тревиса за штанину.

— Нет, — повторил Тревис, хватая Эйнштейна за ошейник. — Не надо жевать мою одежду. Я не еду.

Эйнштейн вырвался, помчался к клумбе с ярко цветущими недотрогами и начал яростно рыть землю лапами, разбрасывая вырванные с корнем цветы по лужайке.

— Господи помилуй, это еще что такое?

Пес продолжал усердно работать, явно намереваясь полностью уничтожить всю клумбу.

— Эй, перестань сейчас же! — Тревис заспешил к клумбе.

Эйнштейн выбежал на газон и стал рыть яму.

Тревис попытался его поймать, но ретривер убежал в другую сторону, где попортил еще кусок газона, затем вернулся к клумбе с недотрогами и стал уничтожать оставшиеся цветы.

Отчаявшись поймать собаку, Тревис остановился, переводя дух, и крикнул:

— Хватит!

Эйнштейн поднял морду, с которой свисали стебли оранжево-красных недотрог.

— Мы едем, — сказал Тревис.

Пес стряхнул с морды цветы и осторожно вышел на газон.

— Я говорю вполне серьезно, — сказал Тревис. — Если это так важно для тебя, мы поедем к этой женщине. Что я буду ей говорить, один Бог знает.

8

Держа в одной руке тарелку с ужином, а в другой — бутылку минеральной воды «Эвиан», Нора шла по коридору первого этажа. Свет, горевший во всех комнатах, приносил ей успокоение. На площадке второго этажа она локтем нажала выключатель, и в холле вспыхнул свет. В следующий раз, когда ей придется посылать заказ в супермаркет, необходимо включить в него побольше электрических лампочек: в обозримом будущем Нора вообще не собиралась выключать свет ни днем, ни ночью. На такие расходы она денег не пожалеет.

Находясь все еще под воздействием выпитого, Нора начала тихо напевать, направляясь к себе в спальню: «Лунная река шириною в милю...»

Войдя в комнату, она увидела на кровати Стрека.

Он ухмыльнулся и сказал:

— Привет, детка!

На миг ей показалось, что это галлюцинация, но, когда Стрек заговорил, она поняла: это не так. Нора закричала, тарелка выпала у нее из рук, фрукты и сыр рассыпались по полу.

— О Боже, что же ты тут наделала, — сказал он, сев и опустив ноги на пол. На нем все еще были шорты для бега, спортивные носки и кроссовки. — Не надо сейчас ничего убирать. Есть дело поважнее. Я долго ждал, пока ты поднимешься сюда, наверх. Ждал и думал о тебе... готовился к этому моменту... — Стрек встал во весь рост. — И вот настал этот момент, когда я научу тебя тому, чего ты еще не умеешь.

Нора оцепенела, и дыхание у нее перехватило.

Наверное, Стрек пришел сюда прямо из парка, задолго до нее. Он забрался в дом, не оставив следов взлома, и ждал здесь на кровати все время, пока она пила бренди на кухне. В этом его ожидании было что-то страшное, страшнее, чем другие его действия: ждал и томился желанием, прислушиваясь к ее передвижениям и получая от этого удовольствие.

Когда Стрек удовлетворит свою похоть, он, наверное, ее убьет.

Нора повернулась и побежала по коридору.

В тот момент, когда она ухватила за поручень, чтобы ринуться вниз по лестнице, Нора услышала, что Стрек бросился за ней.

Она помчалась вниз, прыгая через ступеньки и в ужасе от мысли, что может потерять равновесие и упасть; на площадке между этажами Нора чуть не вывихнула колено, споткнулась, но продолжала бежать. Перепрыгнув через несколько ступенек, она оказалась в

холле первого этажа.

Схватив Нору сзади за мешковатые плечи платья, Стрек с силой повернул ее лицом к себе.

9

Когда пикап Тревиса остановился на обочине у дома Норы, Эйнштейн встал на сиденье, положил передние лапы на рукоятку и, навалившись всем своим весом, открыл дверцу. Еще один фокус. Тревис еще не успел потянуть рукоятку ручного тормоза и выключить зажигание, а пес уже мчался по дорожке к дому.

Спустя несколько секунд Тревис поднялся по ступенькам веранды и увидел, что ретривер стоит на задних лапах у входной двери и нажимает передней лапой на кнопку звонка. Было слышно, как сработал звонок.

Приблизившись к собаке, Тревис сказал:

— Ну, теперь-то что?

Пес еще раз нажал кнопку.

— Подожди, сейчас она откроет.

Когда Эйнштейн позвонил в третий раз, Тревис услышал, как внутри дома закричал от ярости и боли мужчина. Потом женский голос позвал на помощь.

Разразившись таким же яростным лаем, как накануне в лесу, Эйнштейн стал скрести когтями дверь, как будто хотел проделать в ней дыру.

Придвинувшись к двери, Тревис приложил лицо к маленькому окошечку. Внутри, в холле, ярко горел свет, и ему было хорошо видно, как в нескольких футах от него борются две человеческие фигуры. Собака лаяла как бешеная.

Тревис толкнул дверь, но она была заперта. Локтем он пробил витражное окошечко, просунул внутрь руку, открыл замок, снял цепочку и вошел в дом в тот момент, когда мужчина в шортах отпихнул от себя женщину и бросился на него.

Эйнштейн опередил Тревиса и ринулся прямо на «бегуна».

Увидев пса, нападавший повел себя так, как в такой ситуации повели бы многие, — он побежал. Женщина попыталась помешать ему, «бегун» споткнулся, но не упал. В конце коридора он с грохотом скрылся за пружинной дверью.

Эйнштейн промчался мимо Норы Девон и успел проскочить в дверь до того, как она захлопнулась. Из-за двери послышался лай, рычание и крики. Что-то с грохотом рухнуло, потом упало еще что-то более тяжелое, мужчина выкрикнул проклятие, Эйнштейн испустил звук, от которого Тревис похолодел, а затем сражение вступило в еще более громкую стадию.

Тревис приблизился к Норе. Она стояла внизу лестницы, опершись на перила. Он спросил:

— С вами все в порядке?

— Он чуть не...

— Но все-таки не... — подсказал Тревис.

— Нет.

Он дотронулся до ее кровоточащего подбородка.

— Вы ранены.

— Нет, — сказала она, глядя на испачканные кровью пальцы Тревиса. — Я укусила этого ублюдка. — Она взглянула на пружинную дверь, которая перестала качаться. — Он может ранить собаку.

— Это вряд ли, — ответил Тревис.

Когда он подошел к кухонной двери, шум внутри затих. Два стула лежали на полу, усеянном осколками большой керамической вазы, расписанной голубыми цветами. Лежавшие в ней овсяные кексы, раскрошившиеся и раздавленные, были разбросаны повсюду. «Бегун» сидел в углу, подогнув ноги и скрестив руки на груди. Он был обут только в одну кроссовку, и его правая рука кровоточила от укуса Норы. Кровь была видна и на его

левой икре, но это была уже работа Эйнштейна. Пес, находясь на безопасном расстоянии, сторожил Стрека, готовый в любую минуту броситься на него, если бы тот имел глупость шевельнуться в своем углу.

— Хорошая работа, — сказал Тревис. — Молодец.

Эйнштейн слегка заскулил, соглашаясь с ним. В ту же минуту Стрек пошевелинулся, и пес, грозно зарывчав, щелкнул зубами, заставив его забиться обратно в угол.

— Все. Приехали, — сказал Тревис Стреку.

— Он укусил меня! *Они укусили* меня! — произнес Стрек, заходясь от ярости и возмущенного удивления. — *Укусили* меня!

Подобно многим хамам, привыкшим к вседозволенности, он был в шоке оттого, что ему самому могут причинить боль. Опыт научил Стрека: если давить на людей и при этом смотреть на них полубезумным взглядом, то можно легко запугать их. Он был уверен в безотказности этого метода. Сейчас же Стрек был бледен и выглядел подавленным.

Тревис подошел к телефону и позвонил в полицию.

Глава пятая

1

Поздним утром 20 мая, вернувшись из однодневной командировки в Акапулько, Винсент Наско купил номер «Таймс» в международном аэропорту Лос-Анджелеса, прежде чем сесть в маршрутное такси, которое почему-то называлось лимузином, хотя представляло из себя обычный микроавтобус. Во время пути в свой городской дом в Гантингтон-Бич он просматривал газету и на третьей странице наткнулся на репортаж о пожаре в лаборатории Банодайн в Ирвин-сити.

Он начался вскоре после шести утра накануне, когда Винс еще ехал в аэропорт, чтобы успеть на рейс Лос-Анджелес — Акапулько. Прежде чем пожарные ликвидировали огонь, пострадали два лабораторных корпуса.

Те, кто нанял Винса для убийства Дэвиса Вэтерби, Лоутона Хейнса, четы Ярбеков и Хадстонов, наверняка наняли и специалиста по поджогам. Эти люди явно старались уничтожить всю информацию о проекте «Франциск», как ту, которая хранилась в картотеках Банодайна, так и ту, которая находилась в головах ученых, участвовавших в разработке и осуществлении проекта.

Поскольку этот проект представлял собой государственную тайну, то в газете, конечно, о нем ничего не говорилось. Комплекс Банодайн характеризовался в статье как «лидер в генной инженерии, специализирующийся на разработке новых препаратов, основанных на исследованиях в области рекомбинации ДНК».

На пожаре погиб ночной сторож. «Таймс» не давала никакого объяснения на этот счет. Винс сообразил, что его сначала убили, а потом бросили в огонь, чтобы замести следы.

Маршрутное такси доставило Винса прямо до дверей его дома. В прохладных комнатах царил полумрак. На не покрытом ковром полу отчетливо раздавался каждый шаг, вызывая гулкое эхо.

Винс купил этот дом два года назад, но еще не закончил его обустройство. В сущности, в столовой, гостиной и двух из трех спален не было ничего, кроме дешевых штор на окнах.

Винс считал, что городской дом — это лишь перевалочный пункт, из которого в один прекрасный день он переедет в особняк на берегу океана в Ринконе, знаменитом прекрасными условиями для серфинга. Но не временный характер его городского жилища стал причиной отсутствия в нем какой-либо обстановки. Винсу просто нравились голые стены, чистые бетонные полы и пустые комнаты.

Когда его мечта о покупке дома на побережье осуществится, Винс собирается отделать блестящим белым кафелем полы и стены во всех комнатах. Там не будет ни дерева, ни

кирпича, ни камня — никаких материалов с текстурной поверхностью для создания «уют», которые нравятся другим людям. Мебель ему сделают на заказ — белая эмаль и обивка из белого винила. Единственным отклонением от этого обилия белых поверхностей будут стекло и полированная нержавеющая сталь. Обустроившись таким образом, он впервые в жизни приобретет чувство душевного равновесия и домашнего очага.

Распаковав чемодан, Винс отправился на кухню готовить ленч. Тунец. Три яйца вкрутую. Полдюжины ржанных крекеров. Два яблока и апельсин. Бутылка лимонада.

В углу кухни стояли маленький столик и стул, но он выбрал местом своей трапезы скудно обставленную спальню наверху. Винс сел на стул у окна, выходившего на запад. Океан находился всего лишь в квартале от его дома, на другой стороне шоссе «Коаст Хайвей», за полоской общественного пляжа, и со второго этажа ему были видны катящиеся волны.

Небо было частично затянуто облаками, и океан местами сверкал, как хромированный металл, а местами напоминал вздымающиеся массы темной крови.

За окном было тепло, хотя пейзаж был не по-весеннему холодным.

Глядя на океан, Винс всегда чувствовал, что ритм его кровообращения гармонично совпадает с ритмом прилива.

Покончив с едой, он посидел еще немного, мурлыкая себе под нос и глядя на свое еле заметное отражение в стекле, как бы всматриваясь в прозрачную стенку аквариума; у него было такое чувство, что он находится в океане, глубоко внизу под поверхностью, на которой бушуют волны, в бесконечном мире полной тишины.

Днем Винс сел в свой микроавтобус и отправился в Ирвин-сити на поиски лабораторного комплекса Банодайн. Он находился у подножия горной гряды Санта-Ана и состоял из двух зданий и территории, выглядевшей непомерно большой для района, где земельные участки стоили так дорого. Один корпус представлял из себя двухэтажное здание в форме буквы L, а другой, одноэтажный, в форме буквы V, имел несколько узких окон, похожих на бойницы крепости. Оба здания были построены в современном стиле — комбинация из плоских поверхностей и чувственных изгибов — и красиво облицованы темно-зеленым и серым мрамором. На фоне стоянки для машин и огромной ухоженной территории с растущими тут и там пальмами и коралловыми деревьями здания казались меньше, чем были на самом деле.

Пожар возник в V-образном корпусе, где размещались лаборатории. О случившемся свидетельствовали только несколько разбитых окон и следы сажи на мраморной облицовке над ними.

Территория не была обнесена ни стеной, ни забором, так что Винс, если бы захотел, мог войти туда без помех, однако на ведущей к зданиям дороге были устроены ворота и будка для привратника. Учитывая то, что привратник был вооружен, а также впечатление «закрытости», которое производило все это заведение, Винс предположил, что на всех газонах установлена электронная охранная сигнализация и даже ночью привратник будет знать о любом нарушителе, прежде чем тот успеет сделать вывод: поджигатель, помимо своей основной специальности, должен был еще хорошо разбираться в системах сигнализации.

Винс проехал мимо ворот туда и обратно. Тени от облаков медленно скользили по газонам и набегали на стены корпусов. Что-то зловещее было в облике этого заведения. И не только потому, что Винс знал, какие исследования там проводятся.

Затем он вернулся домой в Гантингтон-Бич.

Съездив в Банодайн в надежде понять, что делать дальше, Винс был разочарован. Он не мог сообразить, кому предложить информацию за цену, оправдывающую тот риск, на который он пошел. Конечно уж, не правительству Соединенных Штатов, поскольку именно ему принадлежала эта информация. И не Советам, то есть противоположной стороне, поскольку именно Советы наняли его для убийства Вэтерби, Ярбеков, Хадстона и Хейнса.

Разумеется, он не располагал никакими доказательствами того, что работает на Советы.

Они поступили очень умно, наняв его, одиночку, не связанного ни с одной организацией. Винс, однако, получал от них задания так же часто, как от мафии, и, сопоставляя различные факты, все-таки был склонен думать: это Советы. Время от времени ему приходилось общаться по телефону с другими заказчиками, помимо тех трех, в Лос-Анджелесе, их голоса ему были знакомы, и все они говорили с акцентом, возможно, русским. Кроме того, люди, которых он устранял по их заданиям, были связаны с политикой или — как в случае с Банодайном — с обороной. Важно и то, что предоставляемая ими информация об «объектах» была неизменно более подробной, точной и содержательной по сравнению с той, которую он получал от уголовных структур.

Кто, кроме США и Советов, захочет заплатить за такие деликатные сведения оборонного характера? Какой-нибудь диктатор из «третьего мира», стремящийся противопоставить что-то ядерным сверхдержавам? Проект «Франциск» может дать какому-нибудь карманному Гитлеру такой шанс и поднять его на вершины мировой власти. И, конечно, он щедро вознаградит за такую возможность. Но кто захочет рисковать, связываясь с типами вроде Каддафи? Только не Винс.

Кроме того, он, Винс, обладает сведениями только о факте проведения исследований в Банодайне, но ничего не знает о научной и практической стороне дела. Так что, оказывается, он может предложить потенциальному покупателю гораздо менее ценный товар, чем думал вначале.

Со вчерашнего дня, однако, в мозгу у Винса засела одна идея. И сейчас, когда он раздумывал о потенциальном покупателе перехваченных им секретов, эта идея не давала ему покоя.

Собака.

Очутившись опять у себя дома, Винс сел у окна в спальне и стал смотреть на океан. Уже наступила темнота, и океана не было видно, а он все сидел и думал о собаке.

Хадстон и Хейнс рассказали ему столько об этом ретривере, что Винс понял: несмотря на всю свою ценность и сенсационность, информация о проекте «Франциск» не стоила и одной тысячной доли цены этого пса. Ретривера можно использовать с выгодой, и для этого найдется много способов: эта собака представляет собой хвостатую машину для делания денег. В любом случае ее можно продать либо правительству Соединенных Штатов, либо русским за огромные деньги. Если Винс найдет этого пса, он сможет обеспечить себе финансовую независимость.

Но где его искать?

Наверняка гигантская операция по его поимке уже — незаметно или секретно — ведется по всей Южной Калифорнии. Министерство обороны, видимо, выделило огромное количество людей для ее осуществления, и если Винс наткнется на них, они пожелают знать, кто он такой. А Винс не хочет стать объектом внимания с их стороны.

Далее. Если он проведет собственный поиск в предгорьях Санта-Аны, где почти наверняка скрываются беглецы из лаборатории, он может найти не того, кого ищет. Вместо золотого ретривера наткнется на Аутсайдера. А это опасно. Смертельно опасно.

За окном покрытое тучами ночное небо и океан соединились во мраке, черном, как обратная сторона Луны.

2

В четверг, через день после того, как Эйнштейн загнал Арта Стрека в угол кухни в доме Норы Девон, тот был обвинен во взломе и проникновении в чужое жилище, нападении, применении физической силы и попытке изнасилования. Поскольку в прошлом Стрек уже был судим за изнасилование и пробыл в заключении два года из трехлетнего срока, он не мог оставаться на свободе, так как назначенная полицией сумма денежного залога была слишком высока для него. А поскольку у него не было поручителя, который доверял бы ему, Стрек должен был находиться под арестом до дня суда. Нора испытала огромное облегчение от

этого известия.

В пятницу они с Тревисом отправились обедать.

Приняв его приглашение, Нора удивилась собственному поступку. Надо было признать: Тревис был искренне возмущен тем, чего ей пришлось натерпеться от Стрека, и именно Тревису она была обязана сохранением своего достоинства и чести, а возможно, жизни. Однако годы параноидального воздействия тети Виолетты невозможно было перечеркнуть за несколько дней, поэтому некоторая подозрительность и страх еще присутствовали в поведении Норы. Если бы Тревис вдруг стал навязывать ей свое общество, она пришла бы в состояние жуткого смущения и отчаяния, но приняла бы как должное. Воспитанная с раннего детства на аксиоме: от других людей надо ожидать только плохого, Нора могла удивиться лишь проявлению доброты и сочувствия.

И тем не менее она согласилась пообедать с Тревисом.

В первые минуты Нора не знала, почему это сделала.

Ответ, однако, напрашивался сам собой: из-за собаки. Ей хотелось быть рядом с Эйнштейном, потому что он давал ей ощущение безопасности и еще потому, что никто не одаривал ее так щедро своей любовью, пусть даже собака. Кроме того, в глубине души Нора знала: Тревису Корнеллу можно полностью доверять, ведь ему доверял Эйнштейн, а собаку не так просто обмануть.

Обедали они в открытом кафе, устроенном в мощном кирпичном дворике, где покрытые скатертями столики стояли под полосатыми бело-голубыми зонтиками и где им позволили привязать пса к железной ножке столика. Эйнштейн вел себя примерно и большую часть времени спокойно лежал на полу. Иногда он поднимал голову и смотрел на них своими умными глазами. Они угощали его, но специально еду ретривер не выпрашивал.

Нора плохо разбиралась в собаках, но ей казалось: пес очень умен и любопытен. Он часто менял позу, чтобы лучше разглядеть других посетителей, которые, по-видимому, вызывали у него интерес.

Нору привлекало буквально все. Она впервые обедала в общественном месте и хотя во многих книгах читала о том, как люди обедают в ресторанах, ее удивляли и восхищали мельчайшие детали. Роза в молочно-белой вазе. Спички, на этикетке которых было напечатано название заведения. Масло, свернутое в бутоны и поданное в вазочке с колотым льдом. Ломтик лимона в ледяной воде. Особенно ее поразила охлажденная вилка для салата.

— Посмотри вот на это, — сказала Нора Тревису после того, как официант принес им закуски.

Он, нахмурившись, взглянул на ее тарелку.

— Что-нибудь не так?

— Нет-нет... Видишь эти овощи?

— Маленькие морковки и кабачки.

— Где они берут такие крошечные овощи? А посмотри, как красиво разрезан помидор. Все так красиво. Как они успевают все так красиво приготовить?

Нора знала: то, чем она восхищается, для него — привычное дело; ее удивление говорит о неопытности и невежественности и делает ее похожей на ребенка... Нора часто краснела, иногда заикалась от стеснения, но тем не менее без удержу восторгалась всеми увиденными чудесами. Тревис почти непрерывно улыбался ей, но не снисходительно — Боже упаси, нет — ему на самом деле нравились ее восторги по поводу открытий, которые она для себя делала.

К тому времени, как они покончили с кофе и десертом — тартинка с киви для нее и клубника со сливками для Тревиса, а также шоколадный эклер, доставшийся целиком Эйнштейну, — Нора углубилась в самую длинную в своей жизни беседу. Они провели в разговорах два с половиной часа, не впадая в неловкое молчание, обсуждая в основном книги; учитывая отшельническую жизнь Норы, любовь к чтению была единственным общим для них предметом. И еще одиночество. Тревис проявлял искренний интерес к ее мнению о писателях, со своей стороны, высказывая интересные и смелые мысли о прочитанных

книгах, которые до этого не приходили ей в голову. За весь предыдущий год Нора не смеялась столько, сколько в этот день. Напряжение, однако, оказалось так велико, что время от времени у нее начинала кружиться голова, а когда они наконец покинули кафе, она уже не могла вспомнить, о чем именно они говорили, — в голове у нее все перемешалось. Нора испытывала психическую перегрузку, которую мог бы испытать дикарь, если бы его вдруг высадили посередине Нью-Йорка, и ей нужно было время, чтобы успеть все это переварить.

Тревис поставил свой пикап у ее дома, поэтому обратно они шли пешком, и всю дорогу Нора вела Эйнштейна на поводке. Пес ни разу не попытался вырваться и ни разу не запутал поводок у нее в ногах, а мирно шел впереди, оглядываясь на Нору так умиленно, что та заулыбалась.

— Какой хороший пес, — сказала она.

— Замечательный, — согласился Тревис.

— Такой послушный.

— Такое с ним тоже бывает.

— И такой умный.

— Не надо его захваливать.

— Ты боишься, что он загордится?

— Он уже загордился, — сказал Тревис. — Если он загордится еще больше, с ним невозможно будет жить.

Пес оглянулся на Тревиса и презрительно чихнул.

Нора засмеялась.

— Иногда мне кажется, что он понимает каждое твое слово.

— Иногда, — согласился Тревис.

Когда они подошли к дому, Норе захотелось пригласить Тревиса зайти. Однако она не была уверена, правильно ли Тревис поймет ее приглашение. В ней заговорила пугливая старая дева, а вместе с тем Нора знала: она может и должна доверять ему. Но вдруг перед Норой встал образ тети Виолетты, делающей грозные предупреждения насчет мужчин, и она не смогла заставить себя сделать то, что считала нужным. Нора боялась, что, предприняв что-нибудь еще, испортит себе впечатление о великолепно проведенном дне, и поэтому просто поблагодарила Тревиса за обед и даже не осмелилась попрощаться с ним за руку.

Напоследок все-таки Нора наклонилась и погладила пса. Эйнштейн ткнулся носом ей в шею, лизнул в подбородок, заставив ее хихикнуть. Она никогда раньше не хихикала. Нора могла бы еще долго обнимать и ласкать собаку, но на этом фоне ее опасения насчет Тревиса стали бы еще очевиднее.

Стоя у распахнутой двери, она смотрела, как они сели в пикап и уехали.

Тревис на прощание махнул ей рукой.

Она помахала в ответ.

Затем пикап доехал до угла, повернул направо, и, когда совсем исчез из виду, Нора пожалела о своей трусости и о том, что не пригласила Тревиса в гости. Она чуть не сорвалась с места и не крикнула Тревису, чтобы тот вернулся. Но было поздно, Нора опять оказалась в одиночестве. Нехотя она вошла в дом и закрыла за собой дверь, оставив за порогом весь этот яркий и сверкающий мир.

3

Служебный вертолет «Белл Джет Рейнджер» пронесся над оврагами и лишенными растительности хребтами горной гряды Санта-Ана. Тень от него бежала впереди, поскольку пятница подходила к концу и солнце садилось на западе. На подлете к каньону Святого Джима Лемюэль Джонсон выглянул в иллюминатор и увидел внизу на узкой полоске голой земли четыре автомобиля из окружного отдела полиции. Рядом с каменной хижиной стояли еще несколько машин, включая «универсал» патологоанатома и джип «Чероки», вероятно, принадлежавший убитому. Вырубка была небольшой, и пилоту едва хватило места для

посадки вертолета. Еще до того, как перестал трещать двигатель и остановились лопасти, бронзовые в лучах заходящего солнца, Лем выпрыгнул из вертолета и заспешил к хижине. В двух шагах за ним следовал Клифф Соамс — его правая рука.

Уолт Гейнс, шериф округа, вышел из дома навстречу Лему. Гейнс был крупный мужчина, шести футов четырех дюймов ростом и весом сотни в две фунтов, с широченными плечами и крепкой грудью. Пшеничные волосы и васильковые глаза делали бы его похожим на киноидола, если бы черты лица не были такими грубыми. Ему было пятьдесят пять, а выглядел он на сорок. Прическа его была не намного длиннее той, которую Гейнс носил во время двадцатилетней службы в морской пехоте.

Несмотря на различие: в цвете кожи — Лем Джонсон был черным, а Уолт белым; в облике — Лемюэль был на семь дюймов ниже и на шестьдесят фунтов легче Уолта; в происхождении — Джонсон вырос в зажиточной семье, в то время как родители Гейнса были бедняками из Кентукки; в возрасте, наконец, — Лем был на десять лет моложе шерифа, — они были друзьями. Больше чем друзьями. Почти братьями. Вместе играли в бридж, рыбачили и получали ни с чем не сравнимое удовольствие, сидя в шезлонгах на веранде друг у друга, потягивая пиво «Корона» и решая мировые проблемы. Даже их жены стали подругами — невероятный случай, по мнению Уолта, поскольку, как он сам говорил: «Моей старухе никто не нравился, с кем бы я ее ни знакомил за все эти тридцать два года».

Для Лема дружба с Уолтом Гейнсом тоже была исключительным событием, так как он очень трудно сходилась с людьми. Он отдавал всего себя работе, и ему не хватало времени для того, чтобы простое знакомство переросло в дружбу. С Уолтом, правда, все было проще — они сразу стали друзьями, без всяких церемоний, моментально углядев сходство взглядов и привычек. Уже через полгода со дня их знакомства у них было чувство, что они знают друг друга с детства. Лем ценил эту дружбу почти так же высоко, как свой брак с Кариной. Если бы у него не было возможности расслабиться в компании Уолта, то работа совсем бы доконала его.

Когда лопасти вертолета перестали вращаться, Уолт Гейнс сказал:

— Не могу понять, почему вы, федералы,¹ заинтересовались убийством какого-то немытого скваттера.

— Ну и хорошо, — сказал Лем. — Тебе и не надо это понимать.

— Во всяком случае, я не предполагал, что ты сам приедешь. Думал, пришлешь кого-нибудь из своих «шестерок».

— Агенты УНБ² не любят, когда их называют «шестерками».

Глядя на Клиффа Соамса, Уолт спросил:

— Он ведь обращается с вами как с «шестерками», не так ли?

— Он тиран, — подтвердил Клифф.

Ему шел тридцать первый год. Рыжие волосы и веснушки. Больше похож на серьезного молодого проповедника, чем на агента Управления национальной безопасности.

— Слушай, Клифф, — сказал Уолт Гейнс, — ты должен понимать, откуда произошел Лем. Его отец, забитый черный бизнесмен, который никогда не зарабатывал больше двухсот тысяч в год. Что поделаешь, бедность. Поэтому Лем считает правильным принуждать вас, белых мальчиков, прыгать сквозь обручи, получая таким образом моральную компенсацию за годы ужасных унижений.

— Он заставляет меня называть его «маса»,³ — сказал Клифф.

— Я так и думал, — ответил Уолт.

Лем сказал со вздохом:

— Вы двое так же остроумны, как ранение в промежность. Где труп?

— Сюда, маса, — сказал Уолт.

Перед тем как шериф, Лем и Клифф вошли в хижину, верхушки деревьев закачались от

1 *Федералы* — т. е. сотрудники Федерального бюро расследований (ФБР). — *Прим. пер.*

2 *Упрвление национальной безопасности (США)*. — *Прим. пер.*

3 *«Маса»* — обращение негров-рабов к своему хозяину (искаж. от «master» — хозяин). — *Прим. пер.*

порыва теплого дневного ветра и тишину каньона нарушил шелест листвы.

Очутившись в первой из имевшихся в доме комнат, Лем сразу почувствовал, почему Уолт так много шутил при встрече. Его деланный юмор был реакцией на тот ужас, который пришлось испытать. Так можно смеяться ночью на кладбище, чтобы не бояться покойников.

Два стула с остатками обивки лежали перевернутыми на полу. Диванные подушки продырявлены, и из них вылезал поролон. Книги в бумажных обложках были вытащены из шкафа в углу, разорваны в клочья и разбросаны по комнате. Осколки оконного стекла сверкали посреди этого разрушения, как бриллианты. Все, включая стены, было забрызгано кровью, а на полу засыхала огромная темно-бордовая лужа.

Подобно паре ворон, высматривающих яркие нитки для украшения своего гнезда, двое экспертов из криминалистической лаборатории, одетые в темные костюмы, тщательно исследовали место преступления. Время от времени они выпускали бессвязные возгласы, вытаскивали что-то из обломков пинцетами и помещали находки в пластиковые пакетики.

Очевидно, труп уже осмотрели и сфотографировали, поскольку он был помещен в непрозрачный покойнический мешок и лежал возле двери, откуда его должны были перенести в машину.

Глядя на смутные очертания человеческого тела в молочно-белом мешке, Лем спросил:

— Как его звали?

— Вэс Далберг, — ответил Уолт. — Прожил здесь больше десяти лет.

— Кто обнаружил труп?

— Сосед.

— Когда случилось убийство?

— Дня три назад. Может быть, во вторник вечером. Надо подождать результатов экспертизы. Погода-то стоит теплая, поэтому разложение идет быстрее.

Во вторник вечером... В предзакатные часы во вторник в Банодайне произошел побег. К вечеру того же дня Аутсайдер мог пройти такое расстояние...

Лем содрогнулся.

— Замерз? — саркастически спросил Уолт.

Лем не ответил. Они с Уолтом были друзьями и представителями закона, один на местном, другой на федеральном уровне, но в данном случае их пути разошлись. Уолту необходимо было установить истину и рассказать о ней общественности, а Лему накрыть это дело крышкой и прижать посильнее.

— Ну и воняет же здесь, — сказал Клифф Соамс.

— Представляешь, как тут благоухало, когда «жмурик» еще не был в мешке? — сказал Уолт. — Только держись.

— Это не только... запах разложения, — сказал Клифф.

— Не только. — Уолт показал на пятна рядом со следами крови. — Экскременты.

— Жертвы?

— Не думаю, — ответил Уолт.

— Какие-нибудь предварительные анализы делали? — спросил Лем, стараясь не выдать своей обеспокоенности. — Хоть в микроскоп смотрели?

— Нет. Образцы доставят в лабораторию. Мы полагаем, это следы того, кто проник сюда через окно.

Взглянув на Уолта, Лем спросил:

— Ты имеешь в виду человека, убившего Далберга?

— Это был не человек, — сказал Уолт. — Я думаю, ты тоже об этом знаешь.

— Не человек?

— Ну... не такой, как ты и я.

— Так что это было, по-твоему?

— А черт его знает, — сказал Уолт, потирая шею своей огромной ручищей. — Судя по ранам на трупе, у убийцы были острые зубы, возможно, когти и плохое настроение. Ну как, похоже на то, что ты ищешь?

Лем не поддался на эту удочку. Наступило короткое молчание.

Сквозь разбитое окно ветер принес запах сосен, слегка перебивший ужасный смрад, стоявший в комнате.

Один из экспертов сказал: «А!» — и подцепил что-то своим пинцетом.

Лем устало вздохнул. Не нравилось ему все это. Конечно, они не смогут установить убийцу Далберга, но найдут достаточно вещественных доказательств для того, чтобы разжечь всеобщее любопытство. А дело это проходит по линии национальной безопасности, и гражданским лицам нечего совать в него нос. Лем собирался положить конец расследованию.

Он надеялся сделать это, не приводя Уолта в ярость. Их дружба сейчас находилась перед лицом серьезного испытания.

Вдруг, разглядывая мешок с трупом, Лем понял, что форма тела какая-то странная.

— Головы не хватает, — произнес он.

— Вас, федералов, не проведешь, — сказал Уолт.

— Его обезглавили? — дрогнувшим голосом спросил Клифф.

— Идите сюда, — позвал Уолт, шагнув в соседнюю комнату.

Собственно, даже не в комнату, а большую кухню с ручным насосом для воды и старинной дровяной печкой.

Кроме головы, там не было других следов убийства. Но и этого было более чем достаточно. Она помещалась в центре стола. На блюде.

— Господи Иисусе, — прошептал Клифф.

Когда они вошли на кухню, полицейский фотограф как раз делал снимки головы, фотографируя ее с разных сторон. Он еще не закончил, но отошел в сторону, чтобы им было лучше видно.

Глаза убитого отсутствовали. Их вырвали. Пустые глазницы чернели, как колодцы.

Клифф так побледнел, что веснушки загорелись на его белой коже, как искры.

Лема затошнило, не только из-за увиденного, но и от понимания, что этим убийством дело не кончится. Он гордился своими способностями руководителя и следователя, сознавал: никто не сможет вести дело лучше его. В то же время Лем не мог позволить себе недооценить противника или вообразить, что скоро положит конец этому кошмару. Для того чтобы выследить убийцу, ему понадобится много времени, терпения и везения. А за этот период появятся еще трупы.

Голова Далберга не была отрезана или отрублена. Ее или оторвали когтями, или отгрызли с помощью зубов.

У Лема внезапно вспотели ладони.

Странно... он не мог оторвать взгляда от пустых глазниц, как будто на него оттуда смотрели широко открытые неподвижные глаза.

По спине у Лема скатилась холодная капелька пота. Он испытывал страх, которого раньше не знал, — но не хотел, чтобы по какой-либо причине его отстранили от расследования. Для безопасности государства и общественности чрезвычайно важно, чтобы оно велось как надо, а Лем Джонсон знал: никто лучше его с этим не справится. И дело тут не в самомнении. Его безоговорочно признавали самым толковым работником, и он знал, что это так. Лем гордился этим по праву, и здесь не было места ложной скромности. Это было *его* расследование, и он должен был довести его до конца.

Родители воспитывали в Леме чувство долга и ответственности. «Чернокожему, — говорил отец, — необходимо выполнять свою работу в два раза лучше, чем белому, чтобы заслужить какое-либо доверие. И тут ничего такого нет. Ничего тут не возразишь. Это просто факт жизни. Можно с таким же успехом возражать зимой против холодной погоды. Вместо этого нужно просто посмотреть правде в глаза, работать с удвоенной энергией — и ты добьешься поставленной цели. А ты должен достичь успеха, потому что являешь собой пример для своих братьев».

Следуя наставлениям отца, Лем без остатка отдавал все свои силы любимому занятию.

Он очень боялся неудач, и они редко посещали его. Однако когда какое-нибудь дело не «вырисовывалось» неделями, Лем впадал в глубокую хандру.

— Выйдем поговорим? — предложил ему Уолт, шагнув к открытой задней двери хижины.

Лем кивнул. Клиффу он сказал:

— Побудь здесь. Проследи, чтобы никто: ни патологи, ни фотограф, ни полицейские — ни один человек не уехал отсюда, не переговорив со мной.

— Слушаю, сэр, — ответил Клифф.

Он быстро вышел из хижины, чтобы выполнить поручение Лема и наконец избавиться от зрелища мертвой головы.

Лем последовал за Уолтом Гейнсом на поляну позади хижины. Заметив валявшийся там металлический лоток и разбросанные поленья, он остановился, чтобы рассмотреть их.

— Мы думаем, что все началось здесь, — сказал ему Уолт. — Предположительно, Далберг ходил за дровами в сарай, а что-то выскочило на него из-за деревьев, поэтому он бросил лоток и побежал в дом.

Он стояли у края поляны в оранжево-красном свете заходящего солнца, вглядываясь в пурпурные тени и зеленые глубины леса, окружавшего их со всех сторон.

Лем нервничал. Он думал о том, что беглец из лаборатории Вэтерби, возможно, притаился поблизости и наблюдает за ними.

— Ну, давай выкладывай, — сказал Уолт.

— Не имею права.

— Национальная безопасность?

— Так точно.

Ели, сосны и сикоморы зашелестели на ветру, и Лему почудилось какое-то движение в кустарнике. Игра воображения. Тем не менее Лем был рад, что у него, как и у Уолта, в кобуре под мышкой находился пистолет.

Уолт сказал:

— Можешь, конечно, держать рот на замке, но ты ведь не думаешь, что я полный дурак? Кое-что я соображаю.

— Никогда не считал тебя дураком.

— Во вторник утром все полицейские участки в Ориндже и Сан-Бернардино получают срочное предписание из твоего управления быть готовыми для оказания помощи в поисковой операции. Мы все встаем на уши. Мы же знаем, за что вы там отвечаете: за охрану оборонных исследований, за то, чтобы не дать этим писающим водкой русским похитить наши секреты. А поскольку в Южной Калифорнии находится половина всех оборонных подрядчиков, здесь есть на что позариться.

Устремив взгляд на лесную чащу, Лем хранил молчание.

— Поэтому, — продолжал Уолт, — мы приходим к выводу: идет поиск русского агента, который что-то там такое у вас умыкнул, и радуемся возможности сделать что-то приятное для дяди Сэма. К полудню, однако, вместо того чтобы получить оперативку, мы получаем отбой. Никакой операции не будет. Ваша контора заявляет нам, что все уже под контролем. А тревога была ложной.

— Правильно, — сказал Лем. — Ложная тревога. В управлении поняли: местную полицию невозможно будет плотно контролировать, и поэтому нельзя брать ее в помощники. Это задание можно было поручить только военным.

— Ну да, конечно. Во второй половине дня мы узнаем, что вертолеты морской пехоты из Эль-Торо летают в предгорьях Санта-Аны. А в среду утром сто морских пехотинцев, оснащенных по последнему слову техники, переброшены из Кемп-Пендлтона для ведения наземных поисков.

— Я слышал об этом, — сказал Лем, — но это делалось не по линии управления.

Уолт упорно не смотрел в глаза Лему, а отвел взгляд в сторону леса. Конечно, он знал: Лем лжет ему; он знал также, что Лем *вынужден* лгать, и не хотел поставить его в неудобное

положение, встретившись с ним глазами. Несмотря на кажущуюся внешнюю грубость и плохие манеры, Уолт Гейнс был необычайно тактичным человеком и обладал редким талантом в дружбе.

Но, кроме всего прочего, он был еще и шерифом округа и считал своим долгом вести расследование даже вопреки упорному молчанию Лема. Уолт произнес:

— Военные заявили, что у них там учения.

— Мне тоже так сказали.

— Вообще-то об учениях нам сообщают за десять дней.

Лем не ответил. Ему показалось, что в глубине леса он заметил небольшое движение, какая-то темная масса шевельнулась в сосновом мраке.

— Морские пехотинцы провели всю среду и половину четверга, рыская по горам. Когда об этих «учениях» узнали репортеры и прибыли на место вынюхивать, в чем дело, начальство дало отбой. Складывалось впечатление, будто они ищут что-то настолько неприятное и настолько секретное, что для них лучше вообще ничего не найти, чем найти на глазах у прессы.

Скосив глаза, Лем вглядывался в сгущающуюся лесную тьму, стараясь уловить движение, которое, как ему показалось, он увидел там секунду назад.

Уолт продолжал:

— Вчера вечером УНБ просит предоставлять им отчеты о любых «необычных происшествиях, нападениях или убийствах, совершенных с особой жестокостью». Мы требуем разъяснений, но не получаем их.

Вон там. Что-то шевельнулось в сумраке вечнозеленых ветвей. Футы в восьмидесяти от края леса. Что-то там движется, крадучись, стараясь не выходить из темноты. Лем просунул руку за отворот пиджака и нащупал рукоять пистолета в кобуре под мышкой.

— Через день, — говорил Уолт, — мы находим этого бедного сукина сына Далберга, растерзанного на куски — происшествие необычное, и уж, конечно, «особая жестокость» налицо. И вот прибываете на вертолете вы, мистер Лемюэль Аса Джонсон, начальник южнокалифорнийского отдела УНБ, и мне становится ясно: вы прилетели сюда совсем не для того, чтобы узнать, какую закуску я предпочитаю за завтрашним вечерним бриджем.

Подозрительное движение в зарослях было гораздо ближе, чем в восьмидесяти футах. Лема сбила с толку игра света и тени между деревьями. Существо находилось футах в сорока от того места, где они стояли, когда внезапно оно бросилось прямо на них, ломая кустарник. Лем вскрикнул, выхватил пистолет и, спотыкаясь, сделал несколько невольных шагов назад, прежде чем занял огневую позицию, широко расставив ноги и держа пистолет двумя руками.

— Да это олень! — сказал Уолт Гейнс.

И в самом деле, из зарослей выбежал олень, остановился в нескольких футах от них и с любопытством взглянул на людей своими большими коричневыми глазами. Голову он держал высоко, а уши у него стояли торчком.

— Они так привыкли к людям в здешних местах, что стали почти ручными, — заметил Уолт.

Лем засунул пистолет в кобуру, ощущая противный вкус во рту.

Почувствовав неладное, олень повернулся и исчез в чаще.

Уолт не сводил пристального взгляда с Лема.

— А ты думал, это что?

Лем не ответил. Он вытер вспотевшие ладони о пиджак.

Подул холодный ветер, предвестник ночи.

— Никогда не видел тебя таким испуганным, — сказал Уолт.

— Это от кофе. Я сегодня выпил его слишком много.

— Иди ты знаешь куда.

Лем пожал плечами.

— Очевидно, убийца Далберга — животное, у которого полно зубов и когтей, настоящий зверюга, — сказал Уолт. — Но объясни мне, какое животное сумеет положить

мертвую голову так аккуратно на блюдо посередине кухонного стола? Ничего себе юмор. Но животные не склонны к юмору, даже такому. Убийца Далберга оставил нам голову в качестве издевки. Так скажи мне, ради Христа, с чем мы имеем дело?

— Тебе не надо и *не положено* это знать, поскольку дело находится в моей юрисдикции.

— Бред собачий.

— Я здесь не командую, — сказал Лем. — Теперь расследование находится в ведении федеральных служб, Уолт. Я изымаю все доказательства, собранные твоими людьми, и все отчеты. Ни ты, ни твои люди не должны никому рассказывать об увиденном здесь. Ты заведешь папку на это дело, но в ней будет только один документ: служебная записка за моей подписью о том, что оно передается федеральным органам. Ты выходишь из игры, Уолт. Что бы ни случилось, никто не сможет тебя обвинить в этом.

— Дерьмо.

— Хорошо, пусть так.

Уолт возвысил голос:

— Я должен знать...

— Теперь твое дело — сторона.

— Подвергаются ли опасности люди в моем округе? Хотя это ты мне можешь сказать, черт тебя дерит?

— Да.

— Подвергаются?

— Да.

— А если я буду бороться с тобой, чтобы заполучить это дело, смогу ли я как-то уменьшить эту опасность?

— Нет. Ничего не сможешь, — сказал Лем искренне.

— Тогда нет смысла бороться с тобой.

— Никакого, — согласился Лем.

Он зашагал к хижине, поскольку начинало быстро смеркаться, а ему не хотелось с приближением темноты оставаться слишком близко к лесу. На этот раз это был олень. А на следующий?

— Погоди-ка, — сказал Уолт. — Послушай, что я тебе скажу. Можешь не говорить ни «да», ни «нет». Просто выслушай меня.

— Валяй, — сказал Лем нетерпеливо.

Тени от деревьев медленно ползли по сухой траве вырубки. Солнце повисло над горизонтом.

Уолт вышел из тени на угасающий солнечный свет, засунув руки в карманы и глядя себе под ноги, как бы собираясь с мыслями.

— Во вторник вечером кто-то вошел в частный дом в Ньюпорт-Бич и застрелил человека по имени Ярбек, а потом забил до смерти его жену. Ночью следующего дня кто-то убил семью Хадстонов в Лагуна-Бич: мужа, жену и сына-подростка. Полиция этих районов пользуется одной и той же криминалистической лабораторией, поэтому не составило труда определить, что и в том и в другом случае использовался один и тот же пистолет. На этом открытия, сделанные местной полицией, заканчиваются, поскольку в обоих этих случаях УНБ также взяло расследование под свою юрисдикцию. В интересах национальной безопасности.

Лем не отвечал. Он уже пожалел, что согласился выслушать Уолта. Во всяком случае, Лем не руководил лично расследованием убийств ученых, которые, по его мнению, почти наверняка были организованы советской стороной. Он поручил это дело другим людям, чтобы высвободить себя для поисков собаки и Аутсайдера.

Заходящее солнце окрашивало все вокруг в оранжевый цвет. Окна хижины вспыхивали в отблеске пылающего заката.

Уолт сказал:

— О'кей. Потом появляется сообщение о пропаже доктора Дэвиса Вэтерби из Коронадель-Мар. Никто не видел его со вторника. Сегодня утром его брат находит труп доктора в багажнике машины. Не успевают прибыть туда местные патологоанатомы, а агенты УНБ уже тут как тут.

Лема слегка обеспокоила быстрота, с которой шерифу удалось собрать и сопоставить информацию из разных районов, не входящих в состав его округа и, таким образом, не входящих в его компетенцию.

Уолт усмехнулся, но глаза его были серьезны.

— Не думал, что я сумею нарисовать такую схему, а? Все эти преступления совершены в районах, подчиненных разным полицейским управлениям, но для меня этот округ — один большой город с двумя миллионами жителей, поэтому я поддерживаю тесные контакты с местными управлениями.

— Ну и к какому выводу ты пришел?

— К такому, что удивительным образом в один день происходит убийство шести видных граждан. Это ведь графство Ориндж, не Лос-Анджелес. И еще более удивительным образом все шесть убийств имеют отношение к национальной безопасности. Любопытно, не так ли? Поэтому я сразу начинаю проверять всю подноготную этих людей в поисках того, что может их связывать...

— Уолт, ради Бога!

— И выясняю: все они работают или работали в заведении под названием Исследовательский комплекс Банодайн.

Лем не разозлился. Он не мог злиться на Уолта — они были ближе чем братья, — но пронизательность этого верзилы на мгновение взбесила его.

— Послушай, ты не имеешь права проводить расследование.

— Я вообще-то шериф, ты не забыл?

— Ни одно из этих убийств — кроме Далберга здесь — не входит в твою юрисдикцию. Начнем с этого. А если бы даже они входили... когда в дело вступает УНБ, ты не имеешь права продолжать. Если уж говорить серьезно, это строжайше запрещено законом.

Не обращая внимания на его слова, Уолт продолжал:

— Я отправляюсь в Банодайн посмотреть, чем они там занимаются, и узнаю: генной инженерией, рекомбинацией ДНК...

— Ты неисправим.

— Конечно, нет прямых указаний на то, что в Банодайне работают на оборону, но ведь это ничего не значит. Это могут быть «слепые» контракты и проекты, настолько секретные, что их финансирование не проходит отдельной строкой в общественном бюджете.

— Боже мой, — раздраженно произнес Лем. — Неужели ты не понимаешь: с нами лучше не связываться, тем более когда законы о национальной безопасности на нашей стороне?

— Я просто рассуждаю.

— Ты дорассуждаешься до тюремной камеры.

— Послушай, Лемюэль, давай не доводить дело до расовых противоречий.

— Нет, ты неисправим.

— Ты повторяешься. Ну, в общем, я немного пошевелил мозгами и сообразил, что убийства сотрудников Банодайна каким-то образом связаны с поиском, который вели военные в среду и четверг. А также убийством Вэса Далберга.

— Убийство Далберга не похоже на остальные.

— Разумеется, нет. Исполнители — разные. Ярбеки, Хадстоны и Вэтерби были убиты профессионалом. А бедняга Далберг растерзан на куски. Но, видит Бог, тут все-таки существует связь. Иначе ты бы не приехал. И эта связь — Банодайн.

Солнце скрывалось за горизонтом. Тени сгущались и набухали.

Уолт сказал:

— Вот что я думаю: там, в Банодайне, они создавали какую-то новую бациллу, ну,

другими словами, генетически измененный микроб, который выполз из пробирки и заразил кого-то. Но этот кто-то не просто заболел, а получил поражение мозга и превратился в дикого маньяка...

— Ну да, современный вариант доктора Джекилла, — саркастически перебил его Лем.

— Потом он сбежал из лаборатории, прежде чем кто-то узнал о случившемся, дотопал до этих холмов, пришел сюда и напал на Далберга.

— Ты что, посмотрелся фильмов ужасов?

— Ярбеков и остальных, возможно, убили из-за того, что они знали о происходящем и так боялись последствий, что намеревались сделать публичное заявление.

Вдали в сумерках каньона раздался надрывный протяжный вой. Наверное, койот.

Лему хотелось поскорее убраться подальше от этого леса. Но сейчас ему надо было разобраться с Уолтом Гейнсом и каким-то образом отвлечь шерифа от той линии, которую он так упорно гнул.

— Давай начистоту, Уолт. Ты хочешь сказать, что правительство Соединенных Штатов приказывает убивать своих ученых, чтобы заткнуть им рот?

Уолт насупил брови, понимая: подобный сценарий маловероятен, если вообще возможен.

Лем продолжал:

— Неужели наша жизнь похожа на фильм ужасов? Убивать собственных граждан? Это что, месяц национальной паранойи, или что? Ты на самом деле веришь в такой бред?

— Нет, — признался Уолт.

— Ну как, по-твоему, убийцей Далберга мог оказаться научный сотрудник, у которого поражен мозг? Ты ведь сам сказал, что существо, расправившееся с Далбергом, было с когтями и острыми зубами.

— О'кей, о'кей, в моей версии есть недостатки. Но в главном она верна. Я убежден, что все завязано вокруг Банодайна. Я ведь прав в принципе, а, Лем?

— Нет, — отвечал Лем. — Ничего похожего.

— Правда?

— Правда. — Лем не привык лгать Уолту, но ничего другого не оставалось. — Я не имею права говорить тебе даже этого, но по старой дружбе признаюсь.

К жутковатым завываниям в зарослях присоединились другие голоса, и теперь стало ясно, что это всего-навсего койоты, но Лему все равно было не по себе.

Потирая бычью шею ладонью, Уолт сказал:

— И что, Банодайн здесь совсем ни при чем?

— Абсолютно. То, что Ярбеки и Вэтерби, а в прошлом и Хадстон, работали там, — чистое совпадение. Если хочешь, можешь дальше крутить свою версию, но предупреждаю: толку не будет.

Солнце скрылось, и в небе, казалось, внезапно отворилась какая-то дверь, откуда в ночной мир подуло холодом.

Все еще потирая шею, Уолт сказал:

— Значит, Банодайн ни при чем, да? — Он вздохнул. — Я слишком хорошо тебя знаю, парень. С твоим чувством долга ты бы соврал собственной матери, если бы этого требовали интересы государства.

Лем промолчал.

— Ладно, — сказал Уолт. — Брошу это дело. Занимайся им ты. При условии, что больше не будет убийств в моем районе. Если нечто случится... тогда мне, наверное, придется вмешаться. Не могу тебе обещать ничего другого. У меня тоже есть чувство долга, к твоему сведению.

— Знаю, — сказал Лем виновато, чувствуя себя полным негодяем.

Вместе они зашагали по направлению к хижине.

Небосвод — темный на востоке и испещренный полосками оранжевого, пурпурного и красного света на западе, — казалось, падал вниз, как крышка ящика.

Завывали койоты.

Их ход прерывал вой другого существа.

«Кугуар», — подумал Лем, но понял, что лжет самому себе.

4

В воскресенье, два дня спустя после их удачного свидания в кафе, Тревис и Нора поехали в Сольванг — деревню, выстроенную в датском стиле в долине Святой Инессы. Это было туристское местечко с сотнями магазинов и магазинчиков, где торговали всем — от изящного скандинавского хрусталя до пластиковых имитаций датских пивных кружек. Причудливая (не без умысла) архитектура и обсаженные деревьями улицы только усиливали удовольствие от рассматривания витрин.

Несколько раз во время прогулки Тревису хотелось взять Нору за руку. Это казалось ему совершенно естественным. Тем не менее он чувствовал, что она может оказаться не готовой даже к такому безобидному прикосновению. На Норе было надето очередное платье-мешок на этот раз блеклого синего цвета. Практичные туфли. Ее густые темные волосы спадали вниз неаккуратными прядями, как в первый день их знакомства.

Находиться рядом с ней было необычайно приятно. У нее был замечательный характер, отличавшийся тонкостью и доброжелательностью. Ее наивность производила освежающий эффект на Тревиса. Застенчивость и скромность, хотя и чрезмерные, нравились ему. Нора смотрела на все вокруг восторженными, широко раскрытыми глазами, и это было очаровательно. Тревис получал удовольствие от того, что удивлял ее простыми вещами, показывая ей магазинчик, торгующий часами с кукушкой, лавку, где продавались чучела животных, музыкальную шкатулку, в которой отворялась перламутровая дверца, открывая взору кукольную балерину, делающую пируэт.

Тревис купил ей футболку с короткими рукавами, на груди которой в его присутствии — пока Нора ждала в сторонке — сделали надпись: «Нора любит Эйнштейна». Хотя девушка предупредила, что никогда не наденет футболку, поскольку это не в ее стиле, Тревис знал: она будет ее носить — ведь Нора так сильно любила собаку.

Когда они вышли к псу из магазина и отвязали его от парковочного счетчика, Нора показала ему футболку, и Эйнштейн, внимательно осмотрев надпись, со счастливым видом полез к ней лизаться. Вряд ли Эйнштейн мог прочесть надпись, но, похоже, он все-таки понял ее смысл.

За весь этот день у них был только один неприятный момент. Когда они повернули за угол и подошли к очередной витрине, Нора внезапно остановилась и оглядела толпы на тротуарах: людей, едящих мороженое в больших вафельных рожках и яблочные пирожные в куляках из вошеной бумаги; парней в украшенных перьями ковбойских шляпах, купленных в одной из лавок; хорошеньких девушек в коротеньких шортах и бюстье; жирную тетку в просторном гавайском платье; туристов, говорящих на английском, испанском, вьетнамском и многих других языках, которые можно услышать в любом курортном месте Южной Калифорнии; затем она перевела взгляд вдоль оживленной улицы на магазинчик сувениров, выстроенный в форме ветряной мельницы, и вдруг оцепенела, покачнулась. Тревису пришлось усадить ее на скамейку в ближайшем скверике. Ей потребовалось несколько минут, чтобы унять дрожь, прежде чем она смогла говорить.

— Перебор, — произнесла она наконец нетвердым голосом. — Слишком много... впечатлений, звуков... всего сразу. Извини, пожалуйста.

— Я понимаю, — сказал он растроганно.

— Я привыкла к нескольким комнатам, к знакомым вещам. Люди смотрят на нас?

— Да нет, никто не обратил внимания. На что тут смотреть?

Нора сидела, вздернув плечи, опутив голову и сжав кулаки. И только когда Эйнштейн положил голову ей на колени, она постепенно начала приходить в себя.

— Мне было так хорошо, — сказала Нора Тревису, не поднимая головы, — правда,

очень хорошо, и я думала о том, как далеко я нахожусь от дома и как это чудесно.

— Не так уж и далеко. Меньше часа на машине, — заметил Тревис.

— И когда я осознала, как далеко я забралась и какая незнакомая здесь идет жизнь... я испугалась, чисто по-детски.

— Хочешь, мы сейчас поедem назад, в Санта-Барбару?

— Нет, — ответила Нора, встречаясь с ним глазами и отрицательно мотая головой. Осмелев, она взглянула на людей, гуляющих в сквере, и на магазин в виде мельницы. — Нет, я хочу побыть здесь еще. До конца дня. Я хочу поужинать в ресторане — в настоящем ресторане, а не в уличном кафе — как это делают другие люди, а затем, когда стемнеет, ты отвезешь меня домой. — Нора моргнула и мечтательным голосом повторила: — Когда стемнеет.

— Хорошо.

— Конечно, если ты не собирался вернуться домой пораньше...

— Нет, нет, — сказал он. — Я так и планировал, что мы пробудем вместе целый день.

— Это так мило с твоей стороны.

Тревис поднял брови:

— Что ты имеешь в виду?

— Сам знаешь.

— Боюсь, что нет.

— Ты помогаешь мне войти в этот мир, — сказала Нора. — Жертвуешь своим временем, чтобы помочь... мне. Это очень щедрый подарок.

Тревис был поражен.

— Нора, уверяю тебя, я не занимаюсь здесь благотворительностью.

— Я просто думаю, что такой мужчина, как ты, может гораздо интереснее провести воскресный день в мае.

— Ну конечно, — сказал он иронически. — Я мог остаться дома и почистить все свои башмаки с помощью зубной щетки. А еще можно было сосчитать все макароны в кухне.

Она не улыбнулась его шутке.

— Клянусь Богом, ты на самом деле так думаешь, — сказал Тревис. — Ты полагаешь, что я нахожусь здесь с тобой из жалости?

Закусив губу, Нора произнесла:

— Оставим это. Мне все равно.

— Но я здесь не из жалости, черт меня возьми! А потому, что мне нравится быть с тобой, потому что мне нравишься ты!

Несмотря на то, что она еще ниже опустила голову, Тревис заметил: ее щеки заливаются краской.

Наступила неловкая пауза.

Эйнштейн умиленно смотрел на Нору, которая водила рукой по его шерсти, и время от времени поднимал глаза на Тревиса, как бы говоря: «Послушай, ты вовлек ее в эти отношения, так не сиди, как дурак, а скажи что-нибудь, действуй, постарайся завоевать ее сердце».

Минуты две она сидела молча, почесывая и лаская ретривера, а затем сказала:

— Со мной уже все в порядке.

Они покинули скверик и опять пошли вдоль торговых рядов, делая вид, что не помнят ни ее минутной паники, ни его неуклюжего признания.

У Тревиса было такое чувство, что он оказывает знаки внимания монашке. После некоторого размышления, однако, Тревис понял: ситуация еще сложнее. Со времени смерти жены три года назад он не вступал в связь ни с одной женщиной. Сама тема сексуальных отношений была для него как бы в новинку. Поэтому Тревис ощущал себя *священником*, ухаживающим за монашкой.

Почти на каждом углу располагалась кондитерская, и от витрины к витрине выставленные в них лакомства казались все более аппетитными. Ароматы корицы, сахарной

пудры, мускатного ореха, миндаля, яблок и шоколада пронизывали теплый весенний воздух.

У каждой витрины Эйнштейн вставал на задние лапы и жадно смотрел сквозь стекло на искусно выставленные яства. Тем не менее он не входил внутрь и не лаял. Выпрашивая угощение, он тихонько скулил, чтобы не беспокоить окружающих. Получив конфету или яблочное пирожное, он успокаивался и переставал попрошайничать.

Спустя некоторое время Эйнштейн продемонстрировал Норе свои выдающиеся способности. Разумеется, он и до этого вел себя как умная и примерная собака, а еще раньше проявил инициативу в поимке Арта Стрека, но тем не менее раскрыться в полной мере ему до сих пор не удавалось.

Они проходили мимо аптеки, в которой, помимо всего прочего, продавались газеты и журналы, частично выставленные на наружном стенде около входа. К удивлению Нору, пес вдруг помчался туда, вырвав конец поводка у нее из рук. Прежде чем она и Тревис догнали его, он успел вытащить зубами журнал со стойки и положил к Нориным ногам. Журнал назывался «Модерн Брайд».¹

— Глупая псина, — сказала она. — Что это тебе взбрело в голову?

Подобрав поводок, Тревис пробился сквозь толпу и поставил свой экземпляр на стенд. Он был уверен, что понял намек собаки, но промолчал, боясь обескуражить Нору, и они зашагали дальше.

Эйнштейн смотрел по сторонам, с интересом обнюхивая прохожих, и, казалось, забыл о матримониальных изданиях. Однако, когда они отошли шагов на двадцать, ретривер резко повернулся и проскочил у Тревиса между ногами, вырвав у него из рук поводок и чуть не свалив его самого. Эйнштейн подбежал к аптеке, выхватил журнал со стойки и вернулся к ним.

«Модерн Брайд».

Нора все еще не понимала происходящего. Ее это забавляло, и она потрепала собаку по спине.

— Это что, твой любимый журнал, глупая псина? Не пропускаешь ни одного номера? Могу поспорить, что так и есть. А ты, оказывается, романтик!

Несколько туристов обратили внимание на игривое поведение ретривера, но еще меньше, чем Нора, осознали, какое серьезное намерение скрывается за этой игрой.

Когда Тревис нагнулся за журналом, собираясь вернуть его на место, Эйнштейн опередил его, схватил журнал зубами и начал яростно мотать головой из стороны в сторону.

— Нехороший пес, — сказала Нора, явно удивленная таким изменением в поведении собаки.

Эйнштейн разжал зубы, и «Модерн Брайд», потрепанный, порванный и мокрый от слюны, упал на тротуар.

— Похоже, придется за него заплатить, — сказал Тревис.

Высунув язык, пес сел, склонил голову и посмотрел на Тревиса.

Нора по-прежнему оставалась в неведении относительно всего происшедшего. Разумеется, у нее не было причин делать какие-либо сложные умозаключения по поводу поведения Эйнштейна. Она не могла оценить его способности и не ожидала от него сложного уровня общения.

Строго поглядев на пса, Тревис сказал:

— Ты прекращай это дело, псина. Чтобы я больше этого не видел. Понял?

Эйнштейн зевнул.

Заплатив за журнал и засунув его в пластиковый пакет, они продолжили прогулку по Сольвангу, но не успели дойти до конца квартала, как Эйнштейн решил осуществить свои намерения до конца. К удивлению и испугу Нору, он вдруг схватил ее зубами за руку, осторожно, но крепко, и потянул вдоль тротуара к картинной галерее, где молодая парочка любовалась выставленными в витрине пейзажами. Рядом с ними в прогулочной коляске сидел ребенок, и именно к нему старался Эйнштейн привлечь внимание Нору. Он не

¹ Букв.: «Современная невеста» (англ.) — Прим. пер.

отпускал ее руки, пока не заставил дотронуться до пухлой ручки младенца, облаченного в розовый костюмчик.

Нора произнесла недоуменно:

— Он думает, что у вас замечательный ребенок, и это, конечно, так.

Родители, поначалу встревоженные появлением собаки, убедились, что пес безопасен для их малыша.

— Сколько вашей девочке? — спросила Нора.

— Десять месяцев, — ответила мать.

— А как ее зовут?

— Лана.

— Красивое имя.

Наконец Эйнштейн успокоился.

Когда Нора с Тревисом отошли в сторону и остановились полюбоваться антикварным магазином, который, казалось, по кирпичику и по досочке был перевезен сюда из Дании семнадцатого века, Тревис сел на корточки рядом с псом и, подняв рукой его лохматое ухо, проговорил:

— Хватит. Если хочешь еще раз получить «Алпо», прекращай свои штучки.

Нора недоумевала:

— Что с ним?

Эйнштейн зевнул, и Тревис понял: дело плохо.

В течение следующих десяти минут Эйнштейн еще дважды брал Нору за руку и подводил к детишкам.

«Модерн Брайд» и младенцы.

Намек был теперь совершенно очевиден даже для Норы: «Ты и Тревис предназначены друг для друга. Женитесь. Создавайте семью. Заведите детей. Чего вы ждете?»

Нора залилась краской и не смела взглянуть на Тревиса. Он тоже был не в своей тарелке.

Почувствовав, что его намек ясен, Эйнштейн успокоился. Глядя на него, Тревис понял: у собак тоже бывает самодовольное выражение.

Когда настало время ужина, было еще очень тепло, и Нора отказалась от мысли пойти в ресторан. Она выбрала одно местечко, где на открытом воздухе под огромным дубом стояли столики, затененные красными зонтами. Тревис знал, что Нора не боится идти в ресторан, а просто не хочет расставаться с Эйнштейном, которому бы не позволили войти внутрь. Много раз в течение ужина она то украдкой, то открыто следила за собакой внимательным взглядом.

Тревис не упоминал в разговоре о происшедшем и сделал вид, что обо всем этом забыл. Но, когда Нора отвлекалась и смотрела по сторонам, он произносил шепотом угрозы в адрес пса:

«Больше никаких пирожных. Посажу на цепь. Надену намордник. Отправлю на живодерню».

Эйнштейн воспринимал их спокойно, скаля зубы, зевая и выдувая воздух из ноздрей.

5

Рано вечером в воскресенье Винс Наско навестил Джонни Сантини по кличке Струна. Он получил ее по двум причинам, одной из них стала его внешность: Джонни был длинный, худой и жилистый, как сплетенный из струн. У него к тому же были медного цвета волосы. Вторая связана с небольшим дельцем, которое он предпринял в нежном пятнадцатилетнем возрасте. Чтобы заслужить внимание своего дяди, Релиджио Фастино, главы одного из пяти нью-йоркских мафиозных кланов, Джонни взялся ликвидировать одного самодельного торговца наркотиками, «работавшего» в Бронксе¹ без разрешения клана. Он задушил его рояльной струной. Такая демонстрация инициативы и верности принципам клана растрогала

¹ Район Нью-Йорка. — Прим. пер.

дона Релиджио, заставив его заплакать второй раз в жизни и пообещать племяннику вечное уважение и хорошо оплачиваемое место в семейном бизнесе.

Сейчас Джонни Струна достиг тридцатипятилетнего возраста и жил в доме стоимостью в миллион долларов на побережье в Сан-Кlemente. После покупки дома, состоявшего из десяти комнат и четырех ванных, Джонни нанял дизайнера, который превратил его новое жилище в этакий заповедник «Арт Деко». Преобладающими цветами в интерьере были оттенки черного, серебряного и темно-синего, с вкраплениями бирюзового и персикового тонов. Джонни говорил Винсу, что ему нравится арт деко. Этот стиль напоминал ему о «бурных двадцатых», а «двадцатые» он любил за то, что это была романтическая эпоха легендарных гангстеров.

Для Джонни Струны преступление стало не просто средством для добывания денег, способом противопоставить себя ограничениям цивилизованного общества, не результатом дурной наследственности, а захватывающей дух романтической традицией. Он считал себя братом каждого одноглазого и однорукого пирата, который когда-либо плавал по морям с целью наживы и грабежа, каждого разбойника с большой дороги, когда-либо обиравшего почтовый дилижанс, каждого взломщика сейфов, похитителя детей и мошенника на протяжении всего времени существования криминального мира. Ему нравилось называть себя мистическим родственником Джесси Джеймса, Диллинджера, Аль Капоне и Дальтонов, Лаки Лючиано и других. Джонни ко всем испытывал любовь, ко всем этим легендарным братьям по уголовному миру.

Приветствуя Винса у входной двери, он сказал:

— Входи, входи, здоровяк. Рад тебя видеть.

Они обнялись, хотя Винс не любил обниматься. Дело в том, что в прошлом, когда он жил в Нью-Йорке, ему приходилось работать на дядю Джонни, Релиджио, да и сейчас время от времени он брался за различные поручения клана Фастино, поэтому они с Джонни были вроде как приятели, и обняться нужно было обязательно.

— Выглядишь хорошо, — сказал Джонни. — Следишь за собой. И, конечно, по-прежнему хитрый, как змея?

— Как гремучая змея, — ответил Винс, досадуя, что ему приходится произносить всякие глупости, хотя знал: Джонни любит такие разговоры.

— Давно тебя не видел, уж было подумал, что тебя взяли за задницу.

— Я никогда не буду сидеть, — сказал Винс, уверенный: тюрьма никогда не станет частью его жизни.

Джонни понял его слова в том смысле, что Винс будет отстреливаться до последнего, но не сдастся властям, поэтому ухмыльнулся и одобрительно кивнул.

— Если загонят тебя в угол, положи столько этих тварей, сколько сможешь, прежде чем тебе наступит конец. Это единственный *чистый* выход.

Джонни Струна был на удивление непривлекательный мужчина, и это в какой-то мере объясняло его тягу к романтическим уголовным традициям. Годами вращаясь среди преступного мира, Винс заметил: преступники с красивой внешностью никогда не хвастаются своими «подвигами». Они хладнокровно убивают, потому что это им нравится или вызвано необходимостью; либо крадут, обманывают и вымогают, так как любят «легкие» деньги, и точка. Никаких самовосхвалений и самооправдания. Так и должно быть. Но те, у кого, как кажется, морды грубо отлиты из бетона, те, кто похож на Квазимодо, вставшего не с той ноги, — не все, но многие из них, — стараются компенсировать свою неприглядную наружность, пытаясь походить на Джимми Кагни в «Возмутителе спокойствия».

На Джонни было надето черное трико десантника и черные кроссовки. Он всегда носил черное, так как этот цвет придавал ему зловещий вид и скрадывал уродство.

Из прихожей Винс последовал за Джонни в гостиную, где вся мебель имела черную обивку, а низкие столики были покрыты блестящим черным лаком. Винс увидел искусственную позолоту ламп Ранка, большие посеребренные вазы в стиле «деко» от Даума и пару антикварных стульев от Жака Рульманна. Винс знал предысторию этих вещей только

потому, что во время его предыдущих визитов Джонни сбрасывал с себя маску «крутого парня», чтобы натрепать ему всякой чепухи о своих сокровищах.

Привлекательная блондинка с журналом в руках полулежала в серебристо-черном шезлонге. Хотя на вид ей было не более двадцати лет, у нее были на удивление хорошо развитые формы. Ее чуть серебристые волосы были коротко острижены «под мальчика». На ней была красная пижама из китайского шелка, плотно облежавшая ее полную грудь, а когда она взглянула на Винса и надула губки, ему показалось, что она старается быть похожей на Джин Харлоу.

— Это Саманта, — представил Джонни Струна. Обращаясь к девушке, он сказал: — Лапуля, перед тобой фартовый парень, всегда работающий в одиночку, человек-легенда.

Винс чувствовал себя полным дураком.

— Что такое «фартовый»? — спросила блондинка таким высоким голосом, который не оставлял сомнения в том, что она подражает кинозвезде прошлых лет Джуде Холидей.

Стоя рядом с шезлонгом и взяв груди девушки в свои ладони, Джонни сказал:

— Она не понимает, Винс. Она не принадлежит к *fratellanza*.¹ Она девчонка из долины, жизни не знает, наших порядков — тоже.

— Он хочет сказать, что я не принадлежу к вонючим итальяшкам, — съязвила Саманта. Джонни влепил ей такую пощечину, что она чуть не слетела с шезлонга.

— Думай, что говоришь, сучка.

Приложив ладонь к лицу, с глазами, полными слез, Саманта произнесла детским голосом:

— Прости меня, Джонни.

— Глупая сучка, — пробормотал он.

— Я не знаю, как это получилось, — сказала девушка. — Ты хорошо относишься ко мне, Джонни, и я ненавижу себя, когда веду себя вот так.

Винсу показалось, что сцена отрепетирована. Она уже до этого многократно повторялась, как наедине, так и на людях. По тому, как заблестели глаза Саманты, Винс понял: ей нравится, когда ее бьют по морде; она специально надерзила Джонни, чтобы тот ей врезал. Было ясно и то, что Джонни обычно не отказывал себе в этом удовольствии.

Винс почувствовал отвращение.

Джонни Струна обозвал ее еще раз «сучкой», а затем повел Винса из гостиной в большой кабинет и закрыл за собой дверь. Он подмигнул ему и сказал:

— Саманта любит взбрыкивать, но если бы ты знал, как она работает ртом!

Ощущая подступившую тошноту от похотливости Джонни Сантини, Винс не дал втянуть себя в разговоры на эту тему. Он вынул из кармана конверт.

— Мне нужна информация.

Джонни взял у него конверт, небрежно провел большим пальцем по пачке стодолларовых банкнот, лежавшей внутри, и сказал:

— Считай, что ты ее уже имеешь.

Кабинет был единственной комнатой в доме, не тронутой стилем «деко». Здесь все было на высшем техническом уровне. Вдоль трех стен выстроились прочные металлические столы, на которых возвышались восемь компьютеров, все разных форм и моделей. Каждый компьютер имел собственный телефонный канал и модем, и все дисплеи светились. На некоторых из них были включены программы: бегали или медленно плыли сверху вниз данные. Окна были плотно зашторены, а на двух лампах, установленных на гибких кронштейнах, надеты бленды, чтобы свет не падал на мониторы, поэтому основным светом в кабинете был зеленый. От него у Винса складывалось впечатление, что он находится глубоко под поверхностью океана. Три лазерных принтера делали бумажные копии, производя при этом шелест, напоминавший звуки, издаваемые рыбами, скользящими между морскими водорослями.

На счету у Джонни Струны были полдюжины убийств, финансовые махинации,

¹ Буквально: братство (итал.) — Прим. пер.

ограбления банков и кражи драгоценностей. Кроме того, по линии семьи Фастино он участвовал в операциях, связанных с наркотиками и рэкетом, с похищениями, с коррупцией в профсоюзах, аудио— и видеопиратством, угоном грузовиков трансамериканских компаний, подкупом должностных лиц и детской порнографией. Все это он проделывал сам или помогал другим, и, хотя ему никогда не становилось скучно, вне зависимости от того, как долго и как часто он был задействован в тех или иных акциях, усталость все-таки накапливалась. В течение последних десяти лет, когда в уголовный мир пришли компьютеры, открыв новые, захватывающие возможности для совершения преступлений, Джонни ухватился за них. Оказалось, что у него к этому хорошие способности, и очень скоро организованная преступность возвела его в ранг компьютерного пирата № 1.

При наличии времени и стимула он мог проникнуть через любую систему охраны компьютерных данных и получить доступ к самой деликатной информации, хранящейся в памяти машины частной корпорации или государственного учреждения. Если вам требовалось совершить мошенничество с кредитными карточками на миллионные суммы, Джонни мог подобрать подходящие фамилии и справки о доходах из файлов TRW, а к ним — соответствующие номера карточек из банка данных «Америкэн Экспресс», принадлежащих другим людям. Если вы были уголовным воротилой, ожидающим суда за тяжкие преступления, и опасались, что один из ваших сообщников выступит с показаниями против вас, Джонни мог проникнуть в хорошо охраняемые банки данных Министерства юстиции, выяснить новую фамилию, которую органы следствия дали стукачу в системе защиты свидетелей, и направить верных вам людей по нужному адресу. Джонни с присущей ему помпезностью называл себя Электронным магистром, хотя по-прежнему звали его Струной.

Он стал настолько ценным кадром для всех преступных кланов страны, что те не возражали, когда Джонни решил уехать в сравнительно тихое местечко Сан-Клемент и вести там курортный образ жизни, лишь бы он продолжал работать на них. «В эпоху микросхем, — говорил Джонни, — весь мир превращается в маленький городишко. Ты можешь сидеть в Сан-Клементе или в Ошкоше и, не двигаясь с места, залезать кому-нибудь в карман в Нью-Йорк-сити».

Джонни плюхнулся в черное кожаное кресло с высокой спинкой и на резиновых колесиках, на котором он мог кататься от одного компьютера к другому.

— Итак, Винс, чем тебе может помочь Электронный магистр?

— Ты можешь подключиться к полицейской компьютерной сети?

— Запросто.

— Меня интересуют дела о необычных убийствах, которые, возможно, были заведены со вторника в любом из полицейских управлений.

— А жертвы кто?

— Не знаю. Мне просто нужны сведения о необычных убийствах.

— В каком смысле «необычных»?

— Точно сказать не могу. Возможно... разорванное горло. Или растерзанный на куски труп. Как после нападения дикого животного.

Джонни пристально посмотрел на него.

— Да, действительно дело незаурядное. Но о таких вещах, как правило, сообщают в газетах.

— Могут не сообщать, — произнес Винс, думая о целой армии сотрудников национальной безопасности, прилежно работающих, чтобы не просочилась в прессу информация о проекте «Франциск», и об опасном развитии событий в лаборатории Банодайн. — Об убийствах, наверное, станет известно, но полиция будет придерживать некрасивые подробности, чтобы все выглядело как обычное убийство. Поэтому из газет я не смогу узнать, являются ли жертвами интересующие меня люди.

— Ладно. Сделаю.

— Заодно проверь окружное управление по контролю над животными. У них могли появиться сведения о зверских нападениях со стороны койотов, кугуаров или других

хищников и не только на людей, но также на всяких там коров, овец. Может быть, есть информация из какого-то района, скорее всего на востоке графства, где пропадали или были растерзаны домашние животные. Если наткнешься на что-либо подобное, отметить это для меня.

Джонни усмехнулся и спросил:

— Ты что, охотишься за оборотнем?

Это была шутка, и он не ждал ответа. Джонни не спросил, зачем Винсу нужна информация, и никогда не спросит, поскольку в его бизнесе люди не задают лишних вопросов. Конечно, Джонни любопытен, но Винс знал: Струна никогда не даст волю своему любопытству.

Винса сбил с толку не вопрос, а усмешка, с которой тот его задал. Зеленоватое мерцание дисплеев отражалось в глазах Джонни, на его влажных от слюны зубах, а также — хоть и в меньшей степени — в медных волосах. Он и так был безобразен, а это зеленое свечение делало его похожим на оживших мертвецов из фильма Ромеро.

Винс сказал:

— И еще одно. Я хочу знать, ведет ли хоть одно полицейское управление в округе поиск золотистого ретривера.

— Это что, собака?

— Ага.

— Пропавшие собаки — не дело полиции.

— Знаю.

— У нее есть кличка?

— Нет.

— Я проверю. Что-нибудь еще?

— Все. Когда будут результаты?

— Я позвоню тебе утром. Рано.

Винс кивнул:

— В зависимости от того, что тебе удастся обнаружить, мне, возможно, потребуются твои услуги и дальше. Каждый день.

— Детские игрушки, — сказал Джонни, повернувшись вокруг оси в своем вертящемся кресле и спрыгивая на пол с ухмылкой. — А теперь пойду трахну Саманту. Хочешь присоединиться? Такие два жеребца, как мы, из нее кисель сделаем, из этой сучки. Ну как?

Винс был благодарен этому жуткому зеленому свечению за то, что оно сделало незаметным покрывшую его бледность. Сама мысль о возне с этой вонючей стервой, с этой заразной шлюхой вызвала у него тошноту.

— У меня встреча, на которую я не могу опоздать.

— Жаль, — сказал Джонни.

Винс заставил себя выговорить:

— Это было бы интересно.

— Может быть, в другой раз.

Винса охватило безразличное чувство. Ему очень сильно захотелось встать под горячий душ.

6

В воскресенье вечером, чувствуя приятную усталость от проведенного в Сольванге долгого дня, Тревис полагал, что уснет, как только его голова коснется подушки, но этого не произошло. Он не мог не думать о Норе Девон. Ее серых глазах с зелеными прожилками. Блеске черных волос. Изящной линии шеи. Музыкальном звуке голоса и ее улыбке.

Эйнштейн лежал на полу в прямоугольнике серебристого света, падающего в темную комнату сквозь окно. Тревис целый час крутился в кровати, переворачиваясь с боку на бок, и пес наконец забрался к нему в постель и положил кудлатую голову и передние лапы ему на

грудь.

— Она такая замечательная, Эйнштейн. Одна из самых замечательных женщин, которых я когда-либо встречал.

Собака хранила молчание.

— И умная. У нее острый ум, она сама об этом знает. Нора понимает то, чего не понимаю я. Она умеет так рассказывать, что начинаешь смотреть на мир ее глазами и воспринимать его иначе.

Несмотря на неподвижность и молчание, ретривер не спал. Он внимательно слушал.

— Когда я думаю о том, что ее тяга к жизни, ум и чувства подавлялись на протяжении тридцати лет, мне плакать хочется. Тридцать лет в этом старом, мрачном доме. Боже правый! А когда я думаю, как она переносила все эти годы и не позволяла себе очерстветь душой, мне хочется обнять ее и сказать, какая она необыкновенная женщина — сильная, мужественная и замечательная.

Эйнштейн слушал не шевелясь.

На Тревиса вдруг нахлынул чистый аромат шампуня — он слышал этот запах, когда приблизился к Норе у витрины картинной галереи в Сольванге. Он глубоко вдохнул этот нахлынувший на него аромат, и сердце у него учащенно забилося.

— Черт меня дерит, — сказал он. — Знаком с ней всего несколько дней, но, по-моему, уже влюбился.

Ретривер поднял голову и тявкнул, как бы подтверждая эту мысль и показывая, что это он стал причиной их знакомства и что теперь беспокоиться нечего, поскольку все пойдет само собой.

Тревис еще целый час говорил о Норе, ее наружности и походке, мелодичности голоса, уникальном видении мира и способе мышления, а Эйнштейн слушал со вниманием и искренним интересом, как может слушать только настоящий преданный друг. Тревис чувствовал необыкновенный душевный подъем. Он было уже поверил в то, что никогда не сможет никого полюбить. Да еще так сильно. Еще неделю назад его одиночество казалось непоколебимым.

Исчерпав свои физические и эмоциональные силы, Тревис в конце концов уснул.

Посередине ночи он, однако, проснулся и сквозь полусон увидел: Эйнштейн стоит у окна, положив передние лапы на подоконник и упершись носом в стекло, внимательно вглядывается в темноту.

Тревис понял, что пес испытывает беспокойство.

Однако ему только что снилось, что он держит Нору за руку, и ему не хотелось до конца просыпаться, чтобы этот приятный сон не ушел от него.

7

Утром в понедельник двадцать четвертого мая Лемюзль Джонсон и Клифф Соамс прибыли в небольшой зоопарк — это было несколько вольеров, где для развлечения детей содержали молодняк — в просторном Ирвин-парке, на восточной границе графства Ориндж. Ветра не было, и в кронах огромных неподвижных дубов с ветки на ветку с щебетаньем перескакивали птицы.

Были убиты двенадцать животных. Они лежали, сваленные в кровавую кучу.

Под покровом ночи кто-то перелез через изгородь и убил трех молодых коз, белохвостую олениху с олененком, двух павлинов, зайца, овечку и двух ягнят.

Среди мертвых животных находился также пони, но на нем не было следов насилия. Очевидно, он умер от испуга и ударов об изгородь, о которую бился, пытаясь убежать, пока преступник расправлялся с другими животными. Пони лежал на боку, изогнув шею под неправдоподобным углом.

Дикие кабанчики не пострадали. Они хрюкали в отдельной вольере, тыкаясь в пыльную землю вокруг кормушки, где вчера просыпался корм. В отличие от кабанчиков другие

оставшиеся в живых животные вели себя скованно.

Служащие парка были подавлены. Они собрались вокруг оранжевого грузовика, принадлежащего администрации округа, разговаривали с двумя представителями отдела по контролю за животными и с молодым бородатым биологом из Калифорнийского департамента живой природы.

Присев на корточки около олененка, Лем осмотрел раны на его шее, но вскоре встал, не вынеся исходящего от него смрада. Запах был вызван не только начавшимся разложением, но и экскрементами и мочой, оставленными убийцей на телах жертв, — повторение того, что Лем уже видел в доме Далберга.

Прижав носовой платок к лицу, чтобы не дышать этим зловонием, Лем подошел к мертвому павлину. У него была оторвана голова и нога. Оба подрезанных крыла были изломаны, а радужные перья потускнели и слиплись от крови.

— Сэр, — позвал Клифф из соседнего загона.

Лем оставил павлина, нашел калитку, ведущую в вольеру, и подошел к Клиффу, стоявшему рядом с трупом овцы. Его облепили, жадно жужжа, мухи, и Лем с Клиффом помахали руками, сгоняя насекомых.

В лице Клиффа не было ни кровинки, но он не проявлял признаков шока или тошноты, как в пятницу в хижине Далберга. Возможно, оттого, что были убиты животные, а не люди. Вероятно, Клифф намеренно приучал себя к необычайной жестокости преступника.

— Зайдите с моей стороны, — сказал он, сидя на корточках рядом с овцой.

Лем обошел труп и присел рядом с Клиффом.

Несмотря на то, что на голову животного падала тень от нависшей над загонем ветви дуба, Лем увидел: правый глаз был вырван из глазницы.

Не говоря ни слова, Клифф с помощью палки приподнял голову овцы и обнаружил, что левый глаз тоже отсутствовал.

Над трупом кружилась уже целая туча мух.

— Похоже, здесь поработал наш беглец, — произнес Лем.

Отнимая платок от лица, Клифф сказал:

— Это не все. — Он подвел Лема еще к трем трупам: двух ягнят и одной из коз. У них тоже были вырваны глаза. — Сомнения нет. Чертов монстр прикончил Далберга в прошлый четверг, затем бродил по холмам и каньонам в течение пяти дней...

— Занимаясь... чем?

— Бог его знает. Но прошлой ночью он притопал сюда.

Лем вытер платком пот, выступивший на его темнокожем лице.

— От хижины Далберга нас отделяет всего несколько миль, если идти на юго-восток.

Клифф кивнул.

— Как ты думаешь, куда он двинет?

Клифф пожал плечами.

— Да, — сказал Лем, — это непредсказуемо. Мы не можем предупредить его действия, так как не знаем его намерений. Нужно только молить Бога, чтобы он остался здесь, в незаселенном районе графства. Я даже предположить боюсь, что произойдет, если он решит отправиться в самые восточные районы, такие, как Ориндж-парк-эйкрз и Вилла-парк.

Выходя из зоосада, Лем заметил: мухи так сильно облепили зайца, что казалось, будто он покрыт куском темной материи, шевелящейся на легком ветру.

Восемь часов спустя, в семь вечера в понедельник, Лем вышел на трибуну большого конференц-зала в помещении базы морской пехоты в Эль-Торо. Он придвинулся к микрофону, постучал по нему пальцем, чтобы убедиться в его исправности, и сказал:

— Попрошу внимания.

В зале на складных металлических стульях ему внимали сто человек. Это были как на подбор молодые, хорошо сложенные мужчины, поскольку все они принадлежали к элите морской пехоты — ее разведке. Пять взводов, состоящих из двух отделений каждый, были вызваны из Пендлота и других калифорнийских баз. Большинство этих парней на прошлой

неделе участвовали в поисковой операции у подножия Санта-Аны.

Поиск еще не закончился — военные только что вернулись, проведя целый день на холмах и в каньонах. Чтобы ввести в заблуждение репортеров и местные власти, они приехали к обозначенному на карте периметру поискового района на легковых машинах, пикапах и джипах. Там разбрелись на самостоятельные группы по три-четыре человека, одетые как обычные туристы: джинсы или брезентовые штаны, футболки или хлопчатобумажные рубашки, кепки с козырьками или ковбойские шляпы. Парни имели на вооружении крупнокалиберные пистолеты и револьверы, их можно было быстро спрятать в рюкзаках или под рубашками, если бы навстречу им попались настоящие туристы или представители властей. А в сумках-холодильниках из пенопласта «Стайрофом» хранились автоматы «узи», которые можно было привести в действие через несколько секунд в случае встречи с противником.

Каждый участник операции дал расписку в том, что, если он сообщит о характере операции кому-либо, его ожидает длительное тюремное заключение. Все они знали, за каким существом охотятся, хотя, по мнению Лема, некоторые из них все еще с трудом верили в его существование. Некоторые испытывали страх. Другие же, особенно те, кому довелось служить в Ливане или Центральной Америке, были достаточно хорошо знакомы со смертью и всякими ужасами, чтобы не спасовать перед необычностью сегодняшнего задания. Среди этих людей находилось и несколько ветеранов, еще заставших последний год вьетнамской войны, и они отнеслись к операции как к загородной прогулке. Это были настоящие парни, которые испытывали уважительную осторожность к предмету своих поисков. Если Аутсайдера вообще можно найти, они были полны решимости это сделать.

Сейчас же, когда Лем попросил их внимания, в зале мгновенно воцарилась тишина.

— Генерал Хотчкисс сообщил мне, что еще один день прошел в бесплодных поисках, — произнес Лем. — И я знаю: от этого у вас такое же паршивое настроение, как и у меня. Вы проводите по многу часов в труднопроходимой местности вот уже в течение шести дней, вы устали и спрашиваете себя, сколько это еще будет продолжаться. Что вам сказать? Мы должны искать то, что мы ищем, пока не загоним Аутсайдера в угол и не покончим с ним. Другого способа остановить его нет.

Парни ответили молчаливым согласием.

— И не забывайте: мы ищем еще и собаку.

Каждый из сидящих в зале, наверное, при этих словах испытал надежду, что именно он наткнется на собаку, а кто-то другой — на Аутсайдера.

Лем сказал:

— В среду сюда придут еще четыре подразделения морских пехотинцев из отдаленных баз вам на подмену, поэтому у вас будет пара выходных. Но завтра все выходят как один. Кроме того, изменился район поиска.

Позади трибуны на стене была вывешена карта округа, и Лем стал водить по ней указкой.

— Поиск перемещается на северо-запад в холмы и каньоны вокруг Ирвин-парка.

Затем он рассказал об убийствах животных в детском зоосаде, подробно описав состояние трупов. Ему хотелось, чтобы они получше узнали о повадках того, с кем им придется иметь дело.

— То, что произошло с животными в зоопарке, может случиться с любым из вас, если вы хоть на секунду потеряете бдительность.

Сто мужчин выслушали его со всей серьезностью, и в их глазах он увидел сто отражений его собственного затаенного страха.

Во вторник двадцать пятого мая Трейси Ли Кишан не могла уснуть. Она была настолько возбуждена, что все в ней ходило ходуном. Трейси могла бы сравнить себя с одуванчиком,

белым пушистым шариком: достаточно малейшего дуновения — и легкие семена-парашютики полетят во все стороны, ее больше не станет, она исчезнет без остатка.

Трейси исполнилось тринадцать лет, и она обладала необычайно развитым воображением.

Лежа в кровати в темной спальне, девочка, даже не закрывая глаз, могла представить себя сидящей верхом на ее собственном гнедом жеребце по кличке Гудхарт,¹ а если точнее, мчащейся галопом по треку — мимо мелькает изгородь, другие лошади скачут позади, до финиша остается меньше ста ярдов, а с главной трибуны слышен восхищенный гул зрителей...

В школе она постоянно получала хорошие отметки, но не из-за прилежания, а потому что учение давалось ей легко и не требовало от нее больших усилий. К занятиям Трейси относилась довольно безразлично. Она была стройной блондиночкой с глазами цвета чистого летнего неба и очень хорошенькой; мальчики крутились вокруг нее, но Трейси уделяла им не больше внимания, чем учебе, хотя все ее подружки были настолько заняты мальчишками, что подчас ей бывало невыразимо скучно.

По-настоящему Трейси была увлечена — глубоко и страстно — только лошадьми и только чистокровными скакунами. Она собирала фотографии животных с пятилетнего возраста и посещала уроки верховой езды с семи лет, несмотря на то, что долгое время ее родители не могли позволить себе купить ей лошадь. Последние два года, однако, бизнес ее отца процветал, и вот два месяца назад семья переехала в новый дом на участке в два акра в Ориндж-парк-эйкрз. Здесь многие держали лошадей и было немало дорожек для верховой езды. В конце их владения находилась конюшня на шесть лошадей, но пока в ней было занято только одно стойло. Именно сегодняшний день, двадцать пятое мая, навсегда останется в сердце Трейси днем, который наглядно доказывал: Бог существует — сегодня ей подарили собственную лошадь — прекрасного и несравненного Гудхарта.

Заснуть, разумеется, девочка не могла. Она ушла в спальню в десять, но и к полуночи сна у нее не было ни в одном глазу. К часу ночи Трейси больше не могла оставаться в постели. Ей было просто необходимо пойти в конюшню и посмотреть на Гудхарта. Убедиться, что с ним все в порядке. Что ему удобно в его новом пристанище. Убедиться, что он *настоящий*.

Она откинула в сторону простыню и тонкое одеяло и выскользнула из постели. На ней были трусики и футболка с надписью «Скачки Санта-Анита», поэтому девочка просто натянула джинсы и сунула босые ноги в голубые кроссовки «Найк».

Бесшумно повернув ручку двери, она тихо вышла в холл, оставив дверь в спальню открытой. В доме было темно и тихо. Ее родители и девятилетний брат Бобби спали.

Трейси прошла через холл, гостиную и столовую, не зажигая света, полагаясь на лунное сияние, проникающее в дом через большие окна.

Войдя в кухню, выдвинула ящик из углового шкафчика и достала фонарик. Затем, отперев заднюю дверь, вышла на открытую кухонную веранду, тихонько притворила за собой дверь, не включая фонарь.

Весенняя ночь повеяла на нее прохладой. Несколько больших, посеребренных сверху лунным светом, но темных снизу облаков плыли, подобно парусным галеонам, по океану ночи, и Трейси любовалась ими несколько мгновений. Ей хотелось вобрать в себя мгновение, приближавшее ее к встрече с любимцем. Что ни говори, а сейчас впервые она сможет побыть со своим гордым и благородным конем наедине — постоять рядом и вместе помечтать о будущих совместных радостях.

Трейси миновала веранду, обошла вокруг плавательного бассейна, в воде которого трепетало гофрированное отражение луны, и зашагала по идущему вниз газону. В освещенной лунным светом траве мириадами огоньков мерцали капельки ночной росы.

Слева и справа участок был обнесен белой изгородью, слегка фосфоресцирующей в лунном сиянии. За изгородью простирались другие участки, площадью не меньше акра, а

¹ Букв.: Доброе Сердце (англ.). — Прим. пер.

некоторые такие же большие, как владение Кишанов. На всем пространстве Ориндж-парк-эйкрз стояла ночная тишина, нарушаемая только несколькими цикадами и лягушками.

Трейси медленно шла по направлению к конюшне на краю участка, размышляя о победах, которые ожидают их с Гудхартом. Он, правда, больше не будет участвовать в состязаниях. В недалеком прошлом жеребец брал призы на скачках в Санта-Анита, Дель-Мар, Голливуд-парке и других местах по всей Калифорнии, но получил травму, и возвращать его на трек было небезопасно. Тем не менее Гудхарта можно было использовать как племенного производителя, и Трейси не сомневалась, что его потомству уготовано блестящее будущее. Через неделю им обещали доставить двух хороших кобыл, и тогда сразу же отвезут их на племенную ферму, где Гудхарт их покроет. Потом все трое вернутся назад, и Трейси будет за ними ухаживать. На следующий год родятся два здоровеньких жеребеночка, и их отправят к тренеру, живущему поблизости, чтобы Трейси могла постоянно навещать малышей. Она будет помогать их растить и выезжать, научиться всему, что нужно для воспитания настоящих чемпионов, а потом потомок Гудхарта впишет новые страницы в историю скачек — Трейси была абсолютно уверена, что именно так все и произойдет.

Ее мечтания были прерваны, когда до конюшни оставалось пройти ярдов сорок: она наступила в какую-то кашу, поскользнулась и чуть не упала. Хотя запаха Трейси не услышала, она подумала, что это, наверное, помет, оставленный Гудхартом во время вчерашней прогулки. Чувствуя себя глупо и неуклюже, девочка включила фонарик и, посветив себе под ноги, вместо лошадиного навоза увидела ужасным образом растерзанное тело кошки.

Трейси фыркнула от отвращения и тотчас выключила фонарик.

Их район буквально кишел кошками, отчасти потому, что вокруг конюшен, как правило, водилось множество мышей. С ближайших холмов регулярно спускались койоты в поисках добычи. Иногда им удавалось схватить зазевавшуюся кошку, и поначалу Трейси подумала, что какой-нибудь койот подлез под изгородь или перепрыгнул через нее и подстерег эту несчастную кошку, которая вышла охотиться на грызунов.

Койот, правда, съел бы кошку на месте, оставив от нее только кончик хвоста и кучу шерсти, поскольку эти хищники ужасно прожорливы. Или утащил бы жертву в другое место, где никто не помещал бы его трапезе. Эта же кошка не была съедена даже наполовину — ее просто разорвали на куски, как будто убийство в данном случае стало самоцелью.

Трейси содрогнулась.

И вспомнила слухи, ходившие про зоосад.

В Ирвин-парке, всего в милях двух отсюда, два дня назад кто-то убил нескольких животных, находившихся в вольерах. Какие-нибудь наркоманы. Садисты. Никто не знал в точности, что произошло, но слухи об этом ходили очень упорные. Соседские ребята вчера ездили туда на велосипедах; изуродованных трупов, правда, они не видели, но заметили: животных в вольерах поубавилось. Шотландского пони точно на месте не оказалось. Они начали расспрашивать служащих парка, но те оказались неразговорчивыми.

Предположение о том, что те же самые психи бродят по Ориндж-парк-эйкрз, убивая кошек и других домашних животных, привело Трейси в замешательство. Ей вдруг пришло в голову, что если у людей, убивающих кошек ради удовольствия, настолько не в порядке с головой, то они вполне могут переключиться и на лошадей.

Мысль о Гудхарте, стоящем в конюшне в одиночестве, чуть не парализовала ее. На мгновение у девочки отнялись ноги.

Станным образом ночные звуки вокруг нее стихли.

Цикады умолкли. Не было слышно и лягушек.

Облака-галеоны встали на якорь в ночном небе, как будто путь им преградили сияющие в лунном свете льды.

В ближнем кустарнике что-то шевельнулось.

Большая часть огромного участка отводилась под газон, по которому были искусно высажены живописные группы растений, состоявшие в основном из индийских лавров и

джакаранд, нескольких коралловых деревьев, клумб с азалиями, кустов калифорнийской сирени и жимолости.

Трейси ясно услышала, как зашуршали кусты — кто-то грубо и торопливо пробирался через них. Но когда она включила фонарик и обвела его лучом ближайшие заросли, то не увидела ничего подозрительного.

Опять наступила непривычная тишина.

Девочка подумала: может, лучше вернуться домой и, разбудив отца, попросить его пойти вместе с ней или же лечь спать и утром все проверить самой. А что, если там, в кустах, всего-навсего койот? В этом случае опасность ей не угрожает. Голодный койот, конечно, может напасть на младенца, но убежит от всякого ростом с Трейси. Кроме того, она была слишком встревожена за своего благородного Гудхарта, чтобы терять время попусту; ей необходимо было удостовериться, что с ним все в порядке.

Направив луч фонаря себе под ноги, чтобы не наступить еще на что-нибудь неприятное, Трейси заспешила к конюшне. Сделав всего несколько шагов, она опять услышала шелест и, что еще хуже, жуткое рычание, не похожее на звуки, издаваемые известными ей животными.

Девочка в нерешительности остановилась и хотела уже бежать домой, когда из конюшни до нее донеслось пронзительное ржание Гудхарта. Впечатление было такое, что от страха он бьет копытами о дощатую стенку стойла. В воображении Трейси моментально возникла картина: ухмыляющийся маньяк приближается к Гудхарту, держа в руках ужасные орудия пыток. Ее боязнь за себя уступила место страху за ее любимого жеребца, и она помчалась ему на помощь.

Было слышно, как бедняга Гудхарт еще сильнее застучал копытами по стенам — в ночной тишине звук раздавался гулко, как гром.

Когда от конюшни Трейси отделяли каких-нибудь пятнадцать ярдов, до нее вновь донеслось странное утробное рычание и она поняла: сзади на нее надвигается какое-то существо. На скользкой траве девочка с трудом прервала бег, обернулась и вскинула фонарик.

На нее неслось существо, место которому было только в преисподней. Оно испустило безумный и злобный вопль.

В свете фонарика Трейси не сумела как следует разглядеть нападавшего. Фонарик прыгнул у нее в руке, да и луна вдруг зашла за облако; кроме того, существо мчалось слишком быстро, а она слишком сильно напугалась, чтобы понять, что это на самом деле. Девочка заметила только большую уродливую голову, всю в асимметрических углублениях и желваках, огромные челюсти, полные острых зубов, и янтарные глаза, светящиеся в луче фонарика так же, как глаза кошек и собак отсвечивают в свете автомобильных фар.

Трейси завизжала. Нападавший издал еще один вопль и кинулся на нее. Он ударился о девочку с такой силой, что чуть не вышиб из нее дух. Фонарик отлетел в сторону, она упала, существо навалилось на нее сверху, и они покатались в сторону конюшни. Трейси изо всех сил молотила кулачками по чудовищу, пока не ощутила, как острые когти впиваются ей в правый бок. Из раскрытой пасти ее обдало зловонным дыханием, в котором смешивался запах крови, гнилого мяса и еще чего-то более отвратительного; она почувствовала, что мерзкая тварь сейчас вцепится ей в горло — я сейчас умру, о Господи, оно меня сейчас убьет, как ту кошку! Разумеется, через несколько секунд это бы и случилось, если бы Гудхарт, обезумевший от страха, не выбил дверь конюшни и не выскочил прямо на них.

Завидев девочку и чудовище, конь заржал и взвился на дыбы, как будто собираясь растоптать их.

Существо испустило еще один леденящий душу вопль, но на этот раз не от ярости, а от страха. Оно освободило Трейси и метнулось в сторону, стараясь избежать удара копыт.

Копыта Гудхарта опустились на землю в нескольких дюймах от головы девочки, затем конь опять встал на задние ноги, перебирая передними в воздухе и сопровождая это громким ржанием, и она поняла, что через несколько секунд он может в панике разmozжить ей голову. Трейси перекатилась в сторону, противоположную той, куда метнулась желтоглазая тварь, к этому моменту исчезнувшая в темноте.

Гудхарт продолжал подниматься на дыбы и ржать, Трейси визжала и звала на помощь, собаки во всей округе начали выть, и в доме вспыхнул свет, давая ей надежду на спасение. Вместе с тем она чувствовала: чудовище находится где-то рядом, возможно, старается обойти жеребца, чтобы наброситься на нее вновь. Ей стало ясно, что прежде чем она успеет добраться до дома, оно снова схватит ее, и поэтому решила искать спасения в одном из пустых стойл. На бегу Трейси приговаривала: «Господи, о, Господи, Господи, Господи, Господи...»

Двустворчатая дверь конюшни, построенной на голландский манер, была крепко заперта на щеколду. Еще одна щеколда была на дверной раме. Трейси отперла эту щеколду, распахнула створки, прыгнула в пахнущую сеном темноту и, захлопнув за собой дверь, стала тянуть ее на себя что было сил.

Мгновением позже чудовище ударило в дверь снаружи, стараясь выбить ее, но рама не позволила ему это сделать. Дверь открывалась только наружу, и Трейси надеялась, что у желтоглазой твари не хватит ума сообразить, что створки надо тянуть на себя.

Но она ошиблась.

(Боже праведный, почему эта бестия не настолько же глупа, насколько она уродлива?!)

Ударившись о дверь два раза, чудовище потянуло ее в свою сторону, едва не вырвав створки из рук Трейси.

Ей хотелось позвать на помощь, но нужно было экономить каждую унцию энергии для того, чтобы еще крепче упереться пятками в пол и тянуть дверь на себя. От усилий ее демонического противника дверь так и билась о косяк. К счастью, Гудхарт все еще громко ржал, а чудовище испускало вопли — поэтому, подумала она, отцу нетрудно будет определить, куда бежать на помощь.

Дверь приоткрылась на несколько дюймов. Трейси вскрикнула и с усилием захлопнула ее. Через мгновение чудовищу удалось оттянуть створки на себя, удержать и открыть их еще шире. Девочка проигрывала. С каждой секундой щель становилась все шире. Она уже видела смутные очертания уродливой головы. Янтарные глаза уже не светились так ярко. Чудовище шипело и рычало на нее, а зловонное дыхание перебивало запах сена.

Постанывая от ужаса и отчаяния, Трейси тянула на себя дверь изо всех сил. Но тщетно. Щель становилась все шире и шире. В висках у нее стучало так сильно, что она даже как следует не расслышала первый выстрел. Затем, когда в ночи прогремел второй, девочка поняла: отец спешит к ней на помощь, вооруженный своей двустволкой двенадцатого калибра.

Дверь вдруг захлопнулась в руках у Трейси, поскольку нападавший, напуганный выстрелами, перестал тянуть на себя. Трейси изо всех сил продолжала удерживать ее.

И тут она подумала, что в суматохе отец может решить, будто во всем виноват Гудхарт, что он взбесился или что-нибудь в этом роде. Поэтому девочка начала кричать:

— Не стреляй в Гудхарта! Не стреляй в коня!

Выстрелов больше не последовало, и Трейси стало стыдно за свои мысли. Отец был осторожным человеком, особенно когда дело касалось оружия, и, если он не знает, что происходит, то сделает только предупредительные выстрелы. Вот и сейчас скорее всего он разнес в клочья какой-нибудь куст.

С Гудхартом наверняка все в порядке, а чудовище с янтарными глазами, по-видимому, уже мчится к холмам или каньонам, или туда, откуда оно пришло.

(Кстати, что же это такое было?)

Слава Богу, все уже позади.

Трейси услышала топот, а затем голос ее отца, зовущего ее по имени. Она открыла дверь и увидела его, одетого в синие пижамные брюки, с двустволкой в руках, спешащего к ней. За ним бежала мама с фонариком в руках, в короткой желтой ночной рубашке. На пригорке, в конце загона, стоял Гудхарт, прародитель будущих чемпионов, в целости и сохранности.

При виде коня, стоявшего перед ней без единой царапины, у Трейси из глаз брызнули

слезы, и она, спотыкаясь, выбежала из конюшни, чтобы осмотреть его поближе. Не успела девочка сделать и трех шагов, как жгучая боль пронзила весь ее правый бок, и у нее вдруг закружилась голова. Трейси покачнулась, упала, приложила ладонь к боку, почувствовала что-то мокрое и поняла: она ранена. Тут девочка вспомнила, что чудовище впилося в нее когтями, как раз перед тем, как Гудхарт вырвался из стойла и спугнул его. Откуда-то издалека она услышала собственный голос:

— Милая моя лошадка... какая хорошая лошадка...

Отец опустился рядом с Трейси на колени.

— Малышка, что случилось, что с тобой?

Ее мама тоже была рядом.

Отец увидел кровь.

— Вызывай «скорую»!

Мать, не подверженная панике или истерикам в трудные минуты, мгновенно помчалась в сторону дома.

Трейси начала терять сознание. В ее глазах сгущалась темнота, но это не была ночная темнота. Этой темноты она уже не боялась. Это была хорошая, успокаивающая темнота.

— Малышка, — проговорил отец, прикладывая ладонь к ее ранам.

Слабым голосом, понимая, что находится в полубреду, и удивляясь собственным словам, Трейси произнесла:

— Помнишь, когда я была маленькой... совсем маленькой... я думала... что у меня в шкафу живет кто-то страшный?

Он обеспокоенно нахмурился.

— Детка, тебе сейчас лучше полежать спокойно и помолчать.

Окончательно теряя сознание, Трейси сказала с серьезностью, которая одновременно позабавила и напугала отца:

— Ну так вот... привидение, которое жило в шкафу в нашем старом доме... оно было настоящее... и оно приходило за мной.

9

В 4.20 утра в среду, несколько часов спустя после нападения в усадьбе Кишанов, Лемюэль Джонсон приехал в больницу Святого Иосифа в Ориндже, куда поместили Трейси. Несмотря на то, что Лем не терял времени, он обнаружил, что шериф Уолт Гейнс опередил его. Уолт стоял в коридоре, глядя сверху вниз на молодого доктора, облаченного в зеленый хирургический комбинезон и белый халат; они вполголоса о чем-то спорили.

Бригада УНБ, занимающаяся происшествием в Банодайне, проверяла все полицейские управления в графстве, включая и управление в Ориндж-сити, в ведении которого оказалось дело Кишанов. Руководитель ночной смены бригады УНБ позвонил домой Лему и сообщил о происшествии, не без основания посчитав, что оно вписывается в цепочку связанных с Банодайном инцидентов.

— Ты же отдал нам это дело, — напомнил Лем Уолту, подойдя к шерифу и доктору, стоящим у палаты, в которой лежала девочка.

— Возможно, это что-то другое.

— Ты же знаешь, что это не так.

— Полной ясности еще нет.

— Как же нет? В доме Кишанов я разговаривал с твоими людьми.

— О'кей, я нахожусь здесь в роли наблюдателя.

— Головная боль.

— Что?

— У меня сильная головная боль, и она называется Волтер.

— Как интересно! А у твоей зубной боли тоже есть имя?

— Ее зовут точно так же.

— Нет, так их можно перепутать. Назови ее Бертом, или Гарри, или еще как-нибудь.

Лем сдержал улыбку. Он любил Уолта, но понимал: за этими шуточками скрывается стремление возобновить расследование. Поэтому Лем сделал каменное лицо, хотя Уолт, несомненно, видел, что ему хочется улыбнуться. Глупая игра, но ее надо было продолжать.

Доктор Роджер Селбок был похож на молодого Рода Стайгера.¹ Когда Лем и Уолт громко заговорили, он нахмурился; подобно Роду Стайгеру, он внушал присутствующим определенное чувство почтения, и они сразу замолчали.

Доктор сказал, что девочка была обследована, ее раны обработаны и ей было введено болеутоляющее. Она еще очень слабенькая. Селбок собирается ввести ей сильное успокоительное, чтобы Трейси заснула, и он против того, чтобы полицейские любого ранга задавали ей сейчас какие-либо вопросы.

Утренние больничные звуки, разговоры вполголоса, запах дезинфицирующих средств и строгий вид одетой в белое монашки, прошеествовавшей мимо, вызвали у Лема тяжелое чувство. Он вдруг испугался, что девочка находится в гораздо более тяжелом состоянии, чем ему говорили, и он поделился своей тревогой с Селбоком.

— Нет, нет, она в неплохой форме, — сказал доктор. — Я отослал ее родителей домой — я бы не сделал этого, если бы самочувствие было плохое. У нее оцарапана левая сторона лица и синяк под глазом — это все ничего. Что касается раны на правом боку, мы наложили ей тридцать два шва — нужно будет позаботиться о том, чтобы шрам был не очень страшный. Но малышка вне опасности. Она сильно испугалась. Тем не менее Трейси умненькая и самостоятельная девочка, и я не думаю, что психическая травма останется надолго. В то же время я против того, чтобы сегодня подвергать ее допросу.

— Не допросу, — заметил Лем. — Всего несколько вопросов.

— Это займет пять минут, — сказал Уолт.

— Даже меньше, — подтвердил Лем.

Они вдвоем стали упрашивать Селбока, и наконец тот сдался.

— Ну ладно... Вы ведь тоже на работе... только не переусердствуйте.

— Я буду воплощением чуткости, — пообещал Лем.

— *Мы* будем воплощением чуткости, — поправил его Уолт.

Селбок сказал:

— А можно мне спросить: что с ней произошло?

— А она сама вам не говорила? — спросил Лем.

— Трейси говорит, что на нее напал койот.

Лем был удивлен и увидел удивление на лице Уолта.

Может быть, все-таки этот случай не имеет ничего общего с делом Далберга и зоосадам Ирвин-парка?

— Но, — сказал доктор, — на такую большую девочку не может напасть ни один койот. Они опасны для совсем маленьких детей. Кроме того, я не верю, что койот может нанести такие раны.

Уолт спросил:

— Мне сказали: ее отец отогнал нападавшего с помощью ружья. Он-то видел, что это было?

— Нет, — ответил Селбок. — В темноте он ничего не разглядел и сделал два предупредительных выстрела. Он говорит, будто что-то побежало через двор и перепрыгнуло через забор, но не рассмотрел никаких подробностей. Трейси в бреду призналась ему, что это было привидение, которое когда-то жило у нее в шкафу. Мне она сказала, что это был койот. Вы... случайно не знаете, что тут вообще происходит? Может быть, вы сообщите мне что-нибудь, чтобы я знал, как правильно лечить мою пациентку?

— Я — нет, — сказал Уолт. — Но вот мистер Джонсон знает все об этом деле.

— Спасибо тебе, — сказал Лем.

Уолт улыбнулся в ответ.

¹ Популярный американский киноактер. — *Прим. пер.*

Селбоку Лем сказал:

— Извините, доктор, но я не уполномочен обсуждать это дело. Во всяком случае, что бы я ни сообщил вам, это не повлияет на методы лечения.

Когда наконец Лем и Уолт оказались в палате, они увидели сильно израненную и бледную симпатичную девочку, лежащую под простыней на больничной койке. Несмотря на принятое болеутоляющее, она все еще нервничала, поэтому-то, очевидно, Селбок и хотел дать ей успокоительное. Хотя девочка явно старалась не показывать, что ей до сих пор страшно.

— Ты бы лучше оставил нас вдвоем, — сказал Лем Уолту.

— Лучше — это на ужин съесть филе-миньон, — сказал Уолт. — Привет, Трейси, я — шериф Уолт Гейнс, а это — Лемюэль Джонсон. Со мной-то можно иметь дело, а вот Лем — большой зануда, все об этом говорят, но я его приструню, так что не бойся.

Перебивая друг друга, они постепенно заставили Трейси разговаривать. Очень быстро выяснилось: она наврала Селбоку про койота, потому что, скажи она правду, ей никто бы не поверил: ни доктор, ни кто другой.

— Я боялась, что меня сочтут ненормальной и продержат здесь слишком долго.

Присев на краешек койки, Лем сказал:

— Трейси, ты можешь быть уверена, я так не считаю. Я знаю, что ты видела сегодня ночью, и хочу только, чтобы ты подтвердила это.

Девочка удивленно посмотрела на него.

Уолт стоял в ногах кровати, похожий на большого плюшевого мишку, и улыбался. Он сказал:

— Перед тем как потерять сознание, ты призналась своему отцу, что на тебя напало привидение, жившее в твоём шкафу.

— Это была мерзкая тварь, — сказала она. — Но, конечно, не привидение.

— Ну, рассказывай, — произнес Лем.

Трейси взглянула на Уолта, затем на Лема и вздохнула.

— Лучше вы сами скажите, *что* я должна была увидеть, и, если это совпадает с тем, что случилось, я расскажу вам все, что помню. Но сама я начинать не буду, потому что все это похоже на бред сумасшедшего.

Лем с тоской взглянул на Уолта, подумав, что придется в его присутствии рассказывать некоторые подробности дела.

Уолт усмехнулся.

Обращаясь к девочке, Лем сказал:

— Желтые глаза.

Она охнула и напряглась.

— Да! Значит, вы всё знаете? Вы знаете, *что* это было? — Трейси приподнялась, желая сесть, но швы ее напряглись, и она, поморщившись от боли, откинулась на подушку. — Скажите, что же это было?

— Трейси, — сказал Лем, — я не имею права сказать тебе это. Я дал подписку. Если я ее нарушу, меня могут посадить в тюрьму, но что еще хуже, я потеряю уважение к самому себе.

Она нахмурилась и кивнула.

— Я понимаю.

— Вот и хорошо. Теперь расскажи все, что помнишь, о существе, которое на тебя напало.

Оказалось, что Трейси не так уж много удалось рассмотреть — ночь была темная, а фонариком она осветила Аутсайдера только на мгновение.

— Довольно большого размера, наверное, с меня ростом. Желтые глаза. — Она содрогнулась. — И морда у него была какая-то странная.

— Что значит странная?

— Ну, вся в таких шишках, уродливая.

Девочка побледнела еще больше, и на лбу у нее выступили мелкие капли пота.

Облокотившись о спинку кровати, Уолт наклонился вперед, стараясь не пропустить ни одного слова.

Порыв ветра, внезапно налетевший со стороны гряды Санта-Ана, напугал девочку. Она со страхом взглянула на застучавшее окно, как будто боялась, что сейчас что-то влетит в палату через стекло.

«А ведь таким способом Аутсайдер напал на Вэса Далберга», — подумал Лем.

Девочка сделала глотательное движение.

— Пасть у него была огромная... а зубы...

Ее начало трясти, и Лем положил руку ей на плечо.

— Все позади, детка. Все кончилось хорошо.

Выдержав паузу, чтобы успокоиться, но продолжая дрожать, Трейси сказала:

— По-моему, оно было волосатое или обросшее шерстью... я не уверена, и очень сильное.

— На какое животное оно было похоже? — спросил Лем.

Она отрицательно покачала головой.

— Ни на что не похоже.

— Но, если бы тебе все-таки пришлось сравнивать его с животным, оно было похоже на кугуара или на что-то еще?

— Нет. Не на кугуара.

— На собаку?

Трейси заколебалась.

— Может быть... немного похоже на собаку.

— И немного на медведя?

— Нет.

— На пантеру?

— Нет. И ни на какую другую кошку.

— На обезьяну?

Она нахмурилась в раздумье.

— Не знаю... может быть... немного. Только ни у собак, ни у обезьян не бывает таких зубов.

Распахнулась дверь, и в палату вошел доктор Селбок.

— Пять минут уже прошли.

Уолт стал было выпроваживать доктора, но Лем сказал:

— Нет, все в порядке. Мы закончили. Еще полминуты.

— Счет пошел на секунды, — сказал Селбок, выходя в коридор.

Лем обратился к Трейси:

— На тебя можно положиться?

— В смысле «держат язык за зубами»?

Лем кивнул.

Девочка сказала:

— Да. Я никому не хочу сообщать об этом. Родители считают меня взрослой. Я имею в виду в умственном и эмоциональном отношении. Но если я начну рассказывать истории о всяких монстрах, они решат, что я еще маленькая, и изменят свои планы насчет лошадей. А этого я не могу допустить, мистер Джонсон. Нет, сэр. Моя версия — это был бешеный койот. Но...

— Да?

— Можете ли вы мне ответить: оно не вернется?

— Думаю, что нет. Хотя на твоём месте я бы не ходил к конюшне по ночам.

Договорились?

— Договорились.

«Судя по выражению ее лица, она теперь долго не станет выходить из дома по

вечерам», — подумал Лем.

Лем и Уолт вышли в коридор, поблагодарили доктора Селбока за содействие и двинулись к крытой больничной автостоянке. Еще не начало светать, и похожее на пещеру бетонное помещение было пустынно. Их шаги гулко раздавались в тишине.

Их машины оказались припаркованными недалеко друг от друга, и Уолт проводил Лема до его неприметного служебного «Форда». Когда Лем вставил ключ в дверной замок, Уолт оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не слышит, и произнес:

— Расскажи.

— Не могу.

— Я все равно узнаю.

— Ты отстранен от дела.

— Тогда подай на меня в суд.

— Это идея.

— За подрыв национальной безопасности.

— Справедливое обвинение.

— Посади меня.

— Не исключено, — сказал Лем, зная, что этого он не сделает.

Парадоксально, нахальство, с которым Уолт пытался влезть в это расследование, одновременно раздражало и нравилось Лему. У него было немного друзей, и главным из них был Уолт; Лема тешила мысль, что малое количество друзей объясняется высокими требованиями, которые он предъявлял к ним. Если бы Уолт отступил, испугавшись федеральных властей, если бы он выключил свое любопытство так же легко, как гасят свет поворотом выключателя, его репутация была бы подпорчена в глазах друга.

— Что́ одновременно похоже на собаку и обезьяну, да еще имеет желтые глаза? — спросил Уолт. — Кроме твоей тещи, конечно.

— Оставь мою тещу в покое, трепло, — ответил Лем.

Не в силах сдержать улыбку, он уселся за руль.

Уолт уцепился за дверцу машины и, наклонившись, взглянул Лему в глаза.

— Ради Христа, объясни мне, что там такое убежало из Банодайна?

— Я повторяю: Банодайн здесь ни при чем.

— Ну да, а пожар они сами себе устроили, чтобы замести следы.

— Не будь дураком, — сказал Лем устало, вставляя ключ в замок зажигания. — Следы замечают более эффективными и менее радикальными методами. Если есть что замечать. А там ничего такого не было. Потому что Банодайн здесь ни при чем.

Лем завел двигатель, но Уолт не отставал. Удерживая дверцу в открытом положении, он наклонился еще ниже и заговорил, перекрывая рев мотора:

— Генная инженерия. Вот чем они занимаются там в Банодайне. Возятся с бактериями и вирусами и выводят новые микроорганизмы, способные на хорошие поступки вроде вырабатывания инсулина и поедания нефтяных пятен. Я думаю, они также экспериментируют с генами растений — выводят семена кукурузы, которая сможет расти на кислой почве, или пшеницы, которую надо поливать в два раза реже. Мы привыкли думать, что эксперименты с генами проводятся в малых масштабах: на растениях или бактериях. Но ведь можно экспериментировать и с генами животных, чтобы вывести необычное потомство — может быть, новые виды животных? Это — то, чем занимаются в Банодайне? То, что оттуда убежало?

Лем отчаянно замотал головой.

— Уолт, я не специалист по рекомбинации ДНК, но я не думаю, что наука достаточно продвинулась, чтобы делать такие вещи. И главное, зачем? Ну хорошо, предположим, можно произвести на свет какого-нибудь генетического убудка. Что с ним потом делать-то? На ярмарках показывать?

Уолт сузил глаза.

— Я не знаю. Я думал, что ты мне ответишь.

— Послушай, денег на эксперименты выделяется мало, и за то, чтобы получить даже маленькое ассигнование, ведется конкурентная борьба. Поэтому никто не может себе позволить проводить опыты, результаты которых не будут иметь применения. Понимаешь? Просто потому, что я занимаюсь этим расследованием, ты решил, что оно имеет отношение к национальной безопасности. И отсюда ты делаешь вывод, что Банодайн попусту расходует денежки Пентагона, производя уродов для ярмарок.

— Слова «попусту» и «Пентагон» иногда встречаются в одном и том же предложении, — сухо сказал Уолт.

— Спустись на землю, Уолт. Одно дело, когда один из подрядчиков Пентагона тратит деньги на разработку новой системы вооружений. Но совсем другое — транжирить их на то, что не имеет никакого отношения к обороне. Наша государственная система иногда неэффективна, подвержена коррупции, но до такой откровенной глупости еще не дошла. Я тебе еще раз повторяю: весь этот разговор — пустая трата времени, *потому что Банодайн здесь ни при чем.*

Уолт посмотрел на него долгим, пристальным взглядом и сказал:

— У тебя все очень складно выходит, Лем. Я знаю, что ты обязан мне врать, но все равно тебе не поверил.

— Я тебе правду говорю.

— Нет, ты молодец, Лем, ей-Богу. Скажи мне... а что, убийца Вэтерби, Ярбеков и других уже найден?

— Нет.

Сотрудник, которому Лем поручил расследование этих преступлений, доложил ему, что, по его мнению, Советы наняли убийцу со стороны, и, возможно, им является человек, вообще не связанный с политикой. Но Уолту он сейчас об этом не сказал.

Уолт было выпрямился и закрыл дверцу автомобиля, но затем вновь наклонился к Лему.

— Еще один момент. Ты обратил внимание на то, что оно перемещается в определенном направлении?

— О чем ты говоришь?

— Ну, с тех пор как эта тварь смылась из Банодайна, она все время движется на северо-запад.

— Из Банодайна никто не смывался, черт тебя дери.

— Из Банодайна в каньон Святого Джима, затем в Ирвин-парк, а оттуда — к дому Кишанов, вчера ночью. Все время идет на север или северо-запад. Ты, конечно, знаешь ее конечный пункт, но я боюсь, что, если я спрошу тебя об этом, ты сгноишь меня в тюрьме.

— Про Банодайн я сказал тебе все как есть.

— Это ты так говоришь.

— Ты невозможен, Уолт.

— Это ты так говоришь.

— Это все так говорят. Сейчас я возвращаюсь домой. Я устал как собака.

Улыбаясь, Уолт захлопнул дверцу «Форда».

Лем выехал на Мейн-стрит, затем на скоростную трассу и двинулся к себе домой в Пласентию. Он надеялся к рассвету уже залечь в постель.

Ведя служебный автомобиль по пустынным, как океан, улицам, Лем думал о направлении, в котором перемещался Аутсайдер, — на север. Он и сам заметил это еще раньше, чем Уолт. И ему казалось, он знает, с какой целью стремится туда это чудовище, несмотря на то что точное местонахождение его неизвестно. И собака, и Аутсайдер обладают поразительной способностью чувствовать друг друга — даже тогда, когда они находятся на значительном расстоянии друг от друга. Доктор Вэтерби говорил — и кажется, вполне серьезно, — что между двумя этими существами есть своего рода телепатическая связь. Сейчас, похоже, Аутсайдер, пользуясь этим шестым чувством, идет за собакой.

«Если это не так, то псу крупно повезло», — подумал Лем.

Еще в лаборатории стало очевидно: ретривер боится Аутсайдера, и не без оснований.

Оба животных были неотъемлемой частью проекта «Франциск» — без них вообще ничего не было бы. Аутсайдер символизировал собой ужас и зло. Ученые сделали так, чтобы он *ненавидел* пса со всей страстью, на которую был способен. Теперь, когда оба они оказались на свободе, Аутсайдер целенаправленно шел за собакой, желая только одного — разорвать ее на куски.

Тут Лем заметил, что, разволновавшись, слишком сильно надавил на педаль газа. Машина стрелой летела по трассе. Он сбавил скорость.

Где бы и с кем бы ни находилась собака, ей угрожает опасность. Смертельному риску подвергается тот, кто дал ей убежище.

Глава шестая

1

Всю последнюю неделю мая и первую неделю июня Нора, Тревис и Эйнштейн не расставались друг с другом ни на один день.

Поначалу Нора побаивалась Тревиса, но не так, как Стрека; вскоре, однако, приступ паранойи у нее прошел. Теперь воспоминания о своей подозрительности вызывали у нее смех. Тревис был нежным и добрым — то есть таким, каким, по определению тетки Виолетты, не мог быть ни один мужчина на свете.

Когда психологический барьер был преодолен, Нора начала думать, что жалость — единственная причина, заставляющая Тревиса общаться с ней. Будучи человеком сострадательным — а Тревис таковым, несомненно, являлся, — он не способен был отвернуться от того, кто попал в беду. На большинство людей, знакомившихся с Норой, она не производила впечатление человека, попавшего в беду, — может быть, казалась излишне застенчивой и странной, но не отчаявшейся. В то же время Нора никак не могла войти в мир, находящийся за стенами ее дома, боялась будущего и была ужасно одинока. Тревис, с его чуткостью и добротой, понял ее состояние и отозвался на него. Постепенно, спустя какое-то время, Нора осмелилась предположить, что он бывает с ней не из жалости, а потому что она ему нравится.

Единственное, чего она не понимала, это что такой мужчина мог найти в такой женщине, как она. По ее мнению, ей нечего было ему предложить.

Да, конечно, у Норы была проблема собственного имиджа. Возможно, она и не такая серая и скучная, как ей кажется. И все равно Тревис явно заслуживает — и, конечно, может позволить себе — лучшее женское общество, чем то, которое Нора может ему составить.

Она решила не терзать себя, а расслабиться и получать удовольствие.

Поскольку после смерти жены Тревис продал свою фирму по торговле недвижимостью и сидел без дела, Нора тоже не работала, у них было полно свободного времени, которое они посвящали друг другу. Они ходили в картинные галереи, рылись на полках в книжных магазинах, подолгу гуляли, ездили на машине в живописную долину Святой Инессы или вдоль Тихоокеанского побережья.

Два раза, встав пораньше, Нора и Тревис отправлялись в Лос-Анджелес и провели там по целому дню. Нора поразилась масштабам города и пришла в восторг от того, как они провели там время: побывали на экскурсии по киностудии, в зоопарке и на утреннем представлении популярного мюзикла.

В один прекрасный день Тревис уговорил Нору постричься и сделать прическу. Он отвез ее в салон красоты, куда раньше ходила его покойная жена. Нора так нервничала, что, разговаривая с Мелани, блондинкой-парикмахершей, начала заикаться. Когда жива была Виолетта, она стригла Нору дома, а после ее смерти девушка стриглась сама. Посещение парикмахерской для нее было так же волнующе, как впервые в жизни обедать в ресторане. Мелани, по ее словам, «подравнила» Норину прическу: состригла много волос, но при этом

она не выглядела «обстриженной». В зеркало Норе разрешили посмотреть только когда волосы были высушены и уложены. Увидев свое отражение, она потеряла дар речи.

— Ты выглядишь потрясающе, — сказал Тревис.

— Совсем другая женщина, — заметила Мелани.

— Потрясающе, — повторил Тревис.

— У вас хорошенькое личико и великолепные пропорции, — сказала Мелани, — но прямые длинные волосы слишком его удлиняли. Теперь все стало как надо.

Эйнштейну понравилась перемена в Нориной наружности. Когда они вышли из салона, пес, привязанный к парковочному счетчику, ждал их появления. Увидев девушку, он прыгнул на нее передними лапами, обнюхал лицо и волосы со счастливым выражением на морде, повизгивая и вовсю виляя хвостом.

Самой Норе новый образ пришелся не по вкусу. Когда ее повернули к зеркалу, она увидела истеричную старую деву, старающуюся сойти за молоденькую хорошенькую девушку. Эта прическа была совершенно не для нее. Она только подчеркивала ее незамысловатую серую сущность. Ей никогда не суждено стать сексуальной, очаровательной женщиной «с изюминкой», несмотря на то, что претензии на это олицетворяла ее новая прическа. Это было все равно что привязать яркую метелку из перьев к заднице индюка и попробовать выдать его за павлина.

Поскольку Норе не хотелось расстраивать Тревиса, она притворилась, что ей нравится произошедшая в ней перемена. Но вечером того же дня она вымыла голову и расчесывала волосы до тех пор, пока полностью не избавилась от так называемого «стиля». Из-за стрижки волосы уже не спадали длинными прядями, как раньше, но Нора постаралась сделать все возможное, чтобы вернуть себе прежний облик.

На следующий день, захав за ней, чтобы отвезти на ленч, Тревис был явно поражен увиденным. Он, однако, промолчал и не стал задавать никаких вопросов. Нора так переживала из-за обиды, которую невольно нанесла Тревису, что часа два вообще не могла взглянуть ему в глаза.

Несмотря на отчаянные и упорные протесты Норы, Тревис настоял на покупке ей нового яркого летнего платья, в котором она могла бы сопровождать его в «Ток оф Таун» — шикарный ресторан на улице Вест Гутиэррез, где, по его словам, можно увидеть кинозвезд и киношников, живущих в этом районе, уступающем в этом смысле только району Бел-Эйр и Беверли-Хиллз. Итак, они отправились в дорогой магазин, где она перемерила множество нарядов, демонстрируя их Тревису, краснея и умирая от стыда. Продавщица искренне восхищалась тем, как каждое платье сидит на Норе, и уверяла ее, что у нее отличная фигура. Но она не могла избавиться от чувства, что над ней просто насмеются.

Платье, которое понравилось Тревису больше остальных, было из коллекции Дианы Фрайс. Норе и самой оно приглянулось: изысканное сочетание цветов с преобладанием красного и золотого, что вообще отличает дизайнерскую манеру Фрайс. Платье было необычайно женственным. Красивая женщина в нем выглядела бы совершенно неотразимо. Но ей оно не подходило, нет. Темные цвета, бесформенный покрой, простые ткани без рисунка — вот это ее стиль. Нора попыталась объяснить это Тревису, сказав, что никогда не сможет надеть такое платье, но он был непреклонен.

— В нем ты смотришься просто шикарно, абсолютно сногшибательно.

Ей ничего не оставалось делать, как позволить ему заплатить за покупку. Нора знала: это ошибка, она никогда не наденет это платье. Когда покупку заворачивали, Нора спросила себя, почему все-таки она согласилась, и поняла: несмотря на страшное смущение, ей льстило, что мужчина покупает ей одежду. Ей такое раньше и в голову не могло прийти, и Нора была совершенно ошеломлена.

Краска не сходила с ее лица, и сердце у нее колотилось. Она испытывала головокружение, но это было радостное чувство.

Когда они вышли из магазина, выяснилось, что за платье заплачено пятьсот долларов.

Пятьсот долларов! Если бы оно стоило пятьдесят долларов, она бы повесила его в шкаф и любовалась на него, теша себя приятными мечтаниями, но за пятьсот долларов ей волей-неволей придется его надевать, даже если при этом она будет ощущать себя уборщицей, нарядившейся принцессой.

Вечером следующего дня, за два часа до того, как Тревис должен был заехать за ней и повезти в ресторан, Нора раз десять надевала и снимала платье. Затем она в отчаянии несколько раз перерыла содержимое своего шкафа, стараясь отыскать что-нибудь подходящее, что-нибудь более разумное, но так ничего и не нашла, так как у нее никогда не было выходного платья для ресторана.

Стоя в ванной комнате и глядя на себя в зеркало, она с издевкой сказала своему отражению:

— Ты похожа на Дастина Хофмана в «Тутси».

Ее вдруг разобрал смех: Нора поняла, что слишком строга к себе. Ничего не поделаешь: она чувствовала себя мужчиной в женском платье. В таких случаях чувства берут верх над фактами, и смех ее быстро угас.

Затем она совсем расстроилась, два раза принималась плакать и даже решила позвонить Тревису и отложить свидание. Ей, однако, очень хотелось его увидеть, пусть даже ценой унижительного вечера в ресторане. С помощью «Мюрайн» она избавилась от красноты в глазах, затем снова примерила — и сняла платье.

В начале восьмого приехал Тревис. Он был очень красив в темном костюме.

На Норе было надето бесформенное синее платье и темно-синие туфли.

Он сказал:

— Я подожду.

— Подождешь?

— Не делай вид, что не понимаешь. *Иди и переоденься.*

Она сказала скороговоркой:

— Тревис, извини, это ужасно, но я пролила кофе на новое платье.

— Я буду ждать здесь, — сказал Тревис, проходя в гостиную.

— Целый кофейник.

— Поторопись. Столик заказан на семь тридцать.

Внутренне готовясь к насмешливому шепоту или даже к откровенному смеху ресторанной публики и убеждая себя в том, что, кроме мнения Тревиса, ее ничего не интересует, Нора поднялась в спальню и надела на себя платье от Дианы Фрайс.

Она пожалела, что испортила прическу, которую Мелани сделала ей пару дней назад. Может быть, с прической было бы лучше? Пожалуй, нет — было бы еще смешнее.

Когда Нора спустилась в гостиную к Тревису, Тревис улыбнулся и сказал:

— Какая ты красивая!

Ей так и не довелось узнать, соответствует ли кухня знаменитого ресторана его репутации: она не притронулась к еде. Позднее Нора даже не могла как следует вспомнить внутреннее убранство заведения, хотя лица некоторых посетителей — включая актера Джина Хэкмана — она, казалось, запомнила на всю оставшуюся жизнь, так как была уверена, что они весь вечер смотрели на нее с удивлением и отвращением.

В середине ужина, явно чувствуя ее неловкость, Тревис поставил на стол свою рюмку и, наклонившись к Норе, тихо сказал:

— Ты действительно выглядишь замечательно, Нора, хоть ты и думаешь иначе. И если бы ты была поопытнее в таких делах, то заметила бы: большинство мужчин здесь, в зале, глядят на тебя с интересом.

Но Нора знала правду и была готова смотреть ей в глаза. Если мужчины и обратили на нее внимание, то совсем не потому, что она им нравилась. Когда индюк с фальшивыми перьями на заднице выдает себя за павлина, это, конечно, привлекает всеобщее внимание.

— Без всякой косметики, — заметил Тревис, — ты выглядишь лучше, чем любая из присутствующих женщин.

Отсутствие косметики. Еще одна причина, почему они все смотрят на нее. Когда женщина надевает платье за пятьсот долларов и идет в дорогой ресторан, она использует все средства: губную помаду, карандаш для глаз, крем-пудру, румяна и Бог знает что еще для того, чтобы максимально улучшить свою внешность. А Нора даже и не подумала об этом.

Шоколадный мусс, поданный на десерт, был, конечно, восхитителен, но во рту у Норы он имел вкус библиотечного клея и застревал в горле.

Они с Тревисом в последние две недели много беседовали, и оказалось, что им на удивление легко говорить о самых сокровенных чувствах и мыслях. Она узнала, почему, несмотря на привлекательную внешность и относительный материальный достаток, он одинок, а он узнал, почему она о себе такого неважного мнения. Когда Нора уже начала окончательно давиться десертом и стала умолять Тревиса отвезти ее домой, он вполголоса сказал:

— Если на свете есть справедливость, то Виолетте Девон должно быть сейчас особенно жарко в аду.

Шокированная его словами, Нора произнесла:

— Нет, что ты! Она была не такая уж плохая.

Всю дорогу он молчал в задумчивости.

Прощаясь с Норой у двери ее дома, Тревис взял с нее обещание: она встретится с Гаррисоном Дилвортом, который был адвокатом ее тетки, а теперь занимался делами Норы.

— Из того, что ты рассказываешь мне, — сказал Тревис, — становится ясно: он знал твою тетку лучше, чем кто бы то ни было. И готов поспорить на что угодно: он может сообщить о ней кое-что, после чего она перестанет давить на тебя с того света.

Нора сказала:

— Я не думаю, что существуют какие-то мрачные тайны в отношении тети Виолетты. Она была тем, чем была, и не более того. На самом деле это была очень незамысловатая женщина. И грустная.

— Грустная, как же, — сказал Тревис.

Он заставил ее пообещать, что Нора договорится о встрече с Гаррисоном Дилвортом.

Когда она поднялась в спальню, то вдруг поняла, что ей не хочется снимать платье. Весь вечер Нора мечтала сменить этот наряд, поскольку чувствовала себя одетой в карнавальный костюм. Но теперь, когда смущение и неловкость остались позади и проведенный вечер будил в ней теплые воспоминания, она хотела продлить их. В этот вечер, как сентиментальная школьница, Нора заснула в платье стоимостью в пятьсот долларов.

Контора Гаррисона Дилворта была отделана со всей тщательностью, для того чтобы вызывать у клиентов чувство респектабельности, стабильности и надежности. Прекрасные дубовые панели. Тяжелые темно-синие шторы, свисающие с латунных карнизов. Полки, набитые книгами по юриспруденции в кожаных переплетах. Массивный дубовый письменный стол.

Сам адвокат представлял собой достойный удивления гибрид из Достоинства, Неподкупности и... Санта-Клауса. Высокий, плотный мужчина, с густой седой шевелюрой, миновавший семидесятилетний рубеж, но все еще работавший полную неделю, Гаррисон Дилворт имел слабость к костюмам-тройкам и галстукам приглушенных тонов. Несмотря на многолетнюю жизнь в Калифорнии, его чистое произношение и изысканная речь указывали на то, что он вырос и получил образование в высших слоях общества на Восточном побережье. В то же время глаза у него были веселые, а улыбка добрая, совсем как у Санта-Клауса.

Он не стал отгораживаться от них шириной своего письменного стола, а сел рядом с Норой и Тревисом в удобные кресла вокруг кофейного столика, на котором находилась большая низкая ваза.

— Я не знаю, что вы хотите от меня узнать. У меня нет никаких секретов про вашу тетю. Так что если вы ждете, что я открою вам мрачную тайну, которая перевернет вашу

жизнь...

— Я знаю столько же, сколько и вы, — сказала Нора. — Извините, что побеспокоили вас.

— Подожди, — прервал ее Тревис. — Дай мистеру Дилворту договорить.

Адвокат сказал:

— Виолетта Девон была моей клиенткой, а адвокат обязан оберегать тайны своих клиентов даже после их кончины. По крайней мере я так думаю, хотя некоторые представители моей профессии придерживаются другого мнения. Однако, поскольку я имею дело с ближайшей родственницей Виолетты и ее наследницей, я полагаю, что мне нечего скрывать — еще и потому, что никаких секретов нет. Кроме того, я не вижу никаких моральных запретов против того, чтобы высказать вам свое собственное мнение о вашей тете. Даже адвокатам, священникам и докторам позволено иметь свое мнение о других людях. — Он глубоко вздохнул и нахмурился. — Я всегда не любил ее. Считал ее ограниченной, эгоистичной женщиной, к тому же душевно неуравновешенной. А методы воспитания, которые она применяла к вам, Нора, можно назвать преступными. Не в смысле уголовного права, а в чисто человеческом смысле. И жестокими.

Сколько Нора себя помнила, внутри у нее, казалось, был завязан большой узел, сдавливающий все ее жизненно важные органы и сосуды, не дававший ей расслабиться, замедлявший кровообращение и подавляющий все ее чувства, заставлявший ее ощущать себя машиной, у которой не хватает мощности. После слов Дилворта узел этот внезапно развязался, и жизнь впервые свободно потекла по ее жилам.

Она понимала, что сделала с ней Виолетта Девон, но это знание не помогало ей преодолеть свое прошлое. Ей нужно было услышать, чтобы обвинение в адрес ее тетки прозвучало из посторонних уст. Тревис уже ругал Виолетту в присутствии Норы, и это принесло ей некоторое облегчение. Но этого все равно было недостаточно, поскольку Тревис лично не знал Виолетту и говорил, что называется, «заочно». Гаррисон же хорошо знал ее, и его слова принесли Норе чувство освобождения.

Ее била сильная дрожь, слезы катились по щекам, но Нора не замечала этого, пока Тревис не привстал со своего кресла и не положил руку ей на плечо. Она начала рыться в сумочке в поисках носового платка.

— Извините.

— Дорогая леди, — сказал Гаррисон, — не надо извиняться за то, что вы вырвались из железной скорлупы, в которой просидели всю свою жизнь. Впервые за все это время я вижу ваши эмоции, кроме, разумеется, обычного для вас крайнего стеснения, и это прекрасное зрелище. — Повернувшись к Тревису и давая Норе возможность вытереть слезы, он спросил: — Что еще вы хотели от меня услышать?

— Есть вещи, которые Нора не знает, но ей следует знать, и упоминание о них вряд ли нарушит кодекс вашей профессиональной чести.

— Какие именно?

Тревис сказал:

— Виолетта Девон нигде не работала, но жила весьма зажиточно и оставила достаточно денег, для того чтобы Норе хватило до конца жизни, по крайней мере, если та не покинет ее дома и будет вести одинокий образ жизни. Откуда у нее были такие средства?

— Откуда? — удивленно переспросил Гаррисон. — Да Нора наверняка знает откуда.

— Дело в том, что ей это неизвестно, — сказал Тревис.

Нора поймала изумленный взгляд Гаррисона Дилворта. Он моргнул и сказал:

— Супруг Виолетты неплохо зарабатывал. Он умер еще молодым, и она унаследовала все сбережения.

Нора чуть не задохнулась от удивления.

— Супруг?

— Джордж Олмстед, — ответил адвокат.

— Никогда не слыхала про такого.

Гаррисон быстро заморгал, как будто в лицо ему бросили горсть песка.

— Она никогда не упоминала о нем?

— Никогда.

— А соседи, они не...

— Мы не общались с соседями, — объяснила Нора. — Виолетте они не нравились.

— Вообще-то говоря, к тому времени, как вы стали жить вместе с Виолеттой, вокруг вас были уже новые соседи.

Нора высморкалась и убрала платок. Она все еще дрожала. Внезапное освобождение из-под теткиного гнета вызвало в ней эмоциональный кризис, который постепенно уступал место любопытству.

— Как дела? — спросил ее Тревис.

Нора кивнула и пристально посмотрела на него.

— Ты знал, так ведь? Я имею в виду о супруге. Поэтому ты и привел меня сюда.

— Я подозревал, — сказал Тревис. — Если бы она получила наследство от родителей, то проговорила бы. Сам факт, что Виолетта скрывала, откуда у нее деньги... ну, в общем, говорил о единственной возможности — о муже, и скорее всего о таком, с которым у нее не все было ладно. Это подтверждается ее отношением к другим людям, и мужчинам в частности.

Адвокат был настолько возбужден, что не мог усидеть на месте. Он вскочил и начал ходить взад-вперед мимо лампы, сделанной в виде старинного глобуса.

— Ну вы даете. Вы что, не понимали, почему она была такой желчной особой, почему думала о людях только плохое?

— Нет, — ответила Нора. — Я просто об этом не думала. Я принимала ее такой, какой она была.

Продолжая ходить взад-вперед, Гаррисон сказал:

— Да. Правильно. Я тоже думаю, что даже в молодости она была почти параноиком. А когда обнаружила, что Джордж обманывает ее с другими женщинами, совершенно заикнулась. И пошло-поехало.

Тревис сказал:

— А почему Виолетта жила под своей девичьей фамилией — Девон, если ее мужа звали Олмстед?

— Она более не желала носить его фамилию. Ненавидела мужа. Чуть не скалкой выгнала из дому! Подала на развод, но он внезапно умер, — сказал Гаррисон. — Я уже говорил, Виолетта узнала про его связи с другими женщинами и пришла в бешенство. Я бы так сказал... не могу полностью возложить вину на беднягу Джорджа, поскольку думаю, что дома ему было плохо. Он понял, что его женитьба — ошибка, уже через месяц после свадьбы.

Гаррисон задержался у лампы-глобуса, положив руку на вершину мира, и задумался. Обычно он выглядел моложе своих лет. Сейчас, когда он погрузился в воспоминания давно минувших дней, складки на его лице углубились и глаза потеряли блеск. Через минуту адвокат тряхнул головой и продолжал:

— Тогда были другие времена — женщина, обманутая мужем, становилась объектом жалости или насмешек. Но даже по тем меркам реакция Виолетты была чрезмерной. Она сожгла всю его одежду и поменяла все замки в доме... она ведь даже убила собаку, спаниеля, которого он любил. Отравила. И отправила труп ему по почте.

— Боже правый, — сказал Тревис.

Гаррисон продолжал:

— Виолетта взяла снова свою девичью фамилию, ибо сама мысль о том, что ей придется всю жизнь носить фамилию Олмстед, вызывала у нее отвращение. Даже после его смерти. Она не умела прощать.

— Да, — согласилась Нора.

Лицо ее исказилось от нахлынувших воспоминаний, и Гаррисон сказал:

— Когда Джордж погиб, Виолетта не скрывала своей радости.

— Погиб? — Нора чуть не спросила, не от руки ли тетки.

— В автокатастрофе, сорок лет назад, — сказал Гаррисон. — Потерял управление на шоссе «Коаст Хайвей» и полетел под откос. Тогда там не было ограждения. Машина свалилась с высоты шестидесяти-восьмидесяти футов и несколько раз перевернулась, прежде чем разбилась о скалы внизу. Виолетта получила наследство полностью, потому что, хотя и подала на развод, Джордж не успел переписать завещание.

Тревис сказал:

— Значит, Джордж Олмстед не только обманывал Виолетту при жизни, но и, умерев, лишил ее возможности вымещать на нем свою злобу. Поэтому она ополчилась на весь мир.

— И на меня, в частности, — заметила Нора.

После обеда, в тот же день, Нора рассказала о своем увлечении живописью. До этого она не упоминала о своих художественных наклонностях, а поскольку Тревис не был допущен в ее спальню, то не видел ни мольберта, ни красок, ни рисовальной доски. Нора сама не знала, почему до сих пор скрывала от него эту часть своей жизни. Она упоминала о любви к искусству вообще — по этой причине они и посещали картинные галереи и музеи, — но не говорила ему о своих работах из боязни, что они не произведут на него никакого впечатления.

А если он подумает, что она бездарность?

Наряду с книгами живопись поддерживала Нору все эти годы, полные мрачного одиночества. Ей самой казалось, что у нее хорошо получается, очень хорошо, но она стеснялась кому-либо в этом признаться. Что, если она ошибается? Что, если у нее нет способностей и она просто теряет время? Творчество стало главным критерием Нориного существования. Это было единственное, что поддерживало ее хрупкий имидж, поэтому вера в собственный талант была ей просто необходима. Мнение Тревиса имело для нее решающее значение, и если он не одобрит ее картины, она этого не вынесет.

После визита к Гаррисону Дилворту Нора поняла: настало время рискнуть. Правда о Виолетте Девон освободила ее от эмоциональной тюрьмы, в которой находилась Нора. Ей еще долго предстоит идти по тюремным коридорам к выходу во внешний мир, но назад пути уже не будет. Поэтому Норе предстояло испытать все, что испытывают люди, живущие в этом мире, и среди прочего горечь непризнания и разочарования. Не рискуя, нельзя ничего достичь.

Когда они вернулись к ней домой, ей захотелось привести Тревиса к себе в спальню и показать ему полдюжины своих последних произведений. Но сама мысль о том, что в ее спальне может появиться мужчина — пусть с самыми невинными намерениями, — пугала Нору. Конечно, объяснения Гаррисона Дилворта освободили ее, но еще не в полной мере. Поэтому Нора усадила Тревиса и Эйнштейна на большой диван в гостиной, а сама решила сходить наверх за картинами. Она включила все светильники, раздвинула шторы на окнах и сказала:

— Я сейчас вернусь.

Поднявшись наверх, Нора стала лихорадочно перебирать десять полотен, находившихся в спальне, пытаясь выбрать два для показа. Наконец отобрала четыре штуки, хотя ей показалось неловким нести сразу так много картин. На полпути она остановилась и решила вернуться за остальными. Сделав несколько шагов, однако, поняла: можно целый день так выбирать. Напомнив себе, что без риска ничего на свете не дается, она глубоко вздохнула и быстро сошла вниз.

Тревису работы понравились. Даже больше чем понравились. Он был в восторге.

— Боже мой, Нора, это не любительская живопись. Это настоящее искусство.

Она прислонила картины к четырем стульям, но Тревис не мог усидеть на диване и подошел поближе, рассматривая полотна одно за другим с более близкого расстояния.

— Ты великолепный фотореалист, — сказал он. — Конечно, я не специалист, но

техника у тебя не хуже, чем у Уайета. Вот эта... и здесь...

От его комплиментов Нора ужасно покраснела и даже на мгновение потеряла голос.

— Есть немного и сюрреализма.

Среди картин, которые она принесла, были два пейзажа и натюрморты. Один пейзаж и натюрморт действительно были выполнены в фотореалистической манере. Два других полотна также представляли собой образцы фотореализма, но уже с явными элементами сюрреализма. Натюрморт, например, изображал несколько стаканов для воды, графин, несколько ложек и разрезанный лимон на столе, выписанный с микроскопической тщательностью; на первый взгляд композиция выглядела очень реалистической, но, присмотревшись, можно было заметить, что один из стаканов как бы «врастал» в поверхность стола, а один из ломтиков лимона «проникал» через стеклянную стенку стакана.

— Очень талантливо, — произнес Тревис. — А еще есть?

Что за вопрос!

Нора еще дважды ходила наверх и принесла шесть работ.

С появлением каждой новой восторги Тревиса усиливались. Его похвалы звучали совершенно искренне. Сначала ей показалось, что он ее разыгрывает, но вскоре поняла: он не скрывает своих настоящих чувств.

Переходя от одной картины к другой, Тревис заметил:

— У тебя прекрасное чувство цвета.

Эйнштейн ходил за ним, твяканьем подтверждая суждения своего хозяина и восторженно виляя хвостом.

— В этих полотнах передано определенное настроение, — сказал Тревис.

— Тяв.

— И с материалом ты работаешь прекрасно. Я не вижу ни единого мазка. Ощущение такое, что ты провела по холсту широкой кистью и изображение появилось само по себе.

— Тяв.

— С трудом верится, что ты нигде этому не училась.

— Тяв.

— Нора, эти картины можно продать. Любая галерея моментально приобретет их.

— Тяв.

— Можно не только обеспечить себя материально, но еще и прославиться.

Из-за того, что Нора самой себе не смела признаться, насколько серьезно относится к творчеству, она часто писала свои картины на одном куске холста, одну поверх другой. В результате многие из ее работ были потеряны навсегда. Но на чердаке Нора сохранила более восьмидесяти самых лучших своих произведений. По настоянию Тревиса они снесли многие из них в гостиную, сорвали с них упаковочную бумагу и расставили по всей комнате, которая впервые на Нориной памяти стала веселой и яркой.

— Любая галерея будет рада выставить их, — сказал Тревис. — Давай завтра погрузим их в пикап и покажем в нескольких галереях — послушаем, что нам скажут.

— Нет, нет, что ты!

— Обещаю тебе, Нора, ты не разочаруешься.

Она вдруг занервничала. Хотя от мысли сделать карьеру в искусстве у нее захватило дух, Нора испугалась первого шага в этом направлении. Это было все равно как прыгнуть с обрыва.

Она сказала:

— Нет, не сейчас. Через неделю... или через месяц... мы погрузим их в пикап и отвезем в галерею. Но не сейчас, Тревис. Я не могу... я не готова к этому.

Он усмехнулся:

— Опять перебор?

Эйнштейн потерся о ее ногу, взглянув ей в глаза так умильно, что Нора не могла сдержать улыбки. Почесывая пса за ухом, она сказала:

— Слишком много всего произошло за такое короткое время. Я не могу все это

пропустить через себя. У меня все время кружится голова. Как на карусели, которая вращается все быстрее и быстрее.

Сказанное ею было правдой, но не по этой причине ей хотелось отложить показ своих картин на публике. Нора желала растянуть это удовольствие. Если подстегивать события, то превращение одинокой старой девы в полноправную участницу жизни произошло бы слишком быстро. А она хотела продлить радость от такой метаморфозы.

Как больная, обреченная с самого рождения лежать в зашторенной комнате, заставленной медицинской аппаратурой, и затем чудесным образом выздоровевшая, Нора Девон делала первые осторожные шаги, входя в этот новый для нее мир.

Не только Тревис вызволил Нору из ее одиночного заключения. Эйнштейн сыграл в этом далеко не последнюю роль.

Ретривер, очевидно, решил, что Норе можно доверить секрет своих необычайных умственных способностей. После фокусов с «Модерн Брайд» и младенцем в Сольванге пес постепенно начал демонстрировать ей свой интеллект.

С «благословения» Эйнштейна Тревис рассказал Норе о том, как они повстречались в лесу и как что-то страшное (и неведомое) бросилось за ними в погоню. Он перечислил ей все удивительные трюки, сделанные Эйнштейном с того момента. Тревис также поведал ей о приступах бдительности, которые испытывал ретривер по ночам, когда вставал у окна и смотрел в темноту, как будто ждал появления того неизвестного существа, преследовавшего их в лесу.

Один раз, вечером, они несколько часов сидели у Норы в кухне, пили кофе с домашним апельсиновым пирогом и обсуждали необычные способности пса. Когда тот не был занят десертом, он с интересом слушал то, что они говорили о нем, как будто понимал смысл сказанного. Иногда ретривер повизгивал и начинал ходить взад-вперед, как бы расстраиваясь, что его голосовой аппарат не позволяет ему разговаривать. Нора и Тревис, однако, ни к какому выводу не пришли, поскольку основания для этого были очень туманные.

— Я думаю, что пес сам может сообщить нам, откуда он взялся и почему так отличается от своих собратьев, — сказала Нора.

При этих словах Эйнштейн завил хвостом.

— Я уверен в этом, — заметил Тревис. — У него сознание, как у человека. Он понимает, что не такой, как другие собаки, и, по-моему, знает почему. Я думаю, он рассказал бы нам об этом, если бы был способ это сделать.

Ретривер пролаял один раз, пробежался по кухне, посмотрел на них отчаявшимся взглядом, а затем улегся на пол, положив морду на лапы и тихо скуля.

Нору очень заинтересовал эпизод, когда Эйнштейн разволновался по поводу домашней библиотеки Тревиса.

— Он понимает, что книги могут стать средством общения, — сказала она. — И, может быть, ему известно, что есть способ использовать книги для общения с нами.

— Каким образом? — спросил Тревис, подцепляя вилкой очередной кусок пирога.

Нора пожала плечами.

— Не знаю. Может быть, проблема в том, что твои книги не подходят для этого. Романы, ты сказал?

— Ну да. Художественная литература.

— Вероятно, нужны книги с картинками, которые были бы понятны ему. Если собрать много книг и журналов с картинками, разложить их на полу и показать Эйнштейну, то можно найти способ общаться с ним.

Ретривер вскочил и направился прямо к Норе. По выражению его морды и внимательному взгляду она поняла: это была хорошая идея. Завтра же Нора принесет десятки книг и журналов и осуществит свой замысел.

— Понадобится немало терпения, — предупредил ее Тревис.

— Терпения мне не занимать.

— Это ты так думаешь, но, когда имеешь дело с Эйнштейном, это слово приобретает новое значение.

Повернувшись к Тревису, пес фыркнул.

Во время первых сеансов в среду и четверг их оптимизм слегка угас, но успех, казалось, был уже рядом. В пятницу, четвертого июня, произошло нечто такое, после чего их жизнь потекла уже по другому руслу.

2

«...Поступило сообщение о криках из района новостройки Бордо Ридж...» — прозвучало из динамика рации.

В пятницу вечером четвертого июня, меньше чем за час до наступления темноты, солнце над графством Ориндж являло собой золотисто-медный шар. Второй день стояла ужасная жара, и мостовые и здания усиливали ее, отдавая накопленное за день тепло. Деревья, казалось, обессиленно опустили вниз свои ветви. В воздухе не было ни дуновения. На шоссе и улицах звуки автомобильного движения были приглушены густым, как пар, воздухом.

«...Повторяю: Бордо Ридж, район новостройки на восточной границе...»

На округлых холмах на северо-востоке графства, в местности, примыкающей к району Йорба Линда, куда только начинала доходить застройка Бордо Ридж, было мало движения. Иногда раздававшийся автомобильный сигнал или визг тормозов не только звучали приглушенно из-за жары, но и удивительным образом производили скорбное, меланхолическое впечатление.

Офицеры полиции Тил Портер и Кен Даймс находились в патрульной машине — Тил за рулем, Кен рядом на переднем сиденье. Кондиционер не работал, вентиляционные отверстия вообще не пропускали воздух. Боковые стекла были опущены, но в автомобиле все равно было жарко, будто в духовке.

— Ты воняешь, как дохлый кабан, — сказал Тил Портер своему напарнику.

— Правда? — сказал Кен Даймс. — А ты не только воняешь, но и выглядишь, как дохлый кабан.

— Да? Значит, ты хорошо разбираешься в дохлых кабанах.

Несмотря на жару, Кен не смог сдержать улыбки.

— Ах так? Твои женщины мне рассказывали, что из тебя любовник, как из дохлого кабана.

Этот натянутый юмор взбудрил их. По рации им передали сообщение, не сулившее ничего интересного: скорее всего несчастный случай с детьми; они ведь любят играть на строительных площадках. Обоим полицейским было по тридцать два года, и оба в прошлом выступали за футбольные команды своих колледжей. Они работали вместе уже шесть лет и были близки друг другу, как братья.

Тил свернул с шоссе на грунтовую дорогу, которая вела в район новой застройки Бордо Ридж. Здесь в разной стадии строительства находилось около сорока домов. Только некоторые из них были уже оштукатурены, а остальные представляли собой наполовину готовые каркасы.

— Никак не укладывается у меня в голове, — сказал Кен. — Что это за название такое — Бордо Ридж — для загородного поселка в Южной Калифорнии? Не ужели всерьез хотят убедить будущих владельцев, что здесь в один прекрасный день зацветут виноградники? И почему, собственно, «Ридж»,¹ хотя это абсолютно плоская местность между двумя холмами. И обещанные тишина и покой — это пока. А что будет здесь, когда построят еще три тысячи домов в ближайшие пять лет?

Тил сказал:

— Ага, но меня еще убивает слово «мини-усадьба». Это же додуматься надо! Люди,

¹ Ридж — от англ. ridge — хребет. — Прим. пер.

находящиеся в здравом уме, не могут считать крохотный клочок земли у дома усадьбой — разве только русские, живущие по двенадцать человек в квартире. Это просто дачный поселок.

На улицах будущего поселка Бордо Ридж уже были проложены бетонные тротуары и водосточные канавы, но сами улицы еще не были замощены. Тил вел машину аккуратно, стараясь не поднимать пыль. Они с Кеном глазели по сторонам на скелеты недостроенных домов, высматривая ребятишек, попавших в беду.

На западе, у границы города Йорба Линда, прилегающего к новостройке, находился поселок, где уже жили люди. От них и поступило сообщение в полицию о криках, раздававшихся в Бордо Ридж. Поскольку этот район еще не вошел в состав города, то происшествие попадало под юрисдикцию окружной полиции.

В конце улицы полицейские увидели белый пикап компании «Тулеманн Бразерз», которой принадлежал район Бордо. Он был поставлен около трех почти завершенных домов, служивших образцами для показа будущим владельцам.

— Похоже, прораб еще здесь, — сказал Кен.

— Или ночной сторож вышел на работу пораньше, — заметил Тил.

Они припарковались позади пикапа, вышли из своей душной машины и с минуту постояли, прислушиваясь. Вокруг была полная тишина.

Кен крикнул:

— Эй, есть здесь кто-нибудь?

Отозвалось только эхо.

Кен спросил:

— Ну что, посмотрим, что здесь такое?

— Придется, — ответил Тил.

Кен все еще не верил, что здесь что-то случилось. Пикап, наверное, просто оставили здесь на ночь. Все равно здесь без присмотра стояло много всякого оборудования. А что касается криков, то это скорее всего ребятишки играли.

Из машины они взяли карманные фонарики, поскольку, хотя электричество в поселок провели, в домах еще света не было.

Поправив висевшие на поясе револьверы, скорее по привычке, чем из предосторожности, Кен и Тил вошли в ближайший недостроенный дом. Они не искали ничего конкретного, просто осматривали место возможного происшествия, что обычно занимает половину времени полицейского.

Подул слабый порывистый ветер, впервые за весь день, гоня облачка опилок из открытых боковин дома. Солнце быстро клонилось к закату, и каркасные балки отбрасывали на пол тени, похожие на тюремные решетки. Угасающий свет дня из золотого превращался в темно-красный и придавал воздуху оттенок, похожий на отсвет доменной печи. Бетонный пол был усыпан гвоздями, которые поблескивали в этом огненном свете и звенели под их башмаками.

— За сто восемьдесят тысяч долларов, — сказал Тил, освещая темные углы фонарями, — могли бы комнаты сделать попросторнее.

Вдыхая запах опилок, Кен сказал:

— За такие деньги и комнаты должны быть, как залы ожидания в аэропорту.

Они вышли на узкий двор позади дома и выключили фонарики. Местность вокруг домов еще не была обустроена: повсюду валялись щепки, куски застывшего бетона, смятые обрывки рубероида, проволока, погнутые гвозди, обрезки пластмассовых труб и досок с крыши, пластиковые стаканчики и коробки из-под биг-маков, пустые жестянки из-под кока-колы и еще много всякого мусора.

Изгороди еще не были возведены, поэтому просматривались все двадцать задних дворов этого ряда домов. Уже сгущались пурпурные тени, но им было видно, что там никого нет.

— Никаких следов кровопролития, — произнес Тил.

— И симпатичных девушек, попавших в беду, — подтвердил Кен.

— Давай хоть пройдемся здесь немного, — сказал Тил. — Поработаем на налогоплательщиков.

У третьего по счету дома, в тридцатифутовом проходе между строениями, они нашли труп мужчины.

— Черт, — сказал Тил.

Мужчина лежал на спине, частично скрытый глубокой тенью, и поначалу Кен и Тил не рассмотрели, на какой ужас наткнулись. Опустившись на корточки рядом с трупом, Кен отшатнулся: у мужчины были вырваны все внутренности.

— Господи Иисусе, его глаза, — произнес Тил.

Кен перевел взгляд с изуродованного торса на глаза и увидел, что они вырваны из глазниц.

Пятясь внутрь замусоренного двора, Тил вынул револьвер.

Кен тоже попятился от обезображенного тела и достал револьвер из кобуры. Хотя целый день он потел в душной машине, но сейчас почувствовал, что его прошиб липкий, противный пот — признак сильного страха.

«ПХФ, — подумал Кен. — Только какой-нибудь ублюдок, наширявшийся пентахлорфенолом, мог сделать такое».

Над поселком Бордо Ридж стояла тишина.

Двигались только тени, которые, казалось, увеличивались с каждой секундой.

— Это дело рук какой-нибудь наркоты, — заметил Кен.

— Я тоже так подумал, — сказал Тил. — Пойдем дальше?

— Ну не вдвоем же. Давай вызывать подмогу.

Они возвращались тем же путем, что пришли сюда, настороженно оглядываясь по сторонам. Пройдя небольшое расстояние, услышали шум. Треск. Звяканье металла. Звон разбитого стекла.

У Кена не было сомнений в том, откуда доносятся звуки — из ближайшего к ним почти достроенного дома, предназначенного служить образцом для продажи.

Не видя подозреваемого и не зная, где начинать его поиски, они могли бы со спокойной совестью вернуться к машине и вызвать по рации подмогу. Но сейчас, когда они слышали этот шум, интуиция и профессиональный долг заставили их действовать более решительно. Полицейские повернулись и пошли к задней стороне дома.

Его внутренние помещения снаружи не просматривались; на обитые рубероидом доски была приколочена проволочная опалубка, и половина дома уже оштукатурена. Штукатурка была еще сырая — похоже, ее наложили только сегодня. Почти все окна застеклены, а оставшиеся проемы закрыты кусками непрозрачного пластика.

Треск внутри строения повторился, теперь уже громче прежнего, а за ним последовал звон разбиваемого стекла.

Кен Даймс толкнул раздвижную стеклянную дверь, соединявшую задний двор с гостиной. Она была не заперта.

Стоя снаружи, Тил заглянул внутрь гостиной через стекло. Хотя кое-какой свет проникал туда через окна, в комнате царил полумрак. Насколько они могли рассмотреть, там никого не было, поэтому Тил протиснулся через полуоткрытую дверь, держа в одной руке фонарь, а в другой сжимая «смит-вессон».

— Иди к переднему входу, — прошептал Тил, — чтобы не дать ублюдку уйти с той стороны.

Пригнувшись, чтобы его нельзя было увидеть через окна, Кен побежал вокруг дома к передней двери, каждую секунду ожидая, что кто-то прыгнет на него с крыши или через один из незастекленных проемов.

Внутри гостиная была отделана гипсолитом и потолки оштукатурены. Гостиная соединялась с комнатой для завтраков, которая, в свою очередь, сообщалась с кухней — все

это пространство было единым, без дверей и перегородок. На кухне были установлены шкафы, отделанные «под дуб», но кафельный пол еще не был положен. Пахло сырой штукатуркой и морилкой.

Стоя в комнате для завтраков, Тил прислушивался. Стояла мертвая тишина.

Если этот дом построен по типовому проекту, значит, слева, за кухней, располагается столовая, затем гостиная, прихожая и кабинет. Если он пойдет по коридору, который ведет из комнаты для завтраков, то попадет в прачечную, ванную первого этажа, чулан для верхней одежды и потом — в прихожую. Сообразив, что один маршрут ничем не лучше другого, Тил вышел в коридор и пошел в прачечную. В ней не было окон, и, посветив фонариком через полуотворенную дверь, он рассмотрел желтые шкафы и пустые места, куда впоследствии установят стиральную машину и сушильный барабан. Тил решил заглянуть за дверь, где, по его предположениям, должны были находиться раковина и рабочий стол. Он распахнул дверь и быстро вошел внутрь, посвечивая фонариком и держа револьвер наготове. Все, что Тил увидел там, была раковина из нержавеющей стали и приделанный вплотную к стене стол.

Полицейский уже давно не чувствовал себя так «на взводе». Перед глазами у него стоял образ мертвого мужчины с пустыми глазницами.

«Я не просто на взводе, — подумал он. — Мне очень страшно».

Снаружи Кен перепрыгнул через узкую водосточную канаву и приблизился к двустворчатой входной двери. Она была закрыта. Посмотрев вокруг, он никого не заметил. В сгущающихся сумерках поселок Бордо Ридж выглядел скорее не как район новостройки, а как территория, недавно подвергшаяся бомбежке.

В прачечной комнате Тил Портер повернулся, собираясь выйти в коридор, но в этот момент в одном из желтых шкафов — где обычно держат швабры — распахнулась дверца, и проклятая тварь выскочила на него, как чертик из шкатулки. На долю секунды ему показалось, что такого не может быть, просто это какой-то мальчишка в гуттаперчевой маске фантастического чудовища. Луч его фонарика был направлен в противоположную сторону от нападавшего, и поэтому Тил не смог как следует рассмотреть его, но все равно сразу понял: это не маска, а голова живого существа, потому что устремленные на него тускло светящиеся глаза явно были не из стекла или пластика. Он инстинктивно нажал на спусковой крючок своего револьвера, но, поскольку «смит-вессон» был направлен туда же, куда и фонарик, пуля прошила стену коридора; когда полицейский повернулся лицом к этому исчадию ада, оно зашипело, как змея, и навалилось на него. Пытаясь высвободиться из жутких объятий, Тил выстрелил еще раз, но теперь пуля ушла в пол — выстрел прозвучал оглушительно в тесном помещении. И тут он был прижат к раковине, а револьвер был вырван из руки. От толчка фонарь выпал и покатился в угол. Свободной рукой Тил ударил в темноту перед собой, но прежде чем кулак достиг цели, чудовищная боль пронизала живот, как будто в него вонзили сразу несколько кинжалов, и ему сразу стало ясно: дело плохо. Он закричал. В лицо ему глянула уродливая желтоглазая морда, Тил закричал опять, наугад колотя кулаками перед собой, но в эту же секунду новые кинжалы прошли насквозь мягкие ткани его горла.

Кен Даймс находился в четырех шагах от входной двери, когда услышал крики Тила. Крики, в которых перемешались удивление, страх и боль.

— Черт!

Перед ним была двустворчатая дверь. Правда, створка удерживалась вверху и внизу специальными щеколдами, а левая — которая, собственно, и служила дверью — была не заперта. Кен ворвался в дом, забыв об осторожности, и остановился в полутемной прихожей.

К этому моменту крики прекратились.

Кен включил фонарик. Справа — пустая гостиная, слева — пустой кабинет. Лестница на второй этаж. Никаких признаков чьего-либо присутствия. И тишина — как в вакууме.

Сначала Кен поостерегся позвать Тила, чтобы убийца по голосу не определил его местонахождение. Затем сообразил, что все равно ему придется оставить фонарик

включенным, и, если он подаст голос, это ничего не изменит.

— Тил!

По пустым комнатам прокатилось эхо.

— Тил, где ты?

Молчание.

Тил, наверное, уже умер. Если бы он был жив, он бы ответил. Может быть, правда, он ранен или лежит без сознания и умирает. В этом случае лучше вернуться к патрульной машине и вызвать «скорую».

Нет, нет. Если что-нибудь случилось, нужно найти его и оказать первую помощь. А то, пока он будет вызывать «скорую», Тил может скончаться. Нельзя так рисковать.

Кроме того, остается еще и убийца.

На смену дню приходила ночь, и теперь только дымно-красный свет проникал в дом сквозь окна. Кену, таким образом, приходилось полагаться только на свой фонарик, который, конечно, не был идеальным источником света, поскольку при движении его луча из темноты возникали искаженные очертания и силуэты. А они могут отвлечь его внимание от настоящего убийцы.

Оставив входную дверь распахнутой, он, мягко ступая, двинулся по узкому коридору в направлении черного хода, стараясь держаться поближе к стене. Его башмаки скрипели при каждом шаге. Кен держал револьвер перед собой, а не вверх или вниз, как предписывала инструкция. Сейчас было не до инструкций.

Справа он увидел открытую дверь. Пустой чулан.

Запах его собственного пота, казалось, заглушал запахи извести и морилки.

Слева от чулана был вход в дамскую комнату. Быстро осветив ее фонариком, он не заметил в ней ничего необычного, только испугался своего отражения в зеркале.

Задняя часть дома, включавшая гостиную, комнату для завтраков и кухню, находилась прямо перед ним, а слева от него была распахнутая дверь. В свете фонарика, который вдруг запрыгал у него в руке, Кен рассмотрел тело Тила на полу прачечной комнаты, в такой огромной луже крови, которая не оставляла сомнений в том, что он мертв.

После того как волна страха прокатилась по жилам Кена, он почувствовал горе, ярость, ненависть и непреодолимое желание отомстить убийце.

Позади него раздался звук тяжелого удара.

Кен вскрикнул и повернулся лицом к противнику.

Ни в коридоре, ни в комнате для завтраков, однако, никого не было.

Звук донесся из передней части дома и мог означать только одно — кто-то захлопнул входную дверь. За ним последовал другой звук, менее громкий, но еще более тревожный — лязг замка: кто-то запер входную дверь.

Значит, убийца покинул дом и запер дверь снаружи на ключ? Но где он взял ключ? У убитого им прораба? И почему сделал паузу перед тем, как повернуть ключ в замке?

Более вероятно, что убийца запер дверь не только для того, чтобы помешать Кену выйти из дома, но и чтобы продолжить свою дьявольскую охоту.

Кен подумал: может быть, стоит выключить фонарик, не выдавать своего присутствия, но сумерки сгустились настолько, что без фонаря Кен вообще не смог бы ориентироваться.

Черт возьми, а как же *убийца* так легко передвигается в сгущающейся темноте? У наркоманов после приема ПХФ десятикратно возрастает физическая сила. Возможно ли, что и их ночное зрение улучшается в такой же степени?

В доме было тихо. Кен стоял, прислонившись спиной к стене коридора. До него доходил запах крови Тила — похожий на запах металла.

Клац, клац, клац.

Кен напряг слух, но больше ничего не услышал. Похоже на звук быстрых шагов по бетонному полу, производимый кем-то, обутом в сапоги на кожаной подошве или башмаки с подковками. Затем до него опять донеслось — *клац, клац, клац, клац* — на этот раз четыре шага, прозвучавших со стороны прихожей, — кто-то двигался на него по коридору.

Кен моментально отпрянул от стены и, пригнувшись, повернулся в сторону идущего, держа перед собой фонарик и револьвер. В коридоре никого не оказалось.

Выдыхая ртом, чтобы не заглушить шумом своего дыхания шаги противника, Кен пошел по коридору в сторону прихожей. Никого. Входная дверь была закрыта, как он и предполагал, но ни в гостиной, ни на лестнице, ни в кабинете никого не было.

Клац, клац, клац, клац.

Теперь звуки доносились совсем с другой стороны — из комнаты для завтраков. Значит, убийца тихо покинул прихожую, пересек гостиную и столовую и прошел туда через кухню, подбираясь к Кену сзади. В эту минуту ублюдок входил в коридор, из которого только что вышел Кен. И хотя убийца проскользнул через все комнаты незаметно, теперь он специально не скрывал своего присутствия, чтобы поддразнить Кена: *«Вот он я, позади тебя, приготовься, я иду»*.

Клац, клац, клац.

Кен Даймс был хорошим полицейским и никогда не отступал перед опасностями. За семь лет службы он получил два поощрения за храбрость. Но этот чертов сукин сын, который крался в полной темноте по пустому дому, то замирая, то заявляя о своем присутствии, когда ему хотелось, внушал Кену непреодолимый страх. Кен, как и любой полицейский, не был трусом, но он не был и дураком — ведь только дурак пойдет навстречу неведомой опасности.

Вместо того чтобы вернуться в коридор и встретиться лицом к лицу с убийцей, Кен подошел ко входной двери и нажал на латунную ручку, намереваясь выйти наружу. Тут он заметил, что дверь не просто заперта на щеколду. Обе ее створки поверх щеколды и ручки замка были связаны куском проволоки. Для того чтобы покинуть дом, ему придется распутать проволоку, что может занять полминуты.

Клац, клац, клац.

Не целясь, Кен выстрелил в сторону коридора и побежал в противоположном направлении через пустую гостиную. Ему было слышно, как убийца клацает позади него в полной темноте. Когда же Кен достиг столовой и был почти у дверного проема, ведущего в кухню, намереваясь выбежать наружу через черный ход, откуда входил в дом Тил, он услышал клацанье теперь уже *впереди* себя. Кен был уверен: убийца шел за ним до гостиной, но оказалось, что тот повернул назад и теперь начал с противоположной стороны. С ума можно сойти. Судя по звукам, производимым убийцей, он только что вошел в комнату для завтраков — значит, их разделяет только кухня. Кен решил, что будет стоять на месте и, как только этот подонок появится в свете фонарика, вышибет ему мозги первым же выстрелом.

В эту минуту убийца испустил вопль.

Двигаясь в темноте прямо на Кена, он издал резкий, нечеловеческий крик, полный первобытной ярости и ненависти. Кен никогда не слышал ничего подобного — ни от нормального человека, ни от сумасшедшего. Полицейский дрогнул, бросил фонарик в кухню, чтобы сбить с толку нападавшего, и помчался что было духу, но не в глубину дома, где дьявольская игра в кошки-мышки могла быть продолжена, а напрямик к едва светившемуся в густых сумерках окну. Нагнув голову и выставив вперед локти, он с оглушительным треском и звоном вылетел наружу и покатился по заднему двору, усеянному строительным мусором. Обломки деревянных реек и куски застывшего бетона больно впились ему в тело. Поднявшись на ноги, Кен повернулся лицом к дому и разрядил револьвер в разбитое окно на случай, если убийца захотел бы последовать за ним.

В призрачном мраке ночи он не увидел за собой погони.

Не рассчитывая на то, что попал в цель, Кен не стал терять времени. Обежав вокруг дома, он выскочил на улицу. Ему необходимо было добежать до машины, где у него была рация и крупнокалиберная винтовка.

прилежно искали способы общения между собой, и в процессе этих поисков и люди, и пес едва не начали грызть мебель от отчаяния. У Норы, однако, оказалось столько терпения и уверенности в успехе, что их хватило на всех троих. Когда в закатные часы в пятницу вечером их усилия увенчались успехом, она была удивлена этим меньше, чем Тревис и Эйнштейн.

Они начали с того, что купили сорок журналов — «Тайм», «Лайф», «Мак Колл» и «Редбук», — а также пятьдесят книг по искусству и фотографии и принесли их к Тревису домой, где было достаточно места, чтобы разложить их на полу. Для удобства они положили рядом диванные подушки.

Эйнштейн заинтересованно наблюдал за их приготовлениями.

Сидя на полу, прислонившись к дивану, Нора взяла морду ретривера в ладони и, приблизив к нему лицо, произнесла:

— Послушай то, что я скажу, Эйнштейн. Мы хотим узнать о тебе все: откуда ты появился, почему ты умнее остальных собак, чего ты испугался в лесу в тот день, когда Тревис нашел тебя, почему иногда по ночам ты смотришь в окно, как будто боишься чего-то. У нас еще много вопросов. Но разговаривать ты не умеешь, так ведь? Не умеешь. И насколько мы знаем, читать — тоже. И если ты даже умеешь читать, то не умеешь писать. Поэтому мы воспользуемся картинками.

Сидя рядом с Норой, Тревис наблюдал за Эйнштейном и видел, что в течение всей тирады пес не сводил с Норы глаз. Хвост его висел без движения. Похоже, он не только понял, что она сказала, но и крайне заинтересовался предстоящим экспериментом.

«А не слишком ли разыгралось у меня воображение насчет его умственных способностей?» — подумал Тревис.

У людей существует привычка «очеловечивать» домашних животных, приписывать им способы восприятия действительности, которыми те не обладают. В случае с Эйнштейном, где на самом деле имели место выдающиеся способности, искушение видеть глубокий смысл в каждом незначительном действии пса было чрезвычайно велико.

— Мы внимательно посмотрим все эти картинки и отберем те, которые заинтересуют тебя и которые дадут нам возможность узнать, откуда ты и кто ты такой. Если ты увидишь что-либо, что может помочь нам ответить на эти вопросы, ты должен каким-то образом сообщить об этом. Или залаять, или поставить лапу на картинку, либо завилять хвостом.

— Сумасшедший дом, — сказал Тревис.

— Ты понимаешь меня, Эйнштейн? — спросила Нора.

Ретривер негромко тявкнул.

— Ничего не получится, — сказал Тревис.

— Нет, получится, — возразила Нора. — Он не умеет ни разговаривать, ни писать, но может показывать. Если Эйнштейн укажет нам на десяток картинок, мы попробуем понять, какой смысл он в это вкладывает или каким образом это связано с его происхождением. Со временем мы сумеем соотнести эти картинки друг с другом и узнать, что он хотел бы нам сказать.

Пес, морда которого все еще была зажата между ладонями Норы, скосил глаза на Тревиса и снова тявкнул.

— Мы готовы? — спросила Нора.

Эйнштейн бросил на нее быстрый взгляд и завилял хвостом.

— Хорошо, — сказала она, разжимая ладони. — Давай начинать.

В течение многих часов в среду, четверг и пятницу они пролистали множество книг и журналов, показывая Эйнштейну картинки и фотографии, изображавшие самые различные предметы: людей, деревья, цветы, собак, других животных, станки, городские и деревенские улицы, автомобили, корабли, самолеты, еду, рекламу различных товаров — в надежде, что некоторые из них вызовут в нем интерес. Эйнштейн лаял, ставил лапу на картинки, тявкал, нюхал и вилял хвостом при виде, по крайней мере, ста из многих тысяч изображений, при этом выбор его был настолько непредсказуем, что Тревис вообще не находил между ними

никакой связи.

Эйнштейну очень понравилась реклама автомобиля, на которой тот сравнивался с мощным тигром и был помещен в железную клетку. Было непонятно, что именно заинтересовало его — автомобиль или тигр. Пес также заинтересовался несколькими картинками, рекламирующими компьютеры, собачий корм, стереофонический кассетный плеер, а также изображавшими книги, бабочек, попугая, унылого человека в тюремной камере, четверых молодых людей, играющих в полосатый пляжный мяч, Микки Мауса, скрипку, мужчину на тренажере «бегущая дорожка» и множество других сюжетов. Он пришел в восторг от фотографии золотистого ретривера, похожего на него самого, и коккер-спаниеля, но изображения собак других пород его почему-то оставили равнодушным.

Самым странным и загадочным образом Эйнштейн отреагировал на фотографию, сопровождавшую журнальную статью о фильме, снимаемом на киностудии «XX век — Фокс». Картина была посвящена всяким сверхъестественным явлениям: призракам, полтергейсту, демонам, восставшим из преисподней, и так далее. На фотографии, приведшей его в страшное возбуждение, было запечатлено демонического вида существо с огромной челюстью, жуткими клыками и светящимися, как фонари, глазами. Существо это было не страшнее других, изображенных рядом, но Эйнштейна поразило именно оно.

Залаяв на картинку, ретривер отбежал за диван и стал выглядывать оттуда, как будто опасался, что существо может сойти со страницы журнала и наброситься на него. Прячась за диваном, он опять залаял, заскулил, и Норе пришлось уговаривать его подойти к журналу. Увидев изображение демона во второй раз, Эйнштейн злобно зарычал и стал неуклюже переворачивать страницы лапами, пока наконец не закрыл журнал.

— Это что, какая-нибудь особенная картинка? — спросила Нора.

Эйнштейн уставился на нее и задрожал.

Нора терпеливо открыла журнал на той же странице. Эйнштейн опять закрыл его. Нора вновь нашла нужную страницу. Эйнштейн закрыл журнал в третий раз, схватил его зубами и понес из комнаты.

Тревис и Нора последовали за ретривером на кухню, где он направился напрямик к мусорному ведру. Подняв с помощью педали крышку ведра, Эйнштейн опустил туда журнал и, сняв лапу с педали, захлопнул крышку.

— Что происходит? — спросила Нора.

— Я думаю, что он точно не пойдет на этот фильм.

— Четвероногий кинокритик.

Все это произошло в четверг днем. В пятницу вечером отчаяние и Тревиса, и пса достигло критической точки.

Иногда Эйнштейн проявлял необычную сообразительность, а иногда вел себя как обычная собака, и эта амплитуда между собачьим гением и уровнем обычной дворняги могла сбить с толку любого, кто попытался бы понять природу его способностей. Тревис уже начал думать, что, может быть, лучше воспринимать ретривера таким, какой он есть: быть готовым к неожиданным проявлениям его умственных способностей, но не ждать их постоянно. Скорее всего эта тайна так и останется нераскрытой.

Нора, однако, сохраняла спокойствие. Она не уставала повторять, что Рим не сразу строился и что любой успех требует усердия, настойчивости, терпения и времени.

Когда Нора начинала читать им подобные нотации, Тревис устало вздыхал, а Эйнштейн начинал зевать.

Однако она была непоколебима. После того как они просмотрели все картинки в книгах и журналах, Нора собрала те, на которые Эйнштейн так или иначе отреагировал, разложила их на полу и попыталась с его помощью выяснить, какая между ними существует связь.

— На этих картинках изображены существа и предметы, которые играли важную роль в его прошлом, — сказала Нора.

— С уверенностью утверждать нельзя, — ответил Тревис.

— Ну вот давай его и спросим, — предложила Нора. — Он же сам выбрал эти

картинки, потому что мы просили его об этом.

— Ты уверена, что он понимает правила игры?

— Да, — сказала она убежденно.

Пес тявкнул.

Нора взяла рукой лапу Эйнштейна и поставила ее на фотографию, изображавшую скрипку.

— О'кей, псина. Ты выбрал скрипку, значит, этот инструмент каким-то образом присутствовал в твоей прошлой жизни.

— Может, он выступал в концертном зале «Карнеги-Холл»?

— Перестань. — Нора опять обратилась к ретриверу: — Хорошо, существует ли связь между изображением скрипки и другими картинками?

Эйнштейн бросил на нее внимательный взгляд, как бы обдумывая ответ на вопрос. Затем он пересек комнату, аккуратно ступая между рядами разложенных на полу картинок, скашивая глаза направо и налево, и затем, поставив лапу на рекламу кассетного плеера «Сони», поднял глаза на Нору.

— Связь очевидна, — сказал Тревис. — На скрипке играют, а на кассетнике воспроизводят музыку. Прекрасный пример ассоциативного мышления у собаки, но ведь это ни о чем не говорит.

— А я уверена, что это не так, — сказала Нора. Обращаясь к Эйнштейну, она спросила: — Кто-то, кто был с тобой раньше, играл на скрипке?

Пес молча смотрел на нее.

Нора задала еще один вопрос:

— А у твоего предыдущего хозяина был такой кассетный плеер?

Собака не сводила с нее глаз.

Нора сказала:

— Может быть, тот, кто играл на скрипке, записывал свою игру на кассетник?

Пес моргнул и заскулил.

— Ладно, — сказала Нора. — Есть здесь другая картинка, которая ассоциируется со скрипкой и кассетником?

На мгновение Эйнштейн остановил взгляд на фотографии кассетника, затем прошел два ряда картинок и остановился у рекламы «Блю Кросс», где доктор в белом халате стоял у кровати, на которой молодая мать держала на руках новорожденного. Доктор и женщина улыбались, а младенец был серьезен и невинен.

Опустившись на четвереньки рядом с ретривером, Нора спросила:

— Это похоже на семью, в которой ты жил?

Пес уставился на нее.

— И в этой семье были отец, мать и маленький ребенок?

Собака продолжала смотреть на нее немигающим взглядом.

Сидя на полу, прислонившись к дивану, Тревис сказал:

— Ребята, мы тут, видимо, имеем дело со случаем реинкарнации. Наверное, старик Эйнштейн был кем-то из этих людей в прошлой жизни.

Нора не посчитала нужным отвечать на эту остроту.

— Ребенком, который играл на скрипке, — не унимался Тревис.

Нора прервала его:

— Ладно. Так у нас ничего не получается. Простое совмещение картинок ничего не дает. Надо придумать способ задавать ему вопросы о картинках и получать ответы.

— Дай ему ручку и бумагу, — посоветовал Тревис.

— Хватит острить, — сказала Нора, раздражаясь на него больше, чем на собаку.

— Сам знаю, что хватит, но выходит-то сплошное идиотство.

Нора задумчиво посмотрела в пол, затем внезапно подняла голову и обратилась к Эйнштейну:

— Ты ведь умная псина. И хочешь это доказать. Приятно же постоянно видеть

восхищение и уважение со стороны окружающих. В таком случае сделаем вот что: ты научишься отвечать на мои вопросы просто: «да» или «нет».

Собака выжидательно смотрела на нее.

— Если хочешь сказать «да», повиляй хвостом, — сказала Нора. — Но только когда хочешь ответить утвердительно. Постарайся не делать этого по привычке или от избытка чувств. А когда захочешь сказать «нет» — пролай один раз.

Тревис сказал:

— Два раза будет означать «Я лучше погоняюсь за кошками», а три раза — «Принесите мне пива».

— Ты его не путай, — резко сказала Нора.

— А ему меня путать можно, да?

Но ретривер даже не взглянул на Тревиса. Он не сводил своих больших коричневых глаз с Норы, которая еще раз объяснила ему, как отвечать.

— Ну хорошо, — сказала она. — Давай попробуем. Эйнштейн, ты все понял?

Ретривер вильнул хвостом несколько раз.

— Это он случайно, — заметил Тревис. — Без понятия.

Нора задумалась на мгновение, формулируя вопрос, а потом обратилась к собаке:

— Знаешь, как меня зовут?

Хвост пришел в движение.

— Меня зовут Элен?

Пес тявкнул. *Нет.*

— Мери?

Нет.

— Нона?

Ретривер закатил вверх глаза, как бы упрекая ее в неверии в его понятливость. Тяв.

— Меня зовут Нора?

Эйнштейн быстро завилял хвостом.

Засмеявшись от восторга, Нора села рядом с Эйнштейном и обняла его за шею.

— Будь я проклят, — сказал Тревис, подползая к ним.

Нора показала на фотографию, которую пес все еще придерживал лапой.

— Ты выбрал эту картинку, потому что она напоминает тебе о твоих прежних хозяевах?

Нет.

Тревис спросил:

— А ты вообще когда-нибудь жил в семье?

Эйнштейн тявкнул.

— Значит, твое внимание привлекла женщина?

Нет.

— Мужчина в белом халате?

Хвост задвигался. *Да, да, да.*

— Он жил у врача, — предложила Нора. — У ветеринара, наверное.

— Или у ученого, — сказал Тревис, вдруг почувствовав, что нащупал правильную версию.

При слове «ученый» Эйнштейн завилял хвостом.

— Ученый из лаборатории, — сказал Тревис.

Да, да, да.

— Ты — лабораторная собака? — спросила Нора.

Да.

— Подопытное животное, — подсказал Тревис.

Да.

— И поэтому ты такой умный.

Да.

— Потому что над тобой делали опыты.

Да.

У Тревиса заколотилось сердце. Общение состоялось, и не на том весьма приблизительном уровне, на каком оно происходило в тот вечер, когда пес сложил вопросительный знак из галет. Сейчас они могли уже сообщать друг другу вполне конкретные вещи. Сейчас они почти разговаривали — втроем, — и вдруг Тревис понял, что это все меняет. Мир, в котором люди и животные обладают одинаковым интеллектом и живут наравне, имеют равные права, испытывают похожие надежды и видят похожие сны, уже не может оставаться прежним. Конечно, скорее всего это — преувеличение. *Не всем* животным дарованы человеческое сознание и умственные способности, а всего лишь одной собаке; экспериментальному животному, возможно, единственному в своем роде. Но... Господи! Господи! Тревис с благоговением смотрел на ретривера, и по спине у него побежал холодок — но не от страха, а от встречи с неведомым.

Нора обратилась к псу, и в ее голосе послышалось такое же благоговение, которое на мгновение лишило Тревиса дара речи.

— Тебя ведь не просто так выпустили?

Тяв. *Нет*.

— Ты убежал?

Да.

— В то утро, когда я встретил тебя в лесу? — спросил Тревис. — Ты тогда только что вырвался на свободу?

Пес молча смотрел на него, не двигая хвостом.

— За несколько дней до нашей встречи?

Эйнштейн заскулил.

— У него, вероятно, есть чувство времени, — сказала Нора, — поскольку почти все животные придерживаются естественного ритма «день — ночь». В них заложены биологические часы. Но понятие *календарных* дней ему скорее всего незнакомо. Он не знает, как делить время на дни, недели и месяцы, поэтому не может ответить на твой вопрос.

— Тогда придется его этому научить, — сказал Тревис.

Ретривер радостно завилял хвостом.

— Убежал... — задумчиво сказала Нора.

Тревис догадывался, о чем она думает.

Обращаясь к собаке, он спросил:

— Тебя ведь, наверное, ищут?

Пес заскулил и вильнул хвостом, всем своим видом выражая беспокойство.

4

Спустя час после заката Лем Джонсон и Клифф Соамс прибыли в Бордо Ридж, сопровождаемые восемью сотрудниками УНБ на двух машинах без опознавательных знаков. Главная дорога поселка была заставлена автомобилями, среди которых выделялись черно-белые машины окружного департамента полиции и микроавтобус патологоанатомической службы.

Лем с раздражением отметил, что пресса уже прибыла. Газетные репортеры и телебригады с портативными видеокамерами толпились у протянутой через дорогу заградительной ленты за несколько десятков метров от места происшествия. Замяв подробности гибели Вэсли Далберга в каньоне Святого Джима и убийство ученых из Банодайна, а также начав кампанию дезинформации, УНБ не позволило прессе установить связь между всеми этими событиями. Сейчас Лем надеялся, что полицейские, охранявшие место происшествия, — доверенные люди Уолта Гейнса и встретят вопросы репортеров невозмутимым молчанием, а в это время он подготовит приемлемую легенду.

Охранники сдвинули в сторону козлы для пилки досок, загораживавшие проход, и пропустили автомобили УНБ за заградительную ленту. Затем козлы были водружены на

место.

Лем припарковал машину в конце улицы, недалеко от места происшествия. Клифф остался инструктировать прибывших с ними сотрудников, а Лем зашагал к недостроенному дому, который сейчас находился в центре всеобщего внимания.

Радиостанции патрульных машин наполняли горячий ночной воздух звуками шифрованных переговоров, полицейским жаргоном, шипением и треском помех — у Лема было такое впечатление, что весь мир поджаривается на огромной космической сковородке.

Перед домом на треногах были расставлены переносные софиты для освещения места работы следственной бригады, и Лем почувствовал себя актером на огромной сцене. Ночные насекомые чертили воздух и трепетали вокруг ярких огней, отбрасывая увеличенные тени на пыльную землю.

Наступая на свою гигантскую тень, Лем пересек двор и вошел в дом. Внутри, как и снаружи, все было залито яркими лучами софитов. Белые стены отражали ослепительный свет. Бледные и вспотевшие от невыносимой жары, в этом море света двигались двое молодых полицейских, люди из патологоанатомической службы и, как обычно, сосредоточенные сотрудники из научной службы.

В глубине дома два раза подряд полыхнула вспышка фотоаппарата. В холле было полно народу, поэтому Лем через гостиную, столовую и кухню прошел в заднюю часть дома.

В комнате для завтраков стоял Уолт Гейнс, едва различимый за сиянием софитов с надетыми блендами. Было видно, однако, что его душат одновременно ярость и горе. Известие о гибели сотрудника, очевидно, застало его дома, поскольку на нем были старые кроссовки, мятые, военного образца брюки и рубашка с короткими рукавами в красно-коричневую клетку. Несмотря на большие габариты, бычью шею и мускулистые руки, одеяние Уолта и его согбенная поза придавали ему вид брошенного ребенка.

Из комнаты для завтраков Лем не мог рассмотреть, что находится в прачечной, поскольку обзор заслоняли сотрудники криминалистической лаборатории. Он произнес:

— Мне очень жаль, Уолт. Очень жаль.

— Его звали Тил Портер. Мы с его отцом, Редом Портером, дружим двадцать пять лет. Ред уволился только в прошлом году. Как я скажу ему об этом? Господи. Поскольку мы друзья, то это придется сообщать именно мне. Такое дело никому не перепоручишь.

Лем знал, что Уолт всегда сам шел домой к семьям своих погибших сотрудников, сообщал им горестное известие и делил с ними первые, самые тяжелые минуты.

— Могли погибнуть двое, — сказал Уолт. — Второй вряд ли оправится от потрясения.

— А что... с Тилом?

— Выпущены кишки, как у Далберга. Обезглавлен.

«Аутсайдер, — подумал Лем. — Теперь уже сомневаться не приходится».

Внутрь помещения налетели ночные мошки и бились о стекло прожектора, у которого стояли Лем и Уолт.

Сдерживая ярость, Уолт сказал:

— Голову... так и не нашли. Как я скажу его отцу об этом?

Лем промолчал.

Уолт гневно посмотрел на него.

— Теперь ты не имеешь права отстранять меня от расследования. Теперь, когда один из моих людей мертв.

— Уолт, наше управление работает в обстановке секретности. Черт возьми, но даже число платных агентов держится в секрете. Твое же ведомство находится в центре внимания прессы. Для того чтобы знать, что делать, твои сотрудники должны точно знать, что нужно искать. А это означает, что большая группа людей получит доступ к секретной информации.

— Твои-то люди все знают.

— Да, но мои сослуживцы давали подписку о неразглашении, прошли тщательную проверку и умеют держать язык за зубами.

— Мои тоже не трепачи.

— Я уверен в этом, — осторожно сказал Лем. — Я уверен, что они не болтают в неслужебной обстановке об обычных делах. Но это дело уникальное. По этому все должно оставаться в одних руках.

Уолт сказал:

— Мои люди тоже могут дать подписку.

— А проверка? Нужно будет проверить всех, даже простых клерков. На это уйдут недели или даже месяцы.

Бросив взгляд в сторону столовой, Уолт заметил Клиффа Соамса и агента УНБ, которые разговаривали с двумя полицейскими.

— Ты начал расследование, как только прибыл сюда? Даже предварительно не переговорив со мной?

— Ага. Мы должны быть уверены: твои люди понимают, что не имеют права ни с кем говорить об увиденном здесь сегодня, даже со своими женами. Мы каждому сотруднику объясняем соответствующие федеральные законы, предусматривающие наказание вплоть до тюремного заключения.

— Опять мне тюрьмой грозишь? — сказал Уолт, но на этот раз без юмора, который присутствовал в их разговоре после посещения Трейси Кишан в больнице.

Лем был расстроен не только гибелью полицейского, но и тем, что в их отношения с Уолтом теперь был вбит клин.

— Я не хочу никого сажать. И поэтому хочу, чтобы все понимали, какие могут быть последствия.

— Ну-ка, выйдем, — скривившись, сказал Уолт.

Выйдя наружу, они подошли к патрульной машине, стоявшей перед домом. Уолт сел на водительское место, а Лем рядом с ним.

— Подними стекла, чтобы можно было спокойно разговаривать.

Лем было запротестовал, говоря, что они задохнутся, но, взглянув на Уолта, понял: достаточно небольшой искры, чтобы он взорвался. Поэтому не стал спорить и поднял стекло.

— О'кей, — сказал Уолт. — Мы здесь одни. Не начальник управления УНБ и не шериф. Простые старые друзья. Приятели. Давай рассказывай.

— Черт возьми, Уолт, я не имею права.

— Скажи мне все, и я отстану. Больше не буду вмешиваться.

— Ты все равно не можешь участвовать в этом деле. Тебе не положено.

— Черта с два, — сердито сказал Уолт. — Я могу пойти напрямик вон к тем шакалам. — Он ткнул пальцем в пыльное ветровое стекло, через которое были видны столпившиеся за ограничительной лентой репортеры. — Я могу им сказать, что лабораторный комплекс Банодайн занимался каким-то оборонным проектом, который в один прекрасный день вышел из-под контроля, в результате чего оттуда, несмотря на все меры предосторожности, сбежало что-то странное, и теперь оно бродит по округе и убивает людей.

— Давай, давай, — проговорил Лем. — Тебя не только посадят. Тогда ты — конченный человек.

— Не думаю. В суде я заявлю, что мне пришлось выбирать между интересами государственной безопасности и интересами избирателей, благодаря которым я нахожусь на своем посту. И я скажу, что в критическую минуту я был вынужден поставить безопасность местного населения над интересами бюрократов из министерства обороны в Вашингтоне. Я уверен, что любой суд присяжных меня оправдает. Никуда меня не посадят, а вот на очередных выборах за меня проголосует еще больше народу, чем в прошлый раз.

— Вот дерьмо, — произнес Лем, понимая, что Уолт прав.

— Если ты мне расскажешь все сейчас, убедишь, что твои люди лучше справятся с этим расследованием, тогда я уйду с дороги. В противном случае я предам это дело всеобщей огласке.

— Ты заставляешь меня нарушить секретность. Это все равно что самому сунуть голову в петлю.

— Никто же не узнает о нашем разговоре.

— Да? Ради Бога, Уолт, зачем тогда ставить меня в такое дурацкое положение? Только чтобы удовлетворить твое любопытство?

Уолт с обидой посмотрел на него.

— Не то ты говоришь, черт тебя возьми. Это не простое любопытство.

— А что?

— *Один из моих людей мертв!*

Откинувшись на сиденье, Лем закрыл глаза и вздохнул. Уолт должен знать, почему он не может расследовать это дело и мстить за убийство одного из своих людей. Его профессиональный долг и честь не позволяют ему отступить, если он не узнает все. Лем почувствовал себя в безвыходном положении.

— Ну что, я пошел к репортерам? — спокойно спросил Уолт.

Лем открыл глаза и ладонью вытер пот с лица. В машине было душно, и ему хотелось опустить стекло. Мимо них, однако, снаружи все время сновали люди, и он не мог допустить, чтобы кто-нибудь услышал то, что Лем собирался рассказать Уолту.

— Ты был прав, ноги растут из Банодайна. В течение нескольких лет они занимаются там оборонными исследованиями.

— Биологическая война? — спросил Уолт. — Разведение нехороших вирусов?

— Возможно, и это тоже, — ответил Лем. — Но бактериологическое оружие не имеет ничего общего с этим делом, поэтому я буду говорить только о тех исследованиях, которые непосредственно относятся к нему.

Стекла в машине начали запотевать, и Уолт включил двигатель. Кондиционера не было, но даже слабый теплый воздух, начавший поступать от вентилятора, приносил некоторое облегчение.

Лем сказал:

— Работа велась по нескольким исследовательским программам под общим названием «Проект „Франциск“». В честь святого Франциска Ассизского.

Удивленно моргнув, Уолт спросил:

— Они называли военный проект именем святого?

— С названием как раз все в порядке. Святой Франциск умел разговаривать с птицами и животными. А в Банодайне доктор Дэвис Вэтерби работал над проектом, цель которого — достигнуть определенного уровня общения между человеком и животными.

— Изучение языка животных, что ли?

— Нет. Идея заключалась в том, чтобы с помощью последних достижений генной инженерии создать животных с таким высоким уровнем интеллекта, который позволял бы им на равных общаться с людьми и думать на человеческом уровне.

У Гейнса от удивления отвисла челюсть.

Лем сказал:

— Там было несколько исследовательских групп, которые проводили различные эксперименты по проекту «Франциск». Все они финансировались на протяжении по крайней мере последних пяти лет. Так, например, группа Дэвиса Вэтерби занималась собаками...

Доктор Вэтерби работал со спермой и яйцеклеткой золотистых ретриверов, выбранных им для эксперимента, потому что эта порода имеет более чем столетнюю историю. Во-первых, в генетическом коде чистопородных животных ослаблено присутствие наследственных болезней, что давало Вэтерби здоровых и умных подопытных животных. Во-вторых, если в результате эксперимента рождались щенки с какими-нибудь отклонениями от нормы, Вэтерби было проще отличить естественные мутации от побочных эффектов его собственных манипуляций с наследственностью подопытных животных и, таким образом, учиться на собственных ошибках.

На протяжении нескольких лет, стараясь увеличить интеллектуальные способности породы, не производя изменений в физическом облике животных, Вэтерби искусственно оплодотворял сотни генетически измененных яйцеклеток ретриверов, а затем помещал их в

матку самок, которым предстояло вынашивать потомство. Самки вынашивали потомство в течение полного срока, а затем Вэтерби изучал новое поколение на предмет выявления повышенного интеллекта.

— Было очень много неудачных экспериментов, — сказал Лем. — Рождались физические уроды, которых приходилось уничтожать. Рождались мертвые щенки. Щенки, которые внешне выглядели нормальными, но отставали в умственном развитии. Вэтерби занимался также генетическим скрещиванием различных видов животных, так что можешь себе вообразить, какие непривлекательные варианты возникали.

Уолт смотрел прямо перед собой на ставшее совершенно непрозрачным лобовое стекло.

— Генетическое скрещивание? Что ты имеешь в виду?

— Видишь ли, он отделял генетические доминанты интеллекта в видах, которые по своей природе умнее ретриверов.

— Обезьяны, что ли? Они ведь считаются умнее собак, так ведь?

— Ну да... обезьяны... и люди.

— Господи помилуй, — сказал Уолт.

Лем направил отражатель вентилятора себе в лицо.

— Вэтерби внедрял этот чужой генетический материал в генетический код ретриверов и одновременно убирал некоторые гены в самой собаке, которые, как он считал, ограничивают ее умственные способности.

Уолт подскочил.

— Но это невозможно! Этот, как ты говоришь, генетический материал невозможно внедрять от одного вида другому!

— В природе это происходит постоянно, — сказал Лем. — Генетический материал переносится от одного вида к другому. И носителем в данном случае является вирус. Ну, скажем, в резус-мартышках живет какой-нибудь вирус. В организме обезьяны этот вирус набирается генетического материала из живых клеток. И эти обезьяньи гены становятся частью самого вируса. Позже, когда вирус поражает человеческий организм, он способен оставить в нем генетический материал обезьян. Возьмем, например, вирус СПИДа. Существует мнение, что некоторые обезьяны и люди годами были носителями этого вируса, но не заболели самой болезнью; я хочу сказать, стали чистыми носителями. Но потом что-то случилось с обезьянами — какое-то негативное генетическое изменение, которое сделало их не только носителями, но и жертвами вируса СПИДа. Обезьяны начали умирать от самой болезни. Потом, когда вирус попал в человеческий организм, он привнес с собой новый генетический материал, способствующий заболеванию, и вскоре люди уже стали заражать друг друга. Примерно так обстоят дела в природе. А в лаборатории это можно воспроизвести еще более наглядно.

Глядя на запотевшее боковое стекло, Уолт сказал:

— Итак, Вэтерби удалось создать собаку с человеческим интеллектом?

— Это был долгий, медленный процесс, но постепенно приходил успех. И вот меньше года назад родился щенок-вундеркинд.

— Он думает так же, как человек?

— Возможно, не так же, но *то же*.

— И на вид это обычная собака?

— Так этого требовал Пентагон. Что, я думаю, сильно затруднило работу Вэтерби. Ведь ясно: размер мозга имеет отношение к умственным способностям, и Вэтерби, конечно, намного раньше добился бы успеха, если бы создал ретривера с мозгом большего размера. Но это привело бы и к увеличению черепа, поэтому собака имела бы необычный вид.

К этому моменту в машине запотели все стекла, но ни Уолт, ни Лем не пытались их протереть. Не видя того, что происходит за пределами теплого, влажного салона автомобиля, они чувствовали себя отрезанными от внешнего мира как во времени, так и в пространстве — в состоянии, странным образом настраивающем на размышления об удивительных и возмутительных вещах, на которые способна генная инженерия.

Уолт сказал:

— Пентагону была нужна собака, которая выглядела бы обычно, но могла думать, как человек. Зачем?

— Представь, какие возможности открываются для шпионажа, — сказал Лем. — Во время войны она может спокойно разгуливать по вражеской территории, подсчитывая количество вооружений и личного состава. Эти умные животные, с которыми возможен контакт, возвращаются назад и рассказывают все, что они видели и слышали.

— *Рассказывают?* Ты хочешь сказать, что собак можно научить разговаривать? Лем, ты шутишь!

Лему стало жалко своего друга, который с трудом представлял себе такие возможности. Современная наука движется вперед быстрыми темпами и каждый год делает столько революционных открытий, что для непосвященных обывателей стирается грань между наукой и волшебством. Только немногим из них понятно, что мир сегодняшний отличается от того, каким он станет через двадцать лет, так же, как 80-е годы XVIII века отличаются от 80-х годов века XX. За этими изменениями невозможно уследить, и когда это на мгновение удастся — как в случае с Уолтом, — то человека одновременно охватывает восхищение и страх.

Лем сказал:

— Наверное, можно на генетическом уровне сделать так, что собака сможет разговаривать. Может быть, это даже не очень трудно — я не знаю. Но ведь надо будет создать ей другой голосовой аппарат, изменить язык и губы — а значит, изменить наружность весьма радикальным образом, что не подходит для целей Пентагона. Поэтому *таким* собакам не суждено разговаривать. Но общение, разумеется, будет иметь место с помощью какой-нибудь сложной знаковой системы.

— Ты так серьезно все это говоришь, — сказал Уолт. — Это же дурацкий розыгрыш, почему же ты не смеешься?

— Ты только подумай, — сказал Лем терпеливо, — в мирное время... представь, что президент Соединенных Штатов дарит ретривера-однолетку советскому руководителю. Пес живет в его доме, сидит у него в офисе и присутствует при разговорах высших партийных чиновников. Время от времени, скажем, раз в несколько недель или месяцев, собака выскальзывает из дома ночью, встречается с американским агентом в Москве и докладывает.

— *Докладывает?* Ты совсем рехнулся? — Уолт засмеялся, но смех его прозвучал довольно натужно, из чего Лем заключил, что скептицизм шерифа поколеблен, несмотря на внешнюю иронию.

— Я говорю тебе, это возможно, такая собака на самом деле создана в лабораторных условиях путем оплодотворения генетически измененной яйцеклетки генетически измененной спермой и вынашивания плода неродной матерью-самкой. После года содержания в лаборатории Банодайна утром семнадцатого мая эта собака убежала, проделав ряд сложных действий, против которых оказалась бессильна даже система сигнализации и охраны.

— И пес сейчас на свободе?

— Да.

— И он убивает...

— Нет, — сказал Лем. — Собака — абсолютно безвредное, доброе и чудесное животное. Я бывал в лаборатории у Вэтерби, когда тот работал с ретривером, и даже общался с псом в определенном смысле. Честно тебе говорю, Уолт, когда видишь это животное в действии, начинаешь понимать: еще не все потеряно.

Уолт недоуменно уставился на него.

Лему не хватало слов для того, чтобы выразить свои чувства. От нахлынувших эмоций у него стало тесно в груди.

— Ну, понимаешь... если мы, люди, можем делать такие поразительные вещи, создавать такие чудеса, значит, внутри нас есть что-то очень сокровенное и ценное, что бы

там ни говорили разные пессимисты и пророки. Если мы создадим такое, значит, в нас присутствует божественное начало. Мы делаем не только смертоносное оружие, но еще и создаем *жизнь*. Если мы сможем поднять представителей какого-нибудь вида животных до нашего уровня, сумеем поделить мир с другими живыми существами... значит, изменятся и наша вера, и наша философия. Переродив ретривера, мы начали свое собственное перерождение. Подняв собаку на высший уровень сознания, мы поднимаемся сами.

— Господи, Лем, ты вроде как проповедь мне читаешь.

— Правда? Это потому, что у меня было больше времени подумать обо всем об этом, чем у тебя. Со временем и ты поймешь, о чем я здесь говорил. Ты ощутишь, что человечество движется в сторону добра — и оно этого заслуживает.

Уолт Гейнс долго смотрел на запотевшее стекло, как будто читая написанные на нем невидимые строки.

Затем он произнес:

— Может быть, все это верно. Может быть, мы и стоим на пороге нового мира. Но пока мы еще живем в прежнем мире и должны еще кое в чем разобраться. Если не собака убила моего человека, то кто?

— Той же ночью из Банодайна, кроме собаки, сбежало еще одно существо, — сказал Лем. Его эйфория угасла от необходимости признать обратную сторону проекта «Франциск». — Оно известно под кличкой Аутсайдер.

5

Держа в руках журнал с рекламой, на которой автомобиль для сравнения с тигром был помещен в железную клетку, Нора сказала Эйнштейну:

— Хорошо, посмотрим, что мы еще можем выяснить. Что ты скажешь вот на это? Что заинтересовало тебя на этой картинке? Машина?

Эйнштейн коротко пролаял: *Нет*.

— Может быть, тигр? — спросил Тревис.

Нет.

— Клетка? — спросила Нора.

Собака завиляла хвостом: *Да*.

— Ты выбрал эту картинку потому, что тебя держали в клетке? — спросила Нора.

Да.

— А заключенный на другой картинке напомнил тебе о том, что испытываешь, когда находишься под замком?

Да.

— Скрипка, — сказала Нора. — Кто-нибудь в лаборатории играл для тебя на скрипке?

Да.

— Интересно, зачем? — спросил Тревис.

На этот вопрос пес не смог ответить.

— Тебе нравилась игра на скрипке? — спросила Нора.

Да.

— А вообще музыка тебе нравится?

Да.

— Ты любишь джаз?

Собака не залаяла и не завиляла хвостом.

Тревис сказал:

— Он не знает, что такое джаз. Я думаю, они не давали ему слушать джазовую музыку.

— А рок-н-ролл тебе нравится? — спросила Нора.

Эйнштейн тявкнул и одновременно завилял хвостом.

— Что это должно означать? — спросила Нора.

— Наверное, и «да» и «нет», — сказал Тревис. — Что-то нравится, а что-то — нет.

Ретривер завилял хвостом, подтверждая предположение Тревиса.

— А классика? — спросила Нора.

Да.

— Да этот пес просто сноб, — сказал Тревис.

Да, да, да.

Нора в восторге рассмеялась, потом засмеялся Тревис, а Эйнштейн со счастливым видом стал тыкаться в них носом и облизывать языком.

Тревис выхватил еще одну картинку, изображавшую мужчину на тренажере «бегущая дорожка».

— Тебя ведь из лаборатории не выпускали. Но ты должен был поддерживать физическую форму. И тебе пришлось пользоваться «бегущей дорожкой»?

Да.

Чувство открытия неведомого переполняло их. Тревис вряд ли был бы больше возбужден и потрясен, даже если бы ему вдруг пришлось столкнуться с внеземным разумом.

6

«Я падаю в кроличью нору, прямо как Алиса», — подумал Уолт Гейнс, поеживаясь.

Весь этот новый мир с его космическими полетами, бытовыми компьютерами, телефонной спутниковой связью, промышленными роботами и вот теперь — биологической инженерией, совершенно не совпадал с тем миром, в котором он родился и вырос. Да что там говорить — во время второй мировой войны, когда Уолт был ребенком, не существовало даже реактивных самолетов. Он прожил жизнь в гораздо более простом мире. В нем присутствовали похожие на корабли «Крайслеры» с «плавниками» сзади, телефоны с дисками вместо кнопок и часы со стрелками вместо цифровых дисплеев. Когда Гейнс родился, телевидения не было и в помине, а возможность ядерного Армагеддона тогда никто не мог даже предсказать. У него было такое чувство, будто он переступил через невидимый барьер в мир, который движется по скоростной трассе. Это новое царство высоких технологий и восхищало, и пугало его.

Сама идея создания разумной собаки пробуждала в Уолте детские мечты, и ему захотелось улыбаться.

Однако другое существо, Аутсайдер, убежавшее из лаборатории, внушало ему непреодолимый страх.

— У собаки нет клички, — сказал Лем Джонсон, — и это в порядке вещей. Большинство ученых не дают кличек подопытным животным, поскольку как только между ними возникают личностные отношения, трудно сохранять объективность в исследованиях. Поэтому псу был присвоен номер. Но даже когда стало ясно, что эксперимент удался и ретривера не придется уничтожать, даже тогда ему не дали клички. Все просто называли его «собака», и этого было достаточно, поскольку у других животных был только номер. Ну вот, а в то же самое время доктор Ярбек работала по другой программе проекта «Франциск», и ее усилия также увенчались успехом.

Ярбек стремилась создать животное с резко повышенным интеллектом. Оно должно было находиться рядом с людьми в районах боевых действий — как собаки сопровождают полицейских на опасные задания. По замыслу Ярбек, этот зверюга был бы не только умен, но и страшен. Безжалостный, действующий скрытно, хитрый, он наводил бы ужас на противника. Его с одинаковым успехом можно было бы использовать для ведения войны как в джунглях, так и в условиях городской местности. Ярбек понимала, конечно, что ее творение не может обладать человеческим интеллектом или быть столь же умным, как собака, созданная Вэтерби. Было бы безумием произвести живое оружие убийства с таким же уровнем интеллекта, каким обладают люди, которым предстоит использовать его и управлять им. Все читали «Франкенштейна» и видели старые фильмы Карлоффа, поэтому понимали опасность, таящуюся в эксперименте Ярбек.

Выбрав в качестве подопытных животных приматов из-за их природной сообразительности и похожих на человеческие конечностей, Ярбек остановилась на бабуинах как на основном виде, наиболее пригодном для осуществления ее мрачных целей. Бабуины — самые умные среди сородичей — отличный исходный материал. От природы они злобные и бесстрашные бойцы с весьма длинными острыми когтями и зубами, способны стоять насмерть, защищая свою территорию, и нападают на всякого, кого считают врагом.

— Первое, с чего начала Ярбек, — попыталась изменить размеры бабуина, для того чтобы он мог противостоять взрослому мужчине, — сказал Лем. — Она считала, что в нем должно быть по крайней мере пять футов росту и сто — сто десять фунтов весу.

— Не такой уж и большой, — заметил Уолт.

— Достаточно большой.

— Человека такого роста я бы мог прихлопнуть как муху.

— Человека — да. Но не такое существо. В нем — сплошные мускулы, ни грамма жира. И потрясающая реакция. Вспомни, что бычок весом в пятьдесят фунтов может сделать котлету из взрослого человека. А зверюга весом в сто десять фунтов — соображаешь, что это за боец?

Покрытое серебристой испариной лобовое стекло автомобиля, казалось, превратилось в киноэкран, на котором перед Уолтом предстала череда изуродованных трупов: Вэс Далберг, Тил Портер... Он сомкнул веки, но покойники все еще стояли у него перед глазами.

— О'кей, о'кей, согласен. Сто десять фунтов вполне достаточно для существа, предназначенного для убийств.

— Ну вот, Ярбек и создала породу бабуинов, которые вырастают до больших размеров. Затем она стала работать над спермой и яйцеклеткой этих гигантских приматов, убирая некоторые гены и добавляя новые.

Уолт сказал:

— Тот же самый метод, как и в случае с умной собакой.

— В принципе да. Но не совсем. Ярбек хотела, чтобы у ее творения была мощная, страшная челюсть, как у немецкой овчарки или у шакала, чтобы в его пасти помещалось как можно больше зубов. Сами зубы должны быть длиннее, острее и более изогнутыми по форме, что привело бы к изменению формы головы бабуина и ее лицевой части. Череп необходимо было увеличить в любом случае, чтобы туда поместился больший по размеру мозг. Ярбек, в отличие от Вэтерби, не была ограничена физическими рамками. Наоборот, чем страшнее, чем чужероднее получилось бы создаваемое ею существо, тем лучше, поскольку оно предназначалось не только для преследования и убийства, но и чтобы наводить ужас на противника.

Несмотря на жару и духоту, царившие в салоне автомашины, Уолт Гейнс почувствовал холод внизу живота, как будто наглотался ледяных кубиков.

— А Ярбек и другие — они никогда не задумывались об аморальности всего этого? Они читали когда-нибудь «Остров доктора Моро»? Лем, ты обязан предать это дело гласности. И я тоже.

— Так вопрос не стоит, — сказал Лем. — Идея о том, что существуют добрые и злые знания... — это, строго говоря, религиозная точка зрения. Действия людей могут быть моральными и аморальными, а знания нельзя классифицировать таким способом. Для ученого, для любого образованного человека все знания морально нейтральны.

— Все верно, но я, черт возьми, говорю о применении знаний. В случае с Ярбек оно не было нейтральным.

Сидя на веранде по выходным и попивая пиво «Корона», они любили рассуждать на такие темы. Философы с заднего двора. Любители пива, наслаждающиеся собственной мудростью. Иногда моральные дилеммы, которые они обсуждали, вставали перед ними в полицейской практике, но такой явной связи между их спорами и работой, как сейчас, Уолт припомнить не мог.

— Применение знаний — часть процесса познания, — сказал Лем. — Ученый должен

внедрять свои открытия, чтобы знать, куда они его могут завести. Моральная ответственность лежит на тех, кто выводит технологию за пределы лабораторий и использует ее в аморальных целях.

— И ты веришь в эту брехню?

Лем помолчал с минуту.

— Думаю, что верю. Мне кажется, если бы мы привлекали к ответственности ученых за последствия, к которым могут привести их исследования, они, во-первых, отказались бы работать, а, во-вторых, всякий прогресс вообще бы остановился. Мы так бы и жили в пещерах.

Уолт достал чистый платок из кармана и промокнул лицо, давая себе минуту на размышление. Жара и духота уже не беспокоили его. Но от одной мысли о смертоносной твари, шныряющей сейчас по графству Ориндж, пот катился с него градом.

Ему хотелось известить весь мир о том, что что-то невиданное и опасное бесконтрольно бродит по земле. Поступи он так, Уолт сыграл бы на руку новым луддитам, не замедлившим начать общественную истерию в попытке положить конец исследованиям подобного рода. Но ведь именно с помощью таких исследований создали сорта кукурузы и пшеницы, которые можно выращивать на бедных и засушливых почвах, и в результате на земле стало меньше голодных. А много лет назад был получен вирус, способный производить дешевый инсулин в виде побочного продукта. Если поведать миру об ужасном творении доктора Ярбек, можно наверняка спасти несколько жизней, но одновременно существует риск, что прекращение генетических исследований повлечет за собой гибель тысяч людей в дальней перспективе.

— Черт бы все побрал, — сказал Уолт. — На белое и черное тут не разделишь.

— Это и делает нашу жизнь интереснее, — заметил Лем.

Уолт кисло улыбнулся:

— Слишком уж она интересная стала в последнее время. О'кей, я согласен, что в этом расследовании нужно попридержаться языки. Кроме того, если предать его гласности, то завтра в здешних местах будут бродить тысячи дураков-добровольцев, которые либо погибнут от зубов этой твари, либо по ошибке перестреляют друг друга.

— Это точно.

— Но мои сотрудники помогут держать это дело в секрете.

Лем начал рассказывать ему о сотне морских пехотинцев, переодетых в гражданскую одежду, оснащенных самым современным снаряжением и в отдельных случаях сопровождаемых собаками-ищейками, которые продолжали прочесывать холмы.

— Людей привлечено к расследованию больше, чем нужно. Делается все возможное. Ты не должен вмешиваться.

Уолт нахмурился.

— Хорошо. Но я хочу иметь полную информацию о ходе поисков.

— Договорились, — кивнул Лем.

— У меня есть еще вопросы. Например, почему его зовут Аутсайдер?

— Видишь ли, собака первая из всех подопытных животных проявила необычные умственные способности. А эта тварь — уже потом. Эксперименты имели успех только в этих двух случаях. Сначала они звали его «Чужой», но потом им показалось, что «Аутсайдер» подходит ему больше, поскольку он не представлял собой усовершенствованный вариант ни одной Божьей твари, а является чем-то совершенно посторонним — существом со стороны. И оно знало о своем статусе аутсайдера, очень хорошо знало.

— А почему они не назвали его просто бабуином?

— Потому что... оно... он уже больше не похож на бабуина. Ты вообще ничего подобного не видел — разве что в ночном кошмаре.

Уолту не понравилось выражение лица его темнокожего друга, и он решил не расспрашивать подробно о наружности Аутсайдера — возможно, ему не следовало это знать.

Вместо этого Уолт поинтересовался:

— А как насчет Хадстонов, Вэтерби и Ярбеков? Что стоит за всеми этими смертями?

— Мы не знаем, кто конкретно нажимал на спусковой крючок, но утверждаем: преступник нанят Советами. Убит еще один человек из Банодайна, который находился на отдыхе в Акапулько.

Уолт ощутил невидимый барьер, перейдя который он оказывался в еще более сложном мире.

— Советы? Ты сказал «Советы»? А они-то как оказались втянутыми в это дело?

— Пока нам неизвестно, какими именно сведениями о проекте «Франциск» они располагают, — сказал Лем. — Но, очевидно, информация у Советов есть. Ясно, что в Банодайне у них был агент, который сообщал им о том, как идут дела. Когда собака, а затем Аутсайдер убежали из лаборатории, Советы узнали об этом, решили воспользоваться неразберихой и причинить нам побольше неприятностей. Советы организовали убийства всех ведущих специалистов: Ярбек, Вэтерби, Хейнса и Хадстона, который, кстати, уже не работал в Банодайне. Мы считаем, они занимались этим по двум причинам: во-первых, чтобы остановить проект «Франциск», а во-вторых, затруднить нам поимку Аутсайдера.

— А как ее можно затруднить?

Тяжесть ответственности за это дело, казалось, вдавила Лема в сиденье машины. Он сказал:

— Устранив Хадстона, Хейнса и особенно Вэтерби и Ярбек, Советы лишили нас возможности понять, каким образом думают Аутсайдер и собака. Только эти люди знали, куда могли направиться животные после побега и как их можно поймать.

— А ты уверен, что это дело рук Советов?

Лем вздохнул:

— Не совсем. Я занимаюсь поимкой собаки и Аутсайдера. А поиск советских агентов, осуществивших убийства, поджог и перехват информации, возложен на другую команду. К сожалению, Советы, кажется, наняли людей, не принадлежащих к их агентурной сети, поэтому мы не представляем, откуда начинать поиск. Эта часть расследования практически стоит на месте.

— А пожар в Банодайне?

— Определенно поджог. В огне пропала вся бумажная и компьютерная документация по проекту «Франциск». Разумеется, существовали запасные диски в другом месте... но каким-то образом информация, записанная на них, оказалась стертой.

— Опять Советы?

— Наверное. Таким образом, уничтожены как руководители проекта, так и вся документация, и нам приходится только гадать, как работают мозги у собаки и Аутсайдера и как можно осуществить их поимку.

Уолт замотал головой.

— Никогда не думал, что окажусь на стороне русских, но мне по душе их идея остановить проект.

— Не думай только, что они такие благородные. Я слышал, у них на Украине разрабатывается аналогичный проект. И у меня нет сомнения, что наши люди там делают то же самое, что их люди здесь. В любом случае, Советам хотелось бы, чтобы Аутсайдер оказался в каком-нибудь мирном пригороде и расположился там несколько домохозяек и маленьких ребятишек. Когда такое случится пару-тройку раз, этот проект уже точно обернется против нас.

Услышав про маленьких ребятишек, Уолт содрогнулся.

— И такое может случиться?

— Надеемся, что нет. Аутсайдер агрессивен, как сто чертей — его так запрограммировали — и испытывает особую ненависть к своим создателям; этого Ярбек не ожидала и предполагала исправить в последующих поколениях. Аутсайдер получает высшее наслаждение от уничтожения людей. Но он умен и знает, что каждое убийство приближает нас к его поимке. Поэтому зверюга попытается сдержать свою ярость. Большую часть

времени он будет проводить вдали от людей, передвигаясь в основном по ночам. Иногда, правда, из любопытства он может забрести в жилые кварталы в восточном районе округа...

— К Кишанам Аутсайдер уже забрел.

— Ну да. Только я думаю, что он пришел туда не с целью убить кого-то. Простое любопытство. Чудовище не хочет, чтобы его поймали прежде, чем оно выполнит свою главную задачу.

— Какую?

— Найти и убить собаку.

Уолт удивился.

— А что ему далась эта собака?

— Мы точно не знаем, — ответил Лем. — Но в Банодайне он выказывал особую ненависть к ней, еще большую, чем к людям. Когда Ярбек общалась с Аутсайдером с помощью специально разработанной знаковой системы, он несколько раз выражал желание убить и изуродовать ретривера. Но не объяснял почему.

— И ты думаешь, что сейчас Аутсайдер идет последу?

— Да. Собака первой убежала из лаборатории — это установлено следствием, — и ее побег буквально взбесил Аутсайдера. Его держали в специальном помещении в лаборатории Ярбек, и все там внутри: спальные принадлежности, учебные пособия, игрушки — было разнесено в клочья. Сообразив, что ретривер может навсегда оказаться за пределами его досягаемости, Аутсайдер пошевелил мозгами и нашел способ убежать.

— Но собаке, наверное, удалось оторваться...

— Между Аутсайдером и псом существует необъяснимая связь. На психическом уровне. Мы не знаем, насколько она сильна, но предполагаем, что они инстинктивно чувствуют друг друга на значительном расстоянии. Это своего рода шестое чувство, явившееся побочным эффектом экспериментов, проведенных Вэтерби и Ярбек. Правда, это всего лишь предположение. Нельзя сказать наверняка. Нам так мало известно, что ощущаешь себя полным дерьмом!

В течение нескольких мгновений собеседники хранили молчание.

Душная теснота автомашины уже не была такой неприятной. Там, снаружи, подстерегало столько опасностей, что влажный салон казался безопасным и уютным местом, настоящим раем.

Несмотря на боязнь ответов, которые он может получить на свои вопросы, Уолт тем не менее сказал:

— В Банодайне — строгий режим секретности. Туда трудно проникнуть, но и выйти оттуда, вероятно, непросто. Однако и собаке, и Аутсайдеру это удалось.

— Да.

— И, конечно, никто не мог подумать, что это окажется возможным. Значит, они в действительности умнее, чем предполагали их создатели.

— Да.

— В случае с собакой... Если она разумнее, это значит... Но собака не агрессивна.

Лем встретился глазами с Уолтом.

— А если Аутсайдер умнее... если его интеллект почти такой же, как у человека, тогда поймать его будет очень сложно.

— Почти такой же или такой же.

— Нет. Этого не может быть.

— Или даже умнее, — сказал Уолт.

— Нет. Невозможно.

— Невозможно?

— Нет.

— Ты это точно знаешь?

Лем вздохнул, устало потер глаза и промолчал. Он не собирался снова врать своему лучшему другу.

Перебирая картинки одну за другой, Нора и Тревис узнавали об Эйнштейне все новые и новые подробности. Издавая короткий лай или виляя хвостом, пес отвечал на их вопросы. Например, он подтвердил, что выбрал картинку с рекламой компьютеров, так как она напомнила ему о компьютерах, увиденных им в лаборатории. Картинка, изображавшая четверых молодых людей, играющих в полосатый пляжный мяч, привлекла его внимание потому, что один из сотрудников лаборатории использовал мячи в тестах на умственные способности; эта процедура особенно нравилась Эйнштейну. Им не удалось выяснить, почему он выбрал изображения попугая, бабочек, Микки Мауса и еще целый ряд картинок. Они не сумели задать псу подходящие вопросы, на которые он мог бы ответить однозначно «да» или «нет».

Но даже несмотря на то, что сотни их вопросов остались без ответа, сам процесс открытия возбуждал и радовал их — успех был налицо. Один только раз их радость омрачилась: когда они начали расспрашивать Эйнштейна об изображении демонического существа с рекламы нового фильма ужасов. Собака пришла в страшное возбуждение. Поджав хвост, она обнажила клыки и издала грозное рычание. Несколько раз ретривер пытался от картинки за диван или в соседнюю комнату и находился там несколько минут, затем неохотно возвращался, чтобы ответить на дополнительные вопросы. И все это время его почти непрерывно била дрожь.

Потратив по крайней мере десять минут на выяснение причин такого поведения, Тревис ткнул пальцем в изображение зубастого чудища со светящимися глазами и сказал:

— Ты, наверное, не понял, Эйнштейн. Это не изображение живого, настоящего существа. Это — бутафорский демон из кинофильма. Ты понимаешь это слово — бутафорский?

Эйнштейн завилял хвостом: *да*.

— Ну вот, это — бутафорский, ненастоящий монстр.

Нет.

— Да, — сказал Тревис.

Нет.

Эйнштейн попытался снова спрятаться за диваном, но Тревис ухватил его за ошейник.

— Ты хочешь сказать, что видел такую тварь живьем?

Пес поднял глаза на Тревиса, содрогнулся и заскулил.

Держа его за ошейник, Тревис почувствовал эту дрожь, а страх в глазах Эйнштейна передался ему самому. Ощущая, как мурашки бегут по телу, Тревис подумал: «Господи, ведь он на самом деле видел такое существо».

Заметив перемену в Тревисе, Нора спросила:

— Что случилось?

Вместо ответа Тревис повторил тот же вопрос:

— Ты хочешь сказать, что видел такое существо наяву?

Да.

— И оно в точности такое?

Да и нет.

— Похоже на него?

Да.

Выпустив из рук ошейник, Тревис погладил пса по спине, стараясь успокоить его, но Эйнштейн продолжал дрожать.

— И поэтому ты стоишь на страже у окна почти каждую ночь?

Да.

Обеспокоенная угнетенным состоянием собаки, Нора сказала:

— Я думала, ты опасаясь, что люди из лаборатории обнаружат тебя.

Эйнштейн коротко пролаял.

— Тебя не пугает, что они тебя разыщут?

Да и нет.

Тревис сказал:

— Ты боишься, что этот... это существо найдет тебя?

Да, да, да.

— Это то самое существо, которое гналось за нами там, в лесу, и это в него я стрелял?

Да, да, да.

Тревис бросил взгляд на Нору. Она нахмурилась.

— Но ведь это только монстр из кинофильма. На самом деле ведь ничего такого не бывает.

Собака прошлепала между разложенными на полу журнальными фотографиями и выбрала рекламу Голубого Креста, изображавшую врача и молодую мать с младенцем. Она взяла журнал и принесла его к их ногам. Затем Эйнштейн ткнулся носом в изображение доктора и взглянул на Нору, на Тревиса, потом опять стал тыкать носом в картинку и выжидательно поднял глаза.

— Мы уже догадались, что доктор напоминает тебе одного из ученых, кто занимался с тобой в лаборатории, — сказала Нора.

Да.

Тревис спросил:

— А сейчас ты хочешь сообщить, что этот ученый знает о существе, которое было там, в лесу?

Да.

Эйнштейн вновь принялся разглядывать картинки и на этот раз подобрал рекламу автомобиля, помещенного в клетку. Ткнувшись носом в изображение клетки, он, поколебавшись немного, дотронулся до картинки с демоном.

— Ты хочешь сказать, что это существо должно быть посажено в клетку? — спросила Нора.

Да.

— Более того, — уточнил Тревис, — я думаю, он хочет сказать, что видел его в клетке.

Да.

— В той же самой лаборатории, где ты тоже сидел в клетке?

Да, да, да.

— Еще одно подопытное животное? — спросила Нора.

Да.

Тревис принялся изучать изображение демона: тяжелые надбровные дуги, глубоко посаженные глаза, уродливую пасть, густо усаженную зубами. Наконец он произнес:

— Это был неудачный эксперимент?

Да и нет, — ответил Эйнштейн.

Придя в крайнее возбуждение, пес подбежал к окну, поставил передние лапы на подоконник и стал всматриваться в сумерки, опустившиеся на Санта-Барбару.

Нора и Тревис сидели на полу, перебирали журналы и книги и радовались достигнутому успеху. На них вдруг навалилась усталость. Они озадаченно посмотрели друг на друга.

— Как ты думаешь, Эйнштейн способен выдумывать всякие истории, как это делают дети? — спросила Нора тихо.

— Не знаю. Умеют ли собаки врать или это чисто человеческие способности? — Тревис засмеялся над абсурдностью собственного вопроса. — Может ли лось баллотироваться в президенты? Можно ли научить корову петь?

Нора засмеялась ему в тон:

— Могут ли утки отбивать чечетку?

Желая подучиться после интеллектуальных и эмоциональных трудностей,

испытанных во время общения с Эйнштейном, Тревис сказал:

— Один раз я видел селезня, отбивающего чечетку.

— Ну да?

— Да. В Лас-Вегасе.

Нора спросила со смехом:

— И в каком отеле он давал представление?

— В «Цезарь-Паласе». Кроме того, он еще и пел.

— Селезень?

— Ага. Знаешь, как его звали?

— Как?

— Сэмми Дэвис Дак Мл., — ответил Тревис, и они рассмеялись. — Он был такой большой звездой, что даже не посчитали нужным указать полностью его имя на афише.

— Там было написано просто «Сэмми», да?

— Нет. Просто «Мл.».

Эйнштейн вернулся к ним и, склонив голову набок, пытался понять, что их так забавляет.

Озадаченное выражение на морде ретривера еще больше развеселило Нору и Тревиса. Обессиленный от смеха, они повалились друг на друга.

Презрительно фыркнув, пес пошел назад к подоконнику. К моменту, когда затих смех, Тревис вдруг обнаружил, что *обнимает* Нору, а ее голова лежит у него на плече и впервые за время их знакомства между ними существует такой тесный физический контакт. Он вдыхал чистый, свежий запах ее волос и чувствовал жар ее тела. Внезапно им овладело сильное желание обладать ею, и Тревис понял: как только она поднимет голову с его плеча, он ее поцелует. Через мгновение Нора действительно подняла голову, и Тревис сделал то, что собирался, — поцеловал ее — и она поцеловала его. В течение первых нескольких секунд Нора как будто не понимала происходящего — в их поцелуе отразилась не страсть, а нечто гораздо более невинное: дружба и нежность друг к другу. Затем ее губы стали мягче, дыхание участилось, и, сжав его руку, она попыталась придвинуться поближе. Пробормотав что-то, Нора вдруг, казалось, очнулась от звука собственного голоса. Все тело ее напряглось, почувствовав в Тревисе мужчину, и ее красивые глаза широко раскрылись от удивления и страха перед тем, что едва не произошло. В тот же момент Тревис слегка отпрянул назад, инстинктивно понимая, что нужный момент еще не наступил. Когда в конце концов они займутся любовью, это произойдет без всяких колебаний и помех, поскольку на долгие годы у них должна остаться об этом радостная и ничем не омраченная память. И хотя все еще у них было впереди, Тревис не сомневался: они с Норой будут вместе до конца своих дней, — и эта возникшая в нем уверенность укреплялась с каждым часом.

После секундной неловкости они выпустили друг друга из объятий и замолчали, не решаясь комментировать внезапную перемену в отношениях.

Наконец Нора сказала:

— Он все еще у окна.

Прижав нос к стеклу, Эйнштейн вглядывался в ночь.

— А может, пес прав? — спросила Нора. — Может, на самом деле из лаборатории убежало что-то такое страшное?

— Если им удалось создать такую умную собаку, как он, значит, они способны вызывать к жизни другие существа. А ведь в тот день там что-то было в лесу.

— Но вы так далеко уехали от того места, что вряд ли это существо сможет разыскать ретривера.

— Вряд ли, — согласился Тревис. — Я думаю, Эйнштейн просто не понимает, как далеко мы находимся от леса, где я его обнаружил. В то же время мне кажется, что сотрудники лаборатории усиленно ищут его. И это меня беспокоит. Эйнштейн тоже встревожен. Поэтому на людях он притворяется обычным псом, а свои способности демонстрирует только нам с тобой. Он не хочет туда возвращаться.

- Если они его найдут...
- Не найдут.
- А если найдут, что тогда?
- Я его не отдам, — сказал Тревис. — Ни за что.

8

К 23.00 обезглавленный труп полицейского Портера и обезображенное тело прораба были вывезены из Бордо Ридж людьми из коронерской службы. К этому часу уже была придумала легенда, которую и сообщили репортерам, столпившимся у заградительной линии. Похоже, пресса купилась на эту легенду — журналисты не задавали вопросов и ограничились тем, что отсняли несколько сотен фотографий и несколько тысяч футов видеопленки — в завтрашних новостях весь этот метраж будет сокращен и займет по времени не более полутора минут. (В наш век массовых уничтожений людей и терроризма убийство двух человек заслуживает около двух минут эфирного времени: десять секунд на вводную часть, секунд сто на сам репортаж и еще десять секунд на то, чтобы хорошо причесанные дикторы смогли изобразить на своих физиономиях приличествующие случаю печаль и огорчение. Затем можно сразу переходить к сообщению о конкурсе мини-бикини или к информации об НЛО.)

Журналисты разъехались, как, впрочем, и все остальные. На месте происшествия остались только Уолт, Лем и Клифф Соамс.

Месяц скрылся за облаками, и единственным источником освещения были фары автомобиля Уолта Гейнса. Он развернул его так, чтобы свет фар падал на машину Лема, припаркованную в конце улицы, и Лем с Клиффом могли идти, не спотыкаясь в темноте. За пределами этого светового коридора каркасы недостроенных домов возвышались, как гигантские скелеты доисторических рептилий.

Шагая к своему автомобилю, Лем чувствовал себя довольным, насколько, конечно, это позволяли обстоятельства. Уолт согласился не чинить препятствий федеральным властям в этом расследовании. И хотя сам Лем нарушил дюжину всяких инструкций и подписку о неразглашении, рассказав другу подробности проекта «Франциск», он был уверен: дальше Уолта это не пойдет. Дело это по-прежнему находилось за завесой секретности — возможно, уже не такой плотной, как раньше, но все-таки достаточно плотной.

Клифф Соамс, шедший впереди, открыл дверцу машины и сел на переднее сиденье справа. В тот момент, когда Лем открыл водительскую дверцу, Клифф вдруг произнес:

— О Господи Иисусе, о Боже...

Еще до того, как Лем успел взглянуть внутрь машины, Клифф уже выскочил наружу. Лем посмотрел на водительское сиденье. На нем лежала человеческая голова. Голова Тила Портера — сомнения не было. Она была обращена лицом к дверце, рот раскрыт в немом крике, а на месте глаз зияла пустота.

Отпрянув от машины, Лем выхватил из-за пазухи револьвер.

Уолт Гейнс также выскочил из своего автомобиля с револьвером в руке и подбежал к Лему.

— Что происходит?

Лем молча показал пальцем на сиденье.

Заглянув внутрь машины, Уолт издал протяжный стон.

К ним подошел Клифф, держа свой револьвер вверх стволом.

— Чертова тварь все это время была здесь, пока мы находились в доме.

— Возможно, она еще здесь, — заметил Лем, с тревогой вглядываясь в темноту, стеной окружающую освещенный пятачок, на котором стоял его автомобиль.

Глядя на мрачные силуэты домов, Уолт сказал:

— Можно вызвать сюда моих людей и начать поиск.

— Бесполезно, — сказал Лем. — Эта тварь сразу сбежит, как только увидит, что они

возвращаются. А может, уже сбежала.

Они стояли на самом краю Бордо Ридж, сразу за которым начиналась открытая дикая местность, откуда Аутсайдер пришел и куда он, возможно, уже ушел. Все эти холмы, хребты и каньоны только угадывались в тусклом сиянии неполной луны.

Где-то в конце неосвещенной улицы послышался громкий стук, как будто рассыпались сложенные в штабель доски.

— Оно здесь, — произнес Уолт.

— Может быть, — сказал Лем. — Но мы не пойдем туда, в темноту. А оно хочет, чтобы мы туда пошли.

Они замолчали, прислушиваясь.

Ничто больше не нарушило тишину.

— Как только мы прибыли сюда, мы обыскали всю улицу, еще до вашего появления, — сообщил Уолт.

Клифф сказал:

— Оно, наверное, все время было на один шаг впереди вас — играло в прятки с вашими людьми. А потом, когда приехали мы, оно узнало Лема.

— Действительно, я два раза посещал Банодайн, — согласился Лем. — По правде говоря... Аутсайдер, вероятно, ждал здесь меня. Он, наверное, догадывается о моей роли во всем этом, понимает, что именно я возглавляю поиски его и собаки. Поэтому подложил мертвую голову именно на мое сиденье.

— В качестве издевки? — спросил Уолт.

— В качестве издевки.

Они помолчали еще некоторое время, с тревогой поглядывая в окружавшую их темноту.

В горячем июньском воздухе не было ни малейшего движения. Единственное, что нарушало ночную тишину, был звук двигателя в машине шерифа.

— Наблюдает за нами, — сказал Уолт.

Снова — на этот раз ближе — послышался шум падающих строительных материалов.

Трое мужчин замерли, встав спинами друг к другу, ожидая нападения с любой стороны. С минуту длилось молчание. Когда Лем собрался было заговорить, Аутсайдер испустил леденящий душу вопль. На этот раз они смогли определить, откуда пришел звук: из открытой местности за пределами Бордо Ридж.

— Он уходит, — сказал Лем. — Понял, что нас в ловушку не заманить, и уходит, прежде чем мы вызовем подкрепление.

Издалека донесся еще один вопль. Жуткий звук резанул Лема по сердцу.

— Утром, — сказал он, — мы перебросим морских пехотинцев вон туда, на те предгорья. Мы его поймем, черт бы меня взял.

Поворачиваясь к машине Лема, явно оттягивая момент, когда нужно будет что-то делать с головой Тила Портера, Уолт спросил:

— Почему глаза? Почему Аутсайдер всегда вырывает глаза у своих жертв?

Лем ответил:

— Ну, во-первых, потому что он — агрессивная и кровожадная тварь. Это у него в генах. А еще потому, что ему нравится внушать ужас. Я так думаю. А еще...

— Что еще?

— Не хотелось бы вспоминать...

В одно из своих посещений Банодайна Лем присутствовал при разговоре — условном, конечно, — между доктором Ярбек и Аутсайдером. Ярбек и ее ассистенты обучили Аутсайдера объясняться с помощью специальных знаков, похожих на те, которые использовались в первых экспериментах с гориллами в середине 1970-х. Наибольший успех тогда был достигнут с самкой по имени Коко — она стала героиней многих репортажей, освоив словарный запас приблизительно в четыреста слов. Когда Лем видел Аутсайдера в последний раз, тот владел гораздо большим запасом слов, хотя, конечно, на довольно примитивном уровне. Находясь в лаборатории, Лем наблюдал, как это созданное человеком

чудище обменивается сложными знаками с доктором Ярбек: перевод их на «человеческий язык» нашептывал Лему ассистент. Аутсайдер выказывал сильнейшую ненависть ко всему и ко всем, неоднократно прерывая диалог метанием по клетке, ударами по решетке и дикими воплями. Лему та сцена показалась пугающей и отвратительной, но одновременно его охватила жалость по отношению к Аутсайдеру: эта тварь обречена на сидение в клетке, на вечное одиночество, на которое не может быть обречено ни одно другое существо — даже собака Вэтерби. Увиденный им «разговор» настолько врезался Лему в память, что он и сейчас мог восстановить его в мельчайших подробностях.

Так, например, Аутсайдер показал знаками:

— *Вырву ваши глаза.*

— *Хочешь вырвать их у меня?* — спросила знаками Ярбек.

— *У всех.*

— *Зачем?*

— *Чтобы никто меня не видел.*

— *Почему ты не хочешь, чтобы тебя видели?*

— *Я безобразен.*

— *Ты считаешь себя безобразным?*

— *Очень.*

— *Откуда ты об этом узнал?*

— *От людей.*

— *Каких людей?*

— *Всех, кто меня видел.*

— *Как вот этот посетитель?* — Ярбек показала на Лема.

— *Да. Все считают меня безобразным. Ненавидят меня.*

— *Это не так.*

— *Так.*

— *Никто никогда не говорил тебе, что ты безобразен. Откуда ты знаешь, что о тебе так думают?*

— *Знаю.*

— *Откуда?*

— *Знаю, знаю, знаю!* — Аутсайдер забежал по клетке, сотрясая решетку и испуская дикие вопли. Затем вернулся на место. — *Вырву себе глаза.*

— *Чтобы не видеть себя?*

— *Чтобы не видеть, как люди смотрят на меня,* — показал он знаками, и Лем пожалел его тогда, хотя, конечно, страх не уступал место жалости.

Сейчас, стоя в жаркой темноте июньской ночи, он рассказал обо всем этом Уолту Гейнсу, заставив его содрогнуться.

— Господи помилуй, — произнес Клифф Соамс. — Аутсайдер испытывает отвращение к себе за то, что он не такой, как все, и поэтому ненавидит своих создателей еще больше.

— Теперь, когда я узнал подробности, — сказал Уолт, — я удивляюсь, что никто из вас так и не понял, почему Аутсайдер исполнен такой ненависти к собаке. Этот урод и пес — детища проекта «Франциск». Собака — любимый ребенок, о котором родители готовы говорить без умолку, а Аутсайдер — дитя, которое лучше никому не показывать. Поэтому он в обиде на собаку и от этого чувства не может избавиться ни на минуту.

— Все верно, — проговорил Лем. — Все верно.

— И теперь становится ясно, почему он разбил зеркала в обеих ваннных комнатах в доме, где погиб Тил Портер, — сказал Уолт. — Это существо не выносит вида собственного отражения.

Откуда-то издалека до них донесся пронзительный вопль — звук, на который не способно ни одно из созданий Божьих.

Глава седьмая

1

В последние дни июня Нора занималась живописью, проводила много времени вдвоем с Тревисом и пыталась научить Эйнштейна читать.

Ни она сама, ни Тревис не были уверены, что у собаки, даже такой умной, хватит сообразительности научиться чтению, но решили попробовать. Раз пес понимает устную речь — а в этом сомнений у них не было, — значит, сможет разбирать и напечатанный на бумаге текст.

Разумеется, могло оказаться, что Эйнштейн распознает не сами произнесенные вслух слова, а каким-то телепатическим образом считывает «картинки», возникающие в мозгу говорящего.

— Я, правда, в это не очень верю, — сказал Тревис однажды, когда они с Норой сидели на веранде, попивая холодное вино и наблюдая, как Эйнштейн забавляется в струйках воды, бьющих из газонного разбрызгивателя. — Может быть, я просто не хочу в это верить. Трудно убедить себя в том, что пес обладает почти человеческим интеллектом, да еще и телепатическими способностями в придачу. Если это так, то мне надо надеть ошейник, а он пусть держит поводок!

В отсутствии таких способностей у ретривера их убедит текст с испанским языком.

Еще в колледже Тревис три года изучал испанский. Затем, когда поступил на службу в элитную группу «Дельта», начальство настояло на продолжении занятий языком, поскольку обострявшаяся обстановка в Центральной и Южной Америке указывала на то, что «Дельте» придется все чаще вести операции по борьбе с терроризмом в испаноязычных странах. Тревис много лет назад уволился в запас, но не пропускал случая поговорить на испанском с жителями Калифорнии, для которых этот язык был родным.

Когда Тревис начал давать Эйнштейну команды и задавать вопросы на испанском, пес уставился на него с глупым видом, изумленно виляя хвостом. Когда же Тревис продолжил свои вопросы на непонятном языке, ретривер наклонил голову набок и тявкнул, как бы спрашивая, не шутка ли это. Если бы он мог считывать «образы», возникающие в сознании говорящего, ему было бы совершенно неважно, на каком языке к нему обращаются.

— Он не умеет читать мысли, — сказал Тревис. — Слава Богу, все-таки есть пределы его возможностей!

День за днем Нора проводила с Эйнштейном на полу гостиной или на веранде в доме Тревиса и объясняла ему алфавит. Иногда Тревис давал ей передохнуть и сам проводил уроки, но большую часть времени он все-таки сидел рядом и наблюдал, поскольку, по его словам, у него не хватало терпения быть учителем.

Нора смастерила букварь из тетрадки с перекидными страницами. На левых страницах она приклеила вырезанные из журналов картинки, изображавшие различные предметы, а напротив — слова, их обозначающие: дерево, машина, дом, мужчина, женщина, стул... Сидя рядом с Эйнштейном и держа перед ним раскрытый букварь, она показывала пальцем на картинку, а затем на соответствующее слово и несколько раз медленно произносила его.

В последний день июня Нора разложила на полу несколько картинок без подписи.

— Сейчас у нас будет контрольная работа, — сказала она Эйнштейну. — Давай посмотрим, каких успехов мы добились по сравнению с понедельником.

Эйнштейн сел очень прямо, выпятил грудь и высоко поднял голову, как бы не сомневаясь в своих способностях.

Тревис расположился в кресле и наблюдал. Он сказал:

— Если ты получишь двойку, мохнатая морда, я обменяю тебя на пуделя, который умеет переворачиваться, притворяться мертвым и служить на задних лапах.

Нора с удовлетворением отметила, что Эйнштейн даже ухом не повел при этих словах.

— Сейчас не время для шуток, — проговорила она строго.

— Больше не буду, профессор, — сказал Тревис.

Нора показала Эйнштейну карточку, где было напечатано слово «дерево». Ретривер подошел к разложенным на полу картинкам и безошибочно выбрал изображение сосны, дотронувшись до него носом. При виде карточки с надписью «машина» он поставил лапу на изображение автомобиля, а увидев слово «дом», он указал на фотографию особняка в колониальном стиле. Таким же образом они «прогнали» пятьдесят слов, и пес ни разу не ошибся. Нора пришла в восторг от столь хороших результатов, а пес беспрестанно вилял хвостом.

Тревис сказал:

— Слушай, Эйнштейн, тебе еще далеко до того, чтобы читать Пруста!

Стараясь защитить своего любимца от подтрунивания, Нора сказала:

— У него здорово получается! Он просто молодец! Нельзя же ждать, что за один день он начнет читать книги. Все равно Эйнштейн учится быстрее, чем любой ребенок.

— Так ты считаешь?

— Да, я так считаю! Намного быстрее.

— Ну тогда он заслужил пару галет.

В ту же минуту пес помчался на кухню, чтобы достать коробку с собачьими галетами «Милк-Боун».

2

Шло время, и Тревис не переставал удивляться тому, как быстро Нора добилась успехов в обучении Эйнштейна чтению.

К середине июля они прочитали составленный ею букварь и перешли к чтению детских книжек в картинках доктора Сеусса, Мориса Сендака, Фила Паркса, Сюзи Бодал, Сю Дриммер, Мерси Мэйер и других. Эйнштейну, казалось, все они доставляли огромное удовольствие, хотя он явно отдавал предпочтение книжкам Паркса и особенно — по совершенно непонятным для Норы и Тревиса причинам — очаровательной серии Арнольда Лобеля «Лягушонок и жаба». Они носили детские книжки из городской библиотеки большими стопками, а кроме того, многие покупали в магазине.

Сначала Нора прочитывала их вслух, медленно водя пальцем под каждым словом, по мере того как она его произносила, а собака, наклонившись к книге, не отрываясь, следила за ним глазами. Позже Нора уже не читала вслух, а только держала книги открытыми и переворачивала страницы, когда Эйнштейн подавал ей знак — ворчанием или каким-либо другим способом, — что он осилил эту страницу и готов перейти к следующей.

Готовность Эйнштейна часами просиживать над книгами сама по себе доказывала, что он в самом деле прочитывал их, а не просто разглядывал картинки. Тем не менее Нора решила проэкзаменовать его по содержанию некоторых книг, задав вопросы по тексту.

Когда Эйнштейн прочитал «Один год из жизни лягушонка и жабы», Нора закрыла книгу и сказала:

— Хорошо. А теперь ответь мне «да» или «нет» на мои вопросы.

Они были на кухне, где Тревис готовил на обед картофельную запеканку с сыром. Нора с Эйнштейном сидели на стульях за кухонным столом. Тревис перестал готовить и стал следить за тем, как пес отвечает на вопросы.

Нора спросила:

— Когда однажды зимой лягушонок пришел в гости к жабе, жаба лежала в кровати и не хотела идти гулять. Правильно?

Эйнштейн повернулся на бок на стуле, чтобы высвободить хвост, и помахал им. *Да.*

Нора сказала:

— Но в конце концов лягушонок и жаба пошли кататься на коньках.

Пес пролаял один раз. *Нет.*

— Они пошли кататься на санках? — спросила она.

Да.

— Очень хорошо. Позже, в том же году, на Рождество лягушонок подарил жабе подарок. Это был свитер?

Нет.

— Новые санки?

Нет.

— Каминные часы?

Да, да, да.

— Отлично! — сказала Нора. — Что теперь будем читать? Как насчет этой книжки «Удивительный мистер Фокс»?

Эйнштейн энергично замахал хвостом.

Тревису очень хотелось более активно участвовать в обучении ретривера, но он не мог не видеть, что такая напряженная работа с Эйнштейном очень благотворно влияет на Нору, и поэтому не вмешивался. Он даже иногда валял дурака, задавая вопросы о том, зачем вообще надо учить собаку читать, отпуская остроты по поводу успехов пса или его литературных пристрастий. Этого было достаточно, чтобы удвоить Норину решимость продолжать занятия, проводить еще больше времени с Эйнштейном и доказать Тревису, что он не прав. Собака никогда не реагировала на эти придирки, и Тревис подозревал: она проявляет такую снисходительность потому, что разгадала психологическую игру Тревиса «действовать от обратного».

Было непонятно, почему Нора расцвела от своих педагогических занятий. Может быть, причина в том, что раньше она ни с кем так тесно не общалась — даже с Тревисом и теткой Виолеттой, — и само это общение с собакой побуждало ее все больше и больше выходить из своей раковины. Не исключено, что на нее оказывал благоприятное влияние тот факт, что она может передать псу часть своих знаний. По натуре Нора была широким человеком, ей доставляло удовольствие делиться с другими, но, вынужденная вести до этого жизнь затворницы, она не имела ни единой возможности проявить эту сторону своего характера. Теперь же у нее появился удобный случай раскрыть себя, и она щедро отдавала свое время и энергию, и эта щедрость доставляла ей самой огромную радость.

Тревис также подозревал, что в отношении ретривера Нора обнаружила свой природный материнский талант. Ее огромное терпение было сродни терпению хорошей матери в обращении с ребенком, и она часто разговаривала с Эйнштейном так нежно и любовно, что казалось, беседует со своим горячо любимым отпрыском.

Как бы там ни было, работая с Эйнштейном, Нора становилась все более свободной и открытой. Постепенно сменив свои бесформенные темные платья на летние белые хлопчатобумажные слаксы, яркие блузки, джинсы и майки, она помолодела лет на десять. Нора уложила свои роскошные черные волосы в парикмахерской и на этот раз не возвращалась к своей старой прическе. Она часто и заразительно смеялась. Разговаривая с Тревисом, Нора смотрела ему в лицо и редко робко отводила глаза в сторону, как делала это раньше. Часто дотрагивалась до него и обнимала рукой за талию. Ей нравилось, когда Тревис обнимал ее, и они теперь с легкостью целовались, хотя их поцелуи в большинстве своем по-прежнему оставались невинными, вроде тех, которыми обмениваются на первых порах подростки.

Четырнадцатого июля Нора получила известие, очень ее обрадовавшее. Ей позвонили от окружного прокурора Санта-Барбары и сообщили, что ей не надо давать показания в суде против Артура Стрека. Учитывая преступное прошлое, Стрек не стал настаивать на своей невинности и защищаться от предъявленных ему обвинений в попытке изнасилования, угрозе физическим насилием, взломе и проникновении в чужое жилище. Он поручил своему адвокату договориться с прокурором. В результате с него сняли все обвинения, кроме угрозы физического насилиями. Стрек был приговорен к трем годам тюремного заключения без права на досрочное освобождение. Нора на радостях, празднуя это событие, впервые в жизни слегка напилась.

В тот же день Тревис принес домой очередную кипу книг, и Эйнштейн обнаружил среди них книжки — картинки и комиксы с Микки Маусом, и это привело пса в такой же восторг, как и Нору сообщение о разрешении вопроса с Артуром Стреком. Увлеченность собаки Микки, Дональдом Даком и другими героями Диснея, хотя и казалась загадкой, была несомненна. Эйнштейн не переставая вилял хвостом и в знак благодарности облизал с ног до головы Тревиса.

Все было бы прекрасно, если бы пес по-прежнему не бродил по ночам по дому от окна к окну, с явным страхом всматриваясь в темноту.

3

Во вторник утром пятнадцатого июля, спустя почти шесть недель после убийств в Бордо Ридж и два месяца спустя после побега собаки и Аутсайдера из Банодайна Лемюэль Джонсон сидел в одиночестве в своем кабинете на верхнем этаже здания правительственных служб в Санта-Ане. Он глядел в окно на сильный туман, покрывший, как одеялом, западную часть округа и делавший стоградусную¹ жару еще более труднопереносимой. Мрачный день соответствовал настроению Лема.

Его обязанности не ограничивались поисками беглецов из лаборатории, но и когда он занимался другими делами, это расследование постоянно мучило его. Даже ночью Лем не мог выбросить происшествие в Банодайне из головы и в последнее время спал не больше четырех-пяти часов. Он не хотел мириться с поражением.

Нет, его чувства были даже острее: Лем был *одержим навязчивой идеей* о том, как выйти победителем. Его отец, начавший жизнь бедняком и впоследствии ставший преуспевающим бизнесменом, привил Лему почти религиозную веру в необходимость достигать во всем успеха, преуспевать и добиваться исполнения поставленных целей. «Независимо от того, чего ты добился в жизни, — часто говаривал его отец, — она всегда может выбить почву у тебя из-под ног, если ты перестанешь трудиться. Для чернокожего, Лем, это еще хуже. Для чернокожего успех подобен туго натянутому канату над Большим каньоном. Вот он наверху, и все прекрасно, но один неверный шаг — и он летит в бездну глубиной в милю. *В бездну*. Потому что падение означает бедность. А большинство людей даже в наш просвещенный век считают, что бедный, несчастный разорившийся негр — не человек, он просто черномазый». Это был единственный случай, когда его отец произносил это ненавистное слово. Лем вырос с сознанием, что, какого бы успеха он ни добился, это всего лишь очередная зацепка на скале жизни, всегда существует опасность, что его может сбросить с этой скалы неблагоприятными ветрами, поэтому он не смеет медлить и должен карабкаться быстрее на более широкий и безопасный уступ.

Лем плохо спал, у него пропал аппетит. Когда он заставлял себя есть, это вызывало несварение желудка. Лем стал плохо играть в бридж, поскольку не мог сконцентрироваться на картах, и на еженедельных встречах с Уолтом и Одри Гейнс Джонсоны всегда оказывались в проигрыше.

Он отдавал себе отчет в том, почему он так стремится к успешному завершению каждого дела, но это знание не помогало ему справиться со своим наваждением.

«Мы есть то, что мы есть, — думал Лем, — и, может быть, мы только тогда можем измениться, когда жизнь подкидывает нам вот такой сюрприз, а это все равно что разбить зеркало бейсбольной битой и страхнуть с себя прошлое».

Так сидел Лем, смотрел в окно на жаркий июльский день и предавался своим беспокойным мыслям.

Тогда, в мае, он допускал возможность, что ретривера кто-то взял домой. Это был красивый пес, если бы он выказал лишь малую толику своих умственных способностей, его привлекательность стала бы неотразимой и ретривер нашел бы себе пристанище. Поэтому Лем с самого начала полагал: разыскать собаку будет труднее, чем напасть на след

¹ Температура дана по шкале Фаренгейта. — Прим. пер.

Аутсайдера. «Неделя на обнаружение Аутсайдера, — думал он, — и, может быть, месяц на поиски ретривера».

Лем разослал бюллетени по всем пунктам сбора бродячих животных и ветеринарам в Калифорнии, Неваде и Аризоне с просьбой оказать содействие в поисках золотистого ретривера. В бюллетенях говорилось: животное сбежало из медицинской исследовательской лаборатории, ведущей важнейшие изыскания в области рака. В них отмечалось: потеря собаки будет означать потерю миллиона долларов и бесчисленного количества времени, затраченных на эксперименты, и может серьезно помешать разработке методов лечения некоторых заболеваний. В листке также помещались фотография собаки и информация о том, что на внутренней поверхности левой ушной раковины у нее вытатуирован лабораторный знак: 33-9. В сопроводительном письме к бюллетеню говорилось не только о необходимости оказания всевозможной помощи, но и о соблюдении строгой конфиденциальности. Повторные бюллетени рассылались каждые семь дней со времени происшествия в Банодайне. Кроме того, десятки агентов УНБ занимались только тем, что обзванивали пункты сбора животных и ветеринаров во всех трех штатах, напоминая им о существовании бюллетеня и необходимости поиска ретривера с татуировкой.

Между тем поиски Аутсайдера можно было с некоторой уверенностью ограничить безлюдными территориями, поскольку он не хочет, чтобы его видели. И потом, совершенно исключалась возможность, что его кто-нибудь приютит. Кроме того, Аутсайдер оставлял за собой кровавый след.

После убийств в Бордо Ридж, к востоку от Йорба Линда, он переместился в незаселенный район Чино Хиллз. Оттуда Аутсайдер двинулся на север, через восточную оконечность округа Лос-Анджелес, где его присутствие было обнаружено девятого июня в окрестностях поселка Дазмонд Бар. В агентство по охране животных округа Лос-Анджелес стали поступать многочисленные — и истеричные — звонки от жителей этого поселка с жалобами на нападения диких животных на домашних питомцев. Звонили в полицию и те, кто полагал, что убийства животных — дело рук сумасшедшего. За две ночи в Дазмонд Бар были растерзаны в клочья более двух десятков домашних животных, и состояние трупов не оставляло у Лема сомнений в том, что потрошителем был Аутсайдер.

Затем след потерялся более чем на неделю вплоть до утра восемнадцатого июня, когда двое молодых туристов сообщили, что у подножия пика Джонстона на южной границе обширного Анджелесского национального заповедника они встретили нечто «из другого мира». Они заперлись в своем фургоне, но существо неоднократно пыталось проникнуть к ним и даже разбило камнем боковое окно. К счастью, у молодых людей был пистолет 32-го калибра, один из них открыл огонь по нападавшему и этим отпугнул его. В прессе к туристам отнеслись как к парочке ненормальных, а в выпуске вечерних известий над ними здорово посмеялись.

Лем верил молодой паре. На карте он отметил малонаселенный коридор, по которому Аутсайдер мог пройти из Дазмонд Бар на территорию южнее пика Джонстона: через горы Сан-Джоуз, через региональный парк Банелли, между Сан-Даймас и Глендорой, а затем в дикую местность. Он должен был пересечь или пройти под тремя расположенными здесь автострадами, но если Аутсайдер передвигался по ночам, когда движения почти нет, то мог остаться незамеченным. Лем перебросил в эту часть леса сто человек из морской разведки, и они, переодетые в гражданскую одежду, продолжали поиски группами из трех-четыре человек.

Он очень надеялся, что туристы хотя бы одним выстрелом попали в Аутсайдера. Но на их лагерной стоянке не были обнаружены следы крови.

Лем уже начал бояться, что Аутсайдера еще долго не удастся поймать. Простиравшийся к северу от Лос-Анджелеса национальный заповедник занимал огромную площадь.

— Почти такую же, как весь штат Делавэр, — заметил Клифф Соамс, измерив территорию на карте, висевшей на доске в кабинете Лема, и переведя ее в квадратные мили. Клифф был родом из Делавэра. Он недавно приехал на Запад и все еще не переставал

удивляться гигантским масштабам, присущим этой части материка. Он был молод, полон юношеского энтузиазма и оптимизма, который достигал опасных размеров. Воспитание Клиффа коренным образом отличалось от того, что получил Лем. Клифф вовсе не считал, что одной ошибкой, одним провалом можно разрушить свою жизнь. Иногда Лем завидовал ему.

Он усталился на караули с расчетами Клиффа.

— Если Аутсайдер будет прятаться в горах Сан-Габриэля, питаться дикими животными и удовольствуется одиночеством, лишь изредка выходя оттуда, чтобы сорвать свою ярость на людях, живущих на окраинах... мы никогда его не отыщем.

— Но не забывайте, — сказал Клифф, — что он не навидит собаку больше, чем людей. Он хочет найти ее и знает, как это сделать.

— Это мы так думаем.

— И разве Аутсайдер сможет вести такой дикий образ жизни? Я хочу сказать, он ведь только частично дикарь, он еще обладает и разумом. Возможно, этот разум не позволит ему довольствоваться унылым существованием в этой местности.

— Может быть, — согласился Лем.

— Военные скоро его обнаружат, или Аутсайдер сам сделает что-то, что наведет нас на след, — предсказал Клифф.

Это было восемнадцатого июня.

В последующие десять дней никаких следов Аутсайдера найдено не было, расходы на содержание сотни человек, ведущих его поиски, превысили допустимый предел. Двадцать девятого июня Лему пришлось отказаться от морских разведчиков, переданных в его распоряжение, и отправить их обратно на базы.

С каждым днем Клифф все больше радовался отсутствию происшествий: ему хотелось верить, что с Аутсайдером что-то случилось, вероятно, мертв и они никогда о нем не услышат.

День за днем Лем впадал все в большее уныние, уверенный, что ситуация вышла из-под его контроля и Аутсайдер вновь даст о себе знать самым драматическим образом, который вызовет публичную огласку его существования. Провал.

Единственным светлым моментом во всем этом деле было то, что Аутсайдер находился сейчас на территории округа Лос-Анджелес, за пределами юрисдикции Уолта Гейнса. Если будут новые жертвы, Уолт, возможно, не узнает о них и Лему не придется вновь и вновь убеждать друга не вмешиваться.

К четвергу пятнадцатого июля, ровно два месяца спустя после побега из Банодайна, почти месяц спустя после того, как туристов так напугало какое-то внеземное существо или младший брат Снежного человека, Лем был убежден, что ему следует подумать о смене профессии. Никто не винил его в том, как шло расследование. На него, конечно, оказывали давление, но не большее, чем при других крупных делах, некоторые вышестоящие начальники даже рассматривали такой поворот событий в том же благоприятном свете, что и Клифф Соамс. Но в самые черные минуты Лем видел себя пониженным до звания простого полицейского, в форме ночного сторожа, охраняющим какой-то склад.

Сидя в своем кабинете и хмуро глядя в окно на желтый туман, окутавший яркий летний день, он громко произнес:

— Черт возьми, меня ведь учили иметь дело с преступниками — *людьми*. Как, черт возьми, я могу перехитрить беглеца из какого-то кошмара?

Раздался стук в дверь, и, пока Лем поворачивался в кресле, дверь распахнулась. В кабинет торопливо вошел Клифф, возбужденный и удрученный одновременно.

— Аутсайдер, — проговорил он. — Мы напали на след... но еще двое людей мертвы.

Двадцать лет назад во Вьетнаме пилот вертолета УНБ, приписанного к Лему, выучил, что следует знать о взлете и посадке на пересеченной местности. И сейчас, находясь в постоянном радиоконтакте с помощниками шерифа округа Лос-Анджелес, уже прибывшими на место происшествия, он, используя естественные приметы, без труда визуальн

обнаружил район, где произошли убийства. В начале второго пилот опустил вертолет на широкую площадку безлесного хребта над каньоном Боулдер в Анджелесском национальном заповеднике, всего в сотне ярдов от того места, где были обнаружены трупы.

Когда Лем с Клиффом вышли из вертолета и поспешили по гребню хребта к ожидавшим их помощникам шерифа и лесничим, им навстречу дул горячий ветер, несущий запах сухой листвы и сосновых веток. Только пучки дикой травы, сожженные и истонченные июльским солнцем, сумели пустить корни так высоко над землей. Низкая жесткая растительность вроде мескитовых деревьев обрамляла верхние участки стен каньона, а внизу на более низких склонах и дне каньона росли деревья и зеленое подлесье.

Они находились менее чем в четырех милях к северу от города Санлэнд; в четырнадцати воздушных милях к северу от Голливуда и двадцати милях к северу от Лос-Анджелеса, а казалось, что они были на пустынном острове в тысячу миль шириной, в неприятном отдалении от цивилизации. Помощники шерифа припарковали автомобили на грунтовой дорожке в трех четвертях мили отсюда — при посадке вертолет Лема пролетал над этими машинами — и вместе с лесничими прошли туда, где были обнаружены трупы. Сейчас вокруг них собрались четверо полицейских, два человека из окружной криминалистической лаборатории и трое лесничих, и, казалось, у них тоже создалось впечатление, что они очутились в каком-то доисторическом месте.

Когда прибыли Лем с Клиффом, представители шерифа только что поместили останки в специальные мешки. «Молнии» еще не были застегнуты, и Лем увидел, что одной жертвой был мужчина, а другой женщина. Они были молоды и одеты как туристы, путешествующие пешком. Раны были ужасны; у обоих были вырваны глаза.

Число невинных жертв достигло пяти, и эти потери вновь заставили Лема ощутить свою вину за происходящее. В моменты, подобные сегодняшнему, он жалел, что отец не воспитал его вообще без всякого чувства ответственности.

Помощник шерифа Хэл Бокнер, высокий загорелый человек с удивительно пронзительным голосом, ознакомил Лема с личностями убитых и состоянием трупов.

— Судя по удостоверению личности, найденному у убитого, имя мужчины Сидней Трэнкен, возраст — двадцать восемь лет, проживал в Глендейле. На теле обнаружено множество следов укусов, еще больше следов когтей и ран. Горло, как видите, порвано. Глаза...

— Вижу, — прервал его Лем, которому не хотелось останавливаться на этих ужасных подробностях.

Люди из криминалистической лаборатории застегнули «молнии» на мешках. Раздался звук, прозвевший в раскаленном июльском воздухе, как цепочка из льдинок.

Помощник Бокнер сказал:

— Сначала мы предполагали, что Трэнкен погиб от ножа маньяка. Время от времени появляется какой-нибудь маньяк-убийца, предпочитающий выслеживать жертв среди туристов здесь, в лесах, а не на улицах города. Мы так и подумали... сначала его зарезали, а уж потом, когда парень был мертв, все остальное сделали дикие животные, питающиеся падалью. Но теперь... мы не так в этом уверены.

— Здесь на земле не видно крови, — удивленно сказал Клифф Соамс. — Судя по всему, ее должно быть *очень много*.

— С ними расправились не здесь, — ответил Бокнер, а затем продолжил свой отчет: — Женщина, возраст — двадцать семь лет, зовут Руфь Казаварис, также из Глендейла. Ужасные следы укусов, раны. Ее горло...

Вновь перебив его, Лем спросил:

— Когда их убили?

— Предположительно, до получения результатов лабораторных исследований, можно сказать, что это произошло вчера поздно вечером. По нашему мнению, их тела перенесли сюда, поскольку их легче найти на вершине хребта. Здесь проходит популярный туристский маршрут. Но обнаружил трупы обычный пожарный патрульный самолет. Пилот посмотрел

вниз и заметил распростертые тела на голом хребте.

Это высокогорье над каньоном Боулдер находилось более чем в тридцати воздушных милях к северу от пика Джонстона, где двадцать восемь дней назад, восемнадцатого июня, парочка молодых туристов спасалась в фургоне от Аутсайдера, а затем открыла по нему стрельбу из пистолета 32-го калибра. Аутсайдер, по-видимому, чисто инстинктивно направлялся на север, и ему приходилось часто делать крюки, выбираясь из боковых каньонов; поэтому, очевидно, он преодолел в общей сложности около шестидесяти-девяноста миль. Но это составляло самое большее три мили в день, и Лем недоумевал, чем же занимался Аутсайдер, когда не шел, не спал и не охотился.

— Вы, конечно, осмотрите место, где были убиты эти двое, — сказал Бокнер. — Мы нашли его. И вам наверняка захочется увидеть и пещеру.

— Пещеру?

— Логово, — сказал один из лесничих. — Проклятое логово.

С самого приезда Лема и Клиффа помощники шерифа, лесничие и криминалисты бросали на них подозрительные взгляды, но Лема это не удивляло. Местные власти всегда относились к нему с подозрением и любопытством, поскольку они не привыкли к вмешательству такого солидного федерального учреждения, каким было УНБ. Но сейчас он вдруг понял: их любопытство иного свойства и сильнее обычного, и в первый раз почувствовал, что они боятся. Они нашли что-то — логово, по их словам, — это дало им основания полагать, что это дело еще более необычное, чем то, которое могло вызвать появление представителей УНБ.

Одежда Лема и Клиффа — костюмы, галстуки и начищенные до блеска ботинки — не была приспособлена для пешего путешествия вниз по каньону, но и тот и другой, не колеблясь, пошли за лесничими. Два помощника, криминалисты и один из трех лесничих остались рядом с трупами, и группа из шести человек стала спускаться. Они двинулись по неглубокой канаве, проложенной дождевыми стоками, затем вышли на оленью тропу. Спустившись на самое дно каньона, повернули на юго-восток и шли в этом направлении еще полмили. Скоро Лем покрылся потом и пылью, а его носки и брюки были все в колючках.

— Вот тут их убили, — сказал Бокнер, выведя их на просеку, окруженную сосновой порослью, тополями и кустарником.

На бледном песке и выгоревшей от солнца траве виднелись огромные темные пятна. Кровь.

— А прямо за вами, — сказал один из лесничих, — мы нашли логово.

Это была пещера в основании стены каньона глубиной, наверное, десять футов, шириной — двадцать футов и не далее чем в десятке шагов от небольшой просеки, где были убиты туристы. Вход в пещеру был в ширину примерно восемь футов, но довольно низкий, и Лему пришлось слегка пригнуться. Очутившись внутри, он смог распрямиться, поскольку до верха было высоко. В пещере стоял неприятный, затхлый запах. Свет проникал сюда через вход и дыру в потолке шириной в два фута, размытую водой, но все же там было сумрачно и на двадцать градусов холоднее, чем снаружи.

Лема с Клиффом сопровождал один лишь Бокнер. Лем понял: остальные не вошли с ними не из боязни, что в логове будет слишком тесно, а из-за чувства тревоги, которое оно вызывало.

У Бокнера с собой был фонарь. Он включил его и направил луч на те предметы, которые он хотел показать, разгоняя одни тени и заставляя другие перемещаться по пещере, наподобие летучих мышей, согнанных со своего насеста.

В одном углу на песчаном полу из кучи сухой травы высотой шесть или восемь дюймов было сооружено некое подобие ложа. Рядом с ним стояло оцинкованное ведро с относительно свежей водой, очевидно, принесенной сюда из ближайшего ручья, чтобы, проснувшись среди ночи, существо могло утолить жажду.

— Он был здесь, — тихо произнес Клифф.

— Да, — согласился Лем.

Интуитивно он чувствовал, что именно Аутсайдер соорудил себе эту постель; каким-то образом в пещере все еще ощущалось его чужеродное присутствие. Лем усталился на ведро, гадая, где Аутсайдер мог его раздобыть. Скорее всего по дороге из Банодайна он решил найти себе где-нибудь убежище и затаиться на время и понял, что ему понадобятся некоторые вещи, чтобы сделать свою жизнь в этих диких местах более комфортной. Возможно, Аутсайдер залез в конюшню, или сарай, или пустой дом и украл ведро и остальные предметы, которые Бокнер сейчас освещал фонарем.

Клетчатое фланелевое одеяло, которое могло понадобиться, если похолодает. Лем обратил внимание на то, как аккуратно оно было свернуто и положено на узкий стеной выступ недалеко от входа.

Фонарь. Он лежал рядом с одеялом. Аутсайдер обладал чрезвычайно хорошим ночным зрением. Это было одним из требований, над которым работала доктор Ярбек: хороший генетически созданный воин должен уметь видеть в темноте как кошка. Зачем же ему понадобился фонарь? Если только... может быть, даже такое создание тьмы иногда боится темноты?

Эта мысль взволновала Лема, он неожиданно почувствовал жалость к этому зверю, как в тот день, когда он присутствовал при разговоре Аутсайдера с доктором Ярбек, когда тот грубыми жестами дал понять, что хочет вырвать свои глаза, чтобы больше никогда не видеть себя.

Бокнер перевел луч фонаря на пару десятков конфетных оберток. Очевидно, Аутсайдер украл две упаковки у кого-то по дороге сюда. Странно, но обертки не были скомканы, а тщательно расправлены и положены на пол у задней стенки пещеры: десять — от конфет с арахисом и десять — от шоколадных плиток. Возможно, Аутсайдеру понравилась яркая расцветка оберток. А может быть, он сохранил их как напоминание о полученном удовольствии, поскольку в той его прежней жизни радости и удовольствий было немного.

В дальнем от постели углу в темноте лежала кучка костей, принадлежащих небольшим животным. Съев конфеты, Аутсайдер принялся за охоту, чтобы прокормиться. А поскольку он не мог разжечь огонь, то питался сырым мясом. Вероятно, Аутсайдер держал кости в пещере из-за боязни, что они наведут на его след. То, что он хранил их в темноте, в самом дальнем углу своего убежища, говорило о его чистоплотности и любви к порядку, но Лему казалось, что тот прятал кости в темноте, поскольку стыдился собственной жестокости.

Трогательное чувство оставляли предметы, сложенные в стеной нише над постелью. Нет, решил Лем, не просто сложенные. Все они были аккуратно уложены, как если бы это была ценная коллекция предметов искусства из стекла, керамики или гончарных изделий племени майя. Тут хранилась круглая побрякушка из цветного стекла вроде тех, что часто вешают в патио, чтобы они сверкали на солнце; диаметром она была около четырех дюймов, и на ней изображался голубой цветок на бледно-желтом фоне.

Здесь был яркий медно-красный цветочный горшок, вероятно, прихваченный из того же — или другого — патио. Рядом с горшком лежали две вещицы, наверняка украденные Аутсайдером из какого-то дома, возможно, из того же, что и конфеты: изящная фарфоровая статуэтка, изображающая сидящую на ветке парочку кардиналов с ярким оперением, и хрустальное пресс-папье. По-видимому, даже этот монстр обладал определенным чувством прекрасного и желанием жить не как животное, а как разумное существо в окружении вещей, носящих отпечаток цивилизации.

У Лема заныло сердце, он представил себе это одинокое, измученное, ненавидящее себя самого нечеловеческое и в то же время обладающее сознанием существо, вызванное к жизни доктором Ярбек.

Последним предметом в нише над постелью была копилка в виде фигурки Микки Мауса высотой десять дюймов.

Чувство жалости в Леме еще усилилось, потому что он знал, чем эта копилка привлекла Аутсайдера. В Банодайне проводились исследования с целью определить глубину и природу интеллекта собаки и Аутсайдера, выяснить, насколько их восприятие сродни человеческому.

Один из экспериментов был направлен на выявление их способности разграничивать фантазию и реальность. Ретриверу и Аутсайдеру по отдельности ставили видеокассету со всевозможными фрагментами из фильмов: кусочки старых лент Джона Вэйна, отрывок из «Звездных войн» Джорджа Лукаса, новости, куски из документальных фильмов и мультипликационные фильмы с Микки Маусом. Реакции собаки и Аутсайдера фиксировались на пленку. Затем их изучали с точки зрения того, понимают ли они, что из увиденного — реальные события, а что — продукт воображения. Оба подопытных постепенно научились распознавать фантазию, когда с ней встречались; но в одну фантазию оба верили дольше всего и любили больше всего: это был Микки Маус. Они обожали приключения Микки и его друзей. После побега из Банодайна Аутсайдер каким-то образом наткнулся на эту копилку и страшно захотел ею владеть, поскольку она напоминала несчастному созданию о единственном удовольствии, которое он испытал, живя в лаборатории.

Луч фонаря Бокнера упал на что-то блестящее и плоское, лежащее на полке. Оно находилось рядом с копилкой, и они чуть было не проглядели его. Клифф встал на травяную постель и взял в руки этот предмет: треугольный осколок зеркала размером три на четыре дюйма.

«Здесь прятался Аутсайдер, — подумал Лем, — пытаюсь черпать силу из своих скудных сокровищ, надеясь создать себе хоть какое-то подобие дома. Время от времени он брал этот осколок зеркала и смотрел на себя, возможно, стремясь найти в своем облике хоть что-нибудь, что не было безобразным, возможно, стараясь примириться с тем, кем он был. Но безрезультатно. Конечно же, безрезультатно».

— Боже мой, — тихо произнес Клифф, в голове которого, очевидно, мелькнула та же мысль. — Бедный, несчастный ублюдок.

У Аутсайдера была еще одна вещь: журнал «Пипл»¹ с Робертом Редфордом на обложке. Когтем, острым камнем или еще чем-нибудь он вырвал у Редфорда глаза.

Журнал был измят и изорван, как если бы его листали сотни раз. Бокнер подал им «Пипл» и предложил полистать его. Лем последовал его совету и обнаружил, что у всех людей, изображенных на страницах журнала, были поцарапаны, порезаны или грубо вырваны глаза.

От тщательности, с какой наносились эти символические увечья — не было пропущено ни одно изображение, — мороз шел по коже.

Да, Аутсайдер был жалок, ему можно было посочувствовать.

Но в то же время его следовало бояться.

Пять убитых, у одного выпущены кишки, у других оторваны головы.

О невинных жертвах нельзя было забывать ни на минуту. Ни привязанность к Микки Маусу, ни любовь к красоте не могли служить оправданием таких зверств.

Но Господи Иисусе...

У Аутсайдера хватало интеллекта осознать важность и преимущества цивилизации и стремиться к тому, чтобы найти себе место в ней и оправдать свое существование. В то же время ему привили неистовую тягу к насилию, инстинкт убийцы, которому нет равных в природе, поскольку его создали для роли убийцы на длинном невидимом поводке, эдакую живую военную машину. Независимо от того, как долго Аутсайдер жил в мирном одиночестве этой пещеры, независимо от того, сколько дней или недель подавлял в себе желание убивать, он не мог изменить себя. Соппротивление внутри его будет расти до тех пор, пока Аутсайдер не прекратит сдерживаться, пока убийства небольших животных не перестанут приносить ему психологическое облегчение, и тогда он выйдет на поиски более крупной и более интересной жертвы. Аутсайдер может проклинать себя за кровожадность, может страстно желать преобразиться в существо, способное жить в гармонии с окружающим миром, но он бессилен изменить свою суть. Всего несколько часов назад Лем

¹ Букв.: «Люди» — от англ. «people». — *Прим. пер.*

размышлял о том, как сложно пересмотреть свои принципы, привитые тебе еще отцом, как трудно *любому* человеку изменить свою жизнь, но это все же реально, если обладаешь решительностью, силой воли и временем. Для Аутсайдера, однако, это было невозможно: убийство в нем заложено генетически, накрепко *заперто*, так что он не мог надеяться на изменение или спасение.

— Что, черт возьми, все это значит? — осведомился Бокнер, который больше не мог справляться со своим любопытством.

— Поверьте мне, — ответил Лем, — вам лучше ничего не знать.

— Но что же было в этой пещере? — спросил Бокнер.

Лем только покачал головой. Ему крупно повезло, что убийство произошло в национальном заповеднике. Это была федеральная территория, а значит, УНБ будет гораздо проще взять на себя расследование.

Клифф Соамс все еще вертел в руках осколок зеркала, задумчиво глядя на него.

Бросив прощальный взгляд на мрачную пещеру, Лем Джонсон пообещал себе и своему опасному противнику: «Когда я найду тебя, я даже не подумаю брать тебя живым; никаких сетей и усыпляющих выстрелов, как того хотят ученые и военные; я тебя пристрелю».

Это не просто самое безопасное решение. Это будет актом сострадания и милосердия.

4

К первому августа Нора распродала всю обстановку и другие вещи, принадлежавшие тете Виолетте. Она просто позвонила агенту по продаже антикварной и подержанной мебели, и он предложил сккупить все ее вещи по одной цене, на что та с радостью согласилась. Себе Нора оставила только посуду и серебро, и за исключением ее спальни в доме были одни голые стены. Дом казался очищенным, продезинфицированным, как если бы из него *изгнали духов*. Теперь, когда злые чары рассеялись, она знала, что у нее есть силы все здесь переделать. Но Нора больше не хотела жить в этом доме, позвонила агенту по продаже недвижимости и попросила продать его.

Она также избавилась от всей своей старой одежды, и теперь у нее был совершенно новый гардероб, состоящий из слаксов и юбок, блузок, джинсов и платьев, как у любой другой женщины. Изредка, правда, Нора по-прежнему чувствовала себя не в своей тарелке, когда надевала что-то яркое, но каждый раз подавляла в себе желание вырядиться во что-либо темное и бесформенное.

У нее все еще не хватало смелости выставить свои картины на суд зрителей, чтобы узнать их истинную цену. Тревис изредка — и, как ему казалось, мягко напоминал ей об этом, но Нора не была готова положить на наковальню свое хрупкое «я» и дать другим возможность ударить по нему молотом. Скоро, но не сейчас.

Иногда, смотря на себя в зеркало или замечая свое отражение в освещенной солнцем витрине, она сознавала, что действительно была симпатичной. Может быть, не красавицей, не такой великолепной, как какая-нибудь кинозвезда, но вполне симпатичной. Однако Нора никак не могла привыкнуть к новому восприятию собственной внешности и через несколько дней опять поражалась привлекательности своего лица, глядящего на нее из зеркала.

Пятого августа в середине дня они с Тревисом сидели за кухонным столом и играли в «Скрэббл»,¹ и Нора ощущала себя хорошенькой. Несколько минут назад в ванной, глядя в зеркало, она вновь пережила это откровение, и собственная внешность понравилась ей даже больше обычного. Сейчас, сидя за «Скрэб-блом», Нора чувствовала себя более жизнерадостной и счастливой, чем когда-либо прежде, — и более озорной. Она стала выдумывать несуществующие слова и затем яростно их защищала, когда Тревис начинал сомневаться в них.

— Дофнап? — нахмурился он. — Нет такого слова «дофнап».

— Это треугольная шапка, которую носят лесорубы, — ответила Нора.

¹ «Скрэббл» (англ. «Scrabble») — игра, напоминающая нашу игру «Эрудит». — Прим. пер.

— Лесорубы?

— Как Поль Баниан.

— Лесорубы носят вязанные шапочки, то, что мы называем тобганами, или круглые кожаные шапки с ушами.

— Я говорю не о том, в чем они ходят на работе, в лесу, — терпеливо объяснила Нора. — Дофнап. Так называются шапочки, которые они надевают на ночь.

Тревис рассмеялся и покачал головой.

— Ты меня разыгрываешь?

Нора смотрела на него абсолютно честными глазами.

— Нет. Это правда.

— Лесорубы спят в специальных шапочках?

— Да. Это и есть дофнап.

Сама *мысль* о том, что Нора может его разыгрывать, была ему в новинку, и он попался на удочку.

— Дофнап? Почему она так называется?

— Понятия не имею, — ответила Нора.

Эйнштейн лежал на брюхе на полу и читал роман.

Перейдя с удивительной быстротой от книжек-картинок к детской литературе вроде «Ветра среди ив», он посвящал чтению ежедневно по восемь-десять часов. Ему всегда *не хватало* книг. Пес стал настоящим библиоманом. Десять дней назад, когда увлеченность Эйнштейна чтением начала утомлять Нору, которой приходилось держать ему книги открытыми и переворачивать страницы, они постарались придумать что-то, чтобы Эйнштейн мог сам справляться с этим. В компании, поставляющей оборудование для больниц, Нора и Тревис нашли приспособление для пациентов с недееспособными руками и ногами. Это была металлическая подставка, на которой закреплялась книга; механические руки с электроприводом, управляемые тремя кнопками, переворачивали страницы и удерживали книгу в открытом состоянии. Держа зубами ручку, человек мог управлять этим устройством; Эйнштейн тыкал в кнопку носом. Казалось, псу страшно понравилось приспособление. Сейчас он тихонько проворчал что-то по поводу прочитанного, нажал одну из кнопок и перевернул страницу.

Тревис составил слово «злой» и набрал кучу очков, используя квадрат, удваивающий очки, и Нора из своих букв тут же составила слово «виндейка», набрав еще больше очков.

— Виндейка? — переспросил Тревис, в голосе которого звучало сомнение.

— Это национальное югославское блюдо, — объяснила она.

— Неужели?

— Да. В его состав входят ветчина и индейка, поэтому оно и называется...

Закончить Нора не смогла и расхохоталась.

Тревис рот раскрыл от изумления.

— Ты меня *разыгрываешь*. Ты меня разыгрываешь! Нора Девон, что с тобой происходит? Когда я познакомился с тобой, я сказал, что ты — чертовски мрачная и самая серьезная женщина из всех, кого я знаю.

— И самая пугливая.

— Нет, не пугливая.

— Пугливая, — настаивала она. — Ты подумал, что я пугливая.

— Ну хорошо, я подумал, что ты пуглива, как белка, и, наверное, у тебя дома весь чердак забит орехами.

Усмехнувшись, Нора сказала:

— Если бы мы с тетей Виолеттой жили на юге, мы были бы точь-в-точь герои Фолкнера, да?

— Еще более странными, чем у Фолкнера. А сейчас, вы только посмотрите! Выдумывает разные глупые слова и шутки, заставляет меня в них верить, так как мне и в голову не приходит, что Нора Девон способна на такое. Да, ты действительно изменилась за

эти месяцы.

— Благодаря тебе, — заметила она.

— Скорее благодаря Эйнштейну, а не мне.

— Нет, больше всего благодаря тебе, — сказала Нора, и ее вновь вдруг охватила робость, которая так часто парализовала ее раньше. Она отвела от него взгляд и, уставившись на свой поднос с карточками, тихо проговорила: — Благодаря тебе. Я никогда бы не встретила Эйнштейна, если бы не познакомилась с тобой. А ты... заботился обо мне... беспокоился обо мне... разглядел во мне то, чего я сама не видела. Ты меня переделал.

— Нет, — сказал Тревис. — Ты слишком много всего мне приписываешь. Тебя нечего переделывать. *Эта* Нора всегда была там, внутри старой Норы. Как цветок, свернутый и спрятанный в глубине бесцветного крохотного бутона. Тебе просто надо было помочь... вырасти и расцвести.

Она не решалась поднять на него глаза. Ей казалось, что у нее на шее висит огромный камень и заставляет ее еще ниже опускать голову; Нора покраснела. Но все же нашла в себе смелость сказать:

— Это так тяжело — расцвести... измениться. Даже когда хочешь измениться, хочешь больше всего на свете, одного желания недостаточно. И отчаяния тоже. Это нельзя сделать без... любви. — Она перешла на шепот: — Любовь — это как вода и солнце, благодаря которым прорастает семя.

Тревис сказал:

— Нора, посмотри на меня.

Камень на ее шее весил, наверное, сто фунтов, нет, тысячу.

— Нора?

Он весил уже *тонну*.

— Нора, я тебя тоже люблю.

Каким-то чудом ей удалось поднять голову и посмотреть на Тревиса. Его карие глаза, такие темные, что казались почти черными, были теплыми, добрыми и красивыми. Она любила эти глаза. Любила высокую переносицу и узкую линию носа. Любила каждую черточку на худом и аскетическом лице.

— Мне надо было первому признаться тебе в любви, потому что мне это легче сделать, чем тебе. Мне необходимо было сказать тебе много дней, много недель назад: «Нора, Боже мой, я люблю тебя». Но я не говорил этого из-за боязни. Каждый раз, когда я позволяю себе полюбить кого-то, я его теряю, но сейчас, я думаю, будет по-другому. Может быть, ты изменишь все для меня, как я помог все переменить для тебя, и, вероятно, на этот раз мне повезет.

Ее сердце часто-часто забилося. Она с трудом дышала, но все же смогла выговорить:

— Я тебя люблю.

— Ты выйдешь за меня замуж?

Нора была ошеломлена. Она ожидала чего угодно, но только *не этого*. Одно то, что Тревис признался ей в любви и она смогла открыть ему свое сердце, делало ее счастливой на многие недели, месяцы. Нора надеялась, что у нее будет время для изучения внешней стороны любви, как если бы это было какое-то огромное таинственное сооружение вроде пирамиды, которую предстоит узнать и рассматривать во всех деталях, прежде чем осмелиться заглянуть внутрь.

— Ты выйдешь за меня замуж? — повторил Тревис вопрос.

Это было слишком скоро, ужасно скоро, и, сидя на кухонном стуле, Нора почувствовала головокружение, как на карнавале, и ей стало страшно. Ей хотелось сказать, чтобы он так не торопился, объяснить, что у них много времени и надо все как следует обдумать, но, к своему удивлению, услышала:

— Да. О да.

Тревис потянулся к ней и взял ее руки в свои.

Нора заплакала, но это были слезы радости.

Эйнштейн, хотя и был поглощен своей книгой, все же заметил: что-то происходит. Он подошел к столу, потерся об их ноги, довольно ворча что-то.

Тревис спросил:

— На следующей неделе?

— Поженимся? Но ведь нужно время, чтобы получить разрешение и все прочее.

— Только не в Лас-Вегасе. Я позвоню в церковь в Вегасе и обо всем договорюсь. Мы можем поехать туда на будущей неделе и обвенчаться.

Плача и смеясь одновременно, она сказала:

— Хорошо.

— Потрясающе, — проговорил улыбаясь Тревис.

Эйнштейн яростно вилял хвостом:

Да, да, да, да, да.

5

В среду четвертого августа по заказу клана Тетранья из Сан-Франциско Винс Наско отправил на тот свет одного стукача по имени Лу Пантанджела. Этот человек выложил на следствии все, что знал, и должен был в сентябре давать показания в суде против членов организации Тетранья.

Джонни Сантини Струна, выполняя поручение клана, проник в компьютерные файлы федеральных властей и выяснил, где обитает Пантанджела. Предатель проживал под защитой двух агентов в безопасном месте в Редондо-Бич, к югу от Лос-Анджелеса. После выступления в суде этой осенью он должен был получить новые документы и переехать в Коннектикут, но его собирались убрать гораздо раньше.

Поскольку Винсу скорее всего пришлось бы ликвидировать одного или обоих агентов, чтобы добраться до Пантанджелы, и дело обещало быть жарким, Тетранья предложили ему очень высокое вознаграждение в шестьдесят тысяч долларов. Откуда ему было знать, что убийство нескольких человек для Винса подарок: это делало работу более — а не менее — привлекательной.

Почти неделю он следил за Пантанджелой, каждый день меняя машины, чтобы его не засекли телохранители. Они нечасто позволяли Пантанджеле выходить из дома, но все же были более уверены в своем убежище, чем следовало бы, поскольку три или четыре раза в неделю разрешали ему позавтракать на людях, выбрав для этого небольшую трактирию в четырех кварталах от дома.

Пантанджела насколько мог изменил свою внешность. Раньше у него были густые темные почти до плеч волосы. Сейчас они были коротко острижены и выкрашены в светло-каштановый цвет. Он носил усы, но теперь сбрил их. Весил на шестьдесят фунтов больше нормы, но за два месяца, проведенных под присмотром телохранителей, похудел почти на сорок фунтов. И все же Винс узнал его.

В среду четвертого августа агенты, как обычно, в час дня привели Пантанджелу в трактирию. В десять минут второго туда же вошел Винс.

В центре зала ресторана стояло восемь столиков, а вдоль боковых стен было по шесть кабинок. Трактирия выглядела чистой, но, на вкус Винса, слишком уж итальянской: красно-белые клетчатые скатерти; кричащие стены с изображениями римских развалин; пустые винные бутылки в качестве подсвечников; тысяча пластмассовых виноградных гроздей, свисающих, Бог ты мой, с прикрепленной к потолку решетки и призванных создать атмосферу беседки. Поскольку калифорнийцы обедают рано, по крайней мере по восточным меркам, они и завтракают тоже рано, и к половине одиннадцатого пик посетителей уже схлынул. Вероятно, к двум часам дня единственными посетителями здесь будут Пантанджела, его два телохранителя и Винс, что делало это заведение подходящим местом для убийства.

Ресторан был совсем небольшим, и в это время не работала распорядительница;

специальная табличка предлагала посетителям самим занимать места. Винс прошел через зал мимо Пантанджелы с агентами и расположился в соседней кабинке.

Винс тщательно продумал свой туалет. На нем были веревочные сандалии, красные хлопчатобумажные шорты и белая майка с изображением голубых волн, желтого солнца и надписью «Человек из Калифорнии», очки с зеркальным покрытием. В руках он нес открытую брезентовую пляжную сумку с надписью «Мое барахло». Проходя мимо и заглянув в сумку, можно было увидеть туго свернутое полотенце, флакон с лосьоном для загара, небольшой приемник и расческу, но никто бы не заметил спрятанной на дне автоматической винтовки «узи» с глушителем и магазином на сорок патронов. Темный загар помогал ему добиться нужного впечатления: очень крепкого, но стареющего любителя серфинга, свободного, бесхитростного и, возможно, бездумного малого, целые дни проводящего на пляже, из тех мужчин, которые в шестьдесят лет стараются казаться молодыми и пребывают в полном упоении от собственной персоны.

Винс равнодушно скользнул глазами по Пантанджеле и его телохранителям, заметив, что они внимательно посмотрели на него и сочли незаслуживающим внимания и безобидным. Отлично.

В кабинках были высокие обитые материей стенки, и со своего места ему было не видно Пантанджелу. Зато хорошо слышно, как он и его сотрапезники время от времени перебрасываются словами, в основном о бейсболе и женщинах.

После недельной слежки Винс знал: Пантанджела никогда не уходит из траптории раньше половины третьего, обычно это бывало в три часа, очевидно, потому, что он настаивал на закуске, салате, основном блюде и десерте — полном наборе. Значит, у Винса оставалось время на салат и лингвини с соусом из моллюсков.

Официантке исполнилось лет двадцать, она была яркой блондинкой, хорошенькой и такой же загорелой, как и Винс. У нее были внешность и голос пляжной девочки, и она, принимая заказ, сразу же начала заигрывать с Винсом. Он решил, что она принадлежит к числу тех пляжных нимф, мозги которых так же зажарились на солнце, как и их тело. Вероятно, все летние вечера девчонка проводила на пляже, балуясь всевозможными наркотиками и раздвигая ноги для каждого, кто ее заинтересует, — а таких, должно быть, большинство, — а это значило, что, несмотря на свой цветущий внешний вид, она поражена болезнью. Сама мысль о том, чтобы переспать с ней, вызывала у Винса тошноту, но ему надо было сыграть свою роль, и он начал с ней флиртовать, стараясь показать, что у него текут слюнки при одной мысли о ее обнаженном извивающемся под ним теле.

В пять минут третьего Винс покончил с ленчем. Кроме него, в траптории остались только Пантанджела с двумя телохранителями. Одна из официанток ушла совсем, а две другие были на кухне. Лучше и не придумать.

Пляжная сумка стояла на скамье рядом с Винсом. Он залез внутрь и вынул автомат.

Пантанджела с агентами обсуждали шансы Доджерса попасть на чемпионат мира.

Винс встал, подошел к их кабинке и уложил всех очередью из двадцати-тридцати выстрелов. Короткий, высокого класса глушитель сработал изумительно: выстрелы напоминали речь заикающегося человека, с трудом произносящего слово, начинающееся с шипящей. Все произошло так стремительно, что телохранители не успели достать оружие. Они даже не успели удивиться.

«Ссснап».

«Ссснап».

«Ссснап».

Пантанджела и его охранники испустили дух за три секунды.

Винса передернуло от огромного удовольствия, его захлестнула жизненная энергия чрезвычайной мощи, которую он только что поглотил. Он не мог вымолвить ни слова. Затем дрожащим и трепетным голосом произнес:

— Спасибо.

Отвернувшись от кабинки, Винс увидел официантку, в шоке замершую в центре зала.

Широко раскрытыми голубыми глазами она смотрела на убитых, затем медленно перевела взор на Винса.

Прежде чем девушка успела закричать, Винс разрядил в нее оставшиеся в магазине пули — что-то около десяти, — и она упала, истекая кровью.

«Ссснап».

— Спасибо, — сказал он и еще раз повторил это, потому что она была молода и полна жизненной энергии, а следовательно, была ему еще полезнее. Опасаясь, как бы кто-нибудь не вышел из кухни или, проходя мимо траптории, не заглянул внутрь и не увидел расprostертую на полу официантку, Винс быстро прошел в свою кабинку, схватил пляжную сумку и засунул винтовку под полотенце. Затем надел зеркальные очки и покинул ресторан.

Его не заботили отпечатки пальцев. Винс покрыл подушечки пальцев эльмеровским клеем. Высохнув, он становился почти прозрачным, и его можно было разглядеть, только если бы он повернул руки ладонями вверх и специально привлек к ним внимание. Слой клея был достаточно толстым и, заполняя все мельчайшие складочки кожи, оставлял абсолютно гладкие отпечатки.

На улице Винс прошел до конца квартала, свернул за угол и сел в свой фургон. Насколько он мог судить, никто не обратил на него внимания.

Винс двинулся в сторону океана, с удовольствием предвкушая отдых на солнце и купание. Поехать на Редондо-Бич в двух кварталах от того места, где он находился, показалось ему слишком рискованным, поэтому Винс повернул по «Коаст Хайвей» на юг к Болса-Чика, чуть севернее его дома в Гастингтон-Бич.

По дороге он думал о собаке. Винс продолжал платить Джонни Струне за проверку пунктов сбора животных, полицейских участков и всех тех, кто может участвовать в поисках ретривера. Ему стало известно о бюллетене, распространенном Управлением национальной безопасности среди ветеринаров и агентств по охране животных в трех штатах, а также и то, что до сих пор у УНБ не было никакой информации.

Возможно, пса сбила машина или его загрызло существо, которое Хадстон назвал Аутсайдером, или растерзала стая койотов там, в горах. Но Винсу не хотелось верить, что собака мертва. Это означало бы конец его мечте осуществить крупную финансовую сделку при помощи ретривера, потребовав за него выкуп у властей или продав какому-нибудь богачу из шоу-бизнеса, который придумает, как использовать скрытый в псе интеллект, чтобы извлекать надежный и хороший доход из ничего не подозревающих простаков.

Винсу хотелось верить, что собаку кто-то нашел и взял к себе домой. Если он узнает, у кого она, то сможет купить ее — или просто убить хозяина и забрать ретривера.

Но где, черт возьми, искать пса или его хозяина? Если их можно найти, УНБ, конечно, разыщет их первым.

Скорее всего собакой легче будет завладеть, найдя сначала Аутсайдера, который выведет Винса на ретривера, как полагал доктор Хадстон. Но это тоже нелегко.

Джонни Струна снабжал его информацией об особенно зверских убийствах людей и животных по всей Южной Калифорнии. Винсу было известно о бойне в зоосаде Ирвин-парка, убийстве Вэса Далберга и людей в Бордо Ридж. Джонни предоставил ему данные об изувеченных домашних животных в районе Дазмонд Бар, и Винс своими глазами видел по телевизору передачу о молодой паре, которая повстречалась с внеземным существом в диких местах южнее пика Джонстона. Три недели назад в Анджелесском национальном заповеднике были обнаружены страшно изуродованные трупы двух туристов, и, проникнув в компьютерные данные УНБ, Джонни подтвердил, что управление также взяло это дело под свою юрисдикцию, а это означало: убийства — дело рук Аутсайдера.

С тех пор ничего не произошло.

Но Винс не собирался сдаваться. Не так быстро. Он был терпеливым человеком. Это качество стало частью его профессии. Винс подождет, будет по-прежнему следить за всеми событиями и продолжать платить Джонни Струне за информацию и рано или поздно получит то, что ему нужно. В этом он был уверен. Винс решил, что собака, так же как и

бессмертие, — часть его великой судьбы.

На общественном пляже в Болса-Чика он постоял некоторое время, не отрывая глаз от огромных темных масс поднимающейся воды, волны бились о его ноги. Винс чувствовал себя таким же всемогущим, как океан. Его наполняло множество жизней. Он бы не удивился, если бы из кончиков его пальцев вдруг заструилось электричество, подобно тому, как у мифических богов из рук вырывались молнии.

В конце концов Винс бросился в воду и поплыл наперерез мощным волнам. Он заплыл далеко вперед, затем повернулся и поплыл вдоль пляжа сначала на юг, а затем на север, пока наконец не обессилел и не позволил прибою вынести себя на берег.

Винс подремал немного под жарким полуденным солнцем. Ему приснилась беременная женщина с большим круглым животом, и он ее задушил.

Винс часто видел сны, в которых убивал детей или еще не появившихся на свет младенцев, потому что об этом мечтал в реальной жизни. Конечно, убийство детей было очень рискованным делом; ему приходилось отказывать себе в этом удовольствии, хотя жизненная энергия ребенка была бы самой богатой, самой чистой и самой стоящей из всех. Но это слишком опасно. Винс не мог заняться детоубийством, пока не был уверен, что достиг бессмертия, когда ему уже не надо будет бояться ни полиции, ни кого-либо другого.

Однако сон, от которого Винс проснулся на пляже в Болса-Чика, показался ему значимее остальных. Он был... другим. Пророческим. Винс сидел, зевая, и смотрел на заходящее на западе солнце, притворяясь, что не замечает поглядывающих на него девушек в бикини, и говорил себе, что этот сон — предвестник будущего удовольствия. Однажды его руки действительно окажутся на шее беременной женщины, как это случилось в сегодняшнем сновидении, и Винс познает высшее блаженство, получит высший дар, не только ее жизненную энергию, но и чистую, незамутненную энергию еще не родившегося ребенка в ее чреве.

Чувствуя себя так, как если бы он только что выиграл миллион, Винс вернулся к своему фургону и отправился домой. Там он принял душ и поехал обедать в ближайший ресторан «Стюарт Андерсон», где заказал себе филе миньон.

6

Эйнштейн пронесся мимо Тревиса из кухни через небольшую столовую и скрылся в гостиной. Держа в руке поводок, Тревис пошел за ним. Пес прятался за диваном.

Тревис сказал:

— Послушай, это совсем не больно.

Собака устало смотрела на него.

— Нам надо это сделать до отъезда в Вегас. Ветеринар сделает тебе пару прививок против чумки и бешенства. Это нужно тебе же, и это действительно не страшно. Правда. А потом мы оформим тебе свидетельство, которое нам давным-давно надо было оформить.

Пес пролаял один раз. *Нет.*

— Мы это сделаем.

Нет.

Согнувшись и держа в руке замок от поводка, который он собирался пристегнуть к ошейнику, Тревис шагнул к Эйнштейну.

Ретривер отбежал от него к креслу, вскочил на него и с этой наблюдательной площадки внимательно смотрел на Тревиса.

Медленно выходя из-за дивана, Тревис сказал:

— Послушай, псина, я — твой хозяин.

Эйнштейн пролаял один раз.

Нахмурившись, Тревис повторил:

— Да, да, я — твой хозяин. Ты, может быть, чертовски умный пес, но ты всего лишь пес, а я — человек, и говорю тебе, мы идем к ветеринару.

Эйнштейн вновь пролаял один раз.

Прислонившись к дверному косяку со скрещенными на груди руками, Нора проговорила:

— Похоже, он старается тебе показать, как ведут себя дети, чтобы мы знали, на что идем, если когда-нибудь решим их иметь.

Тревис бросился к собаке.

Эйнштейн сорвался со своего места и пулей вылетел из комнаты; Тревис, не удержавшись на ногах, свалился на кресло.

Нора рассмеялась.

— Очень забавно.

— Куда он мог удрать? — спросил Тревис.

Она показала на холл, ведущий в две спальни и ванную комнату.

Он нашел ретривера в большой спальне. Пес сидел на постели и смотрел на дверь.

— Ничего у тебя не выйдет, — проговорил Тревис. — Это для твоей же пользы, черт возьми, и тебе сделают эти прививки независимо от того, нравится это тебе или нет.

Эйнштейн поднял заднюю лапу и стал мочиться на постель.

Тревис ошеломленно спросил:

— Черт побери, что ты себе позволяешь?

Пес перестал мочиться, вышел из лужи, растекавшейся по стеганому покрывалу, и вызывающе посмотрел на Тревиса.

Тот слышал рассказы о домашних животных, которые таким вот образом выражали свое неудовольствие. В бытность его владельцем агентства по продаже недвижимости одна из служащих, уезжая на две недели в отпуск, оставила своего карликового колли в конуре. Когда она вернулась и выпустила собаку, та в отместку испортила ее любимое кресло и кровать.

Но Эйнштейн — незаурядная собака. Принимая во внимание замечательные умственные способности пса, его поведение свидетельствовало о более сильной ярости, чем если бы он был обычной собакой.

Тревис, рассердившись, двинулся вперед.

— Этого я тебе не прощу.

Эйнштейн стал сползать с кровати. Поняв, что он постарается выскользнуть из комнаты мимо него, Тревис отбежал назад и захлопнул дверь. Видя, что путь отрезан, пес круто переменял направление и рванулся в дальний конец спальни, где и остановился рядом с туалетным столиком.

— Больше никаких глупостей, — жестко проговорил Тревис, размахивая поводком.

Эйнштейн ретировался в угол.

Нагнувшись и раздвинув в стороны руки, чтобы тот не мог проскользнуть мимо него, Тревис в конце концов схватил ретривера и пристегнул поводок.

— Ха!

С поверженным видом Эйнштейн забился в угол, опустил голову и начал трястись.

Чувство триумфа в Тревисе мгновенно угасло. Эйнштейн от страха издавал тихие, почти неслышные жалобные завывания.

Глядя пса и стараясь его успокоить, Тревис сказал:

— Знаешь, это действительно необходимо для твоего же блага. Тебе ведь не нужны ни чумка, ни бешенство. И это совсем не больно, дружок. Клянусь тебе.

Ретривер продолжал глядеть в сторону, уговоры Тревиса на него не действовали.

Поглаживая Эйнштейна, Тревис чувствовал, как сильно он дрожит. Он внимательно смотрел на пса, размышляя обо всем этом, затем спросил:

— Они что, там, в лаборатории... кололи тебя иголками? Они делали тебе больно? Поэтому ты боишься прививок?

Эйнштейн только заскулил в ответ.

Тревис вытянул сопротивляющегося пса из угла, высвободив его хвост, чтобы тот мог

отвечать на вопросы. Отпустив поводок, он обхватил голову Эйнштейна руками и заставил его посмотреть ему прямо в глаза.

— Они делали тебе больно иголками в этой лаборатории?

Да.

— И поэтому ты боишься ветеринара?

Не переставая дрожать, пес пролаял один раз. *Нет.*

— Тебе делали больно иголками, но ты их не боишься?

Нет.

— Тогда почему ты так себя ведешь?

Собака просто смотрела на него и издавала эти ужасные отчаянные звуки.

Нора приоткрыла дверь и заглянула в спальню.

— Тебе удалось надеть на него поводок, Тревис? — Затем она проговорила: — Фу! Что здесь у вас происходит?

Не выпуская из рук голову пса и глядя ему прямо в глаза, Тревис ответил:

— Он явно выразил свое неудовольствие.

— Явно, — согласилась она, подходя к кровати и сдергивая с нее испорченные покрывало, одеяло и простыни.

Стараясь разгадать причину такого поведения ретривера, Тревис спросил:

— Эйнштейн, если ты не боишься уколов, может, ты боишься ветеринара?

Пес пролаял один раз. *Нет.*

Тревис в отчаянии обдумывал следующий вопрос, пока Нора стаскивала с кровати матрац.

Ретривер продолжал дрожать.

Вдруг Тревиса осенило, почему пес так себя ведет и так боится. Он проклинал себя за собственную тупость.

— Черт, ну конечно! Ты боишься не ветеринара — а тех, кому ветеринар может о тебе сообщить?

Дрожь собаки несколько улеглась, и она вильнула хвостом. *Да.*

— Если люди из лаборатории охотятся за тобой — а мы знаем наверняка, что они упорно разыскивают тебя, потому что ты, вероятно, самый важный подопытный пес в истории человечества, — они должны были связаться со всеми ветеринарными лечебницами штата, да? Со всеми ветеринарами, со всеми живодерами... и со всеми агентствами по регистрации собак.

Пес вновь неистово замахал хвостом, и дрожь его начала стихать.

Нора обошла вокруг кровати и встала рядом с Тревисом.

— Но ведь золотистые ретриверы — одна из самых распространенных пород. Ветеринары и регистрирующие агентства постоянно имеют с ними дело. Если наш гениальный пес зароем свой талант в землю и разыграет из себя глупую собачонку...

— А это у него прекрасно получается.

— ...Тогда они не узнают, что ищут именно его.

Нет, узнают, — настаивал Эйнштейн.

Тревис спросил у ретривера:

— Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сказать, что они смогут каким-то образом тебя опознать?

Да.

— Как? — осведомилась Нора.

Тревис спросил:

— По какой-то отметине?

Да.

— Где-то под шерстью? — спросила Нора.

Пес пролаял один раз. Нет.

— Тогда где? — недоумевал Тревис.

Высвободившись из рук Тревиса, Эйнштейн так яростно замотал головой, что его длинные уши издали хлопающий звук.

— Возможно, на подушечках лап, — сказала Нора.

— Нет, — одновременно с лаем ретривера проговорил Тревис. — Когда я нашел его, его лапы от долгого трудного путешествия были сбиты в кровь, и мне пришлось обработать их борной кислотой. Я бы заметил отметину на лапе.

Эйнштейн снова яростно мотал головой, тряся ушами.

Тревис сказал:

— Возможно, на губе. Скаковых лошадей иногда помечают такой татуировкой, чтобы легче было распознавать и чтобы предотвратить их незаконное участие в состязаниях. Дай мне посмотреть твою губу, малыш.

Эйнштейн пролаял один раз — *Нет* — и отчаянно замахал ушами.

До Тревиса наконец дошло. Он заглянул в его правое ухо и ничего не обнаружил. Но в левом он кое-что заметил. Тревис подвел пса к окну, где было светлее, и на розовато-коричневой коже обнаружил татуировку, состоящую из двух чисел, черточки, третьего числа и сделанную красными чернилами: 33-9.

Посмотрев через плечо Тревиса, Нора проговорила:

— Вероятно, у них было много подопытных щенков из разных пометов, и их надо было как-то различать.

— Господи Иисусе. Если бы я отвел его к ветеринару, который получил предупреждение о розыске ретривера с татуировкой...

— Но ведь ему надо сделать прививки.

— Возможно, их ему уже сделали, — с надеждой в голосе проговорил Тревис.

— Нам нельзя на это полагаться. Он ведь был лабораторным животным и жил в строго контролируемой среде, где в прививках не было необходимости. Вероятно, прививки могли помешать их экспериментам.

— Мы не вправе пойти на риск с ветеринаром.

— Если даже они его найдут, — сказала Нора, — мы просто его им не отдадим.

— Они могут нас заставить, — обеспокоенно проговорил Тревис.

— Черта с два!

— А что мы сможем сделать? Скорее всего эти исследования финансируются правительством, и нас легко раздавят. Нам нельзя рисковать. Больше всего на свете Эйнштейн боится вернуться в лабораторию.

Да, да, да.

— Но что, если он заразится бешенством или чумкой, или... — сказала Нора.

— Мы сделаем ему прививки позже, — ответил Тревис. — Позже. Когда все немного успокоится. Сейчас слишком опасно.

Ретривер повизгивал от счастья и в знак благодарности облизывал шею и лицо Тревиса.

Нахмурившись, Нора сказала:

— Эйнштейн — почти самое большое чудо двадцатого века. Ты действительно считаешь, что они когда-нибудь о нем забудут и прекратят розыск?

— Возможно, они еще многие годы будут его искать, — признал Тревис, поглаживая пса. — Но со временем энтузиазма и веры у них поубавится. И ветеринары начнут забывать, что им надо заглядывать в уши каждого приведенного к ним ретривера. До тех пор ему придется обходиться без прививок, так я считаю. Это лучшее из того, что мы можем сделать. Это единственное, что мы можем сделать.

Одной рукой потрепав Эйнштейна, Нора сказала:

— Хотелось бы надеяться, что ты прав.

— Я прав.

— Надеюсь.

— Я прав.

Тревиса страшно потрясло, что его намерение едва не стоило Эйнштейну свободы, и в

течение нескольких дней он размышлял о проклятии Корнелла. Возможно, все повторяется. Его жизнь круто изменилась и стала яркой благодаря любви, которую он испытывал к Норе, и этому невозможному чертову псу. А сейчас, вероятно, судьба, которая всегда вела себя враждебно по отношению к нему, хочет украсть у него и Нору, и пса.

Тревис понимал: судьба — не более чем мифологическое понятие. Он не верил в существование пантеона злых богов, глядящих в замочную скважину и замышляющих новые трагедии для него, — и все же не мог удержаться от того, чтобы время от времени не поглядывать с тоской на небо. Тревис замечал: стоит ему сказать что-то оптимистичное о будущем, как он начинает стучать по дереву, чтобы противостоять злой судьбе. Опрокинув во время обеда солонку, Тревис тут же взял щепотку соли, чтобы бросить ее через плечо, но почувствовал себя дураком и стряхнул соль с рук. Сердце его, однако, сильно забилося, его переполняли смешные суеверные страхи, и он не успокоился, пока снова не взял щепотку соли и не бросил ее за спину.

Нора, конечно, замечала такое эксцентричное поведение Тревиса, но у нее хватало такта ничего не говорить ему о его страхах. Каждая ее минута была заполнена любовью к нему, она с огромным удовольствием предвкушала их поездку в Вегас и пребывала в неизменно хорошем настроении.

Нора ничего не знала о его кошмарах, потому что Тревис ничего ей о них не рассказывал. А ему вот уже две ночи подряд снился один и тот же кошмар.

Как будто он бродил по каньонам у подножия Санта-Аны в графстве Ориндж в тех же местах, где впервые встретил Эйнштейна. Он снова был там, на этот раз с собакой и Норой, и потерял их обоих. В страхе Тревис спускался вниз по крутым склонам, карабкался вверх по горам, борясь с густым кустарником, и отчаянно звал Нору и пса. Иногда до него доносился Норин голос и лай Эйнштейна, и Тревис понимал: они попали в беду, он шел на их голоса, но с каждым разом они все удалялись от него и раздавались в новом месте. И как бы напряженно Тревис ни вслушивался и как быстро ни пробирался к ним через лес, он терял их, терял их...

Он просыпался в холодном поту, сердце его часто колотилось, и беззвучный крик застревал в горле.

В пятницу шестого августа выдался такой благословенно занятый день, что у Тревиса не оставалось времени на размышления о враждебной судьбе. Утром он первым делом позвонил в церковь и договорился о свадебной церемонии на среду, одиннадцатого августа, в одиннадцать часов. Охваченный романтической лихорадкой, Тревис сказал управляющему, что ему нужны двадцать дюжин красных роз, столько же белых гвоздик, хороший органист — никакой фонограммы! — который может сыграть традиционную мелодию, много свечей, чтобы обойтись без грубого электрического освещения, бутылка «Дом Периньон» для завершения церемонии и первоклассный фотограф, чтобы запечатлеть бракосочетание. Согласовав эти детали, Тревис позвонил в отель «Циркус-Циркус» в Лас-Вегасе, заведение семейного типа, расхваливающее свой лагерь для автотуристов, и заказал стоянку с вечера восьмого августа. Позвонив в Барстоу, находящийся на полпути к Вегасу, забронировал стоянку на субботний вечер. Затем посетил ювелирный магазин, пересмотрел все, что у них было, и в конце концов остановился на обручальном перстне с большим безукоризненным бриллиантом в три карата и обручальном кольце с двенадцатью бриллиантами в четверть карата. Спрятав драгоценности под сиденье, Тревис вместе с Эйнштейном заехали за Норой домой и отправились к ее поверенному Гаррисону Дилворту.

— Вы собираетесь пожениться? Это просто замечательно! — проговорил тот, тряся руку Тревиса. Нору он поцеловал в щеку. Казалось, он искренне обрадовался. — Я навел о вас справки, Тревис.

Тревис удивленно переспросил:

— Да?

— Ради Норы.

От слов адвоката Нора покраснела и было запротестовала, но Тревису понравилось, что

Гаррисон так беспокоится о ее благополучии.

Оценивая его взгляд на Тревиса, седовласый адвокат сказал:

— Насколько я понял, у вас хорошо шли дела с недвижимостью, пока вы не продали свой бизнес.

— Да, неплохо, — скромно подтвердил Тревис, чувствуя себя так, как если бы он разговаривал с Нориным отцом и старался произвести хорошее впечатление.

— *Очень* хорошо, — заметил Гаррисон. — И я слышал, вы удачно поместили ваш капитал.

— Я не нищий, — подтвердил Тревис.

Улыбнувшись, Гаррисон продолжал:

— Мне также сказали, что вы — хороший, надежный человек и к тому же очень добрый.

Настала очередь Тревиса краснеть. Он пожал плечами.

Обращаясь к Норе, Гаррисон сказал:

— Дорогая, не могу выразить словами, как я рад тебе.

— Спасибо.

Нора бросила на Тревиса светящийся любовью взгляд, и впервые за весь день у него возникло желание постучать по дереву.

Поскольку их свадебное путешествие должно было продлиться по меньшей мере неделю или дней десять, Нора опасалась, как бы им не пришлось спешно возвращаться в Санта-Барбару, если ее агент по продаже найдет покупателя на дом Виолетты Девон, она попросила Гаррисона Дилворта оформить на себя доверенность, чтобы в ее отсутствие он мог от ее имени решать все вопросы, связанные с продажей дома. Меньше чем через полчаса все было оформлено, подписано и засвидетельствовано. Последовал очередной раунд поздравлений и наилучших пожеланий, после чего они отправились за прицепом для автомобиля.

Они собирались взять с собой Эйнштейна не только на бракосочетание в Вегас, но и в свадебное путешествие. Предвидя трудности, которые могли возникнуть при поиске хороших, чистых отелей, где не возбранялось проживание с собаками, они предусмотрительно решили приобрести домик на колесах. И потом, ни Нора, ни Тревис не смогли бы заниматься любовью в одной комнате с ретривером. «Это все равно что делать это в присутствии третьего человека», — говорила Нора, зардевшись как маков цвет. Если они будут останавливаться в мотелях, им придется брать два номера: один — для себя, а другой — для Эйнштейна, что тоже неудобно.

К четырем часам они нашли то, что искали: среднего размера серебристый «Эйрстрим» с крошечной кухней, столовым отсеком, гостиной, спальней и ванной. Ложась спать, они смогут оставлять Эйнштейна снаружи и закрывать за собой дверь. Поскольку на пикапе Тревиса уже было надежное сцепление для трейлера, они прицепили «Эйрстрим» к заднему бамперу и увезли его с собой сразу же после оформления покупки.

Сидя в машине между Тревисом и Норой, Эйнштейн все время оборачивался и поглядывал в заднее стекло на сверкающий полуцилиндрический трейлер, как бы поражаясь людской изобретательности.

Они также купили занавески для трейлера, пластмассовые тарелки и стаканы, продукты и кучу других нужных для путешествия вещей. Вернувшись к Норе домой и приготовив обед, они еле передвигали ноги. В зевании собаки тоже не было никакого скрытого смысла, она просто устала.

Ночью, когда Тревис спал глубоким сном в своей постели, ему привиделись древние окаменелые деревья и ископаемые динозавры. Кошмары двух предыдущих ночей не повторились.

В субботу утром они выехали в Вегас навстречу семейной жизни. Решив, что с трейлером удобнее всего путешествовать по широким разделенным автострадам, они

двинулись по Рут 101, сначала ведущей на юг, а затем поворачивающей на восток и переходящей в Рут 134, которая, в свою очередь, переходила в Интерстрит 210. К югу от этих трасс остались Лос-Анджелес и его окрестности, а на севере располагался обширный массив Анджелесского национального заповедника. Позже, когда они проезжали по огромной пустыне Моджейв, Нору привел в восторг бесплодный и в то же время неотразимо прекрасный пейзаж из песка, камня, перекасти-поля, мескита, юкки и других кактусов. «Мир, — сказала она, — оказался гораздо больше, чем я себе представляла». Тревис наслаждался ее непосредственностью.

В три часа дня они подъехали к Барстоу (Калифорния), островку, растянувшемуся посреди этой огромной пустыни. Их соседями по стоянке в автогородке были Фрэнк и Мэй Джордан, супружеская чета средних лет из Солт-Лейк-Сити, путешествующие вместе со своим любимцем, черным Лабрадором по кличке Джек.

К удивлению Тревиса и Нору, Эйнштейн с восторгом играл с Джеком. Они гонялись друг за другом вокруг трейлеров, покусываясь, вертелись клубком, падали и вновь поднимались и носились друг за другом. Фрэнк Джордан бросал красный резиновый мячик, и собаки мчались за ним наперегонки. Они играли и по-иному: стараясь выхватить друг у друга мяч и как можно дольше удерживать его. Тревис даже притомился, наблюдая за ними.

Вне всякого сомнения, Эйнштейн был самым умным в мире псом, феноменом, чудом, таким же восприимчивым, как человек, но он был и простой собакой. И каждый раз, когда Эйнштейн напоминал Тревису об этом, тот приходил в восторг.

Позднее, поужинав вместе с Джорданами на открытом воздухе поджаренными на древесном угле гамбургерами, кукурузными початками и выпив пива, соседи пожелали друг другу доброй ночи, а Эйнштейн попрощался с Джеком. Очутившись в прицепе, Тревис потрепал ретривера по голове и сказал:

— С твоей стороны это было очень мило.

Пес поднял голову и посмотрел на Тревиса, как бы спрашивая у него, что, черт возьми, тот имеет в виду.

Тревис сказал:

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, мохнатая морда.

— Я тоже знаю, — сказала Нора, обнимая Эйнштейна. — Когда ты играл с Джеком, то легко мог оставить его в дураках, если бы захотел, но ты иногда поддавался ему, да?

Собака часто задышала и довольно оскалила зубы.

Выпив еще глоток пива, Нора ушла в спальню, а Тревис расположился на диване в гостиной. Он подумывал о том, не лечь ли ему вместе с ней, а она, в свою очередь, возможно, тоже намеревалась пустить его к себе в постель. В конце концов, до свадьбы было меньше четырех дней. Один Бог знал, как Тревис желал ее. И хотя Нора, конечно, испытывала некоторый девичий страх, она тоже желала его; в этом он нисколько не сомневался. С каждым днем они все чаще дотрагивались друг до друга, их поцелуи становились более частыми, более интимными, а воздух вокруг них был наполнен эротической энергией. Но почему не сделать все, как положено, раз уж до этого дня оставалось так мало времени? Почему не лечь в супружескую постель девственниками, ей — девственной по отношению ко всем, а ему — по отношению к ней?

Ночью Тревису приснилось, что Нора с Эйнштейном заблудились в этой огромной пустыне. Во сне у него не было ног, и ему приходилось мучительно долго ползти, чтобы найти их, и это было ужасно, потому что он знал: там, где они были, им угрожало... что-то.

Воскресенье, понедельник и вторник в Вегасе прошли в подготовке к свадьбе, наблюдении за восторженными играми Эйнштейна с другими собаками и походах к пику Чарльстон и озеру Мид. По вечерам Нора и Тревис оставляли Эйнштейна наедине с его книжками, а сами шли развлекаться. Тревису было не по себе оттого, что они бросают ретривера одного, но Эйнштейн всячески давал им понять: он не хочет, чтобы они проводили вечера здесь, в трейлере, только потому, что глупые и недалёковидные владельцы отелей не

пускают в казино и концертные залы воспитанных гениальных собак.

В среду утром Тревис облачился в смокинг, а Нора надела простое, доходящее до середины икр белое платье со скромной кружевной отделкой на манжетах и вокруг ворота. Отсоединив «Эйрстрим» и оставив его на стоянке, они вместе с Эйнштейном отправились на пикапе на церемонию бракосочетания.

Обслуживающая все конфессии коммерческая церковь была самой странной из виденных Тревисом: ее архитектура производила романтическое, торжественное впечатление и в то же время отдавала дурным вкусом. Норе она тоже показалась смешной, и им стоило большого труда не расхохотаться, когда они вошли внутрь. Храм был втиснут меж светящимися неоновыми вывесками сверкающих, уносящих в небо отелей на бульваре Лас-Вегас Саут. Это было одноэтажное здание, выкрашенное в бледно-розовый цвет, с белыми дверями, над которыми висела медная табличка с выгравированной надписью: «Идите рука об руку...» Вместо святых на витражах в окнах были представлены сцены из известных произведений о любви, среди них «Ромео и Джульетта», «Абеляр и Элоиза», «Окассин и Николетта», «Унесенные ветром», «Касабланка» и — что уж совсем невероятно — «Я люблю Люси» и «Оззи и Генриетта».

Удивительно, но вся эта нелепица нисколько не повлияла на возвышенное настроение новобрачных. Ничто не могло принизить значительность этого дня. Даже эту возмутительную церковь следовало оценить, запомнить во всех ее безвкусных деталях, чтобы она осталась ярким воспоминанием на долгие годы, потому что это был *их* храм в *их* день.

Обычно сюда не разрешалось входить с собаками. Но Тревис заранее заплатил всем служащим, чтобы Эйнштейну не просто разрешили войти внутрь, но чтобы он там чувствовал себя таким же желанным гостем, как и другие.

Священник, преподобный Дан Дюпре — «Пожалуйста, зовите меня отцом Даном» — был мужчиной с багровым лицом и большим животом, улыбчивым и щедрым на рукопожатия, по виду — типичный продавец подержанных машин. По обе стороны от него стояли двое нанятых свидетелей — его жена и сестра, — надевшие ради такого случая яркие летние платья.

Тревис занял место у алтаря.

Женщина-органист заиграла «Свадебный марш».

Нора выразила горячее желание пройти по проходу, а не просто начать церемонию у алтаря. Более того, ей хотелось, чтобы ее, как и других невест, сопровождал посаженный отец. В этом качестве мог бы выступить ее отец, но отца у нее не было. Как не было и подходящего близкого человека, и сначала они подумывали о том, что ей придется идти к алтарю одной или под руку с незнакомцем. Но в пикапе по дороге в церковь Нора вспомнила об Эйнштейне и решила, что пес лучше всех на свете годится на эту роль.

Сейчас, когда органист заиграл марш, Нора вошла в дверь вместе с псом. Эйнштейн прекрасно сознавал, какой огромной чести удостоился, сопровождая ее к алтарю. С высоко поднятой головой он медленно шествовал в ногу с ней с гордым и торжественным видом.

Казалось, никого не беспокоило и даже не удивляло, что в роли Нориного посаженного отца выступает собака. Это ведь был Лас-Вегас.

— Она одна из самых красивых невест, которых я видела, — шепнула Тревису жена преподобного Дана, и Тревис знал: она говорит искренне, а не просто следует заведенному ритуалу.

Вспышка фотографа мигала не переставая, но Тревис был слишком поглощен Норой, чтобы отвлекаться на такие мелочи.

Воздух наполнялся ароматом роз и гвоздик, сотни свечей мягко мерцали в прозрачных стеклянных чашах и медных подсвечниках. К тому времени, как Нора подошла к Тревису, он уже забыл о нелепом убранстве храма. Его любовь стала архитектором, полностью перестроившим его, преобразовавшим в величественный собор.

Церемония оказалась короткой и неожиданно полной достоинства. Тревис и Нора обменялись сначала клятвами, а затем кольцами. В ее глазах блеснули слезы, в них отражался

свет свечей, и с минуту Тревис недоумевал, каким образом ее слезы могут затуманивать *его* взгляд, но затем понял, что тоже едва не плачет. Под аккомпанемент торжественной органной музыки они обменялись своим первым супружеским поцелуем, и это был самый чудесный поцелуй в его жизни.

Преподобный Дан откупорил шампанское и по просьбе Тревиса налил по бокалу всем, включая органистку. Для Эйнштейна нашлось блюдо. Громко чавкая, ретривер присоединился к тосту за здоровье, счастье и вечную любовь.

Остаток дня пес провел в передней части трейлера, в гостиной, за чтением.

В это время Тревис и Нора находились в другом конце трейлера, в постели.

Закрыв за собой дверь в спальню, Тревис положил в ведро со льдом вторую бутылку «Дом Периньон» и поставил в компакт-диск-плеер четыре альбома нежной фортепианной музыки Джорджа Уинстона.

Нора опустила шторы на единственном имеющемся окне и включила небольшую лампу с абажуром из золотистой материи. Теплый янтарный свет придавал комнате некую нереальность.

Какое-то время они лежали в кровати, болтая, смеясь, дотрагиваясь друг до друга, целуясь, затем разговоры стали реже, а поцелуи чаще.

Тревис медленно раздел ее. Он никогда раньше не видел ее обнаженной, и она показалась ему еще красивее, чем он себе представлял. Ее тонкая шея, нежные плечи, полная грудь, вогнутый живот, округлые бедра и ягодицы, длинные гладкие ноги — каждая линия, складка, изгиб возбуждали его и одновременно наполняли огромной нежностью.

Раздевшись, Тревис терпеливо и мягко начал посвящать ее в искусство любви. Испытывая страстное желание доставить ей удовольствие и полностью осознавая, что для нее все было ново, он показывал Норе — иногда нежно поддразнивая ее, — какие ощущения могут вызывать в ней его язык, пальцы и мужское естество.

Он приготовился к нерешительности, смущению, даже страху с ее стороны, поскольку тридцать прожитых лет никак не подготовили ее к такой степени интимной близости. Но Нора не выказала и следа фригидности и была склонна принять участие в любом акте, который мог доставить удовольствие одному из них или обоим. Ее нежные крики и задыхающийся шепот приводили его в восторг. С каждым ее оргазмом Тревис возбуждался все сильнее, пока его желание не стало почти болезненным.

Достигнув наконец оргазма, он прижался лицом к Нориной шее, выкрикивая ее имя, говорил ей снова и снова о своей любви, и это продолжалось так долго, что Тревис чуть было не решил: время остановилось, и он падает в какой-то бездонный колодец.

После этого молодые долго лежали обнявшись, молча. Они слушали музыку и только позже заговорили о том, что оба испытали как физически, так и эмоционально. Выпили немного шампанского, а через какое-то время опять любили друг друга. И опять.

Несмотря на то, что призрак смерти постоянно омрачает каждый день, удовольствия и радости жизни могут быть так велики и так прекрасны, что сердце почти останавливается от восторга.

Из Вегаса по Рут 95 новобрачные и Эйнштейн направились на север через бескрайнюю Невадскую пустошь. Два дня спустя, в пятницу тринадцатого августа, они прибыли на озеро Тахо и подсоединили трейлер к системам электропитания и водоснабжения в автогородке с калифорнийской стороны границы.

Теперь Нора уже не так легко, как раньше, поражалась каждому новому пейзажу и свежему ощущению. Но озеро Тахо оказалось таким потрясающе красивым, что ее вновь охватил детский восторг. Оно было двадцать две мили в длину и двенадцать — в ширину. С западной стороны граничило с горами Сьерра-Невада, а с восточной — с хребтом Карсон. Его называли чистейшим озером мира, сверкающим бриллиантом с сотней потрясающих переливчатых оттенков голубого и зеленого.

Шесть дней Нора, Тревис и Эйнштейн бродили по лесам Эльдорадо, Тахо и Тоябскому национальному заповеднику — огромным первозданным сосновым, еловым и пихтовым массивам. Они катались на лодке по озеру, исследуя его райские бухточки и грациозные заливы. Загорали, купались, и Эйнштейн со свойственным всем псам энтузиазмом плескался в воде.

Иногда по утрам, бывало и днем, а чаще ночью Нора и Тревис занимались любовью. Она поражалась собственной чувственности. Нора никак не могла насытиться Тревисом.

— Я люблю тебя за твой ум и твое сердце, — говорила она ему, — но, Господи, помоги мне, я почти также люблю тебя за твое тело! Я что, развратная женщина?

— Конечно, нет. Просто молодая здоровая женщина. А если учесть образ жизни, который ты вела, то эмоционально ты здоровее, чем могла бы быть. Ты не перестаешь поражать меня.

— Сейчас мне хочется забраться на тебя верхом.

— Может быть, ты действительно развратная женщина, — рассмеялся Тревис.

В пятницу, двадцатого августа, ранним безоблачно-голубым утром они покинули озеро и направились дальше через штат к полуострову Монтерей. Там, где континентальный шельф встречается с морем, пейзаж был еще красивее, чем на Тахо, насколько это возможно. Тревис и Нора провели там четыре дня и в среду днем, двадцать пятого августа, двинулись домой.

На протяжении всего путешествия счастье супружеской жизни настолько захватило их, что они не так много, как прежде, думали о чуде, которым являлся Эйнштейн.

Но, когда они подъезжали к Санта-Барбаре, Эйнштейн напомнил им о своих удивительных способностях. Миль за сорок-пятьдесят от дома он вдруг заволновался. Пес без конца ерзал на сиденье между Норой и Тревисом, приподнимался ненадолго, затем клал голову Норе на колени и снова приподнимался. Когда оставалось миль десять, его начала бить дрожь.

— Что с тобой, мохнатая морда? — спросила Нора.

Глядя на нее выразительными коричневыми глазами, Эйнштейн отчаянно пытался сообщить ей что-то очень важное, но она не понимала его.

За полчаса до наступления темноты, когда они въехали в город, Эйнштейн начал попеременно тихо скулить и рычать.

— Что это с ним? — спросила Нора.

Нахмурившись, Тревис ответил:

— Не пойму.

Когда пикап въехал на дорогу, ведущую к дому, который снимал Тревис, и остановился в тени финиковой пальмы, ретривер начал лаять. Он никогда не лаял в машине, ни разу за все долгое путешествие. В тесноте салона лай гулко отзывался у них в ушах, но пес не унимался.

Когда Нора и Тревис вышли из автомобиля, Эйнштейн проскользнул между ними и, не переставая лаять, замер, преградив им дорогу.

Нора двинулась было вперед по направлению к входной двери, но Эйнштейн, громко рыча, пулей ринулся к ней. Он схватил ее зубами за штанину джинсов и попытался сбить с ног. Норе удалось удержать равновесие, но собака отпустила ее только тогда, когда та отступила назад.

— Что с ним происходит? — спросила она Тревиса.

Задумчиво глядя на дом, Тревис сказал:

— Он так вел себя в тот наш первый день в лесу... когда не давал мне пойти по темной тропинке.

Нора постаралась успокоить ретривера, приласкав его.

Но он не унимался. Когда Тревис, чтобы испытать его, попробовал двинуться к дому, Эйнштейн бросился на него и заставил вернуться на место.

— Подожди здесь, — сказал Тревис Норе и пошел обратно к трейлеру.

Эйнштейн бегал взад-вперед перед домом и, глядя на дверь и окна, рычал и скулил.

Солнце закатилось на запад и скрылось за морем, улица казалась спокойной, мирной и

во всех отношениях обычной — и все же Нора ощущала какую-то висящую в воздухе враждебность. Теплый ветер с Тихого океана, шелестя по пальмам, эвкалиптам и фикусо-вым деревьям, доносил звуки, которые в любой другой день были бы приятными, но сегодня казались зловещими. В длинных тенях, в последних оранжево-красных отблесках зари чувствовалась какая-то неясная угроза. Если бы не поведение пса, у Норы не было бы никаких причин полагать, что опасность где-то рядом, ее тревога шла не от разума, а была чисто интуитивного свойства.

Тревис вышел из трейлера, держа в руках большой револьвер. Все свадебное путешествие он пролежал незаряженным в ящике в спальне. Сейчас Тревис закончил заряжать его и щелкнул барабаном.

— Это необходимо? — обеспокоенно спросила Нора.

— В тот день в лесу кто-то был, — ответил Тревис, — и хотя я так никого и не видел... у меня волосы шевелились от страха. Да, думаю, револьвер может пригодиться.

Шелест деревьев и вечерние тени в какой-то степени позволяли ей понять, что пережил тогда в лесу Тревис, и ей пришлось согласиться, что присутствие револьвера ее несколько успокаивало.

Эйнштейн перестал метаться и вновь занял сторожевую позицию на дороге, преграждая им путь в дом.

Тревис обратился к ретриверу:

— Внутри кто-то есть?

Пес вильнул хвостом. *Да.*

— Люди из лаборатории?

Он пролаял один раз. *Нет.*

— То, другое подопытное животное, о котором ты нам рассказывал?

Да.

— Существо, преследовавшее нас тогда в лесу?

Да.

— Хорошо. Я иду в дом.

Нет.

— Нет, пойду, — настаивал Тревис. — Это мой дом, и мы не собираемся отсюда удираť, что бы там ни было.

Нора вспомнила фотографию в журнале, на которой был изображен монстр, вызвавший такую сильную реакцию собаки. Она не верила в реальность существа, даже отдаленно напоминающего это чудовище. Нора считала, что Эйнштейн преувеличивает или что они просто не сумели понять его рассказ об этой фотографии. Тем не менее Нора вдруг пожалела, что у них только револьвер и нет винтовки.

— Это «магнум 357», — объяснил Тревис псу. — Один выстрел, все равно в руку или ногу, может уложить самого рослого и самого опасного человека. Он будет чувствовать себя, как если бы в него попало пушечное ядро. У меня отличная стрелковая подготовка, и я много лет поддерживаю себя в хорошей форме. Я правда знаю, что делаю, и смогу справиться. И потом мы ведь не можем вызвать полицию, не правда ли? У них глаза вылезут на лоб от удивления при виде того, что они найдут дома; они начнут задавать кучу вопросов и рано или поздно тебя отправят обратно в эту чертову лабораторию.

Эйнштейну явно не нравилось решение Тревиса, но пес взобрался вверх по ступенькам и обернулся, как бы желая сказать: *«Ладно, хорошо, но одного я тебя туда не пушу»*.

Нора хотела пойти с ними, но Тревис был непреклонен, требуя, чтобы она осталась во дворе. Нора неохотно признала: поскольку у нее нет оружия, да и обращаться с ним она не умеет, помочь она ничем не может и будет только мешать.

Держа револьвер наготове, Тревис поднялся на крыльцо к Эйнштейну и вставил ключ в замок.

Тревис отпер замок, положил ключ в карман и толкнул дверь, держа перед собой револьвер; затем осторожно перешагнул через порог. Эйнштейн не отставал.

В доме было тихо, но в воздухе ощущался какой-то нехороший запах.

Пес тихонько зарычал.

В дом почти не проникали лучи быстро заходящего солнца — многие окна были частично или целиком зашторены. Но, несмотря на это, было достаточно светло, чтобы Тревис смог увидеть: диванная обивка изодрана. На полу валялись клочья материала. Деревянная журнальная полка разломана на куски: ее швырнули в стену, и она пробила дыры в пластике. Экран телевизора разбит брошенной в него напольной лампой, все еще воткнутой в сеть. Книги свалены с полок, разорваны и разбросаны по гостиной.

Несмотря на сквозняк, зловоние усиливалось.

Тревис включил свет. Зажглась только угловая лампа. От нее было немного света, но все же можно было разглядеть новые детали погрома.

«Похоже, кто-то прошел здесь сначала с бензопилой, а затем с газонокосилкой», — подумал он.

В доме по-прежнему было тихо.

Оставив дверь за собой открытой, Тревис вошел в комнату; смятые страницы изорванных книг шуршали у него под ногами. На некоторых листах и на обивке цвета слоновой кости он заметил темные, ржавые пятна и резко остановился, поняв, что это кровь.

Через мгновение глаза его наткнулись на труп. Это был крупный мужчина; он лежал на боку рядом с диваном, наполовину прикрытый перемазанными кровью книжными страницами, переплетами и суперобложками.

Рычание Эйнштейна стало громче.

Подойдя ближе к телу, распластавшемуся в нескольких дюймах от дверного проема, ведущего в столовую, Тревис увидел, что это его домовладелец Тед Хокни. Рядом с ним находился его ящик с инструментами. У Теда был ключ от дома, и Тревис разрешал ему заходить в любое время, когда надо было что-нибудь отремонтировать. Как раз сейчас в доме необходимо было кое-что привести в порядок вроде текущего крана и сломанной посудомоечной машины. Очевидно, Тед за этим и зашел. А сейчас он сам сломался, и починить его было невозможно.

Из-за ужасного зловония Тревис подумал было, что тело пролежало здесь по меньшей мере неделю. Но внимательнее осмотрев труп — а он не раздулся от газов, сопровождающих разложение, и вообще не было никаких признаков разложения, — Тревис определил: со времени убийства не могло пройти много времени. Может, день, а может, и меньше. Ужасающая вонь объяснялась двумя причинами: во-первых, Теда распотрошили; а во-вторых, убийца оставил рядом с телом свои испражнения.

У Теда Хокни были вырваны глаза.

Тошнота подступила к горлу Тревиса, и не только потому, что ему нравился Тед. Он точно так же чувствовал бы себя, окажись жертвой этой невероятной жестокости любой другой. Подобная смерть начисто лишала жертву достоинства и принижала весь человеческий род.

Тихое ворчание Эйнштейна перешло в громкое рычание, перемежающееся яростным лаем.

Чувствуя, как его колотит нервная дрожь и гулко бьется сердце, Тревис отвернулся от трупа и увидел, что ретривер пристально вглядывается в соседнюю комнату. Там было темно, поскольку на обоих окнах были плотно задернуты шторы и только слабый серый свет проникал туда из кухни.

«Уходи, немедленно уходи отсюда!» — приказал ему внутренний голос.

Но Тревис не повернулся и не понесся прочь, потому что за всю свою жизнь ни разу не удирает от опасности. Ну, допустим, это было не совсем так: последние годы, поддавшись отчаянию, он ведь убегал от самой жизни. Его уход в одиночество был самой настоящей

трусостью. Но это было раньше; сейчас Тревис — другой человек, Нора и Эйнштейн изменили его, и он не собирался снова пускаться в бегство, черт возьми.

Эйнштейн стоял неподвижно, выгнув спину, наклонив и вытянув вперед голову, и яростно лаял, так что слюна текла из пасти.

Тревис сделал шаг в сторону столовой.

Ретривер не отставал и лаял еще злее.

Держа револьвер перед собой и стараясь почерпнуть уверенность в этом мощном оружии, Тревис осторожно сделал еще один шаг среди предательского беспорядка. От дверного проема его отделяли каких-нибудь два-три шага. Он бросил беглый взгляд на унылую столовую.

Эхо разносило лай Эйнштейна по всему дому, казалось, что в доме целая свора собак.

Тревис сделал еще один шаг и заметил, как в темной столовой что-то шевельнулось.

Он замер.

Ничего. Никакого движения. Может быть, ему это только показалось?

Тени по ту сторону дверного проема напоминали серый и черный креп.

Тревис не был уверен, видел ли он какое-то шевеление или ему это только померещилось.

«Иди обратно, уходи немедленно», — говорил внутренний голос.

Не желая поддаваться ему, Тревис собрался было войти в дверь.

Существо в столовой слегка задвигалось. На этот раз его присутствие не оставляло никакого сомнения: оно метнулось из дальнего угла комнаты, вскочило на стол и с криком, от которого кровь стыла в жилах, бросилось на Тревиса. В темноте он разглядел светящиеся глаза и фигуру почти человеческого роста, в которой — несмотря на плохое освещение — чувствовалось какое-то уродство.

Эйнштейн бросился вперед ему наперерез, а Тревис попытался отступить на шаг назад, чтобы выиграть лишнюю секунду и выстрелить. Нажимая на курок, он поскользнулся на разбросанных на полу книгах и упал. Прогредел выстрел, но Тревис почувствовал, что промахнулся, попал в потолок. За мгновение, пока пес пробирался к своему противнику, Тревису удалось лучше разглядеть это существо с желтыми глазами, его лязгающие крокодильи челюсти и невероятно широко раскрытую пасть на бесформенной морде со зловещими кривыми клыками.

— Назад, Эйнштейн! — закричал он, понимая, что любое столкновение кончится тем, что это дьявольское создание разорвет собаку на куски. Лежа на полу, Тревис снова дважды нажал на курок.

Своим окриком и выстрелами он не только остановил Эйнштейна, но и вынудил врага к отступлению. Чудовище повернулось — быстро, гораздо быстрее кошки — и бросилось через неосвещенную столовую к двери, ведущей в кухню. На мгновение тусклый свет, проникающий из кухни, осветил его, и Тревис увидел нечто стоящее на двух ногах вопреки всему, с бесформенной головой, в два раза более крупной, чем следовало, сгорбленную спину и слишком длинные руки, оканчивающиеся когтями, напоминающими зубцы граблей.

Он снова выстрелил, на этот раз ближе к цели. Пуля вырвала кусок из дверной рамы.

Зверь с криком скрылся в кухне.

Что, Боже мой, это было? Откуда оно взялось? Действительно сбежало из той же лаборатории, что и Эйнштейн? Но как они сотворили такое чудовище? И зачем? *Зачем?*

Тревис был начитанным человеком: последние несколько лет он большую часть времени проводил за книгами, и ему в голову стали приходить возможные ответы. Среди них были и исследования в области рекомбинации ДНК.

Эйнштейн стоял посредине столовой и громко лаял, не сводя глаз с двери, за которой скрылось существо.

Поднявшись на ноги, Тревис подозвал пса, и тот быстро и охотно вернулся к нему.

Он сделал псу знак молчать и прислушался. С улицы доносился отчаянный крик Норы: она звала его по имени — а в кухне было тихо.

Чтобы успокоить Нору, Тревис крикнул:

— Со мной все в порядке! Со мной все в порядке! Оставайся на месте.

Собака дрожала.

Тревис слышал гулкие удары своего сердца и *почти* слышал, как по его лицу и поясице струится пот, но он не мог уловить ни единого звука, указывающего, где находится этот беглец из страшного кошмара. Тревис не думал, что тот выбежал через черный ход на задний двор. Во-первых, по его мнению, это существо хотело, чтобы его видело как можно меньше людей, и поэтому выходило только по ночам, передвигаясь исключительно в темноте, когда можно незаметно проскользнуть даже в такой достаточно большой город, как Санта-Барбара. А сейчас было еще слишком светло, чтобы покинуть дом. Более того, Тревис чувствовал: оно где-то рядом, подобно тому, как он ощущал, если ему смотрели в спину, как предугадывал приближение грозы в сырой день, когда на небе низко нависают тучи. Чудовище было здесь, это точно, затаилось в кухне, готовое напасть на него.

Тревис осторожно подкрался к двери и вошел в полутемную столовую.

Эйнштейн стоял рядом с ним, не ворчал, не рычал и не лаял. Казалось, пес понимает: Тревису нужна полная тишина, чтобы расслышать любой звук, издаваемый этой тварью.

Тревис сделал еще два шага вперед.

Через кухонную дверь ему были видны край стола, раковина, часть стойки и половина посудомоечной машины. Солнце садилось с другой стороны леса, и свет на кухне был тусклый, серый; их противник не сможет обнаружить себя тенью. Вероятно, он спрятался за дверью или забрался на одну из стоек, чтобы оттуда броситься на Тревиса, как только тот войдет в комнату.

Стараясь перехитрить эту тварь и надеясь, что она не колеблясь отреагирует на любое движение, Тревис засунул револьвер за пояс, тихонько поднял один из стульев, подошел к кухне на расстояние шести футов и швырнул им в открытую дверь. Пока стул летел в кухню, он выхватил из-за пояса револьвер и приготовился к стрельбе. Стул ударился о покрытый пластиком стол, упал на пол и отскочил к посудомоечной машине. Враг с желтыми глазами не попался на удочку. Никакого движения. Когда стул перестал кувыркаться, в кухне вновь воцарилась настороженная тишина.

Эйнштейн издавал какой-то странный дребезжащий звук, и через мгновение Тревис понял: это все из-за того, что пес не может сдержать дрожь.

Сомнения не было: незванный гость был тем самым монстром, который более трех месяцев назад преследовал их в лесу. За прошедшие недели он перебрался на север, вероятно, передвигаясь преимущественно по диким местам к востоку от обжитой части штата, каким-то непонятным Тревису образом и по совершенно неясным ему причинам упорно идя по следу собаки.

В ответ на брошенный стул за кухонной дверью на пол была сброшена белая эмалированная банка. Тревис от неожиданности отскочил назад и наугад выстрелил, прежде чем до него дошло: его дразнят. С банки слетела крышка, и по кафельному полу рассыпалась мука.

Снова воцарилась тишина.

Ответив на хитрость Тревиса своей уловкой, незванный гость обнаружил неожиданные умственные способности. Тревис вдруг понял, что, исходя из той же лаборатории, что и Эйнштейн, и будучи продуктом каких-то схожих экспериментов, это создание может быть таким же умным, как и ретривер. И это объясняло страх Эйнштейна перед ним. Если бы Тревис уже не свыкся с мыслью о том, что пес может обладать человеческим интеллектом, он не смог бы приписать этой твари нечто большее, чем просто животную хитрость; однако события нескольких последних месяцев подготовили его к тому, чтобы принять и быстро приспособиться к любым неожиданностям.

Тишина.

В револьвере остался только один патрон.

Мертвая тишина.

Тревис был так напуган падением банки, что даже не заметил, с какой стороны от дверного проема ее бросили, а она лежала так, что он не мог вычислить местонахождение пришельца. Тревис по-прежнему не знал, был ли тот справа или слева от двери.

Он не был уверен в том, что хочет знать, где чудовище. Даже с револьвером в руках не стоило входить в кухню. Не стоило, если эта тварь так же умна, как человек. Черт возьми, это смахивало бы на сражение с «мыслящей» циркулярной пилой.

Свет в выходящей на восток кухне быстро угасал, стало почти совсем темно. В столовой, где находились Тревис с Эйнштейном, тоже сгущались сумерки. Даже гостиная за ними, несмотря на открытую входную дверь, окно и угловую лампу, наполнялась тенями.

С кухни донесся звук, напоминающий свист вытекающего газа, за которым последовало клик-клик-клик, возможно, от постукивания острых когтей на ногах или руках монстра по твердой поверхности.

Тревис увидел, как дрожит Эйнштейн. Сам он чувствовал себя, как муха на краю паутины, обреченная попасть в ловушку.

Ему припомнилось избитое, окровавленное лицо Теда Хокни с пустыми глазницами.

Клик-клик.

Во время подготовки в группе «Дельта» Тревиса учили незаметно подкрадываться к человеку, и у него это неплохо получалось. Но вся трудность заключалась в том, что этот желтоглазый дьявол, может, и был так же хитер, как человек, но полагаться на то, что *он думает*, как человек, было нельзя. Тревис не мог знать, что тот предпримет в следующую минуту, как отреагирует на его действие. Поэтому он не мог перехитрить его, и благодаря своей чуждой природе существо обладало постоянным смертельно опасным преимуществом внезапности.

Клик.

Тревис тихо сделал шаг назад от открытой кухонной двери, затем еще один, ступая с величайшей осторожностью. Он не хотел, чтобы эта тварь поняла, что Тревис отступает, поскольку одному Богу известно, как она отреагирует, узнав о его намерениях. Эйнштейн тихонько прошел в гостиную, не меньше Тревиса желая увеличить расстояние между собой и пришельцем.

Дойдя до трупа Теда Хокни, Тревис отвел взгляд от столовой в поисках наименее грязного прохода к парадной двери — и заметил стоящую около кресла Нору. Испугавшись выстрелов, она взяла с кухни в трейлере разделочный нож и пришла узнать, не надо ли помочь.

Увидев Нору здесь, при тусклом свете угловой лампы, Тревис одновременно поразился ее храбрости и ужаснулся. Ему вдруг почудилось, что те кошмарные сны, в которых он терял обоих — Нору и Эйнштейна, — вот-вот сбудутся, снова вступит в силу проклятие Корнелла, так как сейчас они оба были в доме, были оба уязвимы, оба, возможно, находились в нескольких шагах от опасной твари, затаившейся на кухне.

Нора начала было что-то говорить.

Тревис покачал головой и поднес палец к губам.

Она замолчала, прикусила губу и перевела взгляд с него на лежащий на полу труп.

Осторожно пробираясь среди обломков и мусора, Тревис вдруг представил себе, что незванный гость выскочил через черный ход из дома и, рискуя в сумерках быть замеченным соседями, обходит его кругом, направляясь к передней двери, чтобы неожиданно проникнуть в дом с тыла. Нора стояла между Тревисом и передней дверью, и, если чудовище войдет с той стороны, он не сможет выстрелить; черт, оно набросится на Нору через секунду после того, как откроет дверь. Стараясь держать себя в руках и не думать о пустых глазницах на лице Хокни, Тревис быстро пересек гостиную, рискуя наступить на что-нибудь на полу и надеясь, что эти негромкие звуки не донесутся до пришельца, если он все еще в кухне. Дойдя до Нору, он схватил ее за руку и потащил к входной двери на крыльцо и вниз по ступенькам, поглядывая по сторонам и ожидая нападения этого ожившего кошмара, но его нигде не было видно.

Соседи по всей улице открыли двери, заслышав револьверные выстрелы и Норины крики. Некоторые вышли из дому. Наверняка кто-то уже вызвал полицию. А полиция была так же опасна для них, как и желтоглазая тварь, засевшая в доме.

Втроем они забрались в пикап. Нора заперла свою дверь, а Тревис свою. Он завел мотор и подал автомобиль и «Эйрстрим» назад с подъездной дороги на улицу. Тревис видел глазеющих на них людей.

Сумерки быстро сгущались, как это всегда бывает у океана. Небо на востоке было черным, над головой пурпурным и постепенно темнеющим багрово-красным на западе. Тревис был благодарен прикрытию ночи, хотя знал: желтоглазое чудовище радуется тому же.

Он проехал мимо любопытствующих соседей, ни с кем из которых так и не познакомился за годы своего добровольного затворничества, и свернул за первый же угол. Нора крепко держала Эйнштейна, и Тревис вел машину на предельно допустимой скорости. Прицеп позади них раскачивался и трясся.

— Что там случилось? — спросила Нора.

— Оно убило Хокни сегодня утром или вчера...

— Оно?

— ...И ждало, когда мы вернемся домой.

— Оно?

Эйнштейн заскулил.

Тревис сказал:

— Я тебе потом все объясню.

Он не был уверен в этом. Ни одно описание пришельца не сможет все передать; у него не хватит слов, чтобы рассказать, до какой степени он был странен.

Не проехали они и восьми кварталов, как услышали завывание сирен, доносящееся с того места, которое они только что покинули. Оставив позади еще четыре квартала, Тревис припарковался на пустой стоянке около какого-то учебного заведения.

— А теперь что? — спросила Нора.

— Мы бросим здесь пикап с трейлером, — ответил он. — Они будут их разыскивать.

Тревис сунул револьвер в ее сумочку, а Нора настояла на том, чтобы положить туда же и тесак, который он хотел оставить в машине.

Они вылезли из пикапа и в сгущающейся темноте прошли мимо здания школы, пересекли стадион, а затем через ворота в чугунной ограде вышли на фешенебельную улицу, вдоль которой росли высокие деревья.

С наступлением ночи ветерок превратился в сильный ветер, теплый и сухой. Он бросил в них несколько опавших листьев и поднял вверх, вдоль тротуара, пыльные призраки.

Тревис понимал, что даже без трейлера и пикапа они слишком заметны. Соседи расскажут полиции, что следует искать мужчину, женщину и золотистого ретривера — не слишком обычное трио. Их будут разыскивать, чтобы расспросить о смерти Теда Хокни, поэтому их поиск будет тщательным. Надо быстро скрыться из виду.

У него не было друзей, у которых можно было бы спрятаться. После смерти Паулы он отошел от всех своих немногочисленных приятелей и не поддерживал отношений ни с кем из агентов по продаже недвижимости, работавших у него раньше. У Норы благодаря Виолетте Девон тоже не было друзей.

В окнах большинства домов, мимо которых проходила тройца, горел свет, и они, казалось, насмехались над ней недостижимостью своих убежищ.

8

Гаррисон Дилворт жил на границе между Санта-Барбарой и Монтесито в живописном местечке с пышной растительностью, где ему принадлежали пол-акра земли и величественный дом в стиле Тюдор, который не очень сочетался с калифорнийской флорой, но зато прекрасно подходил самому адвокату. Когда он открыл дверь, на нем были черные

мокасины, серые слаксы, темно-синяя спортивная куртка, белая трикотажная рубашка, очки в черепаховой оправе, поверх которых он с удивлением, но, к счастью, без недовольства смотрел на незваных гостей.

— Ну, привет, молодожены!

— Вы одни? — спросил Тревис, когда он, Нора и Эйнштейн вошли в просторный холл с мраморным полом.

— Один? Да.

По дороге Нора рассказала Тревису, что жена адвоката умерла три года назад и сейчас за ним присматривает экономка по имени Глэдис Мерфи.

— А миссис Мерфи? — спросил Тревис.

— У нее сегодня выходной, — ответил адвокат, закрывая за ними дверь. — Вы неважно выглядите. Что случилось?

— Нам нужна помощь, — сказала Нора.

— Но, — предупредил Тревис, — каждый, кто помогает нам, рискует навлечь на себя неприятности.

— Что вы натворили? Судя по вашему мрачному виду, я бы предположил, что вы похитили президента.

— Мы не сделали ничего предосудительного, — уверила его Нора.

— Нет, сделали, — не согласился с ней Тревис. — И продолжаем делать: мы прячем собаку.

Гаррисон озадаченно посмотрел на ретривера.

Эйнштейн заскулил, глядя к случаю достаточно несчастным и очаровательным.

— А кроме того, в моем доме находится труп, — сказал Тревис.

— Труп?

— Тревис его не убивал, — уточнила Нора.

Гаррисон снова взглянул на пса.

— Собака тоже не убивала, — сказал Тревис. — Но меня будут разыскивать в качестве свидетеля или что-то в этом роде, это уж точно.

— Гм-м... — произнес адвокат. — Может быть, мы пройдем в мой кабинет и вы мне все расскажете?

Он провел их через громадную и только наполовину освещенную гостиную, по короткому коридору в кабинет с роскошными панелями из тикового дерева и медно-красным потолком. Темно-бордовые кожаные кресла и диван, стоящие в кабинете, выглядели очень дорогими и удобными. Полированный письменный стол из тикового дерева был массивным, в углу его возвышалась модель пятимачтовой шхуны со всем парусным снаряжением. Стены кабинета были украшены различными корабельными принадлежностями: рулевое колесо, латунный секстант, резной бычий рог, наполненный жиром, в котором лежали парусные иглы, шесть видов корабельных ламп, колокольчик рулевого и морские карты. Тревис увидел фотографии мужчины и женщины на различных парусных шляпках. В мужчине он узнал Гаррисона.

На журнальном столике рядом с одним из кресел лежала раскрытая книга, рядом наполовину пустой стакан виски. Очевидно, Гаррисон отдыхал, когда раздался звонок в дверь. Он предложил им выпить, и оба они согласились, оставляя за хозяином право выбрать им напиток по своему усмотрению.

Адвокат усадил Тревиса и Нору на диван, а Эйнштейн занял второе кресло. Он скорее сидел на нем, чем лежал, как бы готовясь принять участие в беседе.

У углового бара Гаррисон налил в два стакана «Шивас Ригал» со льдом. Нора обычно не употребляла виски и очень удивила Тревиса, опорожнив свой стакан за два глотка и попросив еще. Он решил, что она права, и последовал ее примеру, а затем отнес пустой стакан к бару, где Гаррисон наполнил Норин стакан.

— Я хотел бы рассказать вам все и попросить о помощи, — сказал Тревис, — но вы действительно должны понять, что можете оказаться по другую сторону закона.

Закрывая бутылку, Гаррисон сказал:

— Вы сейчас говорите как непрофессионал. Я адвокат, и, уверяю вас, закон — это не линия, выгравированная на мраморе, неподвижная и не меняющаяся веками. Скорее... закон похож на пружину, закрепленную с двух сторон, но с большой степенью свободы — она очень слабо натянута, — и вы можете растягивать ее и так и эдак, исправить ее дугу таким образом, что вы почти всегда — за исключением случаев очевидного воровства или хладнокровного убийства — будете в безопасности по эту сторону закона. В это трудно поверить, но это так. Я не боюсь узнать от вас нечто, что может привести меня в тюремную камеру, Тревис.

Полчаса спустя Тревис и Нора уже рассказали ему все об Эйнштейне. Для человека, которому через пару месяцев должен был исполниться семьдесят один год, седовласый адвокат обладал быстрым и восприимчивым умом. Десятиминутной демонстрации сверхъестественных способностей собаки было достаточно, чтобы он отбросил все сомнения, уверовал в увиденное и изменил свое представление о том, что нормально и возможно в этом мире.

Сидя в большом кожаном кресле, держа Эйнштейна на коленях и нежно почесывая его за ухом, Гаррисон сказал:

— Если вы привлечете прессу, соберете прессконференцию и предадите это дело огласке, вероятно, удастся через суд добиться, чтобы собака осталась у вас.

— Вы правда думаете, что это возможно? — спросила Нора.

— В лучшем случае, — признался Гаррисон, — наши шансы составляют пятьдесят процентов.

Тревис покачал головой:

— Нет. Мы не пойдем на такой риск.

— Что вы хотите предпринять? — спросил Гаррисон.

— Бежать, — ответил Тревис. — Будем все время переезжать.

— И что это даст?

— Эйнштейн останется на свободе.

Пес твякнул в знак согласия.

— На свободе, но на сколько? — поинтересовался Гаррисон.

Тревис, слишком взволнованный, чтобы усидеть на месте, поднялся и принялся расхаживать взад-вперед по комнате.

— Они не перестанут его искать, — признал он. — По крайней мере еще несколько лет.

— Конечно, нет, — проговорил адвокат.

— Хорошо, это будет нелегко, но это единственное, что мы можем сделать. Будь я проклят, если позволю им забрать его. Пес страшно боится лаборатории. Кроме того, он более или менее вернул меня к жизни...

— А меня спас от Стрека, — сказала Нора.

— Он свел нас вместе, — сказал Тревис.

— Изменил наши жизни.

— Радикальным образом изменил нас самих. Сейчас он неотъемлемая часть нашей жизни, как если бы он был нашим ребенком, — сказал Тревис. От избытка чувств у него комок застрял в горле, когда он встретился глазами с благодарным взглядом Эйнштейна. — Мы будем бороться за него так же, как он боролся бы за нас. Мы — семья. Мы будем жить вместе... или умрем вместе.

Поглаживая ретривера, Гаррисон сказал:

— Вас будут искать не только люди из лаборатории. И не только полиция.

— То существо, — кивнул Тревис.

Эйнштейн вздрогнул.

— Ну, ну, спокойно, — проговорил Гаррисон, похлопывая собаку. Обращаясь к Тревису, он сказал: — Как вы думаете, что это за существо? Я помню ваше описание, но оно не многое объясняет.

— Что бы это ни было, — сказал Тревис, — это не Божьих рук дело. Его создали люди. А значит, оно должно быть продуктом каких-то исследований в области рекомбинации ДНК. Бог его знает, чем руководствовались экспериментаторы, почему им понадобилось создать что-то вроде него. Но они его создали.

— И, похоже, он обладает сверхъестественными способностями находить вас.

— Находить Эйнштейна, — уточнила Нора.

— Нам придется уехать, — проговорил Тревис. — Уехать далеко.

— Вам понадобятся деньги, а банки откроются не раньше чем через двенадцать часов, — заметил Гаррисон. — Что-то подсказывает мне: если вы хотите бежать, то надо отправляться сегодня.

— Здесь вы можете нам помочь, — сказал ему Тревис.

Нора открыла сумочку и вынула две чековые книжки, свою и Тревиса.

— Гаррисон, мы бы хотели выписать на ваше имя два чека, один — я, а другой — Тревис. У Тревиса на текущем счету только три тысячи, но в банке у него хранятся крупные сбережения, и часть денег переводится оттуда на текущий счет, чтобы не превышать кредит. Так же обстоит дело и с моими счетами. Если мы выпишем вам один чек со счета Тревиса на двадцать тысяч — завизированный задним числом, как бы до всех этих неприятностей — и один с моего счета тоже на двадцать тысяч, вы могли бы зачислить общую сумму на свой счет. Когда все будет сделано, вы купите восемь банковских чеков на пять тысяч каждый и пришлете их нам.

Тревис сказал:

— Полиция начнет разыскивать меня для дачи показаний, но им будет известно, что я не убивал Теда Хокни, ибо *ни один человек* не смог бы так его распотрошить. Поэтому вряд ли арестуют мои счета.

— Если за исследованиями, в результате которых появились Эйнштейн и это существо, стоит ФБР, — сказал Гаррисон, — они попытаются во что бы то ни стало найти вас, и *они* могут заморозить ваши счета.

— Вероятно. Но скорее всего не сразу. Вы живете в том же городе, и ваш банк не позднее понедельника переведет деньги с моего счета на ваш.

— И как вы будете обходиться без денег, пока я не перешлю ваши сорок тысяч?

— У нас есть немного наличными, а также дорожные чеки, которые остались с медового месяца, — ответила Нора.

— И у меня еще есть кредитные карточки, — добавил Тревис.

— Они могут выследить вас по вашим кредитным карточкам и дорожным чекам.

— Я знаю, — сказал Тревис. — Поэтому буду пользоваться ими только в тех местах, где мы не собираемся задерживаться, и удирать оттуда как можно скорее.

— Когда у меня на руках будут банковские чеки на сорок тысяч, куда мне их вам переслать?

— Мы вам позвоним, — сказал Тревис, возвращаясь к дивану и усаживаясь рядом с Норой. — Мы что-нибудь придумаем.

— А как быть с остальными вкладами: вашими и Норы?

— С теми решим позже, — ответила она.

Гаррисон нахмурился.

— Прежде чем уйти, Тревис, вам необходимо подписать письмо, где вы даете мне право представлять вас в любых вопросах, которые могут возникнуть. Если кто-нибудь попытается заморозить ваши счета или Норины, я, по возможности, постараюсь это оспорить, хотя до тех пор, пока полицейские не выйдут на меня, не буду высовываться.

— Вероятно, Норины вклады пока в безопасности. Ни она, ни я никому, кроме вас, не говорили о нашей женитьбе. Соседи сообщат полиции, что я уехал вместе с какой-то женщиной, но им неизвестно, кто она такая. Вы кому-нибудь о нас рассказывали?

— Только моей секретарше миссис Эшкрофт. Но она не из болтливых.

— Тогда все в порядке, — сказал Тревис. — Не думаю, что власти что-нибудь

разузнают о нашей женитьбе, и пройдет немало времени, прежде чем они доберутся до Норы. Но, когда это произойдет, они выяснят, что вы ее адвокат. Если они проверят мои вклады и счета в надежде уточнить, куда я подевался, им станет известно о двадцати тысячах, которые я вам заплатил, и тогда они выйдут на вас.

— Это меня совершенно не смущает, — проговорил Гаррисон.

— Возможно, и нет, — сказал Тревис. — Но, как только установят существование связи между мной и Норой и между нами двумя и вами, они начнут за вами следить. Когда это случится... если мы вам позвоним, вы должны будете сразу же сообщить нам об этом, чтобы мы немедленно прекратили разговор и прервали с вами всякие отношения.

— Это я отлично понимаю, — заметил поверенный.

— Гаррисон, — сказала Нора, — вам вовсе не обязательно ввязываться во все это. Мы от вас слишком много требуем.

— Дорогая моя, мне скоро исполнится семьдесят один год. Мне пока еще доставляет удовольствие моя практика, и я пока еще продолжаю плавать... но, по правде говоря, жизнь в последнее время кажется мне несколько скучноватой. Это дело — как раз то, что мне нужно, чтобы заставить кровь в жилах бежать чуть побыстрее. И главное, я считаю, вы обязаны помочь Эйнштейну остаться на свободе, и не только из-за того, что рассказали мне, но еще потому, что... у человечества нет никакого права использовать накопленный гений для создания другого разумного вида и затем обращаться с ним как со своей собственностью. Если мы достигли такого уровня, что можем творить, как Господь Бог, то должны научиться и поступать, как он: справедливо и милосердно. А в этом деле справедливость и милосердие требуют, чтобы Эйнштейн был свободным.

Пес поднял голову с колен Гаррисона, с любовью взглянул на него и ткнулся своим холодным носом ему в подбородок.

В гараже Гаррисона, рассчитанном на три машины, находились новый черный «Мерседес-560 SEL», белый «Мерседес-500 SEL» с голубым салоном и зеленый джип, которым он пользовался в основном для поездок к месту стоянки своей яхты.

— Белый раньше принадлежал Франсине, моей жене, — пояснил адвокат, подводя их к машине. — Сейчас я им почти не пользуюсь, но он на ходу. Я иногда езжу на нем, чтобы покрышки не застаивались. После смерти Фрэнни мне нужно было бы избавиться от него. Это все-таки была ее машина. Но... она так любила свой шикарный белый «Мерседес»... я помню, как она выглядела за рулем... мне хотелось бы, чтобы вы им воспользовались.

— Бежать на машине стоимостью в шестьдесят тысяч долларов? — сказал Тревис, проводя ладонью по полированной поверхности капота. — Это пижонство.

— Никто не будет искать эту машину, — сказал Гаррисон. — Даже если в конце концов обнаружится связь между мной и вами, никто не догадается, что я дал вам один из своих «Мерседесов».

— Это слишком дорогой автомобиль, мы не можем его принять, — сказала Нора.

— Тогда возьмите его напрокат, — предложил Гаррисон. — Когда у вас появится своя машина, оставьте мою где-нибудь: на автобусной станции или в аэропорту — и сообщите мне, где она находится. Я пришлю за ней кого-нибудь.

Эйнштейн поставил лапы на переднюю дверцу «Мерседеса», заглянул внутрь автомобиля сквозь боковое стекло и, оглянувшись на Тревиса и Нору, твякнул, как бы говоря, что они будут дураками, если откажутся от такого предложения.

9

В пятнадцать минут одиннадцатого в среду вечером они выехали на белом «Мерседесе» из дома Гаррисона на Рут № 101, ведущую в северном направлении. К половине первого они миновали Сан-Луис-Обиспо, в час ночи — Пасо Роблес. В два часа они притормозили на заправочной станции самообслуживания. До Салинаса оставался час езды.

Нору угнетало чувство собственной бесполезности. Она даже не могла сменить Тревиса за рулем, поскольку не умела водить машину. В какой-то мере в этом была скорее виновата Виолетта Девон, а не сама Нора — еще одно следствие жизни, проведенной взаперти; тем не менее она ощущала свою никчемность, и это расстраивало ее. Но Нора не собирается оставаться такой беспомощной — нет! Она будет водить машину и сможет обращаться с оружием. Тревис обучит ее и тому и другому. У него достаточно опыта, чтобы научить ее также боевым искусствам рукопашного боя, таким, как дзюдо или карате. Он хороший педагог. Тревис ведь так хорошо обучил ее искусству любви. От этой мысли Нора улыбнулась, и вскоре дурное настроение покинуло ее.

На протяжении следующих двух с половиной часов, за которые они миновали Салинас и выехали на трассу, ведущую на север к Сан-Хосе, Нора временами засыпала. В те минуты, когда бодрствовала, она с удовлетворением считала мили, остающиеся позади. По обеим сторонам шоссе в бледном свете луны простирались нескончаемые пашни. Когда луна скрывалась, им приходилось проезжать длинные участки погруженной во тьму трассы, прежде чем попадалось освещенное окно одинокой фермы или сгрудившиеся у обочины строения придорожных служб.

Желтоглазая тварь, которая шла по следу Эйнштейна с предгорья Санта-Аны в графстве Ориндж в Санта-Барбаре, за три месяца преодолела расстояние, составлявшее по прямой сто двадцать пять миль, что примерно равнялось тремстам милям пешим ходом по дикой местности. Не так уж быстро. Значит, когда они удалятся на триста миль по прямой от Санта-Барбары и найдут себе убежище в районе залива Сан-Франциско, вероятно, их преследователь нагонит их только через семь-восемь месяцев. А возможно, он вообще не найдет их. Сможет ли он определить местонахождение Эйнштейна на таком расстоянии? Наверняка есть предел его способности чують собаку. Наверняка.

10

В одиннадцать часов утра в четверг Лемюэль Джонсон стоял в спальне дома Тревиса в Санта-Барбаре. Зеркало над туалетным столиком было разбито вдребезги. Все остальные вещи в комнате были также перебиты и перевернуты: создавалось впечатление, что Аутсайдер пришел в невероятную ярость, видя, что пес живет в комфортной домашней обстановке, в то время как он сам вынужден бродить по дикой местности и жить в довольно суровых условиях.

Среди обломков, покрывавших пол, Лем нашел четыре фотографии в серебристых рамках, которые до этого, вероятно, стояли на туалетном столике или на прикроватных тумбочках. На первой, цветной, фотографии был изображен Корнелл в обществе привлекательной блондинки. Лем уже достаточно много знал о Тревисе и сразу определил, что это его покойная жена Паула. На второй, черно-белой, фотографии была запечатлена пожилая чета — родители Корнелла, — предположил Лем. На третьей, тоже довольно старой, был мальчик лет одиннадцати-двенадцати. Возможно, сам Тревис Корнелл, а скорее всего — его погибший брат.

С последней фотографии на Лема смотрела группа улыбающихся солдат, разместившихся на деревянных ступеньках казармы. Одним из них был Тревис Корнелл. На униформе некоторых ребят были нашивки группы «Дельта» — элитного подразделения по борьбе с терроризмом.

В задумчивости поставив последнюю фотографию на туалетный столик, Лем направился в гостиную, где Клифф продолжал копаться в забрызганных кровью обломках. Он искал то, что не представит интереса для полиции, но может много поведать сотруднику службы безопасности.

УНБ не сразу начало заниматься делом об убийстве в Санта-Барбаре — Лем, например, вообще ничего не знал до шести утра. В результате пресса уже успела растрезвонить все мрачные подробности убийства Теда Хокни. Репортеры с энтузиазмом распространяли

различные версии о причинах гибели Хокни, придерживаясь в основном мысли о том, что Корнелл держал у себя дома экзотическое и опасное животное, например гепарда или пантеру, которое напало на ничего не подозревающего Теда, когда тот зашел в дом. В средствах массовой информации прошли со смаком сделанные снимки разодранных в клочья и забрызганных кровью книг. Версии такого рода придерживались и в «Нейшнл Инквайерер» — что, впрочем, не удивило Лема, поскольку, по его мнению, линия, разделяющая сенсационные издания типа «Инквайерера» и официальные средства массовой информации — особенно электронные, — намного тоньше, чем думают многие журналисты.

Лем уже подготовил и запустил в работу кампанию по дезинформации, направленную на поддержку раздуваемой прессой истерии по поводу «диких животных». В соответствии с этим планом в публике должны появиться платные агенты УНБ, утверждающие, что лично знали Корнелла и что, помимо собаки, он держал у себя в доме пантеру. Другие агенты, которые представятся знакомыми Корнелла, будут с горечью в голосе говорить, что они настойчиво советовали ему удалить у зверя клыки и когти, когда тот был еще детенышем. Получив такие заявления, полиция захочет допросить Корнелла и его неизвестную спутницу насчет пантеры и ее нынешнего местонахождения.

Лем был уверен, что таким образом удастся отвлечь прессу от расследований, которые могут приблизить ее к истине.

Разумеется, об убийстве станет известно Уолту Гейнсу в графстве Ориндж, который, конечно, по своим каналам свяжется со здешними властями и быстро сообразит: Аутсайдер пробрался далеко на север. Лем с облегчением подумал, что Уолт на его стороне.

Войдя в гостиную, Лем спросил у Клиффа Соамса:

— Нашел что-нибудь?

Молодой человек поднялся с обломков, похлопал ладонью о ладонь, сбивая пыль, и сказал:

— Ага. Посмотрите там, на обеденном столе.

Лем проследовал за ним в столовую, где на столе лежал блокнот в переплете из металлических колец. Открыв блокнот, он увидел, что на страницах слева наклеены цветные фотографии из журналов, а напротив каждой картинки на правой странице большими печатными буквами написано название изображенного предмета: ДЕРЕВО, ДОМ, МАШИНА...

— Что скажете? — спросил Клифф.

Скривившись, Лем продолжал молча перелистывать блокнот, чувствуя, что наткнулся на что-то важное. Тут его осенило:

— Это букварь. Для обучения чтению.

— Точно, — сказал Клифф.

Лем увидел улыбку на лице своего помощника.

— Они знают о способностях собаки и хотят раскрыть их поглубже. И они... решили научить ее читать.

— Похоже на то, — сказал Клифф, все еще улыбаясь. — Боже правый, неужели это правда? Неужели ее можно научить читать?

— Без сомнения, — сказал Лем. — Между прочим, обучение чтению стояло в программе эксперимента доктора Вэтерби на эту осень.

Тихо засмеявшись, Клифф произнес:

— Черт меня побери.

— Чем скалить зубы, лучше попробуй оценить ситуацию. Этот парень, Корнелл, осознал, что собака необыкновенно умна. Возможно, он уже научил ее читать. Можно также предположить, что Тревис нашел способ с ней общаться. И уже знает, что это экспериментальное животное. Кроме того, Корнелл понимает: на поиски этой собаки задействовано множество людей.

Клифф сказал:

— У него, несомненно, есть сведения об Аутсайдере. Пес наверняка сообщил ему об

этом.

— Да. И, зная все это, Корнелл тем не менее решил не предавать дело огласке. Он мог продать эти сведения — покупатель бы нашелся. Но не сделал этого. Ему легко было поднять на ноги всю прессу и обвинить Пентагон в финансировании такого рода исследований.

— Но Корнелл этого не сделал, — сказал Клифф, нахмурившись.

— Это значит, что он предан собаке, хочет держать ее у себя и не отдаст никому другому.

Кивнув, Клифф сказал:

— Если то, что нам стало известно, правда, то так оно и есть. Я хочу сказать, что этот парень еще в молодости потерял всю свою семью. Через год после свадьбы умерла жена. Все его друзья по группе «Дельта» погибли. Он замкнулся и превратился в одиночку. Наверное, здорово страдал от этого. И тут появляется собака...

— Все точно, — сказал Лем. — Для человека, служившего в группе «Дельта», не составит труда перейти на нелегальное положение. А если мы его все-таки найдем, собаку Корнелл так просто не отдаст. А драться он умеет.

— Насчет его пребывания в группе «Дельта» у нас еще нет подтверждения, — с надеждой в голосе произнес Клифф.

— У меня оно есть, — проговорил Лем и рассказал ему о виденной в спальне фотографии.

— Тогда мы здорово вляпались, — вздохнул Клифф.

— По самую шею, — подтвердил Лем.

11

К шести часам утра в четверг они добрались до Сан-Франциско, а в половине седьмого нашли подходящий мотель — низкое строение, на вид очень чистое и современное. Домашних животных туда не допускали, но им не составило труда тайком провести Эйнштейна в свой номер.

Несмотря на небольшую, но все-таки реальную опасность того, что на имя Тревиса в полиции мог быть выписан ордер на арест, он зарегистрировался в книге проживающих под своим настоящим именем. Впрочем, выбирать не приходилось, поскольку у Норы вообще не было с собой никаких документов: ни кредитных карточек, ни водительского удостоверения. Регистраторы в гостиницах, конечно, с удовольствием принимали наличные, но требовали удостоверение личности, так как данные о постояльцах необходимо было вносить в компьютер гостиничной сети.

Тревис, однако, сообщил клерку вымышленные номера и марку своей машины, для чего предусмотрительно припарковал ее так, чтобы она не была видна от стойки регистрации.

Они заплатили за одну комнату и взяли с собой Эйнштейна: любовью они все равно заниматься не могли — Тревис едва успел поцеловать Нору, как тут же от усталости погрузился в глубокий сон. Ему снились существа с желтыми глазами, уродливыми мордами и крокодильими челюстями, утыканными акульими зубами.

Тревис проснулся через пять часов, в двенадцать десять пополудни.

Нора была уже на ногах. Она приняла душ, но, поскольку смены платья у нее не было, надела на себя ту же одежду, в которой приехала в мотель. Волосы у нее были еще мокрые и, прилипая к шее, делали ее очень соблазнительной.

— Вода очень горячая, и напор хороший, — заметила Нора.

— У меня тоже, — сказал Тревис, принимаясь ее целовать.

— Тогда остынь немного, — произнесла она, отодвигаясь от него. — Маленькие ушки — на макушке.

— Эйнштейн? У него большие уши.

Войдя в ванную, он увидел, что пес взобрался на полку рядом с умывальником и пьет холодную воду, которую Нора набрала для него в раковину.

— Знаешь ли, мохнатая морда, для большинства собак туалет — прекрасный источник питьевой воды.

Ретривер чихнул, спрыгнул с полки и не спеша вышел из ванной комнаты.

У Тревиса с собой не было принадлежностей для бритья. К тому же он решил, что однодневная щетина придаст ему подходящий вид для того дельца, которое ему предстояло совершить вечером в районе Тендерлойн.

Покинув мотель, они остановились у первого попавшегося «Макдональдса». Перекусив, поехали в местное отделение банка Санта-Барбары, где у Тревиса был счет. Воспользовавшись компьютерной банковской карточкой, а также карточками «Мастеркард» и «Виза», они сняли наличными одну тысячу четыреста долларов. Затем отправились в офис «Америкэн Экспресс» и с помощью одного из чеков Тревиса, а также карточки «Голд Кард» получили максимально возможную сумму в пятьсот долларов наличными и еще четыре тысячи пятьсот долларов дорожными чеками. Прибавив эти деньги к двум тысячам ста долларам наличными и дорожным чекам, остававшимся у них после медового месяца, они имели в своем распоряжении восемь тысяч пятьсот долларов, которыми могли располагать без дальнейших проволочек.

Во второй половине дня и вечером Нора и Тревис вместе с Эйнштейном поехали по магазинам. Пользуясь кредитными карточками, они купили полный набор багажных сумок и достаточное количество одежды, чтобы их наполнить. Приобрели туалетные принадлежности и электробритву для Тревиса.

Он еще купил игру «Скрэббл», на что Нора сказала:

— Тебе еще и поиграть хочется?

— Нет, — ответил Тревис, довольный тем, что та не догадывается о цели этой покупки. — Я тебе потом объясню.

За полчаса до захода солнца, поместив все свои покупки в просторный багажник «Мерседеса», они двинулись в глубь Тендерлойна — части Сан-Франциско, расположенной за улицей О'Фаррелл и входящей клином между Маркет-стрит и Ван-Несс-авеню. Это был район сомнительных баров с полуголыми танцовщицами, заведений, где на сцену выходили девицы вообще без одежды, а также салонов, в которых мужчины платили за то, чтобы посидеть за столиком с обнаженными молодыми девушками и поговорить о сексе, и дело обычно не заканчивалось только разговорами.

Весь этот грубый разврат шокировал Нору, которая уже вообразила себя опытной и многое повидавшей женщиной. Она не была готова увидеть такую клоаку. Открыв рот, Нора смотрела на яркие неоновые вывески, рекламирующие пип-шоу,¹ женскую борьбу в грязевых ваннах, женщин-пародисток, бани для гомосексуалистов и массажные салоны. Некоторые вывески озадачивали ее, и тогда она спрашивала:

— А что они хотели сказать этой надписью: «Поднеси к носу розочку»?

Высматривая место для парковки, Тревис ответил:

— Это значит, что девушки танцуют совершенно обнаженными и во время танца пальцами раздвигают половые губы, чтобы показаться во всей красе.

— Не может быть!

— Может.

— Боже. Я этому не верю. То есть я верю, но этого не может быть. Что — совсем крупным планом?

— Девушки танцуют прямо на столиках у клиентов. Законом запрещено дотрагиваться до них, но девушки бывают совсем рядом с посетителем, размахивая голыми грудями у них перед носом. Между их сосками и губами смотрящих на них мужчин едва ли можно просунуть сложенный втрое листок бумаги.

На заднем сиденье Эйнштейн фыркнул от отвращения.

— Согласен с тобой, парень, — сказал ему Тревис.

¹ Салоны, где клиент, глядя в глазок, наблюдает «живые» или заснятые на пленку порнографические сцены. — *Прим. пер.*

Они проехали мимо заведения, на фасаде которого мигали красные и желтые лампочки и перекатывались голубые и пурпурные неоновые полосы. Надпись у входа гласила: «ЖИВОЕ СЕКС-ШОУ».

Нора в ужасе спросила:

— А что, бывают «мертвые» секс-шоу?

Тревис так захохотал, что чуть было не врезался во впереди идущую машину, битком набитую желторотыми школьниками.

— Нет, нет. Даже в Тендерлойне есть свои пределы. Слово «живое» используется, когда хотят сказать, что шоу демонстрируется на сцене перед публикой, а не записано на пленку. Тут полно секс-кинотеатров, в которых показывают только порнографию. Но в этом заведении все происходит «живьем». Я, правда, сомневаюсь, что это правда.

— А мне наплевать, правда это или нет! — сказала Нора голосом Дороти из Канзаса, которая только что попала в неведомую ранее часть страны Оз. — И вообще, что мы здесь делаем?

— Сюда приезжают, когда хотят купить то, что не продается в других местах, например, молоденьких мальчиков или большие партии наркотиков. А также фальшивые водительские удостоверения и поддельные документы.

— А, — произнесла она. — Теперь понятно. Эту часть города контролирует организованная преступность по типу семьи Корлеоне из «Крестного отца».

— Полагаю, мафия контролирует большую часть этих заведений, — подтвердил Тревис, ставя автомобиль у обочины. — Но не думай, что настоящая мафия состоит из благородных героев, подобных Корлеоне.

Эйнштейн согласился посидеть в «Мерседесе».

— Вот что, мохнатая морда, — сказал Тревис. — Если нам повезет, мы тебе тоже выправим новый документ. В нем будет записано, что ты — пудель.

Нора с удивлением обнаружила, что с наступлением сумерек с моря подул холодный ветер, заставивший их облачиться в теплые нейлоновые куртки, купленные днем.

— Даже летом ночи здесь холодные, — сказал Тревис. — Скоро опустится туман. Городское тепло, накопленное за день, притянет его с моря.

Тревису в любом случае пришлось бы надеть куртку, так как нужно было прикрыть от посторонних глаз заткнутый за пояс револьвер.

— Тебе в самом деле может понадобиться оружие? — спросила Нора, когда они зашагали прочь от машины.

— Не думаю. Я прихватил его с собой в основном в качестве удостоверения личности.

— Что-что?

— Сама поймешь.

Она оглянулась в сторону «Мерседеса» и увидела Эйнштейна, с брошенным видом смотревшего через заднее стекло. Ей стало не по себе оттого, что они не взяли его с собой. «С другой стороны, — подумала Нора, — посещение таких заведений (даже если туда пускают собак) может нанести ему моральную травму».

Тревиса интересовали только те бары, где вывески были написаны по-английски и по-испански или только по-испански. Некоторые заведения имели довольно обшарпанный вид и откровенно выставляли напоказ облупившуюся краску и сбившиеся ковровые дорожки; другие же пытались скрыть свою тараканью сущность с помощью зеркал и ярких огней. По-настоящему дорогих и чистых баров было немного. В каждом из таких мест Тревис заговаривал по-испански с барменом или с музыкантами, когда у тех был перерыв, и некоторым из них раздавал сложенные двадцатидолларовые купюры. Не зная испанского, Нора не могла понять, о чем он беседует с этими людьми и почему платит им деньги.

Когда они вышли на улицу в поисках очередного такого заведения, Тревис объяснил ей, что в основном незаконными иммигрантами являются мексиканцы, сальвадорцы и никарагуанцы — люди, бегущие от экономического хаоса и политических репрессий.

Поэтому на рынке поддельных документов испаноговорящих нелегалов гораздо больше, чем вьетнамцев, китайцев и всех других национальностей вместе взятых.

— Поэтому самый простой путь выйти на изготовителя поддельных документов лежит через латино-американский уголовный мир.

— У тебя уже есть кто-нибудь на примете?

— Нет еще. Так, по мелочам. Вполне вероятно, девяносто девять процентов сведений, за которые я заплатил, — ерунда или вранье. Но не волнуйся — мы найдем то, что ищем. На этом и держится Тендерлойн — люди, которые сюда приезжают, всегда находят то, что ищут.

Окружающая публика удивила Нору. На улицах, в барах с полуголыми танцовщицами можно было встретить кого угодно: азиатов, латиноамериканцев, белых, чернокожих, даже индийцев, смешавшихся в полуалкогольном тумане, — казалось, что расовая гармония стала положительным следствием коллективного поиска греховных наслаждений. Она видела ребят бандитской наружности в кожаных куртках и джинсах — именно таких, каких и ожидала встретить здесь, но были и другие — одетые в приличные костюмы, выпускники университетов, парни, выглядящие настоящими ковбоями, и пляжные мальчики, как будто сошедшие с кадров старых фильмов Анетты Фунигелло. Бродяги сидели на тротуарах или стояли на углах улиц — небритые личности в зловонных лохмотьях, но даже у обладателей дорогих костюмов в глазах был такой нехороший блеск, что хотелось сразу же бежать от них. У большинства людей, однако, был вполне благопристойный вид — в обычных обстоятельствах они вполне могли бы сойти за добропорядочных граждан. Нору это поразило.

За столиками в барах женщин было немного, вернее, их было достаточно, но выглядели они даже более вызывающе, чем голые танцовщицы. Только некоторые из них, казалось, пришли сюда не для того, чтобы продать себя.

В баре с обнаженными по пояс танцовщицами под названием «Хот Типс», куда посетителей зазывала вывеска на английском и испанском языках, играла такая громкая музыка, что у Норы моментально разболелась голова. Шесть прекрасно сложенных девушек, в туфельках на шпильках и блестящих трусиках-бикини, танцевали на столиках, извиваясь и раскачивая грудями перед потными лицами гогочущих и хлопающих в ладони мужчин. Другие девушки, одетые подобным же образом, в это время работали официантками.

Пока Тревис разговаривал по-испански с барменом, Нора заметила, что некоторые посетители оценивающе оглядывают ее. У нее мурашки побежали по коже. Она ухватила за руку Тревиса так крепко, что ее клещами нельзя было оторвать от него.

Запахи пива и виски, испарения потных тел, наслаивающиеся друг на друга ароматы дешевых духов и сигаретного дыма делали атмосферу заведения похожей на баню, правда, без присущего баням оздоровительного эффекта.

Нора сжала зубы и подумала:

«Меня не стошнит — это было бы слишком глупо. Меня не стошнит».

После нескольких минут быстрого разговора Тревис передал бармену пару двадцаток, и их провели в глубину зала, где у двери, задернутой густо расшитой стеклярусом шторой, на стуле сидел парень размером с Арнольда Шварценеггера. На нем были черные кожаные штаны и белая футболка. Руки у него были толстые, как бревна, а лицо казалось изваянным из цемента. Его серые глаза были полупрозрачны. Тревис сказал ему что-то по-испански и протянул две двадцатки.

Музыка с оглушительного грохота перешла в простой рев. Женский голос произнес в микрофон:

— Ладно, мальчики, если вам понравилось то, что мы вам показали, начинайте совать нам между ног.

Нора вздрогнула от услышанного, но при новом всплеске музыки увидела, что имела в виду женщина, сделавшая столь похабное объявление: посетителям предлагалось засовывать сложенные пяти — и десятидолларовые банкноты в трусики танцовщицам.

Бугай в кожаных штанах наконец оторвался от своего стула и провел их за

стеклярусную занавеску, за которой оказалась комната футов десять в ширину и восемнадцать или двадцать в длину.

Там сидели шесть девушек в туфлях и трусиках, готовясь сменить выступавших в зале. Они поправляли грим перед зеркалом, красили губы и просто болтали друг с другом. Все девушки были так же красивы, как те, которых Нора видела танцующими. У одних были довольно крутые физиономии, красивые, но крутые, а другие выглядели вполне невинно, как школьные учительницы.

Бугай повел Тревиса, державшего за руку Нору, через гримерную к двери на другом конце комнаты. Одна из танцовщиц — яркая блондинка — положила руку Норе на плечо и зашагала рядом.

— Ты новенькая, малышка?

— Я? Нет. Нет-нет, я не работаю здесь.

Девушка, обладавшая такими развитыми формами, что Нора чувствовала себя рядом с ней мальчиком, сказала:

— А у тебя неплохие причиндалы, киска.

— Что вы, — выдавила из себя Нора.

— А мои тебе нравятся? — спросила блондинка.

— Ну да, вы очень красивая, — ответила Нора.

Обращаясь к девушке, Тревис сказал:

— Оставь ее в покое, сестренка. Леди не играет в такие игры.

Блондинка ответила, улыбаясь:

— Пусть попробует, может быть, ей понравится.

Они вышли из гримерной и оказались в узком, плохо освещенном коридоре. Только тут Нора сообразила, что ей сделали предложение. И кто? Женщина!

Она не знала, смеяться или плакать. Пожалуй, и то и другое.

Бугай проводил их до офиса в глубине здания и ушел со словами:

— Мистер Ван Дайн будет через минуту.

Обстановка офиса состояла из серых металлических стульев, конторских шкафов и потрепанного металлического стола. Серые стены были абсолютно голые: ни календарей, ни картинок. На столе не было ни блокнотов, ни авторучек, ни бумаг. Создавалось впечатление, что этой комнатой редко пользовались.

Нора и Тревис уселись на металлические стулья перед столом.

Доносившаяся из бара музыка уже не оглушала. Переведя дыхание, Нора спросила:

— А откуда они берутся здесь?

— Кто?

— Все эти милашки со своими грудями, задницами и длинными ногами и... с большим желанием... заниматься этим самым. Откуда они?

— Недалеко от Модесто есть ферма, где их разводят, — ответил Тревис.

Нора удивленно уставилась на него.

Он засмеялся и сказал:

— Извини. Я все забываю о степени вашей неискренности, миссис Корнелл. — Тревис чмокнул ее в щеку, уколов немного щетиной, но ей все равно было приятно. Несмотря на помятую одежду и небритый вид, он выглядел свежим, как ребенок, хотя и находился в самом центре преступной клоаки. Тревис сказал: — Мне придется давать тебе только прямые ответы, потому что до тебя не доходят мои шутки.

— Так никакой фермы нет! — заморгала Нора.

— Нет, конечно. Но существуют девушки, готовые заниматься этим делом. Девушки, стремящиеся попасть в шоу-бизнес, обосноваться в Лос-Анджелесе и стать кинозвездами. Им это не удастся, и тогда они оказываются в таких же местах в Лос-Анджелесе или еще дальше на севере — в Сан-Франциско или в Лас-Вегасе. Большинство из них — вполне порядочные девушки. Они думают, что это временно. Можно быстро заработать очень хорошие деньги. Таким образом они готовят себе плацдарм для очередного наступления на

Голливуд. Одни из них занимаются этим, чтобы унижить самих себя. Другие пытаются таким образом отомстить своим родителям, бывшим мужьям, всему миру. Некоторые — на самом деле шлюхи.

— И эти шлюхи... встречают здесь своих сутенеров?

— Возможно, да, а может, и нет. Некоторые выступают здесь для того, чтобы у них был официальный источник дохода, когда налоговая служба постучит к ним в дверь. Они числятся танцовщицами, что дает им неплохую возможность скрывать доходы от других занятий.

— Печальная история, — сказала Нора.

— Ага. В некоторых... во многих случаях очень печальная.

— А этот Ван Дайн обеспечит нас фальшивыми удостоверениями личности?

— Похоже, что так.

Она с уважением посмотрела на Тревиса.

— Ты, оказывается, знаешь, где искать.

— Тебя беспокоит, что мне известны такие места, как это?

Нора задумалась.

— Нет. Честно говоря... когда женщина собирается замуж, я полагаю, ее будущий муж должен уметь вести себя в любой ситуации. Мне, во всяком случае, это внушает уверенность.

— Во мне?

— В тебе, да, — уверенность в том, что мы выпутаемся из этой истории, спасемся сами и спасем Эйнштейна.

— Уверенность — это хорошо. Когда я служил в группе «Дельта», первое, чему меня научили, было то, что чрезмерная уверенность в себе — прямой путь в могилу.

В этот момент открылась дверь, и в сопровождении бугая-телохранителя в комнату вошел круглолицый человек в сером костюме, голубой рубашке и черном галстуке.

— Ван Дайн, — представился мужчина, но руки не подал. Обошел вокруг стола и сел на стул с пружинной спинкой. У него были редкие светлые волосы и гладкие, как у ребенка, щеки. Он походил на биржевого брокера из телерекламы: компетентный, элегантный и вежливый. — Я захотел встретиться с вами для того, чтобы узнать, кто распространяет обо мне ложные сведения.

Тревис проговорил:

— Нам нужны новые документы: водительские права, карточки социального страхования — в общем, весь набор. И по первому классу, без дураков.

— Вот и я о том же, — сказал Ван Дайн. Он вопросительно поднял брови. — Откуда, позвольте узнать, вы взяли, что я занимаюсь подобного рода делами? Боюсь, вас неправильно информировали.

— Нам нужны первоклассные документы со всей подноготной, — повторил Тревис.

Ван Дайн уставился на него и на Нору.

— Разрешите мне осмотреть ваш бумажник и вашу сумочку, мисс.

Кладя свой бумажник на стол, Тревис сказал Норе:

— Все нормально.

Несмотря на то, что она поставила сумочку рядом с бумажником.

— Теперь, пожалуйста, встаньте, чтобы Цезарь мог вас обыскать, — сказал Ван Дайн.

Тревис поднялся и знаком приказал Норе встать.

Цезарь с каменным выражением на лице и с обескураживающей тщательностью обыскал Тревиса и, обнаружив «магнум 357», положил револьвер на стол. Еще более добросовестно он обыскал Нору, расстегнув ей блузку и грубо ощупав чашечки ее бюстгалтера в поисках миниатюрного микрофона и записывающего устройства. Она залилась краской и не позволила бы дальше осматривать себя, если бы Тревис не объяснил ей, в чем дело. Кроме того, Цезарь проделывал все это без каких-либо эмоций, как машина, не способная на эротические реакции.

Когда Цезарь закончил обыск, они подождали немного, пока Ван Дайн знакомился с

содержимым бумажника и сумочки. Нора было испугалась, что он заберет себе все их деньги, но, по всей видимости, его заинтересовали только их документы, да еще тесак для рубки мяса, который она по-прежнему носила с собой.

Обращаясь к Тревису, Ван Дайн сказал:

— О'кей. Если бы вы были полицейскими, вам бы не разрешили таскать с собой револьвер «магнум». — Он наклонил в сторону барабан и осмотрел патроны. — Да еще к тому же заряженный пулями «магнум». За это вам бы здорово прижали хвост. — Он улыбнулся Норе. — А женщины-полицейские не носят тесаки в сумочках.

Тут Нора поняла слова Тревиса о том, что револьвер ему нужен не столько для самообороны, сколько для удостоверения личности.

Ван Дайн и Тревис немного поторговались и наконец сошлись на цене в шесть тысяч пятьсот долларов за два полных комплекта документов с «железной» легендой.

После этого им вернули все вещи, включая тесак и револьвер.

Затем они проследовали за Ван Дайном в узкий коридор, где он отпустил Цезаря и повел их по тускло освещенным лестничным пролетам в подвал, куда через толщу бетонного перекрытия едва проникали звуки музыки из бара.

Нора не представляла себе, что можно увидеть там, в подвале: возможно, мужчин, похожих на Эдварда Робинсона, в зеленых светозащитных козырьках на резинках, склонившихся над старинного вида печатными прессами и изготавливающих не только фальшивые документы, но и пачки фальшивой валюты. То, что открылось ее глазам на самом деле, удивило Нору.

Ступеньки привели их в складское помещение размером примерно футов тридцать на сорок. Вдоль каменных стен почти в рост человека возвышались коробки с запасами для бара. Они прошли по узкому проходу между коробками с виски, пивом и салфетками для коктейлей и остановились у стальной двери. Ван Дайн нажал кнопку на косяке, приведя в действие телевизионную камеру, которая с мягким треском обвела их своим электронным оком.

Дверь открыли изнутри, и они вошли в небольшую комнату с приглушенным освещением, где за семью компьютерами, выстроенными в линию на столах вдоль одной стены, работали двое бородатых парней. На одном из них были надеты мягкие башмаки «Рокпорт», брюки-сафари и такая же рубашка. На другом — кроссовки «Рибок», джинсы и байковый свитер с изображениями театральных масок. Они выглядели почти близнецами и были оба похожи на Стивена Спилберга в молодости. Ребята были настолько заняты своими компьютерами, что не обратили никакого внимания на Нору, Тревиса и Ван Дайна. В то же время работа, по всей видимости, доставляла им подлинное удовольствие — они оживленно переговаривались друг с другом и отпускали замечания в адрес компьютеров на таком сложном техническом языке, что Нора не смогла понять ни слова.

В комнате также находилась блондинка лет двадцати с небольшим. У нее была короткая стрижка и красивые фиалкового цвета глаза. Пока Ван Дайн разговаривал с парнями, она увела Тревиса и Нору в дальний конец комнаты, усадила перед белым экраном и сфотографировала для поддельных водительских прав.

Закончив съемку, женщина ушла в темную комнату проявлять пленку, а Тревис и Нора присоединились к Ван Дайну, рядом с которым два молодых человека со счастливым видом стучали по клавиатуре компьютеров. Нора смотрела на то, как они проникали в якобы «непроницаемые» компьютерные сети Калифорнийского департамента автомобильного транспорта и Администрации социального страхования, а также других федеральных и местных организаций.

— Когда я сказал мистеру Ван Дайну, что документы нужны со «всей подноготной», — пояснил Тревис, — я имел в виду, что водительские права должны будут выдержать проверку, если нас остановит полицейский патруль на шоссе. Водительские удостоверения, которые мы здесь получим, невозможно отличить от настоящих. Эти парни вставят наши новые имена в файлы ДАТ и, собственно, таким образом внесут данные об этих документах в банк данных

штата.

Ван Дайн заметил:

— Адреса, конечно, фальшивые. Но, когда вы поселитесь где-нибудь под своими новыми фамилиями, вам надо будет просто сообщить в ДАТ об изменении адреса — так положено по закону, — и тогда все будет абсолютно легально. Права вам выдадут на год, после чего вы пойдете в контору ДАТ, сдадите обычный экзамен и получите новенькие права, поскольку ваши новые имена уже находятся в их файлах.

— А какие у нас будут фамилии? — с интересом спросила Нора.

— Видите ли, — сказал Ван Дайн со спокойной уверенностью биржевого брокера, объясняющего рыночные возможности новому инвестору, — необходимо начать со свидетельства о рождении. У нас есть данные в компьютере о смерти младенцев на всей западной части Соединенных Штатов за пятьдесят лет. Мы уже поискали сведения о детишках, умерших в год, когда вы родились, пытаюсь найти вариант, при котором цвет их волос и глаз, а также имена совпадали бы с вашими. Всегда трудно менять сразу и имя, и фамилию. Мы нашли информацию о маленькой девочке, Норе Джин Эймс, родившейся двенадцатого октября в год, когда вы родились, и умершей через месяц здесь, в Сан-Франциско. У нас есть универсальный лазерный принтер, на котором мы уже изготовили свидетельство о рождении по образцу, который использовался в Сан-Франциско в то время. В нем указаны имя, фамилия и основные сведения о Норе Джин. Мы сделаем с него две ксерокопии, которые будут вам вручены. Мы также подсоединились к файлам социального страхования и ввели туда номер Норы Джин Эймс, которого, конечно, никогда не было, и создали полную картину уплаты взносов. — Он улыбнулся. Таким образом, вы заплатили уже достаточно двадцатипятицентовиков, чтобы получить пенсию. Точно таким же образом в файлах налоговой службы теперь существует запись, что вы работали официанткой в полудюжине разных городов и что каждый год вы исправно платили налоги.

Тревис заметил:

— Имея свидетельство о рождении и настоящий номер в картотеке социального страхования, они смогли сделать водительское удостоверение, за которым стоит реальное удостоверение личности.

— Итак, теперь я — Нора Джин Эймс? Но если свидетельство о ее рождении находится в памяти компьютера, то как быть со свидетельством о смерти? Если кто-нибудь захочет проверить...

Ван Дайн покачал головой.

— В те времена свидетельства о рождении и смерти имели форму бумажного документа, никакими компьютерами тогда не пользовались. А поскольку правительство всегда тратит больше денег впустую, чем расходует разумно, у него никогда не было достаточно средств, чтобы перевести всю бумажную документацию прошлых лет в компьютерные банки данных. Так что, если кто вас в чем-то и заподозрит, будет невозможно проверить записи о смерти с помощью компьютера за несколько минут. Надо будет ехать в муниципалитет, раскопать папки коронера за тот самый год и найти в них свидетельство о смерти Норы Эймс. Но и это нельзя сделать, поскольку мы берем на себя заботу о том, чтобы этот документ был изъят из архива, как только вы купите у нас личность.

— Мы вошли в файлы TRB — агентства, ведающего кредитами, — сказал один из близнецов-Спилбергов с нескрываемым восторгом.

Нора увидела, как на зеленых экранах забегали строчки, но ей, конечно, это ни о чем не говорило.

— Они сейчас выстраивают истории кредитов под наши новые личности, — объяснил ей Тревис. — К тому времени, когда мы где-нибудь осядем и поставим ДАТ и TRB в известность о перемене адреса, наш почтовый ящик будет завален предложениями по кредитным карточкам — «Виза», «Мастеркард», возможно, даже «Америкэн Экспресс» и «Карт-Бланш».

— Нора Джин Эймс, — тупо произнесла Нора, пытаясь уловить скорость, с которой

создавались ее новые жизнь и личность.

Поскольку не удалось обнаружить сведений о ребенке, носившем имя Тревис и умершем в год рождения Корнелла, ему пришлось удовольствоваться именем Сэмюэля Спенсера Хайатта, родившегося в январе и скончавшегося в марте того года в Портленде, штат Орегон. Свидетельство о смерти будет изъято из муниципальных архивов, и таким образом новая личность Тревиса сможет выдержать довольно тщательную проверку.

Забавы ради (так по крайней мере сказали бородачи) они выстроили армейское прошлое для новой личности Тревиса, записав ему шесть лет в морской пехоте, а также наградив его орденом Пурпурного сердца и двумя поощрениями за храбрость, проявленную во время миротворческой миссии на Ближнем Востоке. К их восторгу, он спросил, не могут ли они также сделать настоящую лицензию агента по торговле недвижимостью на его новое имя. Потратив тридцать пять минут, они влезли в нужный банк данных и исполнили все, что он просил.

— Проще пареной репы, — сказал один из молодых людей.

— Проще пареной репы, — эхом отозвался второй.

Блондинка с фиалковыми глазами вернулась в комнату, неся водительские удостоверения с наклеенными на них фотографиями Нора и Тревиса.

— Вы оба вполне фотогеничны, — сказала она.

Через два часа двадцать минут после встречи с Ван Дайном Нора и Тревис вышли из бара «Хот Типс» с двумя длинными конвертами в руках, где находились комплекты документов, удостоверяющих их новые личности. Оказавшись на улице, Нора почувствовала легкое головокружение и, когда они шли к своей машине, держала Тревиса за руку.

Пока они были в баре, на город накатила туман. Мигающие огни и всплески неоновой света на заведениях Тендерлойна смягчила мутная пелена — казалось, что каждый кубический сантиметр ночного воздуха наполнен странным светом, напоминающим северное сияние. В наступившей темноте эти неряшливые улицы манили к себе, но это могло подействовать только на того, кто не видел их при дневном свете.

Эйнштейн терпеливо ждал их возвращения.

— Мы так и не смогли переделать тебя в пуделя, — сказала Нора, защелкивая ремень безопасности. — Но о себе мы позаботились. Разреши представиться: Сэм Хайатт и Нора Эймс.

Ретривер положил морду на спинку переднего сиденья, посмотрел на нее, затем на Тревиса и фыркнул, давая понять, что разыграть его не удастся: он прекрасно знает, кто они на самом деле.

Обращаясь к Тревису, Нора сказала:

— Это в группе «Дельта» ты... узнал, что существуют такие места, как «Хот Типс», и люди типа Ван Дайна? Когда террористы проникают в страну, они таким же способом добывают себе документы?

— Да, некоторые идут к Ван Дайнам, но обычно это происходит не так. Большинство террористов получают документы от Советов. Ван Дайн обслуживает в основном незаконных иммигрантов, не бедных, конечно, а также преступников, скрывающихся от ареста.

Пока он заводил мотор, Нора сказала:

— Но если ты смог найти Ван Дайна, то, наверное, люди, которые нас ищут, тоже выйдут на него.

— Наверное. Это займет у них много времени, но, вероятно, они смогут его разыскать в конце концов.

— Тогда они все узнают о наших новых личностях.

— Не узнают, — сказал Тревис, включая обогреватель стекол и «дворники». — Ван Дайн не держит архивов. Он не хочет, чтобы против него были доказательства. Если даже его найдут и устроят обыск в заведении, на компьютерах ничего не окажется, кроме бухгалтерских счетов бара.

Пока они ехали через город в направлении моста «Золотые Ворота», Нора зачарованно

смотрела на пешеходов и автомобилистов, даже когда они покинули Тендерлойн. «Интересно, — спрашивала она себя, — сколько людей живет под настоящими именами и сколько является оборотнями, такими, как я с Тревисом?»

— Меньше чем за три часа нас переделали в совершенно других людей, — сказала Нора вслух.

— В таком мире мы живем. Что означает «высокая» технология в первую очередь — так это максимальную гибкость. Весь мир становится все более и более гибким. Почти все финансовые сделки теперь осуществляются с помощью электроники — деньги переводятся из Нью-Йорка в Лос-Анджелес — или вокруг света — за считанные секунды. Деньги мгновенно пересекают границы — их уже не надо перевозить, пряча от таможи. Большинство записей делаются в форме электрических сигналов, расшифровать которые может только компьютер. Все очень гибкое, легко меняющееся. Личности. Прошлое.

Нора сказала:

— Теперь даже генетическая структура видов живых существ не есть что-то неизблемое.

Эйнштейн тявкнул, как бы соглашаясь с этим утверждением.

— Страшно, правда? — спросила Нора.

— Страшновато, — ответил Тревис. Их машина приближалась к сияющему сквозь туман огнями южному концу моста «Золотые Ворота». Сам мост был почти не виден. — Но все-таки такая гибкость в основе своей — хорошая вещь. В социальной и финансовой сферах она гарантирует свободу. Я думаю и надеюсь, что со временем роль правительств неизбежно потеряет свою значимость, уже нельзя будет управлять людьми и контролировать их так же тщательно, как в прошлом. Тоталитарные режимы тогда не смогут больше удерживать власть.

— Это почему же?

— Ну сама посуди, как может диктатура контролировать общество, в котором существует максимальная гибкость, основанная на высоких технологиях? Единственный путь — это запретить все технические достижения, закрыть границы и сделать шаг назад — в прошлое. Но это было бы самоубийством для любой нации. Она бы не смогла выдержать мирового соревнования. Через несколько лет такая страна превратилась бы в государство современных аборигенов. Сейчас, например, Советы стараются не выпустить компьютеры за рамки оборонной промышленности. Но ведь долго это не может продолжаться. Им все равно придется компьютеризовать экономику и научить своих граждан пользоваться компьютерами — а как в таком случае они смогут держать гайки затянутыми, — ведь русские получают средство, с помощью которого можно манипулировать системой и избегать контроля над собой с ее стороны.

Южный въезд на мост оказался бесплатным. Они двинулись по мосту, на котором из-за погоды им пришлось резко снизить скорость.

Глядя вверх на призрачный скелет «Золотых Ворот», который блестел от влаги и прятался в тумане, Нора сказала:

— Ты думаешь, что лет через десять-двадцать на Земле наступит рай?

— Рай не наступит, — ответил Тревис. — Жизнь будет легче, безопаснее, счастливее. Но рая не будет. Все равно останутся проблемы человеческого сердца и больного разума. Новый мир принесет не только новые радости, но и новые беды.

— Такие, как случились с твоим домовладельцем.

— Да.

С заднего сиденья послышалось рычание Эйнштейна.

В тот же четверг, днем двадцать шестого августа, Винсент Наско подъехал к дому Джонни Струны Сантини в Сан-Клементе, чтобы забрать отчет за прошедшую неделю, из

которого он узнал о гибели Теда Хокни в Санта-Барбаре накануне вечером. Состояние трупа, в особенности вырванные глаза, указывало на почерк Аутсайдера. Джонни также уверял: УНБ по-тихому взяло дело под свой контроль, а это наводило на мысль о беглецах из Банодайна.

Вечером Винс купил газету и за ужином в мексиканском ресторане прочитал заметку о Тед Хокни и о человеке по имени Тревис Корнелл, снимавшем у него дом. Сообщалось, что Корнелл, в прошлом торговец недвижимостью и бывший боец группы «Дельта», держал у себя в доме пантеру, которая и напала на Хокни. Винс, однако, знал, что история с пантерой — чушь, придуманная для отвода глаз. По заявлению полиции они хотели бы переговорить с Корнеллом и его неизвестной подругой, несмотря на то, что обвинений против него выдвинуто не было.

В заметке упоминалось о собаке: «Корнелл и его подруга уехали из дома, взяв с собой золотистого ретривера».

«Если я найду Корнелла, — подумал Винс, — я найду собаку».

Это был первый прорыв в этом деле, который лишний раз убедил Винса в том, что ему суждено владеть этим псом.

Чтобы отпраздновать событие, он заказал еще морских закусок и еще пива.

13

В четверг вечером Нора, Тревис и Эйнштейн остановились в мотеле в графстве Марин, к северу от Сан-Франциско. Они купили шесть бутылок пива «Сан-Мигель» в универсальном магазине, а также заехали в ресторан и взяли на вынос цыплят, бисквитов и шинкованной капусты. Ужинали они поздно в своей комнате.

Эйнштейну понравился цыпленок, и к тому же он проявил заметный интерес к пиву.

Тревис решил налить полбутылки пива в новую желтую пластмассовую миску, которую они купили для ретривера утром.

— Не больше, чем полбутылки, даже если тебе очень понравится, — предупредил он. — Ты мне нужен трезвый для вопросов и ответов.

После ужина они уселись втроем на огромной кровати, и Тревис распаковал игру «Скрэббл». Он положил доску игровой поверхностью вниз, а Нора помогла ему разложить карточки с буквами на двадцать шесть стопок.

Эйнштейн, на которого, казалось, совершенно не подействовало выпитое пиво, с интересом наблюдал за ними.

— О'кей, — сказал Тревис. — Мне необходимы более подробные ответы, чем просто «да» и «нет». Я подумал, что вот это нам поможет.

— Гениально, — ответила Нора.

Обращаясь к псу, Тревис сказал:

— Я задам тебе вопрос, а ты будешь выбирать карточки с буквами, необходимыми тебе для ответа, букву за буквой, слово за словом. Понял?

Эйнштейн моргнул, посмотрел на сложенные в стопки карточки, затем на Тревиса и «ухмыльнулся».

Тревис спросил:

— Ну вот и хорошо. Ты знаешь название лаборатории, из которой ты сбежал?

Эйнштейн ткнул носом в карточки с буквой Б.

Нора сняла карточку и положила ее на пустую часть доски.

Меньше чем за минуту на доске появилось слово «БАНОДАЙН».

— Банодайн, — задумчиво произнес Тревис. — Никогда не слыхал такого названия. Это полное название?

Пес заколебался, а затем стал указывать на разные буквы, в результате чего на доске возникло: «ЛАБОРАТОРНЫЙ КОМПЛЕКС БАНОДАЙН».

Тревис записал ответ в гостиничном блокноте, а затем разложил карточки обратно в

стопки.

— Где находится Банодайн?

«ИРВИН».

— Похоже на правду, — сказал Тревис. — Я нашел тебя в лесу к северу от Ирвина. Ладно... Мы встретились во вторник, восемнадцатого мая. Когда ты убежал из Банодайна?

Собака устала на карточки, заскулила, но ничего не выбрала.

— Ты уже достаточно много прочитал, чтобы разбираться в месяцах, неделях, сутках и часах, — сказал Тревис. — У тебя теперь есть чувство времени.

Бросив взгляд на Нору, пес опять заскулил.

Она сказала:

— У него есть чувство времени, но, когда он убежал, у него его не было, поэтому Эйнштейн и не может вспомнить, как долго находился в пути.

Пес сразу же начал выбирать буквы:

«ПРАВИЛЬНО».

— Ты знаешь имена кого-нибудь из ученых в Банодайне?

«ДЭВИС ВЭТЕРБИ».

Тревис записал имя в блокнот.

— Еще кого-нибудь?

Задумываясь над правописанием, Эйнштейн наконец сложил:

«ЛОУТОН ХЕЙНС, ЭЛ ХАДСТОН» и еще несколько имен.

Записав все эти имена в блокнот, Тревис сказал:

— Это люди, которые, наверное, разыскивают тебя?

«ДА. И ДЖОНСОН».

— Джонсон? — переспросила Нора. — Он тоже ученый?

«НЕТ». — Ретривер подумал с минуту, изучая стопки карточек, и затем вывел: «БЕЗОПАСНОСТЬ».

— Он начальник охраны в Банодайне? — спросил Тревис.

«НЕТ. БОЛЬШЕ».

— Наверное, какой-нибудь федеральный агент, — сказал Тревис, обращаясь к Норе, которая принялась укладывать буквы обратно в стопки.

Глядя на карточки, пес что-то проскулил, и Тревис хотел было сказать ему, что если он не помнит имя Джонсона, то и не надо. Но тут собака стала складывать:

«ЛЕМУЛЬ».

— Такого имени нет, — сказала Нора, подбирая карточки.

Эйнштейн попробовал еще раз:

«ЛАМУИЛЬ».

Потом еще:

«ЛИМУУЛ».

— Это тоже не имя, — сказал Тревис.

Пес сделал еще одну попытку:

«ЛЕМЮУИЛЬ».

Тревис догадался, что ретривер пытается изобразить фонетическое произношение имени, и сам разложил семь карточек: «ЛЕМЮЭЛЬ».

— Лемюэль Джонсон, — прочитала Нора.

Эйнштейн подскочил и ткнулся носом ей в шею.

Он весь завертелся от удовольствия, что его поняли, и кровать заскрипела от его прыжков.

Затем пес вернулся к карточкам и выложил: «ТЕМНЫЙ ЛЕМЮЭЛЬ».

— Темный? — переспросил Тревис. — Ты имеешь в виду «злой»?

«НЕТ. ТЕМНЫЙ».

— Опасный, что ли? — спросила Нора.

Собака фыркнула на нее, потом на Тревиса, стараясь подчеркнуть их тупость.

«НЕТ. ТЕМНЫЙ».

С минуту они сидели молча, напряженно думая. Наконец Тревис сказал:

— Черный! Ты хочешь сказать, что Лемюэль Джонсон — чернокожий.

Эйнштейн негромко тявкнул, покачал вверх-вниз головой и завилял хвостом.

Затем с их помощью он набрал невиданно длинную фразу:

«ВЫ НЕ СОВСЕМ ЕЩЕ БЕЗНАДЕЖНЫЕ».

Нора засмеялась.

— Остряк, — сказал Тревис.

Его переполняло чувство радости, которое он не смог бы описать словами. До сегодняшнего дня они не общались с ретривером на протяжении нескольких недель, но игра с алфавитом предоставила им новые громадные возможности для взаимопонимания. Еще в большей степени, чем раньше, Эйнштейн становился для них чем-то вроде ребенка. К этому добавлялось еще и пьянящее чувство прорыва через границы обыденного человеческого опыта, ощущение перехода в другое измерение. Конечно, Эйнштейн — уникальный пес, его интеллект сродни человеческому, но сам-то он все-таки — животное, и поэтому его умственные способности хотя и близки к человеческим, но все же качественно другие, а это привносит в общение с ним оттенок тайны и создает впечатление невероятности происходящего. Глядя на фразу «ВЫ НЕ СОВСЕМ ЕЩЕ БЕЗНАДЕЖНЫЕ», Тревис подумал, что она может быть понята как послание, адресованное всему человечеству.

В последующие полчаса они продолжали расспрашивать Эйнштейна, и Тревис записывал все его ответы. Вскоре они заговорили о желтоглазом монстре, убившем Теда Хокни.

— Что это за мерзкая тварь? — спросила Нора.

«АУТСАЙДЕР».

Тревис переспросил:

— Аутсайдер? Что ты имеешь в виду?

«ТАК ЕГО НАЗВАЛИ».

— Люди в лаборатории? — спросил Тревис. — Почему они называли его Аутсайдером?

«ПОТОМУ ЧТО ОН ЧУЖОЙ».

Нора сказала:

— Я не понимаю.

«ДВА УСПЕХА. ОН И Я. Я — СОБАКА. ОН — ТО, ЧЕМУ НЕТ НАЗВАНИЯ. АУТСАЙДЕР».

Тревис спросил:

— Он тоже умный?

«ДА».

— Такой же, как ты?

«МОЖЕТ БЫТЬ».

— Господи, — произнес Тревис, потрясенный.

Эйнштейн издал жалобный звук и положил голову Норе на колено, прося, чтобы его приласкали.

Тревис спросил:

— Зачем понадобилось создавать такое существо?

Пес вернулся к карточкам.

«УБИВАТЬ ДЛЯ НИХ».

По спине Тревиса пробежал холодок.

— Кого же он должен убивать?

«ВРАГОВ».

— Каких врагов? — спросила Нора.

«НА ВОЙНЕ».

От отвращения Тревиса чуть не стошнило. Он оперся о спинку кровати. Помнится, он говорил Норе, что мир, в котором не будет нуждающихся, мир всеобщей свободы, еще не

есть рай, поскольку существуют проблемы человеческого сердца и больного разума.

Обращаясь к собаке, он сказал:

— Значит, по-твоему, выходит, что Аутсайдер — прототип генетически сконструированного солдата. Что-то вроде... очень умной полицейской собаки, предназначенной для боевых действий?

«ОН СДЕЛАН ДЛЯ УБИЙСТВА. ОН ХОЧЕТ УБИВАТЬ».

Прочитав это, Нора пришла в ужас.

— Но это сумасшествие. Как можно управлять таким чудовищем? Оно же может повернуться против своих хозяев.

Тревис сел прямо.

— Почему Аутсайдер ищет тебя?

«НЕНАВИДИТ МЕНЯ».

— Почему?

«НЕ ЗНАЮ».

Пока Нора собирала карточки, Тревис спросил:

— Он и дальше будет искать тебя?

«ДА. ВСЕГДА».

— Но как такое существо может передвигаться не замеченным?

«НОЧЬЮ».

— Тем не менее...

«ТАК ДВИГАЮТСЯ КРЫСЫ».

Нора спросила с озадаченным видом:

— Но как Аутсайдер отслеживает тебя?

«ЧУВСТВУЕТ МЕНЯ».

— Чувствует тебя? Как это?

Ретривер долго соображал, несколько раз принимался отвечать и наконец разложил: «НЕ МОГУ ОБЪЯСНИТЬ».

— А ты его чувствуешь? — спросил Тревис.

«ИНОГДА».

— А сейчас?

«ДА. ОН ДАЛЕКО».

— Очень далеко, — согласился Тревис. — За сотни миль отсюда. И он может отыскать тебя на таком расстоянии?

«ДАЖЕ ДАЛЬШЕ».

— А сейчас Аутсайдер тебя отслеживает?

«ПРИБЛИЖАЕТСЯ».

Тревиса пробила холодная дрожь.

— Когда он разыщет тебя?

«НЕ ЗНАЮ».

Пес выглядел испуганным и дрожал.

— Скоро? Он скоро придет сюда?

«МОЖЕТ БЫТЬ, НЕ ОЧЕНЬ».

Тревис увидел, как побледнела Нора. Он положил ладонь ей на колено и сказал:

— Мы не станем убегать от него, черт нас дери. Мы найдем дом, поселимся в нем и будем ждать. Мы подготовимся к приходу Аутсайдера и сами разделаемся с ним.

Все еще дрожа, Эйнштейн стал тыкаться носом в карточки, и Тревис помог ему вывести: «Я ДОЛЖЕН УЙТИ».

— Что ты имеешь в виду?

«Я ПОДВЕРГАЮ ВАС ОПАСНОСТИ».

Нора обняла ретривера за шею и прижала к себе.

— Выбрось это из головы. Ты часть нас самих. Мы семья, черт возьми, и мы будем держаться вместе, *как положено семье*. — Она взяла в ладони песью морду и, приставив

свой нос к его носу, внимательно посмотрела ему в глаза. — Если однажды я проснусь утром и увижу, что тебя нет, у меня разорвется сердце. — В глазах у нее стояли слезы, и голос дрогнул: — Понимаешь, мохнатая морда? Я не выдержу, если ты уйдешь.

Ретривер отстранился от нее и начал выбирать карточки: «Я УМРУ».

— Ты умрешь, если уйдешь от нас? — спросил Тревис.

Пес сложил еще несколько карточек и стал ждать, когда смысл его следующей фразы дойдет до них: «Я УМРУ ОТ ОДИНОЧЕСТВА».

Часть вторая Хранитель

Глава восьмая

1

В четверг, когда Нора уехала на машине к доктору Вейнгольду, Тревис и Эйнштейн отправились бродить по холмам и лесам позади дома, который они купили в красивом прибрежном районе Калифорнии под названием Биг Сюр.

На лишенных деревьев холмах осеннее солнце нагрело камни, а редкие облака легкой тенью скользили по земле. Бриз, поднявшийся с Тихого океана, с шуршанием шевелил сухие золотистые травы. Воздух был прохладен. Тревис чувствовал себя уютно в джинсах и рубашке с длинными рукавами.

В руках у него было короткоствольное самозарядное ружье двенадцатого калибра с пистолетной рукояткой. Он всегда брал его с собой на такие прогулки. Если бы кто-нибудь поинтересовался, зачем оно ему, он сказал бы, что вышел поохотиться на гремучих змей.

Там, где деревья росли густо, яркое утро меркло и воздух был холоднее. В такие моменты Тревис радовался, что догадался надеть байковую рубашку. Массивные сосны, небольшие рощицы секвой и лиственных деревьев, обычно встречающихся в предгорьях, плохо пропускали солнечные лучи, поэтому здесь царил вечный полумрак. Местами попадались заросли кустарника: непроходимые чащи вечнозеленых дубков, которые иногда называют чаппаралем, да множество папоротников в цвету благодаря частым туманам и влажному прибрежному воздуху.

Эйнштейн то и дело принимался к следам кугуаров и настаивал на том, чтобы Тревис посмотрел на отпечатки лап этих лесных кошек, оставленных в сырой почве. К счастью, пес хорошо понимал всю опасность преследования этих животных и подавлял в себе естественное желание пойти по их следу.

Ретривер удовлетворялся тем, что наблюдал за местной фауной. Часто в пути им попадались пугливые олени, пробегавшие по своим тропам. В местах, где они бродили, водилось много енотов, за которыми было интересно наблюдать. Хотя некоторые из них вели себя вполне дружелюбно, Эйнштейн знал: лучше их не трогать, и держался от них на почтительном расстоянии.

Однажды на подобной прогулке Эйнштейн очень удивился тому, в какой ужас приходят белки, когда он к ним приближается: застывают на месте и таращат со страху глаза. Видно даже, как колотятся их маленькие сердечки.

«ПОЧЕМУ БЕЛКИ БОЯТСЯ?» — спросил он у Тревиса однажды вечером.

— Инстинкт, — объяснил тот. — Ты собака, а они инстинктивно чувствуют, что ты можешь напасть на них.

«ТОЛЬКО НЕ Я».

— Конечно, не ты, — сказал Тревис, потрепав его по загривку. — Ты не сделаешь им ничего плохого. Но ведь белки об этом не знают. Для них ты — собака, ты пахнешь собакой,

поэтому они тебя и боятся.

«МНЕ НРАВЯТСЯ БЕЛКИ».

— Я знаю. К сожалению, они слишком глупы, что бы это понять.

Впоследствии Эйнштейн старался не приближаться к ним, чтобы не пугать их. Иногда, проходя мимо, он отворачивал морду в сторону, делая вид, что не замечает их.

Сегодня же был особенный день. Белки, олени, птицы, еноты и другие представители лесной фауны мало занимали их. Даже открывающиеся время от времени виды Тихого океана не привлекали их внимания. Они бродили здесь только для того, чтобы скоротать время и не думать о Норе.

Тревис постоянно посматривал на часы и специально выбрал круговой маршрут, который должен был привести их обратно домой к часу дня — когда предположительно вернется Нора.

Сегодня было двадцать первое октября — прошло уже восемь недель после того, как они сменили свои личности в Сан-Франциско. Хорошенько поразмыслив, они решили двинуться на юг, навстречу Аутсайдеру. Все равно — по их мнению — он найдет их, чтобы разделаться с Эйнштейном, поэтому лучше не оттягивать время конфронтации.

С другой стороны, им не хотелось рисковать, забираясь слишком далеко на юг, к Санта-Барбаре, поскольку Аутсайдер мог добраться до них быстрее, чем дошел летом из графства Ориндж до Санта-Барбары. Нельзя полагаться на то, что он будет преодолевать не более трех-четырех миль в день. Если Аутсайдер будет двигаться быстрее, то разыщет их прежде, чем они сумеют подготовиться к встрече. Район Биг Сюр показался им идеальным местом, так как был малонаселенным и находился в ста девятиста милях от Санта-Барбары. Если Аутсайдер будет идти за Эйнштейном так же медленно, как и раньше, то это займет у него почти пять месяцев. Если же ему удастся удвоить скорость передвижения по открытым пространствам и холмам, то все равно он доберется до них не раньше второй недели ноября.

День этот неумолимо приближался, но Тревис уже сделал все необходимые приготовления и теперь почти с нетерпением ожидал появления Аутсайдера. В то же время Эйнштейн пока не ощущал близкой опасности. Таким образом, у них было в запасе достаточно времени, чтобы испытать свое терпение.

К четверти первого Тревис с ретривером дошли до конца маршрута, пролежавшего через холмы и каньоны, и вернулись во двор своего нового дома. Это было двухэтажное строение со стенами из мореного дерева, крышей из кедрового теса и двумя массивными печными трубами с северной и южной сторон. На запад и восток выходили два крыльца, с которых открывался прекрасный вид на лесистые склоны.

Поскольку снег здесь никогда не выпадал, крыша была не очень крутой — по ней можно было даже ходить. Именно на крыше Тревис устроил первое оборонительное сооружение. Сейчас, выйдя на опушку леса, он поднял глаза и увидел трапы из деревянных брусков, установленные им на крыше. По этим трапам будет легко и безопасно передвигаться по наклонным плоскостям. Если Аутсайдер подкрадется к дому ночью, он не сможет попасть внутрь через окна первого этажа, потому что на ночь они запираются внутренними ставнями. Тревис сам установил их, и они могут противостоять любому непрошеному гостю, кроме, пожалуй, какого-нибудь сумасшедшего громилы, вооруженного топором. Обнаружив препятствие, Аутсайдер скорее всего залезет по столбам на крышу переднего или заднего крыльца, чтобы проникнуть в дом через окна второго этажа, которые укреплены так же, как и нижние. В это время, получив предупреждение от инфракрасной системы сигнализации, установленной Тревисом три недели назад, он вылезет на крышу через чердачный люк. Наверху, воспользовавшись трапами, Тревис сможет подобраться к краю, откуда ему откроется вид на крышу крыльца и на двор. С этой точки, недосягаемой для Аутсайдера, он и откроет по нему огонь.

В двадцати ярдах к востоку от дома находился ржавого цвета амбар, дальняя стена которого почти упиралась в опушку леса. В состав усадьбы не входили культивируемые уголья, и предыдущий владелец, очевидно, использовал амбар в качестве конюшни и

курятника. Тревису и Норе он служил гаражом, поскольку проселочная дорога, соединявшая их участок с шоссе, заворачивала мимо дома как раз к амбарным дверям.

Тревис предполагал, что, когда Аутсайдер прибудет на место, он произведет внешний осмотр дома сначала из-за деревьев, а затем прячась за амбаром. Возможно, попытается устроить там засаду, поджидая, когда они придут за пикапом «Додж» или за «Тойотой». Поэтому Тревис приготовил в амбаре несколько сюрпризов для Аутсайдера.

Ближайшие соседи, которых Нора и Тревис видели только однажды, жили в четверти мили к северу от их усадьбы, отделенные деревьями и зарослями чаппарала. Шоссе проходило довольно близко, но по ночам там почти не было движения, а Аутсайдер скорее всего появится именно ночью. Если в схватке с ним придется много стрелять, эхо от выстрелов прокатится по холмам и многократно отразится в лесу — соседям или проезжающим по шоссе автомобилистам будет трудно понять, откуда именно прозвучали выстрелы. Поэтому Аутсайдера надо успеть убить и закопать прежде, чем появятся первые любопытные.

Сейчас же, больше думая о Норе, чем об Аутсайдере, Тревис поднялся на заднее крыльцо, открыл двойной замок и, сопровождаемый Эйнштейном, вошел в дом. Там была кухня, которая могла служить одновременно и столовой, несмотря на ее размеры, там было довольно уютно: отделанные дубом стены, пол, выложенный мексиканской плиткой, стойки из бежевого кафеля, дубовые шкафчики, текстурно оштукатуренный потолок и прекрасное оборудование. Вокруг стола, сделанного из большой деревянной плахи, стояли мягкие, удобные стулья, а каменный очаг превращал это помещение в главную комнату дома.

Там было еще пять комнат: огромная гостиная и холл на первом этаже и три спальни на втором. Кроме того, на каждом этаже размещалась ванная. Одной спальней они пользовались вместе, вторая служила Норе студией, где она немного занималась живописью, а третья пустовала до поры до времени.

Тревис включил свет на кухне. Хотя дом стоял особняком, но до шоссе было всего около двухсот ярдов, и к строению сделали ответвление от линии электропередачи.

— Я буду пиво, — сказал Тревис. — Тебе дать что-нибудь?

Эйнштейн подошел к пустой миске для воды, стоявшей в углу рядом с миской для еды, и стал толкать ее перед собой к раковине.

Тревис и Нора не рассчитывали на приобретение такого дома вскоре после отъезда из Санта-Барбары, так как, позвонив Гаррисону Дилворту, узнали, что банковские счета Тревиса заморожены. Им еще повезло! Они смогли провести через банк чек на двадцать тысяч долларов. Адвокат перевел часть средств Тревиса и Норы в восемь кассирных чеков, как и планировалось, и выслал их Тревису на имя Сэмюэля Спенсера Хайатта в мотель, где Нора и Тревис прожили около недели. Двумя днями позже, однако, они получили пакет с кассирными чеками и запиской, в которой Гаррисон сообщал, что ему удалось продать Норин дом за неплохую шестизначную сумму.

Разговаривая с ним по телефону, Нора сказала.

— Даже если вы на самом деле продали дом, вряд ли вам удалось закончить оформление и получить деньги так быстро.

— Верно, — сказал адвокат. — Оформление будет длиться еще месяц. Но вам нужны деньги сейчас, поэтому я авансирую вас.

Они положили деньги на два банковских счета в Кармеле — городке, находившемся в тридцати с лишним милях от их теперешнего местонахождения. После того как Тревис и Нора купили себе новый пикап, они отогнали «Мерседес» Гаррисона в аэропорт Сан-Франциско и оставили его там на стоянке. Затем, поехав в южном направлении мимо Кармела вдоль побережья, начали присматривать подходящий дом в районе Биг Сюр. Когда они нашли вот этот дом, то заплатили за него наличными. В их положении гораздо разумнее было приобрести дом, чем арендовать, и при покупке заплатить наличными, а не оформлять рассрочку, поскольку это давало им возможность избежать лишних вопросов.

Тревис не сомневался, что их новые документы не подведут, но не хотел испытывать

судьбу раньше времени. Кроме того, став домовладельцами, они превращались в уважаемых граждан, сводя к минимуму возможность подозрения насчет их личностей.

Пока Тревис доставал бутылку пива из холодильника, открывал пробку и делал большой глоток прямо из горлышка, Эйнштейн проследовал в кладовку, дверь в которую была постоянно приоткрыта, и, нажав лапой на педаль, установленную специально для него Тревисом, включил свет.

Помимо полок с запасами консервов, там находилось сложное устройство, сконструированное Тревисом и Норой для облегчения общения с собакой. Устройство располагалось у задней стены: двадцать восемь прозрачных трубок восемнадцати дюймов в высоту. К каждой трубке была внизу приделана педаль. В двадцати шести трубках разместились алфавитные карточки из игры «Скрэббл», по несколько штук на каждую букву для того, чтобы Эйнштейн мог составлять длинные фразы. Спереди на каждой трубке была приклеена буква, соответствующая тем, что находились внутри: А, Б, В, Г и так далее. В двух оставшихся трубках хранились карточки, на которых Тревис изобразил запятые и вопросительные знаки. (Они решили, что без точек можно обойтись.) Эйнштейн научился сбрасывать карточки, нажимая на педали, а затем носом выстраивать буквы в ровную линию на полу. Тревис и Нора решили поставить аппарат в кладовке, подальше от посторонних глаз, чтобы им не пришлось ничего объяснять, если вдруг к ним случайно кто-нибудь зайдет.

Пока Эйнштейн нажимал на педали и стучал карточками, Тревис вынес бутылку с пивом и собачью миску для питья на переднее крыльцо. Там они будут ждать Нору. Вернувшись в дом, он обнаружил, что Эйнштейн уже выложил фразу:

«МОЖНО МНЕ ГАМБУРГЕР ИЛИ ТРИ СОСИСКИ?»

Тревис сказал:

— Я буду обедать вместе с Норой, когда она придет. Может, подождешь и поешь вместе с нами?

Ретривер облизнулся и с минуту пребывал в раздумье. Затем он осмотрел выстроенную им из карточек фразу, отодвинул несколько штук в сторону и нажатием педали сбросил несколько новых.

«О'КЕЙ. НО Я ГОЛОДНЫЙ».

— Ничего, не умрешь, — сказал Тревис. Он собрал с пола карточки и разложил их по трубкам.

Затем Тревис взял ружье, прислоненное к косяку задней двери, и, выйдя на переднее крыльцо, положил его рядом с креслом-качалкой. Эйнштейн выключил свет в кладовке и присоединился к Тревису.

Они застыли в напряженном ожидании: Тревис в кресле, пес на полу.

Теплый октябрьский воздух звенел от пения птиц.

Тревис потягивал пиво, а собака время от времени лакала воду из своей миски. Потом они молча смотрели на проселочную дорогу, скрывавшуюся в гуще деревьев, за которыми находилось шоссе.

В перчаточном отделении своей «Тойоты» Нора держала пистолет тридцать восьмого калибра, заряженный пулями с мягкими наконечниками. За несколько недель, проведенных здесь, она научилась водить машину и — с помощью Тревиса — стрелять из пистолета, а также из автоматического пистолета «узи» и из ружья. Правда, поездка в Кармел не была связана с особыми опасностями. Даже если в этих местах уже бродит Аутсайдер, ему нужна не Нора, а собака. Поэтому ей вряд ли что-нибудь грозит.

Но почему ее так долго нет?

Тревис пожалел, что отпустил ее одну. Но после почти тридцати лет зависимости и страха самостоятельные поездки в Кармел были для нее средством, с помощью которого Нора утверждала и испытывала свою вновь обретенную силу, независимость и уверенность в себе. Она бы не захотела ехать вместе с ним.

К половине второго, когда Нора опаздывала уже на полчаса, у Тревиса появилось противное, тянущее чувство в животе, а Эйнштейн поднялся и начал ходить взад-вперед по

крыльцу.

Минут через пять ретривер первым услышал звук свернувшей с шоссе машины, сорвался с крыльца и выбежал на обочину проселочной дороги.

Тревису не хотелось, чтобы Нора видела его взволнованным, она могла истолковать это как неверие в ее способность к самостоятельным действиям — а этой способностью она как раз обладала и гордилась. Поэтому Тревис остался сидеть в кресле, сжимая в руке бутылку «Короны».

Когда из-за деревьев показалась голубая «Тойота», он вздохнул с облегчением. Проезжая мимо дома, Нора посигналила. На ней были голубые джинсы и рубашка в желто-белую клетку. Тревис, правда, считал, что даже в этом наряде она не затерялась бы на балу, танцующем рядом с разодетыми и усыпанными драгоценностями принцессами.

Нора подошла к нему и поцеловала. Губы у нее были теплые.

— Скучал по мне?

— Без тебя зашло солнце, умолкли птицы и померкли все радости жизни, — сказал Тревис, пытаясь отшутиться, но голос его прозвучал серьезно.

Эйнштейн терся о ее ноги, скулил и заглядывал в глаза, как бы спрашивая: *Ну как?*

— Он прав, — сказал Тревис. — Так не годится. Ты держишь нас в неведении.

— Все, как я думала.

— Думала?

— Ну да. Все подтвердилось, — улыбнулась Нора.

— Вот это да! — сказал он.

— Все в порядке. Я готовлюсь стать мамой.

Тревис вскочил, обнял ее и поцеловал.

— Доктор Вейнгольд не может ошибаться?

— Нет, он хороший доктор, — сказала она.

— Но он назвал срок? Когда?

— Ребенок появится на третьей неделе июня.

Тут вмешался Эйнштейн, которому очень хотелось лизнуть ее и выразить свой восторг.

— Мы это дело отпразднуем, — предложила Нора. — Я привезла холодненькую бутылочку игристого.

На кухне, вынимая бутылку из бумажного пакета, Тревис увидел, что это был игристый яблочный сидр — безалкогольный.

— Такое событие заслуживало бы самого лучшего шампанского, — заметил он.

Доставая бокалы из буфета, Нора сказала:

— Это, наверное, глупо... но я не хочу рисковать, Тревис. Я никогда не думала, что у меня будет ребенок, не могла даже мечтать об этом, и теперь у меня такое чувство, что, если я не буду соблюдать осторожность, делать все по правилам, он может погибнуть. Поэтому я не возьму в рот ни капли спиртного, пока малыш не родится. Я ограничу себя в парном мясе и буду есть очень много овощей. Я не курю, поэтому эта проблема сразу снимается. Я буду следить за своим весом, в точности как говорит мне доктор Вейнгольд, и у меня родится самый лучший ребенок на свете.

— Ну конечно, — сказал Тревис, наполняя бокалы сидром и наливая немножко в миску Эйнштейну.

— Все будет очень хорошо, — сказала Нора.

— Абсолютно все, — подтвердил Тревис.

Они выпили за ребеночка — и за Эйнштейна, который станет ему крестным отцом, дядей, бабушкой и мохнатым ангелом-хранителем в одном лице.

Никто из них не вспомнил об Аутсайдере.

Поздно вечером, когда они, прижавшись друг к другу, лежали в темной спальне, обессиленные от любви, прислушиваясь к тому, как их сердца стучат в унисон, Тревис осмелел и спросил:

— Может быть, нам не стоило заводить ребенка ввиду предстоящих событий?

— Тсс, — прошептала Нора.

— Но...

— Мы не планировали этого ребенка, — произнесла она. — Мы даже предохранялись. Но так уж получилось. То, что все наши предостережения не подействовали, — это знак судьбы. Тебе не кажется? Та, прежняя, Нора могла бы сказать: ребенка не должно быть. Но нынешняя говорит: ему суждено родиться. Это подарок судьбы, такой же, как Эйнштейн.

— Но нам еще предстоит...

— А это не имеет никакого значения, — перебила его Нора. — С этим мы справимся. Все будет хорошо. Мы к этому готовы. А когда с этим будет покончено, у нас будет ребенок, и мы вместе начнем новую жизнь. Я люблю тебя, Тревис.

— И я люблю тебя, — сказал он. — Боже, как я тебя люблю.

Тревис осознал, как сильно она изменилась с тех пор, как они встретились в Санта-Барбаре весной. Из женщины-мышки Нора превратилась в сильную, целеустремленную натуру, которая теперь уже пытается успокоить его самого. И у нее это получается. После разговора с ней Тревис почувствовал себя лучше. Он стал думать о ребенке и улыбнулся в темноте, уткнувшись лицом ей в шею. Несмотря на то, что судьба взяла у него трех заложников: Нору, будущего ребенка и Эйнштейна, — настроение у Тревиса было намного лучше, чем когда-либо раньше. Нора развеяла все его страхи.

2

Винсент Наско сидел в итальянском кресле, украшенном вычурной резьбой и покрытом блестящим лаком. После нескольких веков регулярной полировки он приобрел необычайную прозрачность.

Справа от Винса находился диван, еще два кресла и низкий стол — очень элегантный ансамбль, за ним возвышались шкафы, заполненные книгами в кожаных переплетах, которые никто ни разу не читал. Винс знал это наверняка, потому что хозяин кабинета, Марио Тетранья, однажды указал на них с гордым видом и сказал:

— Дорогие книги. И совершенно новенькие, потому что никто их не читал. Ни одну из них.

Спереди находился огромный письменный стол, за ним Марио изучал отчеты о доходах от своих менеджеров, давал указания о новых мероприятиях и издавал приказы о ликвидации тех или иных людей. Сейчас он с закрытыми глазами сидел за столом, слишком грузный для своего кожаного кресла. У него был такой вид, будто он только что скончался от закупорки вен и ожирения сердца, — на самом же деле Тетранья обдумывал просьбу Винса.

Марио Отвертка — уважаемый глава своей Семьи и наводящий страх дон, стоящий во главе целого клана Тетранья, контролирующего торговлю наркотиками, игорный бизнес, проституцию, ростовщичество, порнографию и другие виды организованной преступности в Сан-Франциско, был низеньким — пять футов семь дюймов, толстеньким — триста фунтов — человечком с лицом, похожим на кусок жирной колбасы. С трудом верилось, что этот пухлый субъект своими руками выстроил целую преступную организацию. Конечно, и Тетранья был когда-то молодым, но и тогда Марио представлял собой коротышку, глядя на которого становилось ясно: он был и будет толстяком всю свою жизнь. Его пухлые, с короткими пальцами ручки напоминали Винсу руки ребенка, но именно этими руками вершились судьбы членов семейной империи.

Когда Винс взглянул Марио Тетранье в глаза, он сразу понял: малый рост и слишком обрюзгший вид донна не имеют никакого значения. Глаза у него были, как у рептилии: холодные, колючие и спокойные. Если собеседник не проявлял должной осторожности или же вызывал у него неудовольствие, дон мог загипнотизировать его своим взглядом и проглотить точно так же, как змея заглатывает парализованную страхом мышь: целиком.

Винсу очень нравился Тетранья. Он смотрел на него как на великого человека, и ему

очень хотелось, чтобы дон знал: он тоже избранник судьбы. Однако Винс никому не рассказывал об этом, так как однажды в прошлом был поднят на смех человеком, которому, как ему показалось, можно было доверять.

Дон Тетранья наконец открыл свои змеиные глаза и сказал:

— Я хочу быть уверен, что правильно тебя понял. Ты ищешь человека. Это не по линии нашей Семьи. Это твое личное дело.

— Да, сэр, — подтвердил Винс.

— Ты считаешь, этот человек мог купить себе фальшивые документы и сейчас живет под другой фамилией. Он что, знает, как добыть себе такие документы, хотя и не является членом ни одной Семьи и не входит в *fratellanza*?

— Да, сэр. У него такое прошлое, что... он может знать, как это делается.

— И ты полагаешь, что ему удалось заполучить документы либо в Лос-Анджелесе, либо здесь, — сказал дон Тетранья, махнув своей мягкой розовой ручкой в сторону окна, за которым виднелись очертания Сан-Франциско.

Винс сказал:

— Двадцать четвертого августа он выехал на машине из Санта-Барбары, поскольку по каким-то причинам не мог улететь на самолете. Мне кажется, ему необходимо изменить личность как можно быстрее. Сначала я было подумал, что он переберется на юг и будет добывать себе документы в Лос-Анджелесе, так как это было ближе всего. Я почти два месяца потратил на то, чтобы связаться со всеми людьми в Лос-Анджелесе и даже в Сан-Диего, к которым он мог обратиться по поводу надежных документов. Мне дали там несколько наводок, но ни одна из них не подтвердилась. Значит, если из Санта-Барбары он поехал не на юг, то единственное место, где он мог найти документы...

— Это наш прекрасный город, — подхватил дон Тетранья, опять махнув в сторону окна и улыбнувшись.

Винсу показалось, что дон улыбается оттого, что ему действительно нравится этот город, но потом понял: это была улыбка алчного человека, предвкушающего поживу.

— И ты хочешь, — продолжал Тетранья, — чтобы я дал тебе имена людей, которые имеют от меня разрешение на изготовление документов такого уровня, который нужен этому твоему объекту?

— Если бы вы были настолько добры, чтобы предоставить мне такую информацию, я был бы вам очень обязан.

— Эти люди ведь не держат архивов.

— Да, сэр, но они могут что-нибудь вспомнить.

— Воспоминания не являются частью их бизнеса.

— Но человек запоминает многое против своего желания.

— Это верно. И ты можешь поклясться, что человек, которого ты разыскиваешь, не принадлежит ни к одной Семье?

— Клянусь.

— Это дело никоим образом не должно обнаружить связь с моей Семьей.

— Клянусь.

Дон Тетранья опять закрыл глаза, но ненадолго. Когда он открыл их вновь, его лицо расплылось в широкой улыбке, но, как всегда, без тени веселья. Это был один из самых невеселых толстяков, которых когда-либо приходилось видеть Винсу.

— Когда твой отец женился на шведской девушке вместо того, чтобы выбрать жену своей национальности, его семья пришла в отчаяние и приготовилась к худшему. Но твоя мать оказалась хорошей женщиной, спокойной и послушной. А потом родился ты — очень красивый сын. Но ты не только красив, Винсент, ты еще и настоящий боец. Ты отлично, чисто поработал на Семьи в Нью-Йорке и Нью-Джерси, в Чикаго и здесь, на побережье. Не так давно ты оказал мне большую услугу, раздавив этого таракана Пантанджелу.

— И за это я был вами щедро вознагражден, дон Тетранья.

Отвертка пренебрежительно махнул рукой:

— Мы все получаем за свой труд. Сейчас разговор не о деньгах. Твоя преданность и отличная служба измеряются годами и стоят больше, чем деньги. Поэтому я должен тебе по крайней мере единожды.

— Благодарю вас, дон Тетранья.

— Ты получишь имена тех, кто изготавливает такие документы в этом городе, а я позабочусь о том, чтобы их предупредили о твоём визите. Тебе будет оказана всесторонняя поддержка.

— Раз вы так говорите, так и будет, — сказал Винс, вставая и делая полупоклон. — Я знаю, что так и будет.

Дон жестом приказал ему сесть.

— Но прежде чем ты займешься этим своим частным вопросом, я бы хотел дать тебе одно поручение. В Окленде есть человек, который очень огорчает меня. Он думает, что я не трону его, потому что у него большие политические связи и хорошая охрана. Его зовут Рамон Веласкес. Это будет трудное задание, Винсент.

Винс сделал над собой усилие, чтобы скрыть охватившие его отчаяние и раздражение. Именно сейчас ему совсем не хотелось браться за хлопотное дело. Винсу нужно было сконцентрировать все свои силы на поисках Тревиса Корнелла и собаки. Но он знал, что задание, которое давал ему Тетранья, было не просьбой, а условием. Для того чтобы получить имена людей, занимающихся подделкой документов, он должен будет сначала убрать Веласкеса.

Винс сказал:

— Почту за честь раздавить любое насекомое, укусившее вас. И на этот раз это ничего вам не будет стоить.

— Нет, нет, я обязательно заплачу тебе, Винсент.

Улыбаясь самым любезным образом, Винс сказал:

— Прошу вас, дон Тетранья, разрешите мне оказать вам эту услугу. Это доставит мне истинное удовольствие.

Тетранья притворился, что обдумывает просьбу, хотя несомненно рассчитывал на подобное предложение. Он похлопал себя обеими ладонями по огромному брюху:

— Везучий я человек. Куда бы я ни повернулся, люди готовы оказывать мне услуги.

— Дело не в везении, дон Тетранья, — проговорил Винс, которого уже тошнило от этого манерного разговора. — Вы пожинаете то, что сеете, и если вы пожинаете доброту, то это потому, что сами щедро посеяли ее семена.

Просияв от удовольствия, Тетранья принял предложение Винса убрать Веласкеса бесплатно. Ноздри его пороссячьего носа раздувались, как от запаха вкусной еды. Он сказал:

— Скажи мне... мне просто интересно, что ты сделаешь с тем человеком, с которым у тебя вендетта, когда найдешь его?

«Вышибу мозги и заберу собаку», — подумал Винс.

Он знал, однако, что от него, наемного убийцы, всеобщего любимца, Отвертка хотел услышать что-нибудь менее прозаическое, поэтому Винс сказал:

— Дон Тетранья, я отрежу ему яйца, уши и вырежу ему язык, а потом воткну ему лезвие в сердце и заставлю его замолчать навсегда.

Глазки толстяка одобрительно заблестели, а ноздри раздулись.

3

Наступил День Благодарения, но Аутсайдер не нашел дом из мореного дерева в районе Биг Сюр.

Каждую ночь Тревис и Нора запирали изнутри ставни на окнах и двери. Поднявшись на второй этаж, они ложились спать, положив ружья рядом с кроватью, а револьверы на тумбочки.

Иногда глубокой ночью они просыпались от странного шума во дворе или на крыше

крыльца. Эйнштейн начинал ходить от окна к окну, усиленно принохиваясь, но всем своим видом показывал, что бояться нечего. Выглянув наружу, Тревис обычно обнаруживал источник шума: енота или другого лесного обитателя.

Праздник Благодарения превзошел ожидания Тревиса. Они с Норой приготовили традиционный обед на троих: зажаренную индейку с каштановым соусом, запеканку, морковное заливное, печеную кукурузу, салат из перца, рогалики и тыквенный пирог.

Эйнштейн попробовал все блюда, поскольку, в отличие от обычных собак, у него были хорошо развиты вкусовые ощущения. И хотя салат из перца ему совсем не понравился, от индейки он пришел в восторг. Целый день потом пес занимался тем, что обгладывал косточки.

Наблюдая за Эйнштейном на протяжении многих недель, Тревис заметил, что тот иногда ел некоторые травы во дворе, хотя время от времени и давился ими. В День Благодарения ретривер тоже вышел во двор пощипать травы, и, когда Тревис спросил его, нравится ли она ему на вкус, Эйнштейн ответил отрицательно.

— Тогда зачем ты ешь ее?

«МНЕ ЭТО НУЖНО».

— Зачем?

«Я НЕ ЗНАЮ».

— Если ты не знаешь, зачем тебе это нужно, откуда тебе известно, что это тебе нужно вообще? Инстинкт?

«ДА».

— Просто инстинкт, и все?

«НЕ ДАВИ НА МЕНЯ».

В тот вечер они втроем сидели на подушках, разложенных на полу в гостиной перед большим каменным очагом, и слушали музыку. Пламя очага отражалось в блестящей толстой шкуре Эйнштейна. Обняв одной рукой Нору за плечи и свободной рукой поглаживая пса, Тревис думал о том, что ретривер не зря все-таки ест траву, поскольку выглядит здоровым и бодрым. Собака несколько раз чихнула и время от времени покашливала, но это скорее всего было нормальной реакцией на гастрономические излишества в праздничный день и на сухое тепло, исходившее от очага. Тревису и в голову не пришло беспокоиться о здоровье пса.

4

Теплым днем в пятницу, двадцать шестого ноября, на следующий день после праздника Благодарения, Гаррисон Дилворт находился на борту своей любимицы, сорокадвухфутовой яхты «Красавица», пришвартованной на своей постоянной стоянке в бухте Санта-Барбары. Он полировал металлические поручни и рукоятки и настолько увлекся этим занятием, что не заметил приближения двух мужчин в строгих костюмах. Гаррисон поднял глаза, когда они были уже готовы представиться ему, и сразу понял, с кем имеет дело, еще до того как они показали ему свои служебные удостоверения.

Одного из них звали Джонсон, второго Соамс.

Изобразив на своем лице удивление и интерес, адвокат пригласил их пройти к нему.

Ступая с пристани на борт судна, тот, который представился Джонсоном, сказал:

— Нам бы хотелось задать вам несколько вопросов, мистер Дилворт.

— На какую тему? — поинтересовался Гаррисон, вытирая руки белой тряпкой.

Джонсон был среднего телосложения негром, немного костлявым, с изможденным лицом, но в то же время обладал внушительными манерами.

Гаррисон спросил:

— Так вы из Управления национальной безопасности? Я надеюсь, вы не думаете, что я наймит КГБ?

Джонсон слегка улыбнулся:

— Вы оказывали профессиональные услуги Норе Девон?

Гаррисон вскинул брови.

— Норе? Вы это серьезно? Могу вас заверить, что Нора не такой человек, чтобы оказаться замешанной в таких...

— Вы ведь ее адвокат? — перебил его Джонсон.

Гаррисон взглянул на веснушчатого молодого человека, представившегося «агентом Соамсом», и опять вскинул брови, как бы спрашивая, всегда ли Джонсон такой зануда. Соамс ответил ему ничего не выражающим взглядом, подыгрывая своему начальнику.

«Да, — подумал Гаррисон, — с этими ребятами хлопот не оберешься».

После обескураживающего и неудачного допроса Дилворта Лем усил Клиффа Соамса, дав ему несколько заданий: взять постановление суда о прослушивании домашних и служебных телефонов адвоката; найти три телефона-автомата поблизости от его дома и офиса и организовать их прослушивание; получить сведения от телефонной компании о всех междугородных звонках, производимых с домашнего или служебного телефона Дилворта; в течение трех часов с помощью подкрепления из Лос-Анджелесского отделения УНБ организовать круглосуточное наблюдение за Дилвортом.

Пока Клифф выполнял эти поручения, Лем отправился побродить по причалу в надежде, что шум океана и созерцание катящихся волн прояснят ход его мыслей и помогут сосредоточиться. Видит Бог, ему сейчас было крайне важно *сосредоточиться*. С тех пор как собака и Аутсайдер убежали из Банодайна, прошло больше шести месяцев, и за это время Лем потерял почти пятнадцать фунтов веса. Уже несколько месяцев он плохо спал, утратил интерес к еде, и даже его сексуальная жизнь претерпела изменения к худшему.

«Нельзя сделать больше, чем можешь, — говорил Лем себе. — От этого мозги может заклинить».

Подобные увещевания, однако, не возымели действия. Голова у него была по-прежнему как ватная.

Когда три месяца назад им удалось найти машину Корнелла на школьной автостоянке, на следующий день после убийства Хокни, Лем сразу определил: Корнелл и его подруга только что вернулись из поездки в Лас-Вегас, Тахо и Монтерей. Карточки ночных клубов Лас-Вегаса, гостиничные блокноты, спичечные книжечки и расписки с бензозаправочных станций, обнаруженные в трейлере и пикапе, подробно указывали на пройденный парочкой маршрут. Тогда Лем не знал имени приятельницы Корнелла и предполагал, что она просто его знакомая, не более того. Всего несколько дней назад, когда один из агентов Лема сказал, что едет жениться в Лас-Вегас, тот наконец сообразил: Корнелл со своей подругой могли отправиться туда с такой же целью. И вся их поездка была не чем иным, как свадебным путешествием. Лему понадобилось всего несколько часов, чтобы получить подтверждение о том, что одиннадцатого августа Корнелл женился на Норе Девон из Санта-Барбары в графстве Клерк, штат Невада.

Начав поиски женщины, Лем выяснил: ее дом был продан за шесть недель до этого события, а она сама исчезла вместе с Корнеллом. Заинтересовавшись документами на продажу дома, Лем обнаружил, что интересы Норы Девон представлял ее адвокат Гаррисон Дилворт.

Отдав приказ заморозить банковские счета Корнелла, Лем решил поставить беглецов в трудное положение, но вот теперь выясняется, что Дилворт помог снять двадцать тысяч со счета Корнелла, а все деньги, вырученные от продажи дома Норы Девон, были каким-то образом ей переведены. Более того, при помощи адвоката она закрыла свои банковские счета четыре недели назад и умудрилась получить с них деньги. Так что вся эта троица имела достаточно средств, чтобы несколько лет не выходить на поверхность.

Стоя на причале, Лем смотрел на испещренное солнечными бликами море, ритмично бьющееся об опоры. Равномерное движение воды вызывало у него ощущение тошноты.

Подняв глаза, он стал наблюдать за чертящими небо кричащими чайками. Но вместо успокоения их грациозный полет вызвал у него чувство беспокойства.

Гаррисон Дилворт умен и хитер — прирожденный боец. Теперь, когда обнаружилась

связь между ним и Корнеллами, адвокат пригрозил, что через суд заставит УНБ разморозить счета Тревиса.

— Вы не представили против него никаких обвинений, — сказал Дилворт. — Какой же судья в таких обстоятельствах вынесет решение о замораживании счетов? Ваши манипуляции с законом, имеющие целью ущемить дееспособность честного гражданина, бессовестны.

Лем мог бы выдвинуть против Тревиса и Норы обвинения в нарушении целого ряда законов, касающихся национальной безопасности, и лишил бы Дилворта возможности помогать беглецам. Но, поступив таким образом, он неизбежно привлек бы внимание средств массовой информации, и тогда убогая легенда о пантере, которую якобы держал у себя дома Тревис, — а возможно, и вся схема дезинформации, выстроенная УНБ по этому делу, — рухнула бы как карточный домик.

Единственная надежда Лема была на то, что Дилворт попытается связаться с Корнеллами и сообщит им, что их контакт обнаружен. В этом случае, если повезет, Лем мог бы «вычислить» Корнеллов по номеру их телефона. Но он не думал, что все будет так просто. Дилворт не такой дурак.

Обводя взором бухту Санта-Барбары, Лем старался успокоиться: ему надо быть рассудительным и бодрым, чтобы перехитрить старого адвоката. Сотни прогулочных яхт стояли у причалов со свернутыми или снятыми парусами и легко покачивались на приливной волне; другие, развернув паруса, шли в открытое море. На их палубах виднелись люди в купальных костюмах, загорающие или пьющие коктейли; чайки чертили голубой небосвод в белых заплатках облаков; на волнорезе люди удили рыбу. Вся эта сцена была весьма живописна, но одновременно вызывала чувство какого-то наигранного спокойствия, которого Лем Джонсон не разделял. Такое спокойствие слишком отвлекало от холодных, жестоких реальностей повседневной жизни; любой отдых, продолжающийся более нескольких часов, заставлял Лема нервничать и скучать по работе. Здесь же, на берегу, отдых измерялся днями и неделями; на этих дорогах и искусно сделанных яхтах люди месяцами плавали вдоль побережья — здесь царил такое безделье, от которого Лема бросало в пот и от которого ему хотелось кричать.

Кроме всего прочего, его беспокоил и Аутсайдер. С тех пор как Тревис Корнелл стрелял по нему у себя в доме в конце августа, о нем не было ни слуху ни духу; прошло уже три месяца. Чем эта тварь занималась всё это время? Где пряталась? Преследовала ли по-прежнему собаку? А может, ее уже нет в живых?

Вероятно, Аутсайдера укусила гремучая змея или он свалился со скалы и разбился?

«Боже, — подумал Лем, — сделай так, чтобы Аутсайдер был уже мертв, дай мне хотя бы такую возможность перевести дух. Сделай так, чтобы он был мертв».

Лем знал, однако, что Аутсайдер не мертв, потому что это был бы слишком простой выход. А в жизни простых выходов не бывает. Чертова тварь жива и идет за собакой. По всей видимости, Аутсайдер удерживает себя от убийства людей, встречающихся ему на пути, понимая: каждое такое убийство приближает к нему Лема и его сотрудников, а ему не хочется, чтобы его остановили, прежде чем он найдет и убьет собаку. Когда же зверюга разорвет пса и обоих Корнеллов на куски, тогда вновь начнет вымещать свою ярость на других людях, и каждая новая смерть будет тяжелым камнем ложиться на совесть Лема Джонсона.

Между тем расследование убийств ученых из Банодайна ни к чему не привело. Вторая спецгруппа УНБ была распущена. Безусловно, что для совершения этих преступлений Советы наняли посторонних людей, которых невозможно было установить.

В этот самый момент мимо Лема прошеествовал загорелый молодой человек в белых шортах и мягких теннисных туфлях и произнес:

— Прекрасный денек!

— Черт бы его взял, — ответил Лем.

На следующий после праздника Благодарения день Тревис вошел в кухню, чтобы налить себе стакан молока, и увидел там всю чихающего Эйнштейна, но не придавал этому значения. Нора, которая в большей степени, чем Тревис, была восприимчива к переменам в поведении Эйнштейна, тоже ничего не заметила. В Калифорнии в воздухе летает особенно много пыльцы весной и осенью, но поскольку климат позволяет растениям цвести круглый год, то ни один сезон не обходится без нее. А в лесной местности пыльцы, естественно, еще больше.

Ночью Тревис проснулся от звука, природа которого была для него непонятна. Моментально сбросив с себя остатки сна, он сел на кровать и в темноте нащупал на полу ружье. Сжимая «моссберг», Тревис начал прислушиваться, и через минуту звук повторился: он доносился из коридора второго этажа.

Стараясь не разбудить Нору, Тревис выскользнул из постели и осторожно подошел к двери. В холле, как почти повсюду в доме, горел ночник, и в его тусклом свете Тревис увидел Эйнштейна. Он стоял у верхней ступеньки лестницы, кашлял и тряс головой.

Подойдя к нему, Тревис спросил:

— С тобой все в порядке?

Коротко вильнув хвостом, пес показал: «Да».

Тревис нагнулся и провел рукой по его шерсти.

— Ты уверен?

«Да».

С минуту пес прижимался к нему, радуясь ласке. Затем отошел в сторону, пару раз кашлянул и спустился вниз.

Тревис последовал за ним. На кухне Эйнштейн стал жадно пить воду из миски.

Опустошив ее, ретривер прошел в кладовку, зажег свет и, надавливая лапой на педали, вывел:

«ХОЧУ ПИТЬ».

— Ты в самом деле себя хорошо чувствуешь?

«ХОРОШО. ТОЛЬКО ПИТЬ ХОЧЕТСЯ. МНЕ СНИЛСЯ ПЛОХОЙ СОН».

Тревис удивленно просил:

— Тебе снятся сны?

«А ТЕБЕ РАЗВЕ НЕТ?»

— Снятся. Слишком часто.

Тревис налил в миску воды и, после того как Эйнштейн выпил все до капли, наполнил ее еще раз. Пес наконец напился вдоволь. Тревис подумал, что собака попросится на улицу, но вместо этого она ушла наверх и улеглась в коридоре у двери спальни.

Тревис сказал ей шепотом:

— Послушай, если хочешь лечь рядом с кроватью, никаких проблем.

Этого как раз Эйнштейн и хотел. Он прошел в спальню и свернулся клубком рядом с кроватью с той стороны, где лежал Тревис.

В темноте тот легко дотрагивался рукой до ружья и до собаки. И присутствие пса внушало ему гораздо больше уверенности, чем ружье.

В субботу днем, через два дня после праздника Благодарения, Гаррисон Дилворт сел в «Мерседес» и медленно отъехал от своего дома. Через два квартала он убедился, что за ним все еще следует «хвост» из УНБ. Это был зеленый «Форд», возможно, тот же самый, что увязался за Дилвортом прошлым вечером. Люди, ведущие наблюдение, держались от адвоката на порядочном расстоянии и не старались обнаружить себя, но ведь он был не слепой.

Гаррисон так еще и не позвонил Тревису и Норе. Увидев за собой слежку, он подумал, что его телефоны прослушиваются. Адвокат мог, конечно, воспользоваться уличным телефоном-автоматом, но боялся, что агенты УНБ подслушают разговор с помощью микрофона направленного действия или еще какого-нибудь неизвестного ему устройства. А если они зафиксируют продолжительность набора цифр телефонного номера Корнеллов, тогда им не составит труда определить и сам номер, и местонахождение абонента в Биг Сюре. Поэтому если и звонить Тревису и Норе, то каким-то обманным путем.

Адвокат знал также, что ему нужно сделать это побыстрее, пока Тревис или Нора не позвонили ему сами. УНБ располагало техникой, способной установить номер звонящего прежде, чем тот, кому звонят, успеет предупредить, что линия прослушивается.

Исходя из этих соображений, в два часа дня в субботу сопровождаемый зеленым «Фордом» Гаррисон поехал к дому Деллы Колби в Монтесито, чтобы пригласить ее покататься с ним на яхте. По крайней мере так он сказал ей о цели своего визита по телефону.

Делла была вдовой судьи Джека Колби. Они с Джеком были лучшими друзьями Гаррисона и Франсины на протяжении двадцати пяти лет, пока смерть не разрушила их компанию. Джек умер через год после Франсины. Делла и Гаррисон сохранили дружбу: часто обедали вместе, танцевали, гуляли и катались на яхте. Поначалу их отношения были чисто платоническими: они оставались просто друзьями, которым повезло — или не повезло — пережить всех, кого они любили, и их тянуло друг к другу, потому что их объединяли воспоминания о прекрасных временах, проведенных вместе со всеми. Год назад, когда неожиданно для них самих Гаррисон и Делла оказались в одной постели, то испытали состояние шока и вины перед своими покойными супругами, скончавшимися много лет назад. Чувство вины, разумеется, скоро прошло, и сейчас они были искренне благодарны судьбе за объединившую их дружбу и за ровно горящую страсть, неожиданно украсившую жизнь на склоне лет.

Когда адвокат подъехал к дому Деллы, она заспешила к машине. На ней были спортивные тапочки, белые слаксы, бело-голубой полосатый свитер и голубая штормовка. Несмотря на то, что Делле исполнилось шестьдесят девять лет и ее короткие волосы были белы как снег, она выглядела на пятнадцать лет моложе.

Гаррисон вылез из «Мерседеса», обнял ее и поцеловал:

— Мы сможем воспользоваться твоим автомобилем?

Она заморгала.

— С твоим что-нибудь не в порядке?

— Нет, — ответил он. — Мне просто хочется поехать на твоём.

— Давай.

Делла вывела свой «Кадиллак» из гаража, и Гаррисон сел рядом с ней на переднее сиденье. Когда они выехали на улицу, он проговорил:

— Боюсь, в моей машине установлено подслушивающее устройство. Мне не хочется, чтобы они знали то, что я тебе сейчас расскажу.

Делла смотрела на него с неподдельным интересом.

— Нет, — засмеялся адвокат, — я не выжил из ума. Если взглянешь в зеркало, увидишь, что за нами следят. Они большие профессионалы, но все-таки не невидимки.

Через некоторое время Делла спросила:

— Зеленый «Форд»?

— Точно.

— Во что же ты такое вляпался, дорогой?

— Мы сейчас не поедem прямо на причал. Сначала заглянем на рынок и купим свежих фруктов. Затем побываем в винном магазине и выберем там вино. К тому моменту я успею тебе все рассказать.

— У тебя есть тайная жизнь, о которой я и не подозревала? Ты престарелый Джеймс Бонд?

Накануне Лем Джонсон вновь открыл временный штаб в невероятно тесной комнатке в здании окружного суда Санта-Барбары. В комнатке было одно узкое окошко, стены выкрашены темной краской, а светильник на потолке источал такой тусклый свет, что все четыре угла зияли чернотой. Мебель, которую туда внесли, состояла из предметов, списанных из других офисов. Лем занял эту комнатку сразу после того, как произошло убийство Хокни, но потом покинул ее на неделю, поскольку у него не было больше дел в этом районе. Теперь же, когда появилась надежда, что Дилворт наведет его на Корнеллов, Лем вновь открыл свой «полевой штаб», подключил телефоны и стал ждать развития событий.

В офисе вместе с ним находился помощник, Джим Вэни, очень серьезный и прилежный двадцатипятилетний молодой человек.

В настоящий момент Клифф Соамс руководил действиями группы из шести агентов УНБ, которые работали в разных точках района, а также организовывал наблюдение за Дилвортом с моря. Старый проныра наверняка понял, что за ним следят, и Лем предполагал, что он попытается скрыться от наблюдения на некоторое время, достаточное для того, чтобы позвонить Корнеллам. С этой точки зрения наиболее логичным для адвоката было попытаться выйти на яхте в море, на лодке пробраться на берег в какой-нибудь точке побережья и позвонить, прежде чем его смогут засечь приставленные к нему наблюдатели. Но как же удивится Дилворт, когда местный морской патруль будет сопровождать его при выходе из бухты, а в открытом море его будет поджидать катер береговой охраны.

В пятнадцать часов сорок минут позвонил Клифф и доложил, что адвокат и его подруга находятся на борту «Красавицы», едят фрукты, потягивают вино, вспоминают прошлое и посмеиваются.

— Из того, что мы услышали по направленному микрофону и увидели, могу заключить: они никуда не собираются. Разве что в постель. Бодрые старички.

— Присматривай за ними, — сказал Лем. — Я им не доверяю.

Потом позвонил агент, возглавлявший обыск дома Дилворта, который начался сразу же после того, как тот уехал. Ничего, указывающего на местонахождение Корнеллов и собаки, обнаружено не было. Перечень междугородных звонков, сделанных им из дома и офиса, также не содержал в себе номера телефона Корнеллов — если адвокат и звонил им, то наверняка из телефона-автомата. Изучение телефонной карточки также не принесло результатов. Даже если Дилворт звонил из телефона-автомата, то плату за разговор он начислял не на свою карточку, а на счет Корнеллов, не оставляя таким образом никаких следов. А это был плохой признак. Очевидно, что адвокат соблюдал крайнюю осторожность еще до того, как заметил за собой слежку.

...В субботу, испугавшись, что собака могла простудиться, Тревис внимательно наблюдал за Эйнштейном. Но ретривер только пару раз чихнул и ни разу не кашлянул за весь день.

В этот день транспортная компания доставила им десять больших ящиков, в которых находились все законченные живописные работы Норы, оставленные ею в Санта-Барбаре. Пару недель назад, воспользовавшись адресом своего знакомого в качестве обратного, чтобы нельзя было установить связь между ним и Норой Эймс, Гаррисон Дилворт отправил ей картины.

Сейчас, распаковывая полотна и разбрасывая вокруг себя горы мятой бумаги, Нора пребывала в состоянии душевного подъема. Тревис знал: на протяжении многих лет творчество составляло главный смысл ее жизни, а теперь, когда картины вернулись к ней, она не только испытывала радость, но, возможно, и желание заняться живописью — в пустой спальне, превращенной в студию, ее ждало несколько незаконченных работ.

— Хочешь позвонить Гаррисону и сказать «спасибо»? — спросил он.

— Да, непременно! — ответила Нора. — Но сначала давай распакуем и посмотрим, все ли цело.

Расположившись на причале и изображая из себя владельцев яхт и рыболовов, Клифф Соамс и другие агенты УНБ вели визуальное и электронное наблюдение за Дилвортом и Деллой Колби. День подходил к концу, спускались сумерки, а адвокат и не собирался выходить в море. Вскоре совсем стемнело, но Дилворт и его подруга так и не двинулись с места.

Через полчаса после наступления темноты Клифф Соамс устал изображать из себя человека, удящего рыбу с кормы шестидесятишестифутовой спортивной яхты, пришвартованной через четыре стоянки от яхты Дилворта. Он взобрался по лесенке в кабину рулевого и снял наушники с Хенка Горнера, агента, который прослушивал разговор престарелой парочки через микрофон направленного действия. Он начал слушать:

— ...тогда в Акапулько Джек нанял рыбацкую...

— ...да, а команда выглядела как шайка пиратов...

— ...мы подумали, что нам перережут глотки, а нас самих выбросят в море...

— ...а потом оказалось, что они студенты-богословы...

— ...учатся на миссионеров, а Джек тогда сказал...

Возвращая наушники Хенку, Клифф сказал:

— Все еще вспоминают!

Хенк кивнул. В кабине был выключен верхний свет и горела только маленькая закрытая блендой лампочка на приборном щитке, в свете которой черты лица Хенка выглядели странным образом вытянутыми.

— И так целый день. Но истории они рассказывают интересные.

— Я пошел в сортир, — сказал Клифф устало. — Скоро буду.

— Можешь хоть десять часов там сидеть. Они никуда не собираются.

Через несколько минут, когда Клифф вернулся, Хенк Горнер стащил с головы наушники и сказал:

— Они спустились в каюту.

— Что это значит?

— Не то, чего мы ждем. Наверное, хотят поразмять старые кости.

— О!

— Клифф, ну их к черту. Я не хочу больше слушать.

— Слушай!

Хенк приложил один наушник к уху:

— Ну вот, они раздевают друг друга, а ведь по возрасту им столько же, сколько моим деду и бабке. Неловко как-то.

Клифф вздохнул.

— Успокоились, — сообщил Хенк нахмурившись, с выражением отвращения на лице. — В любую минуту они могут начать стонать, Клифф.

— Слушай! — приказал тот.

Схватив легкую куртку, лежавшую на столе, Соамс вышел наружу. Он точно не обязан это слушать.

Если бы не холод, пробиравший Клиффа даже через куртку, ночь можно было бы назвать прекрасной. Морской воздух прозрачен и свеж. Черное безлунное небо усеяно звездами. Волны успокаивающе бились о причальные опоры и о борта мирно покачивающихся на приколе яхт. Где-то вдали на одной из них звучала музыка сороковых годов. Послышался рев заводимого мотора — и даже в этом звуке было что-то романтическое. Клифф подумал о том, как хорошо было бы занять яхту и отправиться на ней в долгое путешествие по южной части Тихого океана, куда-нибудь на заросшие пальмами острова...

Вдруг мотор перешел с холостого на рабочий ход, и Клифф сообразил, что это «Красавица». Вскочив со своего стула и уронив удочку, он увидел, как яхта Дилворта быстро шла задним ходом к выходу из причального отсека. Это была парусная яхта, и Клифф не

ожидал, что она начнет движение с убранными парусами. На судне, правда, имелись вспомогательные двигатели, и они знали об этом и были готовы к такому варианту, но все равно их застигли врасплох. Клифф заспешил обратно в кабину.

— Хенк, сообщи патрулям. Дилворт выходит в море.

— Да они же залегли в койку!

— Черта с два!

Клифф выбежал на нос яхты и увидел, что Дилворт уже развернул свою «Красавицу» и направляется к выходу из бухты. Яхта передвигалась без огней, только на носу горела маленькая лампочка. Итак, он решил прорваться!

К тому времени, когда Тревис и Нора распаковали все сто картин, повесили некоторые из них на стены и отнесли остальные в спальню-студию, они почувствовали, что умирают с голоду.

— Гаррисон, наверное, сейчас тоже обедает, — сказала Нора. — Не хотелось бы ему мешать. Позвоним ему после обеда.

В кладовке Эйнштейн нажал на педали и вывел:

«ТЕМНО, СНАЧАЛА ЗАКРОЙТЕ СТАВНИ».

Удивляясь собственной беспечности, Тревис начал ходить по комнатам, закрывать ставни и запирать их на щеколды. Обрадовавшись возвращению Нориных картин и ее восторгам по этому поводу, они не заметили, как спустилась ночь.

На полпути к выходу из бухты, уверенный в том, что расстояние и шум мотора служат надежной защитой от электронных подслушивающих устройств, Гаррисон сказал:

— Держись вдоль края фарватера и подбрось меня поближе к концу северного волнореза.

— Ты уверен, что поступаешь правильно? — обеспокоенно спросила Делла. — Ты ведь не мальчишка.

Он похлопал ее по заду и сказал:

— Я лучше.

— Фантазер.

Гаррисон чмокнул ее в щеку, подошел к бортику яхты и приготовился к прыжку. На нем были темно-синие плавки. Вода была холодной, и следовало бы надеть резиновый костюм, но он решил доплыть до волнореза, обогнуть его и вылезти с северной стороны, где его не будет видно из бухты — и все это за несколько минут — так что не успеет слишком сильно замерзнуть.

— К нам гости! — стоя у руля, крикнула Делла.

Адвокат оглянулся и увидел патрульный катер, покидающий южный причал и направляющийся в их сторону.

«Они не могут нас остановить, — подумал Гаррисон. — У них нет на это никакого права».

Но ему надо успеть нырнуть в воду прежде, чем патруль развернется. А то им будет видно, как он прыгает за борт. Сейчас, пока они еще были далеко, у порта, «Красавица» загородит от них его прыжок, а фосфоресцентный кильватер прикроет самого Гаррисона на несколько секунд, пока он будет огибать волнорез. Вполне достаточно, а потом пусть следят дальше за Деллой.

Яхта шла вперед на максимально большой скорости, при которой Делла чувствовала себя уверенно. Зюйд-вест подбрасывал судно на волнах с такой силой, что Гаррисону приходилось держаться за поручни. И все же ему казалось: они слишком медленно движутся вдоль каменной стены волнореза; а морской патруль приближался, но Гаррисон все ждал и ждал, потому что не хотел нырять в воду за сто ярдов от выхода из бухты. Если он прыгнет слишком рано, то не сможет добраться до мыса волнореза и обогнуть его; вместо этого ему придется плыть прямо к волнорезу и вылезать на него с фланга на виду у наблюдателей.

Патруль подошел к ним на расстояние ста ярдов, увидел их и начал разворачиваться. Больше медлить было нельзя, нельзя.

— Пора! — крикнула Делла.

Гаррисон прыгнул через бортик в темную воду, подальше от яхты.

Вода была холодной. У него перехватило дыхание. Он стал уходить под воду, никак не мог выплыть на поверхность, его охватила паника. Гаррисон стал молотить руками и ногами по воде и наконец, хватая ртом воздух, выплыл на поверхность.

«Красавица» была на удивление близко. Ему казалось, что он барахтался под водой целую вечность, но на самом деле, должно быть, прошла всего лишь секунда или две, так как яхта была совсем рядом. Морской патруль тоже был недалеко, и Гаррисон решил, что даже расходящиеся от «Красавицы» волны не будут для него надежным прикрытием, поэтому набрал в легкие побольше воздуха и снова нырнул, оставаясь под водой так долго, как только мог. Когда адвокат всплыл на поверхность, Делла и ее преследователи уже вышли из бухты и повернули на юг — он был в безопасности.

Его быстро несло отливом за северный волнорез, представлявший собой стену из валунов и камней, более чем на двадцать футов возвышающуюся над поверхностью воды и кажущуюся ночью крапчатым серо-черным крепостным валом. Ему надо было не только обогнуть конец этого барьера, но и добраться против течения к берегу. Без дальнейшей проволоочки Гаррисон начал плыть, недоумевая про себя, с чего это он решил, что все это детские игрушки.

«Тебе скоро семьдесят один год, — говорил себе адвокат, проплывая мимо каменистого мыса, освещенного маяком. — С чего это тебе вздумалось строить из себя героя?»

Но он знал с чего: из-за глубокого убеждения, что собака должна оставаться на свободе, что с ней нельзя обращаться как с собственностью правительства. *Если мы дошли до того, что можем творить, как Господь Бог, мы должны научиться поступать так же справедливо и милосердно, как он.* Так Гаррисон сказал Норе, Тревису — и Эйнштейну — той ночью, когда был убит Тед Хокни, и он готов был подписаться под каждым своим словом.

Соленая вода разъедала глаза, мешала смотреть. Что-то попало в рот и разъело маленькую язвочку на нижней губе.

Борясь с течением, Гаррисон обогнул мыс волнореза и энергично поплыл к нему. Теперь его нельзя было увидеть из бухты. Добравшись наконец до камней, он, тяжело дыша, ухватился за первый же валун и повис на нем, набираясь сил, чтобы выбраться из воды.

В недели, прошедшие после побега Норы и Тревиса, у Гаррисона было много времени, чтобы подумать об Эйнштейне, и сейчас он еще сильнее чувствовал: держать в клетке разумное и абсолютно невинное существо было актом чудовищной несправедливости, независимо от того, что речь шла о собаке. Гаррисон посвятил всю свою жизнь борьбе за справедливость, ставшую возможной благодаря законам демократии, и поддержание свободы, вытекающей из этой справедливости. Когда человек, имеющий идеалы, решает, что слишком стар для того, чтобы поставить все на карту во имя своих идеалов, то перестает быть человеком с идеалами. Может быть, он вообще перестает быть человеком. Эта суровая правда и заставила его предпринять этот ночной заплыв, несмотря на возраст. Смешно, что долгая жизнь человека с идеалами спустя семь десятков лет должна подвергнуться проверке судьбой собаки.

Но *какой* собаки!

«В каком дивном новом мире мы живем», — подумал Гаррисон.

Генетическую технологию следовало бы переименовать в «генетическое искусство», поскольку каждое произведение искусства — это акт творчества, а на свете не может быть более тонкого и красивого акта творчества, чем создание разумного существа.

Ощувив второе дыхание, адвокат вылез из воды на отлогий край северного волнореза. Этот барьер отделял Гаррисона от бухты, и он пошел в сторону берега по камням, а слева от него бушевало море. Адвокат предусмотрительно прикрепил к плавкам водонепроницаемый карманный фонарик и теперь освещал им дорогу, с величайшей осторожностью ступая

босыми ногами по мокрым камням, боясь поскользнуться и сломать себе ногу.

Впереди в нескольких сотнях ярдов виднелись городские огни и неясная серебристая линия пляжа.

Ему было холодно, но все же не так, как в воде. Сердце его часто билось, но не так часто, как прежде.

Он делает это.

Лем Джонсон прибыл на пристань из своего временного «полевого штаба» в здании окружного суда. Клифф встречал его у пустой лодочной стоянки, где прежде находилась «Красавица». Поднялся ветер. Сотни судов покачивались у причалов; они скрипели, а плохо натянутые парусные веревки бились и бились о мачты. Фонари на пристани и огни с соседней яхты бросали мерцающий свет на темную, выглядящую маслянистой воду, где прежде была пришвартована сорокадвухфутовая яхта Дилворта.

— А морской патруль? — озабоченно осведомился Лем.

— Они проследовали за ним в открытое море. Нам казалось, Гаррисон собирается повернуть на север, уж очень близко к волнорезу он шел, но вместо этого двинул на юг.

— А Дилворт его заметил?

— Должен был. Вы же видите — никакого тумана, полно звезд, светло как днем.

— Хорошо. Я хочу, чтобы он знал. А береговая охрана?

— Я говорил с катером, — заверил его Клифф. — Они на месте, идут на юг вдоль берега на расстоянии ста ярдов от «Красавицы».

Дрожа на быстро остывающем воздухе, Лем сказал:

— Они знают, что Гаррисон попытается добраться до берега в резиновой лодке или еще на чем-то?

— Знают, — ответил Клифф. — Он не сможет это проделать у них под носом.

— Охрана уверена, что Дилворт их заметил.

— Они освещены, как рождественская елка.

— Отлично. Я хочу, чтобы он понял: все бесполезно. Если мы не дадим ему возможности предупредить Корнеллов, тогда рано или поздно они позвонят ему сами — тут-то мы их и возьмем. Даже если парочка воспользуется телефоном-автоматом, мы будем знать их примерные координаты.

Кроме прослушивания домашних и служебных телефонов Дилворта, УНБ установило специальное следящее устройство, которое включит линию сразу после звонка и не разъединит ее даже по окончании разговора, до тех пор, пока номер телефона и адрес звонившего не будут определены и проверены. Даже если Дилворт быстро выкрикнет предостережение и повесит трубку, как только услышит голос одного из Корнеллов, будет уже поздно. Единственно как он мог попытаться сорвать планы УНБ — это вовсе не подходить к телефону. Но даже это ему бы не помогло, потому что после шестого звонка включалось автоматическое устройство УНБ, которое «отвечало на звонок», устанавливало соединение и приступало к процедуре опознания.

— Единственное, что может нам помешать, — сказал Лем, — это если Дилворт доберется до телефона, который не находится у нас под контролем, и предупредит Корнеллов, чтобы они ему не звонили.

— Этого не произойдет, — заверил Клифф. — Мы прочно сидим у него на хвосте.

— Лучше бы ты этого не произносил, — забеспокоился Лем. Ветер со звоном ударился о металлический замок, висящий на свободном конце веревки, и Лем даже подпрыгнул. — Мой отец любил говорить, что все самое худшее случается тогда, когда этого совсем не ждешь.

Клифф покачал головой.

— Несмотря на все мое уважение, сэр, чем чаще вы цитируете своего отца, тем больше я склоняюсь к мысли, что он был самым мрачным человеком, когда-либо жившим на этой земле.

Оглядываясь по сторонам на раскачивающиеся лодки и вздымающиеся от ветра волны и чувствуя, что это *он* перемещается вместо того, чтобы стоять неподвижно в движущемся мире, и что его от этого слегка подташнивает, Лем сказал:

— Да... мой отец по-своему был великим человеком, но он также был... совершенно невозможным.

Раздался крик Хенка Горнера:

— Эй! — Он бежал по причалу от яхты, где они с Клиффом просидели весь день. — Я только что разговаривал с катером. Они посветили прожектором на «Красавицу», чтобы слегка их попугать, и говорят, что Дилворта там нет. Только женщина.

Лем сказал:

— Но, черт, он же ведет яхту.

— Нет, — ответил Горнер. — На «Красавице» темно, но прожектор с береговой охраны освещает всю посудину, и они говорят, что у руля женщина.

— Все в порядке. Гаррисон внизу в каюте, — сказал Клифф.

— Нет, — проговорил Лем с гулко бьющимся сердцем. — В такой момент адвокат не стал бы сидеть в каюте. Он бы следил за катером, решая, идти ли ему дальше или повернуть назад. Его нет на «Красавице».

— Но Дилворт должен там быть! Он с нее не сходил, пока она стояла у причала.

Лем уставился в ту сторону хрустально-прозрачной бухты, где на конце северного волнореза находился маяк.

— Ты говорил, что эта чертова посудина развернулась у северного мыса и, казалось, собиралась идти на север, но затем резко развернулась и пошла на юг.

— Черт, — произнес Клифф.

— Вот там-то Дилворт и сошел, — сказал Лем. — У мыса северного волнореза. Без резиновой лодки. Клянусь Богом, он просто поплыл.

— Гаррисон слишком стар для таких трюков, — запротестовал Клифф.

— По-видимому, нет. Он обогнул волнорез с той стороны и направился к телефону-автомату на одном из северных общественных пляжей. Нам надо остановить его, и быстро.

Клифф поднес рупором руки ко рту и выкрикнул имена четырех агентов, которые были в лодках, стоящих на приколе вдоль причала. Несмотря на ветер, эхо от воды далеко разносило его голос. На зов Клиффа бежали агенты, а Лем бросился к стоянке, где он оставил свой автомобиль.

Все самое худшее случается, когда его меньше всего ждешь.

Тревис мыл посуду после обеда, когда Нора сказала:

— Взгляни-ка сюда.

Он обернулся и увидел, что она стоит рядом с мисками Эйнштейна для еды и питья. Воды в миске не было, но половина обеда осталась нетронутой.

Она заметила:

— Раньше он никогда не оставлял ни кусочка.

— Никогда. — Нахмурившись, Тревис вытер руки кухонным полотенцем. — Последние несколько дней... я думал, что, может быть, у него легкая простуда, но он сообщает, что чувствует себя хорошо. А сегодня даже не чихает и не кашляет, как раньше.

Нора и Тревис прошли в гостиную, где ретривер с помощью своего устройства для переворачивания страниц читал «Черную красавицу». Они опустились рядом с ним на колени, он поднял на них глаза, и Нора спросила:

— Ты не заболел, Эйнштейн?

Ретривер негромко пролаял один раз: *Нет*.

— Ты уверен?

Пес быстро вильнул хвостом: *Да*.

— Ты не доел свой обед, — сказал Тревис.

Собака старательно зевнула.

Нора спросила:

— Ты хочешь сказать нам, что немного устал?

Да.

— Если ты себя плохо почувствуешь, ты нам сразу сообщишь об этом, да, мохнатая морда?

Да.

Нора настояла на том, чтобы внимательно осмотреть глаза, рот и уши Эйнштейна, выискивая явные признаки инфекции, но в конце концов признала:

— Ничего. Кажется, с ним все в порядке. Наверное, даже суперпес имеет право на усталость.

Налетел резкий холодный ветер. На море поднялись большие волны, чего днем не было.

Когда Гаррисон добрался по северному волнорезу до берега, его с ног до головы покрывала гусиная кожа. Он с облегчением ступил с твердых и острых камней этого крепостного вала на песчаный пляж. Дилворт был уверен, что у него сбиты обе ступни; они горели, а при каждом шаге его левую ступню пронизывала острая боль, заставляя хромать.

Он старался держаться поближе к бурунам, подальше от начинающегося за пляжем парка. Там, где парковые фонари освещали аллеи и прожектора бросали яркий театральный свет на пальмы, его будет лучше видно с улицы. Адвокат не думал, что его будут искать; он был уверен: фокус удался. Однако на всякий случай не хотел привлекать к себе внимание.

Порывистый ветер срывал с волн пену и швырял ее в лицо Гаррисону, так что ему казалось, будто он все время бежит по какой-то паутине. Пена залепляла глаза, которые после морской ванны наконец-то перестали слезиться, и в конце концов ему пришлось отойти от бурунов поглубже на пляж, где был более мягкий песок, хотя он по-прежнему находился вдалеке от фонарей.

На темном пляже расположились молодые люди: они были тепло одеты и парочками в обнимку лежали и сидели на одеялах; небольшие группки, балующиеся наркотиками и слушающие музыку. Восемь-десять мальчиков-подростков собрались у двух вездеходных машин с толстыми шинами, на которых днем въезжать на пляж было запрещено, да скорее всего и ночью тоже. Они пили пиво у ямы, вырытой в песке, куда собирались спрятать свои бутылки, если вдруг заметят приближение полицейского; ребята громко говорили о девочках и отпускали грубые шутки. Ни один не обратил на Гаррисона никакого внимания, когда тот проходил мимо. В Калифорнии фанаты здорового образа жизни — такое же обычное явление, как уличные фигляры на улицах Нью-Йорка, и если какому-то старичку взбрело в голову принять холодную ванну, а затем побегать по пляжу, на него обращали не больше внимания, чем если бы он был священником в церкви.

Направляясь на север, Гаррисон посматривал вправо, ища глазами телефоны-автоматы. Они скорее всего будут стоять по двое, ярко освещенные на бетонных островках у одной из аллей или поблизости от общественных уборных.

Он уже начал отчаиваться, уверенный в том, что пропустил по крайней мере пару телефонов, когда увидел то, что искал. Два телефона-автомата с полукруглыми звуковыми щитами. Ярко освещенные, они расположились примерно в сотне футов от пляжа, на полпути к улице, примыкающей к другой стороне парка.

Повернувшись спиной к волнующемуся морю, Дилворт замедлил шаг, чтобы немного отдышаться, и пошел по траве вперед под раскачиваемыми ветром ветвями трех королевских пальм, росших рядом. До цели оставалось футов сорок, когда он увидел несущуюся на большой скорости машину; раздался скрежет шин, и она резко затормозила у обочины прямо напротив телефонов. Гаррисон не знал, кто был в автомобиле, но решил не рисковать. Он нырнул в укрытие большой старой двуствольной финиковой пальмы, по счастью, подсвеченной декоративными прожекторами. В щель между стволами ему были видны телефоны и дорожка, ведущая к обочине, у которой остановилась машина.

Из седана вышли двое. Один побежал по периметру парка, заглядывая внутрь и явно

высматривая кого-то.

Другой рванул по аллее прямо в глубь парка. Когда он добежал до освещенной площадки вокруг телефонов-автоматов, Гаррисон с ужасом узнал, кто это был.

Лемюэль Джонсон.

Причась за пальмами, Гаррисон прижал к себе покрепче руки и сдвинул плотно ноги, хотя он был уверен, что сросшиеся стволы представляют собой безопасное укрытие, но, несмотря на это, старался сделать себя еще незаметнее.

Джонсон подошел к первому телефону, снял трубку и попытался оторвать ее. У нее оказался гибкий металлический шнур, и он, проклиная прочность аппарата, несколько раз безуспешно дергал за нее. В конце концов ему удалось оторвать трубку и зашвырнуть ее подальше. Затем он испортил второй телефон.

На какое-то мгновение, когда Джонсон развернулся от телефонов и пошел прямо на Гаррисона, адвокат подумал, что его обнаружили. Но, сделав всего несколько шагов, Лем остановился и начал осматривать примыкающие к пляжу конец парка и сам пляж. Его взгляд даже на секунду не задержался на финиковых пальмах, за которыми притаился Гаррисон.

— Чтоб ты провалился, старый, выживший из ума ублюдок, — проговорил Джонсон и поспешно зашагал к машине.

Скрючившись в тени за деревьями, Гаррисон ухмыльнулся, потому что знал, кого имеет в виду этот человек из УНБ. Неожиданно адвоката перестал волновать холодный ветер, дующий с моря.

«Старый, выживший из ума ублюдок» или «престарелый Джеймс Бонд» — есть из чего выбирать. В любом случае он все еще был человеком, с которым следовало считаться.

В подвале телефонной компании, где находился коммутатор, агенты Рик Олбиер и Денни Джоунз присматривали за электронными устройствами с автоматическим определителем номера телефона и адреса звонящего, установленными для прослушивания служебных и домашних телефонов Гаррисона Дилворта. Это было скучнейшее занятие, и, чтобы скоротать время, они играли в карты: в пинокл и в рамми. Ни одна из этих игр им особенно не нравилась, но сама мысль о том, чтобы вдвоем играть в покер, вызывала у них отвращение.

Когда в четырнадцать минут девятого по домашнему телефону Дилворта раздался звонок, засидевшиеся Олбиер и Джоунз отреагировали на него с гораздо большим энтузиазмом, чем того требовала ситуация. Олбиер уронил на пол карты, а Джоунз бросил свои на стол, и оба схватились за две пары головных телефонов с таким рвением, как если бы сейчас шла вторая мировая война и они собирались подслушать сверхсекретный разговор между Гитлером и Герингом.

Специальное устройство должно было установить соединение и зафиксировать сигнал, если Дилворт не подойдет на шестой звонок. Поскольку им было известно, что адвоката нет дома и на звонок он не ответит, Олбиер уже на второй звонок включил соединение.

На экране компьютера высветилась зеленая надпись: «Идет определение номера».

На том конце провода человек произнес:

— Алло?

— Алло, — сказал в микрофон своего головного телефона Джоунз.

На экране высветился номер телефона и адрес в Санта-Барбаре. Эта система была сходна с полицейским компьютером-911, мгновенно выдающим сведения о звонившем. Но сейчас на экране над адресом появилось название компании, а не фамилия человека — «ТЕЛЕФОННЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ, ИНК».

В ответ Денни Джоунз услышал:

— Сэр, рад сообщить вам, что вас выбрали для получения бесплатной фотографии размером восемь на десять и десяти бесплатных карманных снимков любого...

Джоунз спросил:

— С кем я говорю?

Компьютер просматривал банки данных на адреса в Санта-Барбаре, чтобы проверить личность звонившего.

Голос в трубке сказал:

— Я звоню по поручению «Олин Миллз», фотоателье, гарантирующего первоклассное качество...

— Минуточку, — сказал Джоунз.

Компьютер проверил личность телефонного абонента: обычная реклама, не более.

— Мне ничего не нужно! — резко произнес Джоунз и прервал разговор.

— Черт, — сказал Олбиер.

— Еще партию? — спросил Джоунз.

В помощь шести агентам, уже находящимся в бухте, Лем вызвал из своего временного «полевого» штаба еще четырех.

Он расставил пять человек по периметру парка, в нескольких сотнях ярдов друг от друга. В их задачу входило наблюдение за широким проспектом, отделяющим парк от делового района со множеством отелей, ресторанов, магазинов, торгующих йогуртом, подарками и другими розничными товарами. Во всех этих заведениях, конечно же, были телефоны и даже в офисах некоторых мотелей были установлены телефоны-автоматы; из любого из них адвокат мог предупредить Тревиса и Нору Корнелл. В этот вечерний субботний час многие магазины уже закрылись, но некоторые — и все рестораны — еще работали. Во что бы то ни стало надо было помешать Дилворту пересечь улицу.

Ветер с моря усилился и стал еще холоднее. Агенты стояли, засунув руки в карманы курток, опутив головы и дрожа от холода.

Резкие порывы ветра колыхали ветви пальм. Устроившиеся на ночлег птицы тревожно вскрикивали и снова замолкали. Еще одного агента Лем послал в юго-западный конец парка, к волнорезу, отделявшему общественный пляж от бухты с другой стороны. Он должен помешать Дилворту вернуться к волнорезу, забраться на него и пойти назад через бухту к телефонам в другой части города.

Седьмой агент стоял у воды в северо-западном углу парка, чтобы не дать Дилворту пробраться на частные пляжи и в жилые районы, где он мог уговорить кого-нибудь разрешить ему воспользоваться его телефоном.

Лем, Клифф и Хенк должны были прочесывать парк и прилегающий к нему пляж в поисках адвоката. Лем знал: у него слишком мало людей, но эти десять человек — да еще Олбиер и Джоунз, засевшие в телефонной компании, — были единственными сотрудниками, которые находились в его распоряжении здесь, в городе. Не было смысла просить подкрепление в управлении Лос-Анджелеса: к тому времени, как оно прибудет, Дилворт либо уже будет обнаружен и остановлен, либо ему удастся позвонить Корнеллам.

Вездеходный автомобиль без верха имел трубчатый каркас. В нем были два ковшеобразных сиденья, позади которых располагался грузовой отсек в четыре фута длиной, где могли разместиться еще пассажиры или значительное количество багажа.

Гаррисон лежал на животе на полу грузового отсека автомобиля, прикрытый одеялом. Два мальчика-подростка сидели на передних сиденьях, а еще двое устроились в грузовом отсеке, развалившись на Гаррисоне, как если бы они сидели на простой куче из одеял. Они старались не давить на него всей своей тяжестью, но он все равно чувствовал себя полураздавленным.

Звук мотора напоминал пронзительное жужжание рассерженных ос. Оно оглушающе действовало на адвоката, чье правое ухо было прижато прямо к днищу, передающему и усиливающему вибрацию.

К счастью, мягкий песок представлял собой относительно гладкую дорогу.

Автомобиль перестал набирать скорость и замедлил ход, звук мотора стал затихать.

— Черт, — прошептал Дилворту один из ребят, — там, впереди, парень с фонарем, делает знак остановиться.

Они затормозили, и сквозь ленивый шепот мотора Гаррисон расслышал, как человек спросил:

— Куда это вы, ребята, направляетесь?

— Вдоль берега.

— Там дальше частные владения. У вас есть право туда заезжать?

— Мы там живем, — ответил Томми, водитель.

— Правда?

— А разве мы не похожи на компанию избалованных сынков богатых родителей? — прикидываясь простачком, спросил один из парнишек.

— Чем вы занимались? — подозрительно спросил человек.

— Просто болтались по пляжу. Но стало слишком холодно.

— Вы что, ребята, выпили?

«Ну и дурак же ты, — подумал Гаррисон, слушая мужчину, — ты же разговариваешь с подростками, бедными созданиями, которые в силу своей гормональной перестройки еще пару лет будут восставать против какого бы то ни было давления. Мне они симпатизируют, потому что я скрываюсь от полиции, и они будут на моей стороне, даже не спрашивая, что я натворил. Если хочешь рассчитывать на помощь, не дави на них — иначе ты ничего не добьешься».

— Выпили? Черт, конечно, нет, — ответил другой паренек. — Если хотите, можете посмотреть в холодильном ящике, сзади. В нем ничего нет, кроме газировки.

Прижатый к холодильнику Гаррисон надеялся, что человек не будет проверять. Если этот парень подойдет поближе, он наверняка увидит, что под одеялом, на котором сидят ребята, неясно вырисовываются очертания человека.

— Газировки, мм? Что за пиво там было, пока вы его не выпили?

— Эй, парень, — сказал Томми. — Что ты к нам пристал? Ты что, из полиции или еще откуда-нибудь?

— Да, из полиции.

— А где твоя форма? — спросил один из подростков.

— Я тайный агент. Послушайте, ребята, я намерен вас отпустить, не проверять на алкоголь и так далее. Но мне надо знать, не встречали ли вы сегодня вечером на пляже пожилого седого мужчину?

— Зачем нам сдались старики? — спросил один из парней. — Нам нужны *женищины*.

— Если бы вы видели человека, о котором я говорю, вы бы его запомнили. Скорее всего он был в плавках.

— Сегодня? — спросил Томми. — Послушайте, декабрь на носу. Видите, какой ветер?

— Возможно, на нем еще что-то было.

— Нет, я его не видел, — сказал Томми. — Никакой седой старичок мне не попадался. А вам, ребята?

Остальные трое тоже подтвердили, что не встречали никакого старикана, отвечающего данному описанию, и им разрешили ехать дальше к северу от общественного пляжа, к району стоящих на побережье особняков и частных пляжей.

Обогнув невысокий пригорок и скрывшись из виду остановившего их агента, ребята сдернули с Гаррисона одеяло, и тот, вздохнув с явным облегчением, сел.

Томми развез по домам своих приятелей и, пользуясь тем, что родителей нет дома, пригласил Гаррисона к себе. Он жил на краю обрыва в доме, похожем на корабль с несколькими палубами и состоящем сплошь из стекла и граней.

Войдя вслед за мальчиком в фойе, Дилворт увидел в зеркало свое отражение. Оно не имело ничего общего с величавым седовласым адвокатом, которого знал каждый городской юрист. Его волосы были мокрыми, грязными и спутанными. Лицо заляпано грязью. Песок, трава и водоросли прилипли к голой коже и запутались в седых волосках на груди. Он довольно подмигнул сам себе.

— Телефон здесь, — сказал Томми из кабинета.

Приготовив ужин, поев, вымыв посуду и беспокоясь из-за отсутствия у Эйнштейна аппетита, Нора и Тревис совсем забыли позвонить Гаррисону Дилворту и поблагодарить его за то, как старательно он упаковал и переправил им Норины картины. Они сидели у камина, когда Нора вспомнила об этом.

Прежде им приходилось звонить Гаррисону из телефонов-автоматов в Кармеле. Это оказалось излишней предосторожностью. И сейчас, вечером, у них не было ни малейшего желания садиться в машину и ехать в город.

— Мы могли бы позвонить ему завтра из Кармела, — предложил Тревис.

— Давай позвоним отсюда, — сказал она. — Если бы обнаружилась связь между тобой и Гаррисоном, он наверняка позвонил бы и предупредил нас.

— Он может и не знать о том, что они выявили такую связь, — сказал Тревис. — Может не догадываться, что за ним следят.

— Гаррисон бы об этом обязательно знал, — твердо сказала Нора.

Тревис кивнул:

— Да, я тоже уверен, что знал бы.

— Поэтому ты спокойно можешь позвонить ему отсюда.

Нора была на полпути к телефону, когда раздался звонок.

Голос оператора в трубке произнес:

— Вас вызывает мистер Гаррисон Дилворт из Санта-Барбары. Вы оплатите разговор?

Когда до десяти часов оставалось несколько минут, Лему после тщательного, но безрезультатного прочесывания парка и пляжа пришлось нехотя признать: Гаррисон Дилворт каким-то образом ускользнул от него. Он отослал своих людей обратно в штаб и бухту.

Лем с Клиффом тоже вернулись в бухту на спортивную яхту, с которой вели наблюдение за Дилвортом. Переговорив с катером береговой охраны, следующим за «Красавицей», они узнали, что приятельница адвоката, не доходя до Вентуры, повернула назад и сейчас направляется на север вдоль побережья в Санта-Барбару.

В бухту яхта вошла в десять тридцать шесть.

Лем с Клиффом ежились на колючем ветру на пустынном причале, принадлежавшем Гаррисону, и смотрели, как Делла плавно и мягко пришвартовывает яхту к берегу. Это было красивое, хорошо отделанное судно.

У Деллы даже достало наглости крикнуть им:

— Не стойте тут без дела! Хватайте трос и помогите мне привязать яхту!

Они исполнили ее просьбу, прежде всего потому что им не терпелось поскорее поговорить с ней, а до тех пор, пока «Красавица» не пришвартуется, сделать это было невозможно.

Оказав женщине необходимую помощь, Лем и Клифф шагнули на палубу. На Клиффе были надеты кеды, но Лем был в обычных ботинках и чувствовал себя крайне неуверенно на мокрой палубе, особенно из-за небольшой качки.

Прежде чем они успели что-либо сказать Делле, голос у них за спиной произнес:

— Простите, джентльмены...

Лем обернулся и при свете фонаря увидел Гаррисона Дилворта, входящего вслед за ними на яхту. На нем была одежда явно с чужого плеча. Брюки ему были очень широки в талии и держались на ремне. Зато они были ему коротки, и из-под них торчали голые щиколотки. Рубашка тоже была ему велика на несколько размеров.

— ...пожалуйста, извините меня, но мне просто необходимо переодеться во что-либо теплое из моей одежды и выпить чашку кофе...

Лем проговорил:

— Черт подери!

— ...чтобы согреть мои старые кости.

Задохнувшись от изумления, Клифф Соамс рассмеялся, затем взглянул на Лема и

произнес:

— Извините.

Лем ощущал, как у него в желудке начались спазмы и все горит — язва давала о себе знать. Он даже не поморщился от боли, не согнулся пополам, даже не положил руку на живот — не подал ни единого признака того, что ему не по себе, чтобы не увеличивать и без того немалое удовлетворение, испытываемое Дилвортом. Лем просто взглянул на адвоката, на женщину, а затем, не говоря ни слова, повернул к выходу.

— Этот пес, — сказал Клифф, догоняя шефа, — вызывает у всех чертовскую преданность.

Позже, укладываясь в постель в мотеле, потому что Лем слишком устал, чтобы завершить здесь все дела и отправиться домой в округ Ориндж, он думал о словах Клиффа. Преданность. *Чертовская преданность*.

Лем старался вспомнить, испытывал ли он когда-нибудь такое сильное чувство преданности по отношению к кому-либо, какое Корнеллы и Гаррисон Дилворт, очевидно, испытывали по отношению к ретриверу.

Он крутился в постели, вертелся с боку на бок, а сон все не шел к нему, пока Лем наконец не понял: бесполезно пытаться выключить горевший в нем внутренний свет до тех пор, пока не докажет себе, что способен на такую же преданность и верность, какие встретил в Корнеллах и их адвокате.

Лем сел в темноте, прислонившись к изголовью кровати.

Да, конечно, он был чертовски предан своей стране, которую любил и уважал. И был предан управлению. Но другому *живому существу*? Ну хорошо, Карен, своей жене. Он был верен Карен сердцем, умом и телом. Любил Карен. Глубоко любил ее вот уже почти двадцать лет.

— Ну, — проговорил Лем вслух в пустом номере мотеля в два часа ночи, — ну, если ты так предан Карен, то почему ты сейчас не с ней?

Он был несправедлив по отношению к самому себе. В конце концов, у него было дело, очень важное дело.

— Вот в этом-то и беда, — пробормотал Лем, — у тебя всегда — *всегда* — есть какое-нибудь дело.

Ему приходилось проводить вдали от дома более ста ночей в году, каждую третью ночь. А когда был дома, половину времени мысли его блуждали совсем в другом месте, и он продолжал думать о последнем своем деле. Когда-то Карен хотела иметь детей, но Лем все откладывал это, говоря, что не готов нести ответственность за детей до тех пор, пока не будет уверен, что его положение надежно.

— Надежно? — сказал он. — Парень, ты же унаследовал деньги твоего папочки. Ты начинал, имея гораздо больше, чем большинство людей.

Если Лем был так же предан Карен, как эти люди своей собачонке, тогда эта преданность должна была означать, что ее желания превыше всего. Если Карен хотела иметь детей, это должно быть важнее карьеры. Так? По крайней мере ему необходимо было пойти на компромисс и завести детей, когда им было чуть больше тридцати. До тридцати он мог заниматься карьерой, а после тридцати — наследниками. Сейчас ему сорок пять, а Карен — сорок три, и с детьми они опоздали.

Лема охватило чувство страшного одиночества.

Он вылез из постели, прошел в ванную, включил свет и внимательно стал разглядывать себя в зеркало. Глаза у него были красные и потухшие. Лем так похудел за время этого расследования, что лицо его все больше напоминало скелет.

У него снова начались спазмы в животе, и он наклонился над раковиной, ухватившись за нее обеими руками. Язва заявила о себе с месяц назад, но его состояние ухудшалось с поразительной быстротой. Боль долго не отпускала его.

Когда Лем вновь взглянул на себя в зеркало, то сказал:

— Ты не верен даже самому себе, дурак. Убиваешь себя, загоняешь этой работой в гроб

и не можешь остановиться. Ты не предан ни Карен, ни себе. На самом деле ты не предан даже управлению, если уж на то пошло. Черт подери, единственное, чему ты предан телом и душой, это идиотскому представлению твоего отца, что жизнь — это ходьба по канату.

Идиотскому.

Это слово, казалось, еще долго звучало в ванной. Лем любил и уважал своего отца, никогда не сказал о нем ничего плохого. А сегодня он признался Клиффу, что его отец был «невозможным человеком». А сейчас еще и это: «идиотское убеждение». Лем по-прежнему любил отца и всегда будет его любить. Но он стал задумываться о том, может ли сын любить отца и одновременно полностью отвергать все, чему тот его учил.

Год назад, месяц назад, даже несколько дней назад Лем не смел даже помыслить об этом. А сейчас, Бог ты мой, это казалось не просто возможным, но и крайне важным — отделить любовь к отцу от приверженности его принципам.

— Что со мной происходит? — спросил Лем. — Свобода? Наконец-то свобода в сорок пять лет? — Скосив глаза в зеркало, он сказал: — Почти в сорок шесть.

Глава девятая

1

В воскресенье Тревис обратил внимание на то, что аппетит Эйнштейна по-прежнему оставлял желать лучшего, но в понедельник, двадцать девятого ноября, дела у ретривера, казалось, были в полном порядке. В понедельник и вторник Эйнштейн съел все без остатка и читал новые книги. Он чихнул всего лишь один раз и не кашлял вовсе. Пес пил больше воды, чем раньше, но не слишком много. А если он и проводил больше времени у камина, бродил по дому с меньшим энтузиазмом... ну что ж, зима быстро вступала в свои права, а всем известно, что поведение животных меняется в зависимости от времени года.

В книжном магазине в Кармеле Нора купила «Настольный ветеринарный справочник для владельцев собак». Она провела несколько часов за кухонным столом, внимательно изучая его и выискивая возможные объяснения поведения Эйнштейна. Нора вычитала, что апатия, частичная потеря аппетита, чиханье, кашель и повышенная жажда могли вызываться сотней разных недугов — а могли совсем ничего не значить.

— Похоже, единственное, чего у него не может быть, так это простуды, — сказала она. — Собаки в отличие от нас не простужаются.

Но к тому времени, как Нора раздобыла этот справочник, симптомы недомогания у Эйнштейна настолько уменьшились, что она решила: он абсолютно здоров.

В кладовке Эйнштейн с помощью «Скрэббл» сообщил им:

«ИСПРАВЕН, КАК СКРИПКА».

Наклоняясь к псу и поглаживая его, Тревис сказал:

— Ну, думаю, тебе лучше знать.

«ПОЧЕМУ ГОВОРЯТ: ИСПРАВЕН, КАК СКРИПКА?»

Возвращая карточки на место, Тревис объяснил:

— Ну, потому что это значит «совершенно здоров».

«А ПОЧЕМУ ЭТО ЗНАЧИТ „ЗДОРОВ“?»

Тревис поразмыслил над этой метафорой: «Исправен, как скрипка» — и понял, что не сможет объяснить, почему она означает то, что означает. Он хотел узнать у Норы, она подошла к двери в кладовку, но тоже ничего не придумала.

Достав лапой еще буквы и расположив их носом в нужном порядке, ретривер спросил:

«ПОЧЕМУ ГОВОРЯТ: НАДЕЖНЫЙ, КАК ДОЛЛАР?»

— Надежный, как доллар — означает «в полном здравии», — проговорил Тревис.

Нора сказала, обращаясь к собаке:

— Это выражение проще пояснить. Когда-то доллар США был самой надежной, самой

стабильной в мире валютой. Полагаю, это и сейчас так. Многие десятилетия он, в отличие от других валют, не подвергался значительной инфляции, а значит, не было причин разочаровываться в нем, и люди стали говорить: "Я надежен, как доллар". Конечно, доллар сейчас не тот, что прежде, и поэтому эта поговорка справедлива лишь отчасти, но мы все еще продолжаем ею пользоваться.

«ЗАЧЕМ ПРОДОЛЖАТЬ ЕЮ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ?»

— Потому что... мы так привыкли, — пожала плечами Нора.

«ПОЧЕМУ ГОВОРЯТ: ЗДОРОВ, КАК ЛОШАДЬ? ЛОШАДИ НИКОГДА НЕ БОЛЕЮТ?»

Собирая карточки и укладывая их на место, Тревис заметил:

— Нет, на самом деле лошади, несмотря на свой размер, хрупкие животные. Они легко заболевают.

Пес выжидательно посмотрел на Нору.

Она сказала:

— Наверное, мы говорим «здоров, как лошадь», потому что эти животные *выглядят* сильными и нам не верится, что они могут заболеть, хотя это случается то и дело.

— Придется тебе привыкать, — сказал Тревис собаке, — что мы, люди, часто говорим вещи, кажущиеся на первый взгляд бессмысленными.

Нажимая лапой на педали, выпускающие буквы, пес сообщил им:

«ВЫ СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА».

Тревис взглянул на Нору, и они рассмеялись.

Под словами «ВЫ СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА» ретривер вывел:

«НО Я ВАС ВСЕ РАВНО ЛЮБЛЮ».

Такие любознательность и чувство юмора, казалось, больше, чем что-либо, другое, свидетельствовали о том, что Эйнштейн теперь полностью выздоровел.

Это было во вторник.

В среду, первого декабря, Нора рисовала в студии на втором этаже, а Тревис занимался проверкой системы безопасности и уходом за оружием.

В каждой комнате было тщательно спрятано какое-нибудь оружие: под мебелью, за шторами или в кладовке — но всегда где-то под рукой. У них было два дробовика «моссберг» с револьверными рукоятками, четыре «смит-вессона» девятнадцатой модели, заряженных пулями 57-го калибра, два пистолета 38-го калибра, которые они возили с собой в пикапе и «Тойоте», карабин «узи» и два пистолета «узи». Они могли бы приобрести весь свой арсенал законным путем в местном оружейном магазине после того, как купили дом и зарегистрировались в графстве, но Тревис не мог ждать так долго. Он хотел, чтобы уже в первую ночь на новом месте у них было оружие, поэтому при посредничестве Ван Дайна в Сан-Франциско они с Норой нашли нелегального торговца оружием и купили все что нужно. Естественно, им не удалось бы приобрести устройство автоматической стрельбы для «узи» законным путем, но они купили такие устройства в Сан-Франциско, и теперь карабин и пистолеты «узи» были полностью автоматическими.

Тревис ходил по комнатам, проверяя, так ли положено оружие, не запылилось ли оно, не нуждается ли в смазке и полностью ли заряжены магазины. Он знал, что все в полном порядке, но ему было спокойнее, если раз в неделю устраивалась такая проверка. Хотя Тревис уже много лет не носил формы, прежняя военная подготовка и привычки были у него в крови и под влиянием обстоятельств всплыли на поверхность быстрее, чем он ожидал.

Прихватив с собой «моссберг», он вместе с Эйнштейном также обходил кругом дом, останавливаясь у каждого небольшого инфракрасного датчика, которые были спрятаны везде, где только можно: за камнями и растениями, за стволами немногих деревьев на углах дома, за старым гнилым сосновым пнем в конце подъездной дорожки. Тревис открыто купил компоненты датчиков у торговца электронными изделиями. Датчики были устаревшими, но он выбрал их, поскольку был знаком с ними еще со времен своей службы в группе «Дельта» и они годились для его целей. Провода от датчиков тянулись под землей к сигнальному

устройству, спрятанному в одном из кухонных шкафов. Когда система включалась на ночь, ни одно живое существо крупнее енота не могло подойти к дому ближе чем на тридцать футов или пробраться в амбар, расположенный за домом, не включив сигнальное устройство. При этом не было ни звонков, ни завывания сирены, потому что это спугнуло бы Аутсайдера и он мог сбежать. А им не хотелось отпугивать его; они хотели *его убить*. Поэтому при срабатывании сигнального устройства включались радиоприемники во всех комнатах, настроенные на такую громкость, которая не насторожит Аутсайдера, но сможет предупредить Тревиса и Нору.

Сегодня, как и обычно, все датчики были на месте. Все, что надо было сделать Тревису, — это стереть тонкий слой пыли, покрывший линзы.

— Дворцовый ров в отличном состоянии, мой господин, — сказал он.

Эйнштейн одобительно заворчал.

В ржаво-красном амбаре Тревис с Эйнштейном осмотрели приспособления, которые, как они надеялись, преподнесут Аутсайдеру неприятный сюрприз.

В северо-западном углу полутемного помещения слева от большой вращающейся двери на стенной полке был закреплен стальной баллон со сжатым воздухом. В противоположном, юго-восточном углу задней части здания, за пикапом и автомобилем, на такой же полке стоял точно такой же баллон. Они напоминали большие пропановые баллоны, которые используются в летних домиках для приготовления пищи, но в них находился не пропан. Они были наполнены закисью азота, которую иногда не слишком точно называют «веселящим газом». Первая струя действительно могла развеселить вас и заставить смеяться, но вторая нокаутировала бы прежде, чем смех успел сорваться с ваших уст. Дантисты и хирурги часто пользуются закисью азота при анестезии. Тревис купил баллоны там же, в Сан-Франциско, у торговца медицинской техникой.

Включив в амбаре свет, он проверил манометры на обоих баллонах. Давление было в норме.

Помимо большой вертящейся двери, в амбаре была еще одна, поменьше, в рост человека, расположенная в задней его части. Других дверей не было. Пару окон на чердаке Тревис забил досками. По ночам, когда включалась сигнальная система, маленькая задняя дверь оставалась незапертой — Тревис надеялся, что Аутсайдер, намереваясь приблизиться к дому под прикрытием амбара, попадет в ловушку. Когда он войдет, сработает механизм, который захлопнет и запрет за ним дверь. Передняя дверь, уже запертая снаружи, не даст ему выйти в эту сторону.

Сразу же после того, как захлопнется ловушка, большие баллоны с закисью азота освободятся от всего своего содержимого менее чем за минуту, поскольку Тревис снабдил их клапанами экстренного выпуска, подсоединенными к сигнальной системе. Он законопатил все щели в амбаре, чтобы газ не мог улечься через них, прежде чем откроют одну из дверей.

Аутсайдеру не удастся спрятаться в пикапе или «Тойоте», так как они будут заперты. В амбаре не останется ни уголка, где можно будет укрыться от газа. Не пройдет и минуты, как существо потеряет сознание. Тревис подумывал, не применить ли ему какой-нибудь отравляющий газ, который, вероятно, можно было бы найти у нелегальных торговцев, но потом решил этого не делать, поскольку, если что-либо пойдет не по плану, опасность для него, Норы и Эйнштейна будет слишком велика.

После того как Аутсайдер потеряет сознание, Тревис сможет просто открыть одну из дверей, проветрить амбар, войти туда с карабином «узи» и убить эту тварь. В самом худшем случае, если во время проветривания Аутсайдер и придет в себя, он все еще будет нетвердо стоять на ногах и плохо соображать, и с ним будет легко справиться.

Убедившись, что в амбаре все в полном порядке, Тревис и Эйнштейн вернулись во двор за домом. Декабрьский день был прохладным, но безветренным. Лес, окружавший усадьбу, казался неестественно тихим. Деревья стояли неподвижно под низко нависшим над ними небом с серо-голубыми облаками.

Тревис спросил:

— Аутсайдер по-прежнему идет сюда?

Быстро вильнув хвостом, Эйнштейн ответил: *Да*.

— Он уже близко?

Пес втянул носом чистый зимний бодрящий воздух. Он прошел через двор на север по направлению к окружавшему участок лесу и снова вдохнул, вытянул голову и напряженно уставился в глубь деревьев. Затем проделал то же самое с южной стороны.

У Тревиса создалось впечатление, что на самом деле псу не нужны были зрение, слух и обоняние при поисках Аутсайдера. Он следил за ним особым образом, отличным от того, каким бы выслеживал кугуара или белку. Тревис полагал, что собака прибегает к неведомому шестому чувству — назовите его психическим или по крайней мере квазипсихическим. Использование ретривером обычных чувств было, вероятно, или курком, запускающим эту психическую способность, или просто привычкой.

Наконец Эйнштейн вернулся к нему и издал какое-то странное завывание.

— Он что, близко? — спросил Тревис.

Пес понюхал воздух, затем оглядел окружающий их мрачный лес, как будто не зная, что ответить.

— Эйнштейн? Что-нибудь случилось?

В конце концов ретривер пролаял: *Нет*.

— Аутсайдер подбирается к нам?

Колебание. Затем: *Нет*.

— Ты уверен?

Да.

— Действительно уверен?

Да.

Когда Тревис открыл дверь дома, ретривер отвернулся от него, прошел к заднему крыльцу и замер, оглядывая в последний раз двор и мирный молчаливый темный лес. Затем легкая дрожь пробежала по его телу, и он вошел вслед за Тревисом в дом.

Днем во время осмотра оборонительных приспособлений Эйнштейн был ласковее обычного, часто терся о ноги Тревиса, прижимался к нему и всячески старался вызвать ответную ласку, поглаживание или почесывание. Вечером, когда они втроем, сидя на полу в гостиной, смотрели телевизор, а затем играли в «Скрэббл», пес продолжал ласкаться. Он то и дело клал голову на колени то Норе, то Тревису. Казалось, его вполне бы устроило, если бы ему до самого лета почесывали за ухом и гладили.

За время, прошедшее после их первой встречи в предгорьях Санта-Аны, у ретривера несколько раз бывали всплески чисто собачьего поведения, когда с трудом верилось, что он обладает интеллектом сродни человеческому. Сегодня он вновь был в таком настроении. Несмотря на проявленную им во время игры в «Скрэббл» сообразительность — он уступил только Норе и получал чертовское удовольствие от составления слов, слабо намекающих на ее пока еще незаметную беременность, — он был тем не менее просто собакой.

Нора и Тревис закончили вечер легким чтением — детективными романами, — но Эйнштейн не захотел, чтобы они утруждали себя, вставляя книгу в его приспособление для переворачивания страниц. Вместо этого он улегся на полу перед Нориним креслом и мгновенно уснул.

— Он какой-то немного заторможенный, — сказала Нора Тревису.

— Но он ведь все съел за ужином. И потом у нас действительно был трудный день.

Дыхание спящего пса было нормальным, и Тревис не волновался. Он даже меньше, чем прежде, беспокоился за их будущее. Проверка всех мер предосторожности вновь внушила ему уверенность в то, что они справятся с Аутсайдером, когда он доберется до них. А благодаря смелости и преданности Гаррисона Дилворта все попытки правительственных органов обнаружить их были сорваны, возможно, навсегда. Нора снова с большим энтузиазмом занялась живописью, а Тревис решил использовать свою лицензию агента по

продаже недвижимости и сразу же после уничтожения Аутсайдера приступить к работе под именем Сэмюеля Хайатта. А если пес и был немного вялым... ну что ж, он, без всякого сомнения, был более энергичен, чем в последнее время, и завтра или самое позднее послезавтра снова станет самим собой.

Этой ночью Тревис спал без всяких сновидений.

Утром он поднялся раньше Норы. Когда Тревис принял душ и оделся, Нора тоже была уже на ногах. По дороге в ванную она поцеловала его, куснула в губу и пробормотала сонные уверения в любви. Глаза ее припухли, волосы спутались, зубы не чищены, но он все равно затащил бы ее в постель, если бы она не сказала:

— Можешь застрелить меня, Ромео. Сейчас мое единственное желание — пара яиц, бекон, тост и кофе.

Тревис спустился вниз и, начав с гостиной, принялся открывать внутренние ставни, впуская утренний свет. Небо казалось таким же низким и серым, как вчера, и он не удивился бы, если бы пошел дождь.

В кухне Тревис обратил внимание на то, что дверь в кладовку открыта и в ней горит свет. Он заглянул внутрь в поисках Эйнштейна, но единственным указанием на пса было послание, составленное им ночью:

«СКРИПКА СЛОМАЛАСЬ. НЕ НАДО ДОКТОРА. ПОЖАЛУЙСТА. НЕ ХОЧУ ОБРАТНО В ЛАБОРАТОРИЮ. БОЮСЬ. БОЮСЬ».

— О Господи, Боже мой!

Тревис вышел из кладовки и крикнул:

— *Эйнштейн!*

Никто не залаял в ответ и не прошлепал ему навстречу.

Окна в кухне все еще были закрыты ставнями, и света из кладовки было недостаточно, чтобы осветить всю комнату. Тревис рывком включил свет.

Собаки не было.

Он вбежал в кабинет. Ретривера там тоже не было.

С почти до боли колотящимся сердцем Тревис помчался наверх, перепрыгивая через ступеньки, заглянул в третью спальню, которая в один прекрасный день станет детской, а затем в комнату, служившую Норе студией, но Эйнштейна нигде не было. Не было его и в главной спальне, не было даже под кроватью, куда в отчаянии заглянул Тревис. Какое-то мгновение он никак не мог сообразить, куда, черт возьми, подевался пес, и стоял, прислушиваясь к Норину пению в ванной, — она до сих пор не знала о том, что произошло, — и Тревис уже направился было к ней, чтобы сказать о случившемся, как вдруг вспомнил о ванной на первом этаже. Он выбежал из спальни через холл и понесся вниз по лестнице так стремительно, что чуть не потерял равновесие и не упал, и там, в ванной комнате, между кухней и кабинетом нашел то, что искал. В ванной стояла ужасная вонь. Пса, всегда такого аккуратного, стошнило в унитаз, но у него не хватило сил — а может быть, ясности ума, — чтобы спустить за собой воду. Эйнштейн лежал на боку на полу, Тревис опустился на колени рядом с ним. Ретривер не шевелился, но был жив, жив — Тревис слышал его дыхание, но оно было хриплым. Узнав голос Тревиса, он попытался поднять голову, но у него не было сил пошевелиться.

Его глаза, Господи Иисусе, его глаза!

Очень мягко Тревис приподнял голову собаки и увидел, что эти всегда такие удивительно выразительные коричневые глаза потускнели. Из них медленно стекала водянистая желтая жидкость; она запеклась на его золотистой шерсти. Такие же липкие выделения текли из ноздрей.

Положив руку на шею ретривера, Тревис почувствовал затрудненное и неритмичное сердцебиение.

— Нет, — сказал Тревис. — О нет, нет. Этого не будет, парень. Я не допущу, чтобы это случилось.

Он опустил голову ретривера на пол, встал и повернулся к двери, а Эйнштейн едва

слышно завыл, как бы желая сказать, что не хочет оставаться один.

— Я сразу же вернусь, сразу же, — пообещал Тревис. — Держись, парень. Я быстро.

Он понесся вверх по лестнице еще быстрее, чем прежде. Сердце его колотилось с такой силой, что казалось, сейчас вырвется из груди. Тревис тяжело дышал.

Нора только что вышла из-под душа и стояла в ванной голая, с нее стекала вода.

Тревис выпалил:

— Быстро одевайся, нам срочно нужен ветеринар, ради Бога поторопись.

Она в ужасе спросила:

— Что случилось?

— Эйнштейн! Скорее! Я думаю, он умирает.

Он сдернул с постели одеяло и, оставив Нору одеваться, поспешил вниз, в ванную комнату. Прерывистое дыхание ретривера, казалось, за ту минуту, что Тревис отсутствовал, стало еще хуже. Он сложил одеяло вчетверо, затем положил на него пса.

Эйнштейн испустил болезненный стон, как будто каждое движение причиняло ему боль.

Тревис сказал:

— Спокойно, спокойно. С тобой все будет в порядке.

В дверях показалась Нора. Она на ходу застегивала влажную блузку, поскольку, чтобы не терять времени, надела ее прямо на мокрое тело. Волосы у нее были влажные.

Задышавшись от волнения, Нора проговорила:

— Ох, мохнатая морда, нет, нет.

Она хотела наклониться и потрогать ретривера, но нельзя было медлить. Тревис сказал:

— Подгони к дому пикап.

Пока Нора неслась к амбару, Тревис, как мог, укутал Эйнштейна в одеяло, так что из него виднелись только голова, хвост и задние лапы. Безуспешно стараясь не причинять ретриверу боли, Тревис взял его на руки и понес из ванной через кухню на улицу, захлопнув за собой дверь, но не заперев ее: сейчас ему было наплевать на безопасность.

Похолодало. Вчерашнего спокойствия как не бывало. Вечнозеленые деревья раскачивались и дрожали, и было что-то зловещее в их ошетилившихся игольчатых ветвях. Другие, стоящие с голыми ветвями, вздымали в мрачное небо свои черные костлявые руки.

Нора в амбаре завела пикап. Взревел мотор.

Тревис осторожно спустился с крыльца и медленно пошел к подъездной дорожке, ступая так аккуратно, как будто нес в руках тончайший старинный фарфор. Порывистый ветер, казалось, обладал какой-то злой волей: он поднимал его волосы, хлопал свободными концами одеяла, взъерошивая шерсть на торчащей из-под одеяла голове Эйнштейна, и стремился оторвать от Тревиса пса.

Нора круто развернула пикап и остановилась, поджидая Тревиса. Вести машину будет она.

Верно замечено: в определенные критические моменты, во время больших эмоциональных переживаний женщины лучше мужчин умеют взять себя в руки и делать то, что надо. Сидя на пассажирском месте и укачивая лежащего у него на руках завернутого в одеяло пса, Тревис был не в состоянии вести автомобиль. Его била сильная дрожь, и он понял: у него из глаз непрерывно катятся слезы с того самого момента, когда нашел Эйнштейна на полу в ванной комнате. У Тревиса случались тяжелые минуты во время службы в армии; и даже во время опаснейших операций, проводимых группой «Дельта», он никогда не поддавался панике или страху, но в этот раз все было по-другому: это ведь был Эйнштейн, *это был его ребенок*. Если бы ему пришлось сесть за руль, Тревис, наверное, сразу же врезался бы в дерево или съехал с дороги прямо в кювет. У Норы тоже в глазах стояли слезы, но она не сдалась им. Она кусала губы и ехала дальше, как если бы её специально готовили к участию в трюках во время киносъемок.

В конце грунтовой дороги они свернули направо и по извилистому шоссе «Пасифик коаст» поехали на север, в Кармел, где должен быть хотя бы один ветеринар.

Во время поездки Тревис разговаривал с Эйнштейном, стараясь успокоить и подбодрить его.

— Все будет в порядке, в полном порядке, все не так плохо, как кажется, ты будешь как новенький.

Эйнштейн захныкал и слабо заворочался на руках у Тревиса, и тот понял, о чем думает пес. Ретривер боится, как бы ветеринар не обнаружил у него в ухе татуировку, тогда он поймет, что она означает, и отправит его обратно в Банодайн.

— Не бойся, мохнатая морда. Никто не сможет отнять тебя у нас. Клянусь тебе, никто. Им придется сначала иметь дело со мной, и у них ничего не выйдет, ничего.

— Ничего, — мрачно подтвердила Нора.

Но Эйнштейн, прижатый в одеяле к груди Тревиса, отчаянно затрясся.

В памяти Тревиса всплыли слова, выложенные на полу в кладовке:

«СКРИПКА СЛОМАЛАСЬ... БОЮСЬ... БОЮСЬ...»

— Не бойся, — умоляюще произнес он. — Не бойся. Бояться нечего.

Несмотря на идущие от сердца заверения Тревиса, Эйнштейн дрожал и боялся, и Тревису тоже было страшно.

2

Остановившись на станции технического обслуживания на окраине Кармела, Нора отыскала адрес ветеринара в телефонном справочнике и позвонила ему, чтобы убедиться, что он на месте. Клиника доктора Джеймса Кина находилась на Долорес-авеню, на южной окраине города. Когда они доехали туда, было без нескольких минут девять.

Нора ожидала увидеть типичную, кажущуюся стерильной ветеринарную лечебницу и с удивлением обнаружила, что доктор Кин практикует у себя дома в симпатичном двухэтажном коттедже в английском стиле из камня и бревен с загибающейся по углам крышей.

Они еще торопливо шли по каменной дорожке к дому, неся Эйнштейна на руках, а Кин уже открывал им дверь, как будто высматривал, не едут ли они. Стрелка показывала, что вход в лечебницу находится с другой стороны здания, но ветеринар впустил их через парадную дверь. Это был высокий человек со скорбным выражением лица, желтоватой кожей и печальными карими глазами, но теплой улыбкой и обходительными манерами.

Закрывая дверь, доктор Кин сказал:

— Сюда, пожалуйста.

Он быстро провел их через холл с дубовым паркетом и длинной узкой ковровой дорожкой. Налево, за аркой, виднелась уютно обставленная жилая комната, которая действительно выглядела *жилой*, с подставочками для ног, стоящими перед креслами, настольными лампами, книжными стеллажами и вязаными шерстяными пледами, аккуратно перекинутыми через спинки некоторых стульев на случай зябких вечеров. В арке стоял пес, черный Лабрадор. Он серьезно посмотрел на них, как будто понимал всю тяжесть состояния Эйнштейна, и не последовал за ними.

Они прошли за ветеринаром вглубь дома и, свернув налево от холла, оказались в чистой приемной. Вдоль стен стояли шкафы из белой эмали и нержавеющей стали, сквозь стеклянные дверцы которых были видны пузырьки с лекарствами, сыворотками, таблетками, капсулами и огромным количеством различных порошковых ингредиентов, из которых составляют более экзотические препараты.

Тревис осторожно опустил Эйнштейна на смотровой стол и развернул одеяло.

Нора отчетливо увидела, что они с Тревисом ведут себя точь-в-точь как обезумевшие родители, принесшие к врачу умирающего ребенка. У Тревиса были красные глаза, хотя он больше не плакал, но непрерывно сморкался. Сама Нора, как только припарковала пикап перед домом и поставила его на ручной тормоз, больше не могла сдерживать слезы. Сейчас она стояла по другую сторону смотрового стола от доктора Кина, обхватив рукой Тревиса, и тихо плакала.

Ветеринар, очевидно, привык к проявлению сильных эмоций со стороны владельцев своих пациентов, потому что ни разу не взглянул на Нору и Тревиса и ни разу ничем не выказал, что находит их волнение и горе чрезмерными.

Доктор Кин прослушал сердце и легкие ретривера стетоскопом, пропальпировал его живот, осмотрел гноящиеся глаза с помощью офтальмоскопа. На протяжении всех этих и еще нескольких других процедур Эйнштейн оставался неподвижным, как будто парализованным. Только по его слабым завываниям и неровному дыханию можно было понять, что он все еще жив.

«Все не так страшно, как кажется», — повторяла про себя Нора, промокая глаза носовым платком.

Посмотрев на Нору и Тревиса, доктор Кин спросил:

— Как его зовут?

— Эйнштейн, — ответил Тревис.

— Сколько времени он живет с вами?

— Всего несколько месяцев.

— Ему делали прививки?

— Нет, — сказал Тревис. — Не делали, черт побери.

— А почему?

— Это... сложно объяснить, — сказал Тревис. — Но есть причины, по которым мы не могли сделать ему прививки.

— Все причины несостоятельны, — неодобрительно произнес Кин. — У него нет свидетельства, нет прививок. Вы поступили крайне безответственно, не оформив положенных документов и не сделав ему прививок.

— Знаю, — произнес Тревис упавшим голосом. — Знаю.

— А что с Эйнштейном? — спросила Нора, мысленно повторяя как заклинание: «Все не так страшно, как кажется».

Слегка поглаживая ретривера, Кин ответил:

— У него чумка.

Эйнштейна переложили в угол кабинета на толстый, в длину собаки матрац с полиэтиленовым чехлом на «молнии». Чтобы он не мог никуда уйти — если когда-нибудь у него будут силы двигаться, — его привязали коротким ремешком к кольцу в стене.

Доктор Кин сделал ретриверу инъекцию.

— Антибиотик, — объяснил он. — Против чумки нет эффективных антибиотиков, но они необходимы, чтобы избежать вторичных бактериальных инфекций.

Он также вколол иглу в одну из вен на лапе ретривера и подсоединил ее к капельнице, чтобы избежать обезвоживания. Когда ветеринар попытался надеть на Эйнштейна намордник, Нора и Тревис с жаром запротестовали.

— Я не боюсь, что он может меня укусить, — объяснил доктор Кин. — Это необходимо для его же пользы, чтобы помешать ему впиться зубами в иглу. Как только у него появятся силы, он начнет делать то, что всегда делают с ранами собаки: зализывать их и пытаться уничтожить зубами любой источник раздражения.

— Только не этот пес, — сказал Тревис. — Этот пес — особенный.

Он оттолкнул Кина и, подойдя к собаке, снял с нее приспособление, связывающее челюсти.

Ветеринар хотел было запротестовать, но потом передумал.

— Ладно. Пусть пока лежит так. Сейчас он, в любом случае, слишком слаб.

Все еще стараясь отрицать ужасную правду, Нора сказала:

— Но насколько это серьезно? У него были всего лишь очень слабые симптомы болезни, да и те исчезли через пару дней.

— У половины всех собак, больных чумкой, вообще не бывает никаких симптомов, — сказал ветеринар, убирая в один из шкафов пузырек с антибиотиками и бросая

использованный шприц в мусорное ведро. — У других симптомы слабые, которые то появляются, то исчезают. Некоторые болеют очень тяжело, как Эйнштейн. Это может быть постепенно прогрессирующая форма болезни, а могут сначала появиться слабые симптомы, а потом... такое. Но во всем этом есть светлая сторона.

Тревис сидел на корточках рядом с Эйнштейном, чтобы тот мог видеть его, не поднимая головы и не вращая глазами, и чувствовать, что за ним ухаживают, присматривают, любят. Заслышав слова Кина о светлой стороне, Тревис с надеждой поднял на него глаза:

— Какая светлая сторона? Что вы имеете в виду?

— Зачастую течение чумки определяется состоянием пса до заражения. Наиболее тяжело болеют животные, за которыми был плохой уход и которых плохо кормили. А я вижу, что за Эйнштейном очень хорошо ухаживали.

Тревис сказал:

— Мы старались хорошо его кормить и следить за тем, чтобы он был в хорошей физической форме.

— А мыли и чистили его даже слишком часто, — добавила Нора.

Улыбнувшись и в знак одобрения кивнув головой, доктор Кин сказал:

— Тогда у него есть преимущество. У нас есть самая настоящая надежда.

Нора встретила глазами с Тревисом, но он быстро отвел взгляд и посмотрел вниз на ретривера. Вопрос, которого они так боялись, пришлось задавать ей:

— Доктор, он поправится, правда? Он не... он не умрет, ведь так?

Очевидно, Джеймс Кин знал, что его от природы хмурое лицо и потупленный взгляд не могут вселить надежду. Он тепло улыбнулся и заговорил мягким, но уверенным голосом; у него появились почти отеческие манеры, которые, может быть, и были искусственными, но казались искренними и помогали уравновешивать вечное уныние, которым наградил его Господь Бог.

Он подошел к Норе и положил руки ей на плечи:

— Дорогая, вы любите этого пса так, как если бы он был вашим сыном, да?

Она закусила губу и кивнула.

— Тогда вы должны верить. Верить в Бога, который, говорят, все видит, и доверять немного мне. Я довольно хорошо знаю свое дело и заслуживаю вашего доверия.

— Я верю, что вы хороший ветеринар, — ответила Нора.

Все еще сидя на корточках рядом с Эйнштейном, Тревис приглушенно спросил:

— Но шансы. Каковы шансы? Скажите нам прямо.

Отпустив Нору и повернувшись к Тревису, Кин сказал:

— Ну что же, выделения из глаз и носа не такие мутные, как могли бы быть. Далеко нет. На животе нет гнойников. Вы говорите, его рвало, но поноса не было?

— Нет. Только рвота, — сказал Тревис.

— Температура у него высокая, но не опасная. У него сильно текла слюна?

— Нет, — ответила Нора.

— Он не тряс головой и не делал такого жевательного движения, как если бы у него во рту был плохой привкус?

— Нет, — хором ответили Тревис и Нора.

— А вы не видели, он не бегал кругами, не падал без причины на землю? Не лежал на боку и не брыкался ногами, как будто бежит? Не бродил бесцельно по комнате, не натывался на стены, не дергался, не было у него судорог или чего-нибудь еще в этом роде?

— Нет, нет, — сказал Тревис.

А Нора спросила:

— Боже мой, неужели все это бывает?

— Если болезнь перейдет во вторую стадию, да, — ответил Кин. — Тогда может быть затронут мозг. Возможны припадки вроде эпилептических. Энцефалит.

Тревис поднялся, неожиданно как-то странно накренившись. Шатаясь, он направился к Кину, затем, качнувшись, остановился. Лицо у него было бледное как полотно. В глазах

застыл ужас.

— Затронут мозг? А если он поправится, у него будет... поврежден мозг?

Нора почувствовала, как у нее к горлу волнами подкатывает маслянистая тошнота. Она представила себе Эйнштейна после болезни; такой же разумный, как человек, достаточно разумный, чтобы вспомнить, что некогда он был особенным, и знать, что это утеряно навсегда, что сейчас ты живешь тусклой, серой жизнью, не такой полной, как прежде. От страха у нее закружилась голова, и ей пришлось прислониться к смотровому столу.

Ветеринар сказал:

— Большинство собак не переносят чумки второй стадии. Но если Эйнштейн выживет, все равно у него будет задет мозг. Конечно, ничего такого, из-за чего его придется усыплять. У него, например, может на всю жизнь остаться хорей, то есть непроизвольное подергивание или дрожание, что-то вроде паралича, часто оно ограничивается только головой. Но при этом пес будет чувствовать себя относительно счастливым, вести безболезненное существование и оставаться по-прежнему симпатичным домашним животным.

Тревис почти прокричал Кину:

— Мне плевать, будет он симпатичным животным или нет. Меня не волнуют *физические последствия* повреждения мозга. Что станет с его *разумом*?

— Ну, собака будет узнавать своих хозяев, — сказал ветеринар, — будет к вам привязана. Здесь никаких проблем. Возможно, она будет много спать. Возможны периоды апатии. Но почти наверняка утерять некоторые навыки. Не то чтобы забудет, чему его учили...

Дрожа всем телом, Тревис сказал:

— Мне плевать, Эйнштейн может мочиться по всему дому, мне важно, чтобы он по-прежнему мог *думать*!

— Думать? — повторил явно сбитый с толку доктор Кин. — Ну... что вы конкретно имеете в виду? Он ведь все-таки всего лишь собака.

Прежде ветеринар воспринимал их тревожное, со взрывами отчаяния поведение как нормальную в подобных ситуациях реакцию. Но теперь наконец он начал смотреть на них по-иному.

Отчасти для того, чтобы сменить тему и усыпить подозрения ветеринара, отчасти потому, что она просто хотела услышать ответ, Нора спросила:

— Хорошо, а сейчас у Эйнштейна вторая стадия?

Кин ответил:

— Судя по тому, что я до сих пор видел, он все еще в первой стадии. Сейчас лечение начато, и, если в течение последующих суток мы не увидим более тяжелых симптомов, я думаю, у нас есть хороший шанс удержать его на этой стадии и затем выйти из нее.

— А на первой стадии мозг не затрагивается? — спросил Тревис так настойчиво, что Кин снова вскинул вверх брови.

— Нет, на первой стадии нет.

— А если он останется на первой стадии, — сказала Нора, — он не умрет?

Стараясь говорить как можно мягче и успокаивающе, Джеймс Кин сказал:

— Ну, сейчас у него очень хорошие шансы пережить чумку первой степени — и без каких бы то ни было последствий. Я хочу, чтобы вы поняли, что его шансы на выздоровление достаточно высоки. Но в тоже время не хочу вселять в вас излишнюю уверенность. Это было бы жестоко. Даже если болезнь не будет прогрессировать дальше первой стадии, Эйнштейн может умереть. Больше шансов за то, что он выживет, но смертельный исход не исключен.

Нора снова расплакалась. Она думала, что взяла себя в руки. Думала, что готова быть сильной. Но сейчас не сдержалась. Нора подошла к Эйнштейну, села рядом с ним на пол и положила ему руку на плечо, просто чтобы дать ему понять, что она рядом.

Кина слегка начала раздражать — и здорово озадачивать — их буйная эмоциональная реакция на плохую новость. В его голосе появились жесткие нотки. Он сказал:

— Послушайте, единственное, что мы можем сейчас для него сделать, это обеспечить

первоклассный уход и не терять надежды. Естественно, ему придется остаться здесь, поскольку чумка требует сложного лечения, и оно должно проводиться под наблюдением ветеринара. Я буду держать его на внутривенных вливаниях, антибиотиках... регулярно давать противосудорожные и седативные препараты, если у него начнутся припадки.

Нора рукой ощутила, как задрожал Эйнштейн, как будто слышал и понял все эти страшные перспективы.

— Хорошо, о'кей, согласен, — сказал Тревис, — очевидно, ему придется побыть у вас. Мы останемся сним.

— В этом нет необходимости... — начал Кин.

— Хорошо, необходимости нет, — быстро проговорил Тревис, — но мы хотим остаться, нам будет удобно, мы можем спать сегодня здесь на полу.

— О, боюсь, это невозможно, — сказал ветеринар.

— Нет, возможно, о нет, совершенно возможно, — пробормотал Тревис, стараясь убедить ветеринара. — Не беспокойтесь о нас, доктор. Мы прекрасно устроимся. Мы нужны Эйнштейну тут, и мы тут останемся и, конечно же, заплатим вам за причиненные неудобства.

— Но у меня здесь не гостиница!

— Мы должны остаться, — твердо сказала Нора.

Кин сказал:

— Послушайте, я нормальный человек, но...

Тревис обеими руками схватил правую руку ветеринара и крепко сжал ее, чем несказанно удивил Кина.

— Послушайте, доктор Кин, пожалуйста, позвольте мне попытаться объяснить. Я понимаю, это необычная просьба. Я знаю, что мы кажемся вам парочкой сумасшедших, но у нас есть на то свои причины, и они очень веские. Это не простой пес, доктор Кин. Он спас меня...

— И меня тоже, — сказала Нора. — При других обстоятельствах.

— И мы познакомились благодаря ему, — сказал Тревис. — Не будь Эйнштейна, мы бы никогда не встретились, никогда не поженились, и нас бы уже не было на свете.

Кин ошарашенно переводил взгляд с одного на другого.

— Вы хотите сказать, спас вас обоих в буквальном смысле? И при разных обстоятельствах?

— Именно так, — ответила Нора.

— А затем познакомил вас?

— Да, — сказал Тревис. — Изменил наши жизни коренным образом.

Сжатый руками Тревиса ветеринар взглянул на Нору, опустил свои добрые глаза на тяжело дышащего ретривера, покачал головой и произнес:

— Обожаю истории про собак-героев. Вам придется рассказать мне ваши.

— Мы вам все расскажем, — пообещала Нора, а про себя решила: это будут тщательно отредактированные версии.

— Когда мне было пять лет, — сказал Джеймс Кин, — я чуть было не утонул, и меня спас черный Лабрадор.

Нора припомнила красивого черного Лабрадора в гостиную и подумала, не потомок ли он пса, спасшего Кина, или просто напоминание о том, что он в долгу перед собаками.

— Хорошо, — сказал Кин, — вы можете остаться.

— Спасибо, — голос Тревиса дрогнул. — Спасибо.

Высвободив свою руку из рук Тревиса, Кин сказал:

— Но должно пройти по меньшей мере сорок восемь часов, прежде чем я смогу с уверенностью сказать, что Эйнштейн выживет. Это долго.

— Сорок восемь часов — это ничто, — сказал Тревис. — Всего лишь две ночи на полу. Мы справимся.

Кин сказал:

— У меня есть подозрение, что для вас двоих эти сорок восемь часов покажутся

вечностью. — Он взглянул на часы и проговорил: — Так, минут через десять придет моя ассистентка, и вскоре после этого мы начнем утренний прием. Я не хочу, чтобы, пока я занимаюсь пациентами, вы путались у меня под ногами. Да и вряд ли доставит большое удовольствие сидеть в приемной вместе с толпой других взволнованных хозяев и больных животных; это только еще больше расстроит вас. Вы можете обождать в гостиной, а после приема вернетесь сюда, к Эйнштейну.

— А днем нам можно к нему заглядывать?

Кин улыбнулся:

— Ладно. Но только заглядывать.

Эйнштейн под Нориной рукой наконец перестал дрожать. Частично напряжение покинуло его, и он расслабился, как если бы слышал, что им разрешили остаться рядом, и это его сильно успокоило.

Утро тянулось мучительно долго. В гостиной доктора Кина были телевизор, книги и журналы, но ни Нора, ни Тревис не могли сконцентрироваться ни на телевизионных передачах, ни на чтении.

Примерно каждые полчаса они по очереди проскальзывали через холл и заглядывали к Эйнштейну. Им не показалось, что он чувствует себя хуже, но и лучше ему тоже не стало.

Один раз к ним зашел Кин и сказал:

— Между прочим, к вашим услугам ванная комната, а в холодильнике есть прохладительные напитки. Если хотите, можете сварить себе кофе. — Улыбнувшись, он посмотрел на стоящего у его ног черного Лабрадора. — А этого приятеля зовут Пука. Он вас страшно полюбит, если вы только дадите ему такую возможность.

В самом деле, Пука оказался одним из самых дружелюбных псов, каких Нора встречала. Без всяких просьб он перекатывался с боку на бок, притворялся мертвым, вставал на задние лапы, а затем, сопя и виляя хвостом, подходил к ним, чтобы его приласкали или почесали в виде вознаграждения.

Все утро Тревис игнорировал любые попытки Лабрадора обратить на себя внимание, как если бы он, приласкав собаку, каким-то образом предал Эйнштейна и тем самым вызвал его смерть от чумки.

Нора, напротив, находила в псе утешение и дарила ему то внимание, которого он так жаждал. Она говорила себе, что, если будет хорошо обращаться с Пукой, богам это понравится, и тогда они благосклонно отнесутся к Эйнштейну. Результатом ее отчаяния было не менее страстное, чем у мужа, — хотя и совершенно обратное — суеверие.

Тревис бродил взад-вперед по комнате, затем садился на краешек стула, наклонив голову и обхватив ее руками. Подолгу он стоял у одного из окон, глядя на улицу, но не видя ничего, кроме какого-то темного отражения собственных мрачных мыслей. Он винил себя за то, что случилось, и истинное положение вещей (о котором ему напоминала Нора) никак не уменьшало его иррациональное чувство вины.

Смотря в окно и обхватив себя руками, как будто ему было холодно, Тревис тихо спросил:

— Как ты думаешь, Кин видел татуировку?

— Не знаю. Может быть, и нет.

— Думаешь, действительно всем ветеринарам разослали приметы Эйнштейна? Кин догадается, что означает татуировка?

— Возможно, и нет, — ответила Нора. — Вероятно, в нас говорит параноидальный страх.

Но, узнав от Гаррисона об усилиях, предпринятых правительством, чтобы помешать адвокату предупредить их, они понимали, что развернутые широкомасштабные поиски собаки все еще продолжаются. А значит, говорить о «параноидальном страхе» не приходилось.

С двенадцати до четырнадцати часов дня у доктора Кина был перерыв. Он пригласил Нору и Тревиса в свою просторную кухню на ленч. Кин был холостяком и сам о себе заботился: его морозильная камера была битком набита разными замороженными блюдами, которые он сам приготовил и упаковал. Ветеринар разморозил отдельно завернутые ломтики лазаньи домашнего приготовления и при помощи гостей сделал три салата. Все было очень вкусно, но ни у Норы, ни у Тревиса не было аппетита.

Чем больше Нора узнавала Джеймса Кина, тем больше он ей нравился. Несмотря на мрачную внешность, ветеринар оказался веселым человеком, и его чувство юмора распространялось и на него самого. Он весь изнутри светился любовью к животным, и это придавало ему особую привлекательность. Собаки были его страстью, и, когда Кин говорил о них, энтузиазм преображал его блеклые черты и он становился красивее и привлекательнее.

Доктор поведал им о Кинге, черном Лабрадоре, который спас его в детстве, и попросил Нору и Тревиса рассказать о том, как Эйнштейн спас их. Тревис в красках поведал ему, как в горах он чуть было не наткнулся на раненого и разъяренного медведя. Описал, как Эйнштейн предупредил его и затем, когда обезумевший медведь погнался за ним, отвлекал медведя и несколько раз сбивал со следа. Нора смогла рассказать историю, более близкую к истине: как на нее набросился сексуальный маньяк и как ему помешал Эйнштейн, который задержал его и не отпускал до прибытия полиции.

Кин был потрясен:

— Он и правда герой!

Нора чувствовала: своими рассказами о собаке они настолько завоевали расположение ветеринара, что если он и обнаружил татуировку и знал, что она означает, то скорее всего выбросит все это из головы и даст им уйти с миром, когда Эйнштейн поправится. *Если Эйнштейн поправится.*

Но, когда они убирали со стола, Кин спросил:

— Сэм, я тут все думаю: почему ваша жена зовет вас Тревисом?

К такому вопросу Нора и Тревис были готовы. Получив фальшивые документы, они решили, что будет проще и безопаснее, если Нора по-прежнему будет звать его Тревисом, а не Сэмом, потому что в какой-нибудь критический момент она может оговориться. Всегда можно было сказать, что она прозвала его Тревисом после одной очень личной шутки; подмигивая друг другу и глупо ухмыляясь, они могли намекнуть, что у этой шутки был какой-то сексуальный подтекст, нечто слишком нескромное, чтобы не сказать больше. Именно так они и ответили на вопрос Кина, но у них не было настроения убедительно подмигивать и глупо ухмыляться, поэтому Нора не была уверена в том, что они хорошо сыграли свои роли. Более того, она думала, что их нервное и неумелое представление могло усилить подозрения Кина, если таковые были.

Незадолго до начала дневного приема Кину позвонила его ассистентка, у которой еще утром разболелась голова, и сообщила, что к головной боли добавилось расстройство желудка. Ветеринар вынужден был один вести прием, поэтому Тревис сразу предложил ему свои и Норины услуги.

— Конечно, у нас нет специальной подготовки, но мы вполне годимся для любой черной работы.

— Да, — подтвердила Нора, — и, между прочим, у нас на плечах вполне приличные головы. Если вы нас научите, мы могли бы делать практически все.

Весь день они провели, удерживая вырывающихся кошек, собак, попугаев и других животных, пока Джим Кин лечил их. Надо было подавать бинты, доставать из шкафов лекарства, мыть и стерилизовать инструменты, брать плату и выписывать рецепты. Некоторые животные, страдающие рвотой и поносом, оставляли после себя грязь, которую надо было убирать, но Тревис и Нора делали эту неприятную работу, ни на что не жалуясь и не колеблясь, как любую другую.

На то у них было две причины. Во-первых, помогая Кину, можно было весь день

находиться в его кабинете вместе с Эйнштейном. В перерывах они улучали минутку приласкать ретривера, сказать ему несколько ободряющих слов и убедиться лично, что ему не стало хуже. Отрицательная сторона их неотлучного пребывания рядом с Эйнштейном заключалась в том, что они, к своему огорчению, также не видели, чтобы его состояние *улучшалось*.

Вторая причина заключалась в том, чтобы снискать еще большее расположение ветеринара, чтобы он чувствовал себя им обязанным и не передумал оставить их на ночь.

Наплыв пациентов был намного больше обычного, и они смогли закончить прием только после шести часов. Усталость и совместная работа породили теплое чувство товарищества. Пока готовили обед и сидели вместе за столом, Джим Кин развлекал их множеством веселых историй о животных из своей практики, и им было так хорошо и приятно вместе, как будто они были знакомы с ветеринаром многие месяцы, а не несколько часов.

Кин приготовил для них спальню для гостей и дал несколько одеял, чтобы соорудить постель на полу в кабинете. Тревис с Норой решили по очереди спать в спальне, а половину ночи проводить на полу рядом с Эйнштейном.

Первым должен был дежурить Тревис — с десяти вечера до трех часов ночи. В дальнейшем углу кабинета оставили включенной одну лампу, и Тревис то сидел, то лежал на одеялах в полумраке рядом с Эйнштейном.

Иногда пес спал, и его дыхание становилось более ровным, не таким страшным. Но иногда бодрствовал, и дыхание становилось пугающе трудным, ретривер похныкивал от боли и — Тревис каким-то образом догадывался — от страха. Когда Эйнштейн бодрствовал, Тревис разговаривал с ним, вспоминал случаи из их совместной жизни, те многие приятные моменты и счастливые минуты, которые у них были за эти шесть месяцев, и, казалось, собака немного успокаивалась, слыша голос Тревиса.

Она лежала совершенно неподвижно, и в силу этого у нее появилось недержание. Пару раз пес мочился на покрытый полиэтиленом матрац. Тревис все убирал без всякого отвращения, с любовью и состраданием, которые были сродни отцовским по отношению к тяжело больному ребенку. Удивительно, но Тревису даже была приятна вся эта грязь, потому что всякий раз, как Эйнштейн мочился, это служило доказательством, что он все еще жив, все еще функционировал в каком-то смысле так же нормально, как всегда.

Несколько раз в течение ночи принимался идти дождь. Звук дождя по крыше казался траурным и напоминал похоронный барабанный стук.

Дважды за смену Тревиса появлялся Джим Кин в надетом на пижаму халате. В первый раз он внимательно осмотрел Эйнштейна и сменил бутылочку в капельнице. Позже он еще раз осмотрел его и сделал укол. Оба раза он заверял Тревиса, что признаки улучшения появятся позже, сейчас хорошо уже то, что не было признаков ухудшения состояния пса.

Часто в течение ночи Тревис уходил в другой угол кабинета и читал слова в простой рамке над раковиной:

ПОСВЯЩЕНИЕ СОБАКЕ

Единственным, совершенно бескорыстным другом человека в этом корыстном мире, другом, который никогда не покинет его, который никогда не бывает неблагодарным и не предаст его, является собака. Собака останется рядом с человеком в богатстве и бедности, в здравии и болезни. Она будет спать на холодной земле, где дуют зимние ветры и яростно метет снег, только бы быть рядом с хозяином. Собака будет целовать ему руку, даже если эта рука не может дать ей еды; она будетлизывать раны и царапины — результат столкновений с жестокостью окружающего мира. Собака охраняет сон своего нищего хозяина так же ревностно, как если бы он был принцем. Когда уходят все остальные друзья, этот останется. Когда все богатства улетучатся и все разваливается на куски, собака так же постоянна в своей любви, как солнце, шествующее по небу.

Всякий раз, когда Тревис перечитывал эту оду, его заново переполняло удивление от существования Эйнштейна. Что может быть обычнее детской фантазии, что его собака так же восприимчива, мудра и умна, как любой взрослый человек? Какой Божий дар может доставить больше радости ребенку, чем сознание того, что его домашний пес может общаться с ним на человеческом уровне и делить с ним горе и радости, полностью осознавая их значение и важность? Какое чудо может принести большую радость, внушить большее благоговение перед таинствами природы, большой восторг перед неожиданными сторонами жизни? Каким-то образом сама идея объединить в одном существе индивидуальность собаки и разум человека давала надежду на появление нового вида, такого же талантливого, как человечество, но более благородного и достойного. И разве есть другая, более распространенная мечта взрослых, чем встретить однажды других разумных существ и разделить с ними огромную, холодную вселенную и, поделив ее с ними, хотя бы отчасти избавиться наконец от невыразимого одиночества и чувства тихого отчаяния?

И какая другая потеря может сравниться с потерей Эйнштейна, первого многообещающего свидетельства того, что человечество несет в себе ростки не просто величия, но и некоего божественного начала?

Эти мысли, которые Тревис не мог подавить, потрясли его, и у него из груди вырвалось хриплое горестное рыдание. Обозвав себя неврастеником, он пошел вниз, где пес не увидит — и не испугается — его слез.

Нора сменила Тревиса в три часа ночи. Ей пришлось долго уговаривать его пойти в спальню, поскольку он никак не соглашался покинуть кабинет Кина.

Измученный, но говоря, что не сможет заснуть, Тревис рухнул на кровать и сразу уснул.

Он видел сон. За ним гналось желтоглазое чудище с кривыми когтями и сплюснутыми крокодильими челюстями. Он пытался защитить Эйнштейна и Нору, толкая их перед собой, заставляя их бежать, бежать, бежать. Но каким-то образом монстру удалось обойти Тревиса, и он разорвал на куски сначала Эйнштейна, а затем Нору — это было прежнее проклятие Корнелла, которое невозможно снять, просто сменив имя на Сэмюеля Хайатта, — и в конце концов Тревис перестал бежать, упал на колени и наклонил голову, потому что не сумел спасти Нору и пса и теперь ему хотелось умереть, и он слышал приближение твари — *клик-клик-клик*, — но в то же время он приветствовал смерть, которую предвещало это приближение.

Нора разбудила его незадолго до пяти часов утра.

— Эйнштейн, — настойчиво сказала она. — У него судороги.

Когда Нора привела Тревиса в кабинет, Джим Кин, склонившись над Эйнштейном, что-то делал. Единственное, что им оставалось, это не путаться у ветеринара под ногами и не мешать ему работать.

Они стояли взявшись за руки.

Спустя несколько минут доктор Кин встал. Он выглядел обеспокоенным и не пытался, как обычно, улыбаться или поднять им настроение.

— Я ввел ему дополнительно средство против конвульсий. Думаю... теперь с ним будет все в порядке.

— У него началась вторая стадия? — спросил Тревис.

— Может быть, нет, — ответил Кин.

— А конвульсии на первой стадии бывают?

— Это возможно, — сказал Кин.

— Но маловероятно.

— Да, маловероятно, — подтвердил доктор. — Хотя... и возможно.

«Чумка второй степени», — с ужасом подумала Нора.

Она еще крепче вцепилась в Тревиса.

Вторая степень. Задет мозг. Энцефалит. Хорея. Повреждение мозга. *Повреждение мозга.*

Тревиса не удалось уговорить отправиться спать. Он остался в кабинете вместе с Норой и Эйнштейном.

Они включили другую лампу, чтобы сделать немного посветлее, но не побеспокоить Эйнштейна, и внимательно следили, не появятся ли признаки того, что чумка перешла во вторую стадию: подергивание и жевательные движения, о которых говорил Джим Кин.

Тревису никак не удавалось черпать надежду в том, что подобных симптомов не было. Даже если болезнь Эйнштейна все еще находилась на первой стадии и на ней и останется, Эйнштейн, казалось, умирал.

На следующий день, в пятницу третьего декабря, ассистентка Джима Кина все еще была больна и не могла выйти на работу, и Норе с Тревисом снова пришлось ему помогать.

К ленчу температура Эйнштейна так и не спала. Из глаз и носа продолжала течь чистая, хотя и желтоватая жидкость. Дыхание его было менее затрудненным, но в отчаянии Норе казалось, что, возможно, дыхание ретривера стало полнее просто потому, что он не прикладывал больших стараний, чтобы дышать, так как начал сдаваться.

За ленчем она не смогла проглотить ни кусочка. Пока Нора стирала и гладила одежду, свою и Тревиса, им пришлось надеть халаты Джима Кина, которые были слишком велики им обоим.

Днем работы не убавилось. У Норы с Тревисом не было ни одной свободной минуты, и Нору это радовало.

Без двадцати минут пять — это время навсегда врезалось им в память, — сразу после того как они помогли Джиму справиться с трудным пациентом — ирландским сеттером, — Эйнштейн дважды тявкнул со своего ложа в углу. Нора с Тревисом обернулись, задохнувшись и ожидая худшего, поскольку это был первый звук, кроме завываний, который пес издал с тех пор, как попал сюда. Но ретривер поднял голову — впервые у него были силы сделать это — и моргая посмотрел на них; он с любопытством огляделся по сторонам, как бы спрашивая, где это он находится.

Джим опустился на колени рядом с ретривером и, пока Нора с Тревисом стояли у него за спиной, ожидая, что он скажет, осмотрел Эйнштейна.

— Обратите внимание на его глаза. Они слегка мутные, но совсем не такие, как прежде, и не так сильно текут. — Влажной тряпкой ветеринар вытер слипшуюся шерсть под глазами Эйнштейна и прочистил ему нос; в ноздрях больше не пузырились свежие выделения. Ректальным термометром он измерил температуру собаке и сказал: — Упала. На целых два градуса.

— Слава Богу, — произнес Тревис.

А Нора обнаружила, что у нее из глаз снова катятся слезы.

Джим сказал:

— Он еще не выкаббался. Сердцебиение стало более ритмичным, менее быстрым, хотя все еще далеко от нормы. Нора, возьмите вон там одну из мисок и налейте в нее воды.

Через секунду Нора вернулась от раковины и поставила миску на пол рядом с ветеринаром.

Джим придвинул ее поближе к Эйнштейну.

— Что скажешь, парень?

Пес снова приподнял голову с матраца и уставился на миску. Его высунутый язык казался сухим и был покрыт каким-то клейким налетом. Он завыл в предвкушении удовольствия.

— Может, — сказал Тревис, — если мы ему поможем...

— Нет, — прервал Джим Кин. — Он сам должен решить. Собака сама знает, что делать. Мы ведь не хотим, чтобы ее снова вырвало от воды. Ей подскажет инстинкт, настало ли

время.

Со стонами и тяжело дыша Эйнштейн передвинулся на своем матрасе, наполовину перекатившись с бока на живот. Он поднес нос к миске, понюхал воду, лизнул ее языком раз, другой и с явным удовольствием выпил треть, затем вздохнул и лег на место.

Поглаживая ретривера, Джим Кин сказал:

— Я очень удивлюсь, если он не поправится, полностью не поправится, со временем.

Со временем.

Эта фраза беспокоила Тревиса.

Сколько времени понадобится ретриверу, чтобы полностью восстановиться? Им всем будет лучше, если Эйнштейн выздоровеет и все его чувства зафункционируют по-прежнему, когда Аутсайдер в конце концов доберется до них. Инфракрасные датчики — это хорошо, но их главным сигнальным устройством с опережающим оповещением был ретривер.

Последний пациент ушел в половине шестого, и Джим Кин покинул дом по какому-то таинственному делу. Вернулся он с бутылкой шампанского.

— Я не очень пьющий человек, но в некоторых случаях хочется разок-другой плотненько чего-нибудь.

Нора дала зарок ничего не пить во время беременности, но даже самый торжественный зарок было не грех нарушить по такому поводу.

Они достали бокалы и выпили прямо в кабинете за здоровье Эйнштейна, который посмотрел на все это несколько минут и вскоре заснул.

— Но это естественный сон, — заметил Джим. — Без снотворных.

Тревис спросил:

— А сколько времени ему потребуется, чтобы вы здороветь?

— Чтобы справиться с чумкой, еще несколько дней, может, неделю. В любом случае ему надо побыть здесь еще два дня. Если хотите, вы можете отправляться домой, но можете и остаться. Вы мне очень помогли.

— Мы остаемся, — тотчас ответила Нора.

— Но после того как Эйнштейн справится с чумкой, — сказал Тревис, — он будет еще слаб, да?

— Сначала очень слаб, — сказал Джим. — Но постепенно к нему вернуться если и не все, то почти все его силы. Теперь я уверен: у него не было чумки второй степени, несмотря на конвульсии. Поэтому, возможно, к первому января он снова будет самим собой. Не должно быть никакой длительной немоги, никакой паралитической дрожи или чего-нибудь еще в этом роде.

Первое января...

Тревис надеялся, что будет еще не поздно.

Нора с Тревисом вновь поделили ночь на две смены. Тревис дежурил в первую смену, а она сменила его в три часа ночи.

На Кармел спустился туман. Он с мягкой настойчивостью заглядывал в окна.

Эйнштейн спал, когда пришла Нора, и она спросила:

— Он спал беспокойно?

— Да, — сказал Тревис. — Время от времени.

— Ты... говорил с ним?

— Да.

— Ну?

Тревис выглядел изможденным и осунувшимся, выражение его лица было мрачным.

— Я задавал ему вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет».

— И?

— Пес не отвечает на них. Он просто мигает, или зевает, или снова засыпает.

— Эйнштейн очень устал, — сказала Нора, отчаянно надеясь, что именно этим

объясняется нежелание ретривера вступать в контакт. — У него нет сил на вопросы и ответы.

Тревис, бледный и явно подавленный, сказал:

— Может быть. Я не знаю... но думаю... он кажется... озадаченным.

— Он еще не оправился от болезни, — сказала она. — Он все еще у нее в когтях, борется с ней, но все еще болен. У него и должна быть легкая путаница в голове.

— Озадаченным, — повторил Тревис.

— Это пройдет.

— Да, — сказал он. — Да, это пройдет.

Но это прозвучало так, как если бы в душе он убедил себя, что Эйнштейн никогда уже не будет прежним Эйнштейном.

Нора догадывалась, о чем думает Тревис: что это снова проклятие Корнелла, в которое, по его словам, он больше не верил, но которого в глубине души боялся. Все, кого он любит, обречены страдать и умирать молодыми. Всех, кто был ему дорог, отрывали от него.

Конечно, это была чепуха, и Нора ни секунды в это не верила. Но она знала, как трудно стряхнуть с себя прошлое, смотреть только в будущее, и она сочувствовала неспособности Тревиса взглянуть на нынешнюю ситуацию с оптимизмом. Она также понимала, что не в ее силах вытащить его из этой пропасти отчаяния, единственное, что она может сделать, — это поцеловать его, прижаться к нему на минуту и отправить спать.

Когда Тревис ушел, Нора опустила на пол рядом с Эйнштейном и проговорила:

— Я хочу кое-что сказать тебе, мохнатая морда. Я знаю, ты спишь и не слышишь меня, а может быть, даже если бы ты не спал, то все равно не понял бы то, что я говорю. Возможно, ты никогда больше не сможешь понимать, и именно поэтому я хочу сказать тебе это сейчас, пока еще есть *надежда*, что твой мозг цел.

Она замолчала, глубоко вздохнула и оглядела тихий кабинет, где тусклый свет отражался в предметах из нержавеющей стали и стеклах эмалированных шкафчиков. Здесь, в половине четвертого утра, было очень одиноко.

Эйнштейн дышал, тихо посвистывая, изредка издавая какой-то дребезжащий звук. Он не шевелился. Даже не пошевелил хвостом.

— Я считаю тебя, Эйнштейн, своим хранителем. Так я тебя однажды назвала, когда ты спас меня от Артура Стрека. Мой хранитель. Ты не просто защитил меня от этого страшного человека, ты спас меня от одиночества и страшного отчаяния. И ты спас Тревиса от тьмы, которая была внутри его, свел нас вместе, и еще в сотне других отношений был таким же совершенным, каким только может быть ангел-хранитель. Ты со своим добрым, чистым сердцем никогда ничего не просил и ничего не ждал в ответ на свои поступки. Немного крекеров время от времени, кусочек шоколада. Но ты поступал бы так, даже если бы не получал ничего, кроме обычной собачьей еды. Ты поступал так, потому что любил и, кроме ответной любви, тебе ничего не было нужно. И одним тем, что ты такой, как ты есть, мохнатая морда, ты преподавал мне урок, урок, который трудно выразить словами...

Некоторое время она молча сидела рядом со своим другом, своим ребенком, своим учителем, своим хранителем и не могла говорить.

— Но, черт возьми, — сказала она наконец, — я *должна* найти подходящие слова, потому что это, возможно, последний раз, когда я могу не притворяться, что ты способен меня понять. Это, как бы это выразить... ты внушил мне, что я тоже твой хранитель, что я хранитель Тревиса, а он — мой и твой. Мы отвечаем друг за друга, мы все ангелы-хранители, оберегающие друг друга от тьмы. Ты научил меня, что мы, все люди, нужны друг другу, даже те, кто иногда считает себя бесполезным, обыкновенным и ничем не примечательным. Если мы любим и позволяем любить себя... любящий человек — самая большая драгоценность в этом мире, дороже всех сокровищ, когда-либо существовавших на земле. Вот чему ты научил меня, мохнатая морда, и благодаря тебе я никогда не буду тем, кем была прежде.

Всю оставшуюся часть этой нескончаемой ночи Эйнштейн пролежал неподвижно и спал глубоким сном.

По субботам у Джима Кина был только утренний прием. В полдень он запер вход в лечебницу с другой стороны своего большого уютного дома.

Утром Эйнштейн проявлял обнадеживающие признаки выздоровления. Он пил больше воды и проводил некоторое время лежа на животе, а не на боку. Подняв голову, пес с интересом смотрел по сторонам на то, что происходит в кабинете ветеринара.

Он даже, негромко чавкая, съел полмиски смеси из сырого яйца с соусом, которую Джим поставил перед ним, и не отрыгнул съеденное обратно. Ему полностью прекратили делать внутривенные вливания.

Но ретривер все еще много спал. И реагировал на Тревиса и Нору только как обыкновенный пес.

После ленча, когда они сидели за кухонным столом и допивали по последней чашке кофе, Джим вздохнул и сказал:

— Ну, думаю, больше это откладывать нельзя.

Из внутреннего кармана своего старого потертого вельветового пиджака он достал сложенный бюллетень, где говорилось о том, что Эйнштейн находится в розыске.

Плечи Тревиса опустились.

Чувствуя себя так, будто ее сердце падает куда-то вниз, Нора придвинулась поближе к Тревису, чтобы они могли прочитать бюллетень вместе. Он был датирован прошлой неделей. Кроме описания примет Эйнштейна, включающего трехзначную татуировку в его ухе, в бюллетене говорилось, что, по всей вероятности, собака находится у человека по имени Тревис Корнелл и его жены Норы, которые, возможно, живут под чужими именами. Внизу страницы приводились описания — и фотографии — Норы и Тревиса.

— Как давно вы все знаете? — спросил Тревис.

Джим Кин сказал:

— С тех пор, как впервые увидел его в четверг утром. Вот уже шесть месяцев мне все время присылают такие бюллетени — и мне трижды звонили из федерального Института рака напомнить, чтобы я не забывал осматривать каждого золотистого ретривера на предмет лабораторной татуировки и сразу же сообщить им, если ее увижу.

— И вы уже сообщили? — спросила Нора.

— Еще нет. Не было никакого смысла делать это, пока не увидел, что он выкарабкается.

Тревис спросил:

— А теперь вы о нем сообщите?

Собакообразное лицо Джима Кина приняло еще более унылое, чем обычно, выражение, когда он сказал:

— Как мне сообщили из Института рака, эта собака была в центре наиважнейших экспериментов, направленных на поиски средства от этой болезни. Они говорят, что миллионы долларов исследовательских денег будут выброшены на ветер, если пес не будет найден и возвращен в лабораторию для завершения экспериментов.

— Это все вранье, — произнес Тревис.

— Я хочу, чтобы вы ясно поняли одну вещь, — сказал Джим, наклонившись вперед на стуле и обхватив своими большими руками кофейную чашку. — Я люблю животных до мозга костей. Я всю свою жизнь посвятил им. И больше других животных я люблю собак. Но боюсь, я не очень симпатизирую людям, считающим, что должны быть прекращены все опыты над животными, людям, которые полагают, что медицинские достижения, помогающие спасать человеческие жизни, не стоят того, чтобы причинить вред одной свинке, одной кошке, одной собаке. Люди, которые нападают на лаборатории и крадут животных и губят тем самым годы важнейших исследований... меня от них тошнит. Это хорошо и правильно — любить жизнь, горячо любить во всех ее самых скромных формах. Но эти люди не любят жизнь — они перед ней *благоговейт*, а это языческое, невежественное, и, возможно, даже дикарское отношение.

— Все это не так, — сказала Нора. — Эйнштейна никогда не использовали в раковых исследованиях. Это просто легенда. Институт рака не разыскивает собаку. Ее ищет

Управление национальной безопасности. — Она взглянула на Тревиса и спросила: — Ну, что будем делать?

Тревис хмуро улыбнулся и сказал:

— Я ведь не могу убить Джима, чтобы помешать ему...

Ветеринар выглядел озадаченным.

— ...Поэтому думаю, нам надо его убедить, — закончил Тревис.

— Правда? — спросила Нора.

Тревис долго смотрел на Джима Кина и наконец сказал:

— Да. Правда. Это единственное, что может заставить его выбросить этот чертов бюллетень в мусорное ведро.

Набрав в легкие побольше воздуха, Нора сказала:

— Джим, Эйнштейн так же умен, как вы, я или Тревис.

— Мне иногда кажется, что умнее, — сказал Тревис.

Ветеринар непонимающе уставился на него.

— Давайте сварим еще кофе, — сказала Нора. — Это будет долгий, долгий разговор.

Спустя несколько часов, в десять минут шестого в субботу, Нора, Тревис и Джим Кин сгрудились пред матрасом, на котором лежал Эйнштейн.

Пес только что выпил еще несколько унций воды. Он тоже с интересом смотрел на них.

Тревис пытался понять, есть ли в этих больших коричневых глазах та странная глубина, сверхъестественная живость и несобачье сознание, которые он так часто видел в них прежде. Черт! Он не был уверен, и эта неуверенность страшила его.

Джим осмотрел ретривера, заметив вслух, что его глаза стали яснее, почти нормальными, и что температура по-прежнему падает.

— Сердце тоже лучше.

Измученный десятиминутным осмотром, Эйнштейн плюхнулся на бок и издал протяжный усталый вздох. Через минуту он снова задремал.

Ветеринар сказал:

— Не очень-то похож на гениального пса.

— Он еще болен, — сказала Нора. — Все, что ему требуется, немного больше времени, и когда он вы здоровеет, то докажет, что все, о чем мы вам рассказали, правда.

— Как вы думаете, когда он начнет вставать? — спросил Тревис.

Подумав, Джим сказал:

— Возможно, завтра. Сначала будет шататься, но, возможно, завтра. Увидим.

— Когда Эйнштейн встанет, — сказал Тревис, — и к нему вернется чувство равновесия и интерес к ходьбе, это будет означать, что и в голове у него тоже прояснилось. Мы устроим ему экзамен, чтобы доказать вам, насколько он умен.

— Справедливо, — сказал Джим.

— А если он докажет это, — спросила Нора, — вы не донесете на него?

— Донесу на него людям, которые создали этого Аутсайдера, о котором вы мне рассказывали? Донесу на него этим людям, которые состряпали эту чушь в бюллетене? Нора, за кого вы меня принимаете?

— За порядочного человека, — сказала Нора.

Сутки спустя, в воскресенье вечером, Эйнштейн ковылял по кабинету Джима Кина, шатаясь, как маленький старичок на четырех ногах.

Нора быстро передвигалась на коленках рядом с ним, говоря ему, какой он замечательный и храбрый пес, мягко поощряя его продолжать путь. Каждый его шаг приводил ее в такой восторг, как если бы он был ее собственным ребенком, делающим свои первые шаги. Но еще больший трепет испытала она от взгляда, которым он несколько раз наградил ее; этот взгляд, казалось, выражал огорчение по поводу собственной немощи, но в нем одновременно было и чувство юмора, как будто он говорил: *«Эй, Нора, это тебе что,*

театр или что? Разве это не смешно?»

В субботу вечером ему дали немного твердой пищи, а в воскресенье Эйнштейн целый день поклевывал легко перевариваемую пищу, приготовленную ветеринаром. Он много пил, а самым обнадеживающим признаком его выздоровления было настойчивое желание выйти на улицу справить нужду. Пес не мог подолгу стоять на ногах и время от времени ковылял вяло и плюхался на матрац; однако он не натыкался на стены и не ходил кругами.

Накануне Нора выходила за покупками и вернулась тремя коробками игры «Скрэббл». Сейчас Тревис разложил все буквы на двадцать шесть стопок в углу кабинета, где на полу было много пустого пространства.

— Мы готовы, — сказал Джим Кин. Он сидел на рядом с Тревисом, подогнув под себя ноги на индийский манер.

Рядом с хозяином лежал Пука и озадаченно смотрел на происходящее.

Через всю комнату Нора подвела Эйнштейна к нам. Обхватив его голову руками и глядя ему прямо глаза, она сказала:

— О'кей, мохнатая морда. Давай с тобой докажем доктору Джиму, что ты не какое-нибудь жалкое подопытное животное, используемое в раковых исследованиях. Покажем ему, кто ты есть *на самом деле*, и поможем понять ему, почему эти люди в действительности тебя разыскивают.

Нора пыталась убедить себя в том, что во взгляде умных глаз ретривера она видела прежнее сознание.

С явной нервозностью и страхом Тревис спросил:

— Кто задаст первый вопрос?

— Я, — не колеблясь, ответила Нора. Обращаясь к Эйнштейну, она спросила:

— Как поживает скрипка?

Они рассказывали Джиму Кину о послании, которое обнаружил Тревис в то утро, когда Эйнштейн заболел, — «СКРИПКА СЛОМАЛАСЬ» — так что ветеринар понял вопрос Норы.

Эйнштейн, мигая, взглянул на нее, затем на буквы, снова, мигая, посмотрел на нее, понюхал буквы, и у Норы от страха уже похолодело в животе, когда пес вдруг начал выбирать нужные буквы и носом раскладывать их.

«СКРИПКА ПРОСТО РАССТРОИЛАСЬ».

Тревис вздрогнул, как будто страх, сидевший в нем, был мощным электрическим зарядом, который в одно мгновение вышел из него. Он сказал:

— Слава Богу, благодарю тебя, Господи, — и рассмеялся от удовольствия.

— Будь я проклят, — сказал Джим Кин.

Пука высоко поднял голову и наострил уши, понимая, что происходит что-то важное, но неуверенный в том, что именно.

Сердце Норы переполняли облегчение, возбуждение и любовь. Она вернула буквы на место и сказала:

— Эйнштейн, кто твой хозяин? Назови нам его имя.

Ретривер посмотрел на нее, на Тревиса, затем выдал обдуманый ответ:

«ХОЗЯИНА НЕТ. ЕСТЬ ДРУЗЬЯ».

Тревис рассмеялся.

— Мой Бог, я согласен! Никто не может быть его хозяином, но каждый должен чертовски гордиться дружбой с ним.

Интересно: это доказательство того, что разум Эйнштейна не пострадал, заставило Тревиса рассмеяться от удовольствия, впервые за много дней, а Нору взволновало до слез.

Джим Кин смотрел на все, широко раскрыв глаза от изумления и глупо ухмыляясь. Он сказал:

— Я чувствую себя, как ребенок, прокрадывшийся вниз в ночь перед Рождеством и увидевший, как настоящий Санта-Клаус кладет под елку подарки.

— Теперь моя очередь, — сказал Тревис, выходя вперед и, положив руку на голову Эйнштейна, ласково похлопывая его. — Джим только что упомянул Рождество, и оно уже не

за горами. Осталось двадцать дней. Скажи мне, Эйнштейн, что бы ты хотел получить от Санта-Клауса?

Дважды пес принимался раскладывать буквы, но оба раза передумывал и снова смешивал их. Он прошлепал к своему месту, улегся на матрац, застенчиво посмотрел по сторонам, увидел, что они все ждут ответа, снова встал и на этот раз составил просьбу Санта-Клаусу:

«ВИДЕОКАССЕТЫ С МИККИ МАУСОМ».

Они легли спать только в два часа ночи, потому что Джим Кин был просто опьянен, не пьян от пива, вина или виски, а опьянен от полнейшего восторга по поводу разумности Эйнштейна.

— Как у человека, да, но все равно собака, все равно собака, чудесным образом похожая и одновременно замечательно другая: человеческое мышление, насколько я могу судить по тому малому, что видел.

Но Джим не требовал новых доказательств собачьего интеллекта и после дюжины примеров первым предупредил, что им не следует утомлять больного. Все же доктора как будто наэлектризовали, он был так возбужден, что едва мог сдерживаться. Тревис не удивился, если бы ветеринар неожиданно взорвался.

В кухне он умолял их повторить свои рассказы об Эйнштейне: случай с журналом «Модерн Брайд» в Сольванге; как он сам разбавил холодной водой первую горячую ванну, которую налил для него Тревис; и многое-многое другое. Некоторые истории Джим практически пересказывал сам, как будто Тревису и Норе они были неизвестны, но они с радостью доставляли ему это удовольствие.

Затем он схватил со стола бюллетень о розыске Эйнштейна, зажег спичку и сжег его в раковине. Потом смыл пепел.

— К черту этих недалеких людей, которые хотят держать взаперти такое создание, чтобы его колоть и изучать. Может быть, у них и достало гениальности сотворить Эйнштейна, но они не понимают значения того, что содеяли. Они не осознают его величия, потому что иначе бы не захотели держать его в клетке.

В конце концов, когда Джим Кин нехотя признал, что им всем необходим отдых, Тревис отнес Эйнштейна (уже спящего) наверх в комнату для гостей. Из подушек и одеял они соорудили ему на полу постель рядом со своей кроватью.

В темноте, лежа под одеялом и слушая успокаивающе-тихое посапывание Эйнштейна, Тревис и Нора прижались друг к другу.

Она сказала:

— Теперь все будет в порядке.

— Неприятности пока еще впереди, — сказал он.

Тревис чувствовал: выздоровление Эйнштейна ослабило проклятие преждевременной смерти, преследовавшее его всю жизнь. Но он пока не был готов к тому, что оно совсем исчезло. Аутсайдер все еще где-то бродил... и он приближался.

Глава десятая

1

Во вторник, седьмого декабря, днем, они увозили Эйнштейна домой. Джим Кин никак не хотел их отпускать. Он проводил их до пикапа и, стоя у окна со стороны водителя, повторял им, что лечение надо продолжать еще пару недель, напомнил, что раз в неделю в течение следующего месяца хотел бы видеть Эйнштейна, и приглашал их приезжать к нему не только для осмотра собаки, но и просто так, в гости.

Тревис понимал: ветеринар пытается сказать им, что хочет остаться частью жизни

Эйнштейна, надеется участвовать в этом чуде.

— Джим, поверь мне, мы приедем еще. А перед Рождеством ты обязательно должен на денек заехать к нам.

— Буду очень рад.

— Мы тоже, — искренне ответил Тревис.

По дороге домой Нора держала на коленях Эйнштейна, снова закутанного в одеяло. К нему пока не вернулся прежний аппетит, и он был еще очень слаб. Его иммунная система подверглась жестокой встряске, и какое-то время он будет больше обычного подвержен болезням. Его следовало как можно дольше держать дома и всячески лелеять до тех пор, пока к нему не вернется былая сила, — возможно, как говорит Джим Кин, до первого января будущего года.

Небо как будто распухло от тяжелых темных туч. Тихий океан казался твердым и серым и был похож на миллиарды серо-голубых плиток и черепков, постоянно приводимых в движение каким-то геологическим смещением глубоко под землей.

Унылая погода не могла испортить приподнятого настроения. Нора сияла, а Тревис заметил, что насвистывает. Эйнштейн с огромным интересом рассматривал пейзаж за окном, и было видно, как его радует даже мрачная красота этого почти что бесцветного дня. Возможно, он не ожидал, что когда-нибудь снова увидит мир за пределами кабинета Джима Кина, и поэтому даже похожее на груды камней море и мрачное небо были для него драгоценным подарком.

Когда они наконец приехали, Тревис оставил Нору вместе с ретривером в пикапе и вошел в дом один через заднюю дверь, держа в руке пистолет тридцать восьмого калибра, который всегда лежал в машине. В кухне, где так и горел свет, оставленный ими после поспешного отъезда на прошлой неделе, он сразу же взял автоматический пистолет «узи» из потайного места в шкафу и отложил менее мощное оружие в сторону. Тревис осторожно прошел по комнатам, заглядывая за каждый крупный предмет мебелировки и в каждую кладовую.

Признаков взлома не было, да он и не ожидал их увидеть. В этой сельской местности преступления почти не совершались. Вы могли оставить дверь незапертой на несколько дней, не боясь, что воры залезут в дом и вынесут все, даже обои.

Его беспокоил не взломщик, а Аутсайдер.

В доме было пусто.

Тревис также проверил амбар, прежде чем поставить туда пикап, но там тоже никого не было.

Дома Нора опустила Эйнштейна на пол и сняла с него одеяло. Он поковылял по комнате, обнюхивая разные предметы. В гостиной пес поглядел на холодный камин и проверил свое приспособление для переворачивания страниц.

Он вернулся в кладовую при кухне, ножной педалью включил свет и составил из букв слово:

«ДОМ».

Наклонившись к псу, Тревис сказал:

— Приятно снова оказаться дома, правда?

Эйнштейн ткнулся носом ему в горло и облизал шею. Его золотистая шерсть была пушистой и хорошо пахла, потому что Джим Кин прямо в кабинете, при тщательно контролируемых условиях, купал его. Но каким бы пушистым и чистым он ни выглядел, Эйнштейн все еще не был самим собой: он казался усталым и похудевшим, потому что меньше чем за неделю потерял несколько фунтов.

Достав еще буквы, Эйнштейн снова написал то же слово, как бы желая подчеркнуть его прелесть: «ДОМ».

Стоя в дверях, Нора сказала:

— Дом — это то место, где есть тепло, а здесь, в этом доме, много тепла. Эй, давайте пообедаем пораньше в гостиной и посмотрим видеокассету с «Рождественской песней

Микки Мауса». Что скажете?

Эйнштейн яростно завилял хвостом.

Тревис спросил:

— Как думаешь, ты справишься со своим любимым блюдом — несколькими сосисками на обед?

Эйнштейн облизнулся. Он достал еще несколько букв, с помощью которых выразил свой энтузиазм по поводу предложения Тревиса:

«ДОМ — ЭТО ТАМ, ГДЕ ЕСТЬ СОСИСКИ».

Когда Тревис среди ночи проснулся, Эйнштейн стоял на задних лапах у окна спальни, положив передние на подоконник. Его едва было видно при тусклом свете ночника из примыкающей к спальне ванной комнаты. Внутренние ставни на окне были заперты, поэтому Пес не видел передний двор за окном. Но, возможно, для того, чтобы настроиться на Аутсайдера, зрение было ему не нужно.

— Там кто-то есть, малыш? — тихо спросил Тревис, не желая без нужды будить Нору.

Эйнштейн отошел от окна, проковылял к той стороне кровати, где спал Тревис, и положил голову на матрац.

Лаская пса, Тревис прошептал:

— Он идет?

Заворчав в ответ, Эйнштейн устроился на полу рядом с кроватью и заснул.

Через несколько минут Тревис тоже уснул.

Проснувшись снова на рассвете, он увидел, что Нора сидит на краю постели и ласкает Эйнштейна.

— Спи, — сказала она Тревису.

— Что случилось?

— Ничего, — сонно ответила она. — Я проснулась и увидела, что он стоит у окна, но это ничего. Спи.

Ему и в третий раз удалось уснуть, но во сне ему привиделось, что Аутсайдер за время своего шестимесячного преследования Эйнштейна научился обращаться с инструментами и теперь с горящими желтыми глазами прокладывает себе путь в спальню, круша топором ставни.

2

Строго по часам Тревис и Нора давали Эйнштейну лекарства, и он послушно глотал таблетки. Они объяснили ему, что надо хорошо питаться, чтобы выздороветь окончательно. Пес честно старался, но аппетит возвращался к нему очень медленно. Потребуется еще несколько недель, прежде чем он наберет потерянные фунты и восстановит свои жизненные силы. Но день ото дня улучшение было все заметнее.

К пятнице, десятому декабря, Эйнштейн казался достаточно окрепшим, чтобы рискнуть выйти на короткую прогулку. Его все еще время от времени шатало, но уже не бросало из стороны в сторону на каждом шагу. В ветеринарной лечебнице ему сделали все прививки. Можно было не бояться, что, кроме чумки, с которой ретривер только что справился, он заболит еще и бешенством.

Погода стала теплее, чем в последние недели, температура поднялась чуть выше шестидесятиградусной отметки, было безветренно. Разбросанные по небу облака были белыми, а солнце, когда не скрывалось за ними, своими живительными лучами мягко ласкало кожу.

Эйнштейн сопровождал Тревиса в его инспекционном обходе инфракрасных датчиков вокруг дома и осмотре баллонов с закисью азота в амбаре. Они шли чуть медленнее, чем когда проделывали этот путь вместе в прошлый раз, но собаке, казалось, нравилось это возвращение к старым обязанностям.

В студии Нора усердно трудилась над новой работой — портретом Эйнштейна. Он не знал, что будет изображен на ее последнем холсте. Картина должна была стать одним из его рождественских подарков, и после этого ее предполагалось повесить в гостиной над камином.

Когда они вышли из амбара во двор, Тревис спросил:

— Он приближается?

Услышав вопрос, ретривер проделал обычную процедуру, хотя с меньшим усилием, меньшим принюхиванием и менее внимательным изучением окружающего их темного леса. Вернувшись к Тревису, пес тревожно завыл.

— Он там? — произнес Тревис.

Эйнштейн не ответил, а только еще раз удивленно посмотрел на лес.

— Он еще идет? — спросил Тревис.

Пес не отреагировал.

— Он теперь ближе, чем раньше?

Собака прошлепала по кругу, понюхала землю, затем воздух, подняла вверх голову сначала в одну сторону, потом в другую. Наконец она вернулась к дому и встала у двери, глядя на Тревиса и терпеливо поджидая его.

Войдя в дом, Эйнштейн направился напрямиком в кладовку.

«ЗАГЛУЯСНЫЙ».

Тревис уставился на сложенное на полу слово.

— Заглуясный?

Пес достал еще буквы и разложил их на полу.

«ЗАГЛУШЕННЫЙ, НЕЯСНЫЙ».

— Ты говоришь о своей способности чувствовать Аутсайдера?

Ретривер вильнул хвостом. *Да.*

— Ты его больше не чувствуешь?

Эйнштейн пролаял. *Нет.*

— Ты думаешь... он умер?

«НЕ ЗНАЮ».

— А может быть, это твое шестое чувство не работает во время болезни или когда ты так слаб, как сейчас?

«МОЖЕТ БЫТЬ».

Собрав и рассортировав карточки с буквами, Тревис на минутку задумался. Нехорошие мысли. Мысли, лишаящие присутствия духа. У них по всей усадьбе были расставлены сигнальные устройства, это правда, но в немалой степени они рассчитывали, что Эйнштейн заранее предупредит их. Вряд ли Тревису стоило беспокоиться по поводу Аутсайдера, учитывая принятые меры предосторожности и собственные навыки, приобретенные в группе «Дельта». Но его все время преследовала одна мысль, будто он что-то упустил в системе защиты, и, случись непредвиденное, потребуются все способности Эйнштейна и его силы, чтобы помочь ему справиться с любыми неожиданностями.

— Придется тебе поправиться поскорее, — сказал Тревис, обращаясь к ретриверу. — Ты должен есть, даже когда у тебя нет аппетита. Ты должен спать как можно больше, чтобы дать своему организму восстановиться, а не стоять полночи у окна.

«КУРИНЫЙ СУП».

Рассмеявшись, Тревис сказал:

— Можем попробовать и его.

«БОЙЛЕРМЕИКЕР УБИВАЕТ МИКРОБОВ».

— Откуда ты это взял?

«КНИГА. ЧТО ТАКОЕ БОЙЛЕРМЕИКЕР?»

Тревис объяснил:

— Глоток виски, налитый в стакан пива.

Эйнштейн с минуту обдумывал это.

«УБИВАЕТ МИКРОБОВ, НО МОЖНО СТАТЬ АЛКОГОЛИКОМ».

Тревис расхохотался и взъерошил шерсть псу.

— Ты настоящий комик, мохнатая морда.

«МОЖЕТ, МНЕ СТОИТ ВЫСТУПАТЬ В ВЕГАСЕ?»

— Думаю, у тебя бы получилось.

«ЗВЕЗДА».

— Конечно, ты был бы звездой.

Он потискал ретривера, и они еще посидели в кладовке, смеясь каждый по-своему.

Несмотря на шутки, Тревис знал: Эйнштейн сильно обеспокоен потерей способности чувствовать Аутсайдера. Шутки были всего лишь защитной реакцией, способом отогнать от себя страх.

Днем, после короткой прогулки вокруг дома, Эйнштейн спал, а Нора лихорадочно работала в своей студии, Тревис сидел у окна и смотрел на лес, мысленно еще раз проверяя свою систему обороны и выискивая в ней слабое звено.

В воскресенье, двенадцатого декабря, днем их навестил Джим Кин, и они все вместе пообедали. Ветеринар осмотрел Эйнштейна и остался доволен ходом выздоровления.

— Нам кажется, дело движется медленно, — пожаловалась Нора.

— Я же предупреждал, что должно пройти немало времени.

Он внес несколько изменений в лечение собаки и оставил новые пузырьки с таблетками.

В кладовке ретривер с удовольствием продемонстрировал Кину приспособление для переворачивания страниц и устройство для выбора букв. Он снисходительно выслушал похвалы в свой адрес по поводу умения держать в зубах карандаш и с его помощью самостоятельно обращаться с телевизором и видеомэгнитофоном, не прибегая к помощи Норы и Тревиса.

Сначала Нору страшно удивило, что Джим выглядит менее печальным и унылым, чем ей помнилось. Но потом она решила, что внешне он не изменился, изменилось только ее собственное восприятие. Теперь, когда Нора лучше его узнала, когда он стал их лучшим другом, она видела не только унылые черты, которыми его наградила природа, но доброту и чувство юмора, скрытые за ними.

За обедом Джим сказал:

— Я тут немного изучал татуировки, чтобы выяснить, не могу ли я свести номер в его ухе.

Эйнштейн, лежащий рядом на полу и слушавший их беседу, встал, качнулся, заспешил к кухонному столу и вспрыгнул на один из пустых стульев. Он сел очень прямо и уставился на Джима.

— Так вот, — продолжал ветеринар, опуская вилку с куском курицы, которую он наполовину донес до рта, — большинство, но не все татуировки можно свести. Если я буду знать, какая тушь была использована и каким способом она была нанесена, мне, возможно, удастся ее удалить.

— Это было бы здорово, — сказала Нора. — Тогда, даже если бы они нас нашли и попытались забрать Эйнштейна, то не смогли бы доказать, что это их собака.

— Все равно останутся следы татуировки, которые можно будет заметить при более внимательном осмотре, — заметил Тревис. — Под увеличительным стеклом.

Эйнштейн поглядел на Джима Кина, как бы говоря:

Да, что ты теперь скажешь?

— В большинстве лабораторий животным просто прикрепляют бирки, — уточнил Джим. — А те, что применяют татуировки, используют разные чернила. Возможно, мне удастся удалить ее, не оставив никакого следа, если не считать небольших царапин на коже. Исследование под микроскопом не обнаружит следов чернил и даже намек на цифры. В конце концов, это ведь небольшая татуировка, что значительно упрощает дело. Я пока еще изучаю, как лучше справиться с этой задачей, но через несколько недель можем попытаться,

если Эйнштейн ничего не имеет против небольшого неудобства.

Ретривер вышел из-за стола и прошлепал в кладовку. Им было слышно, как он нажимает на педали.

Нора пошла посмотреть, какое послание сочинил пес.

«НЕ ХОЧУ КЛЕЙМО, НЕ КОРОВА».

Его желание освободиться от татуировки было глубже, чем полагала Нора. Он хотел избавиться от своей отметки, чтобы люди из лаборатории не могли опознать его. Но, по-видимому, ретривер ненавидел эти цифры в своем ухе, потому что они делали из него обычную собственность, а это оскорбляло его чувство собственного достоинства и было нарушением его прав разумного существа.

«СВОБОДА».

— Да, — уважительно сказала Нора, положив руку ему на голову. — Я понимаю. Ты... личность, и личность, обладающая, — впервые она смотрела на эту проблему под этим углом, — душой.

Разве это богохульство — думать, что у Эйнштейна есть душа? Нет. Нора считала, что никакого богохульства в этом нет. Человек создал этого пса; однако, если Бог существовал, он явно одобрительно относился к собаке, и в большой степени потому, что способность Эйнштейна различать добро и зло, бескорыстно любить, его смелость и самоотверженность делали его ближе к творцу, чем многие человеческие существа, населяющие землю.

— Свобода, — сказала она. — Если у тебя есть душа — а я в этом не сомневаюсь, — тогда ты был рожден со свободной волей и правом на независимость. Этот номер в твоём ухе оскорбителен, и мы от него избавимся.

После обеда Эйнштейну явно хотелось послушать разговор и принять в нем участие, но у него иссякли силы, и он заснул у камина.

За бренди и кофе Джим Кин слушал рассказ Тревиса о мерах защиты от Аутсайдера. Его попросили найти в них слабые звенья, но ветеринар не смог ничего указать, кроме уязвимости системы подачи энергии.

— Если эта бестия додумается до того, чтобы повредить электропровод, идущий от основной линии, вы среди ночи окажетесь в темноте и все ваши сигнальные устройства будут бесполезными. А без электричества не сработают и ваши механизмы в амбаре, которые должны захлопнуть дверь за этой тварью и выпустить закись азота.

Нора с Тревисом отвели его вниз в полуподвал в глубине дома и показали аварийный генератор. Он питался энергией от зарытой во дворе канистры бензина на сорок галлонов, и уже через десять секунд после повреждения основного источника электричества восстановит подачу электроэнергии в доме, амбаре и сигнальной системе.

— Насколько я могу судить, — сказал Джим, — вы ничего не забыли.

— Думаю, что нет, — сказала Нора.

Но Тревис нахмурился:

— Не знаю...

В среду, двадцать второго декабря, они приехали в Кармел, оставили Эйнштейна у Джима Кина и весь день покупали рождественские подарки, украшения для дома, елочные игрушки и саму елку.

Казалось почти легкомысленным строить планы на праздник, зная, что угроза нападения Аутсайдера неумолимо приближается, но Тревис сказал:

— Жизнь коротка. Никогда не знаешь, сколько тебе осталось, поэтому нужно отпраздновать Рождество, что бы ни случилось. Кроме того, последние годы у меня было не слишком веселое Рождество, и я намерен вознаградить себя за это.

— Тетя Виолетта не любила делать из Рождества событие. Она не придавала значения подаркам и елке.

— Она вообще не любила *жизнь*, — сказал Тревис. — Тем более это еще одна причина отметить праздник как полагается. Это будет первое хорошее Рождество и для тебя, и для

Эйнштейна.

«На следующий год, — подумала Нора, — у нас родится ребенок и мы будем встречать Рождество вместе с ним, вот будет здорово!»

Пока единственными признаками ее беременности были легкая тошнота по утрам да пополневшая на пару фунтов фигура. Живот у нее был по-прежнему плоским, и доктор Вейнгольд говорил, что при ее телосложении, возможно, он претерпит лишь умеренное растяжение. Нора надеялась, что в этом отношении ей повезет, так как тогда будет намного проще вернуть после родов свою форму. Конечно, ребенок появится на свет только через шесть месяцев, а значит, она еще может успеть раздуться, как морж.

Когда они возвращались из Кармела в пикапе, кузов которого был заполнен свертками и очень пушистой елкой, Эйнштейн проспал у Норы на коленях половину пути. Он совершенно измотался за этот долгий путь, играя с Джимом и Пукой. Домой они добрались менее чем за час до наступления темноты. Пес бежал впереди них к дому, но неожиданно остановился и внимательно огляделся по сторонам. Он понюхал прохладный воздух, затем двинулся через двор, опустив нос к земле, как будто шел по следу.

Направляясь к задней двери с руками, полными свертков, Нора сначала не заметила ничего необычного в поведении собаки, она только увидела, что Тревис стоит и не отрываясь смотрит на Эйнштейна. Она спросила:

— Что случилось?

Пес пересек двор и подошел к южной границе леса. Он постоял, не шевелясь и вытянув вперед голову, затем встряхнулся и двинулся по периметру леса. Несколько раз он останавливался, замирал и через пару минут снова продолжал свой круговой путь на север.

Когда ретривер вернулся к ним, Тревис спросил:

— Что-нибудь случилось?

Эйнштейн коротко махнул хвостом и пролаял один раз: *Да и нет.*

Дома в кладовке пес составил послание:

«ЧУВСТВОВАЛ ЧТО-ТО».

— Что? — спросил Тревис.

«НЕ ЗНАЮ».

— Аутсайдера?

«ВОЗМОЖНО».

— Близко?

«НЕ ЗНАЮ».

— К тебе возвращается твое шестое чувство? — спросила Нора.

«НЕ ЗНАЮ. ПРОСТО ПОЧУВСТВОВАЛ».

— Почувствовал что?

После долгого раздумья Эйнштейн сложил ответ:

«БОЛЬШУЮ ТЕМНОТУ».

— Ты почувствовал темноту?

«ДА».

— И что это означает? — обеспокоенно спросила Нора.

«НЕ МОГУ ОБЪЯСНИТЬ ЛУЧШЕ. ПРОСТО ЧУВСТВОВАЛ ЕЕ».

Нора взглянула на Тревиса и прочла тревогу в его глазах, которая, вероятно, стала отражением ее собственного беспокойства.

Где-то рядом была большая темнота, и она приближалась к ним.

3

Рождество прошло очень весело.

Утром, сидя вокруг украшенной огнями елки, они пили молоко с домашним печеньем и рассматривали подарки. Шутки ради Нора сначала подарила Тревису коробочку с нижним бельем, а он вручил ей яркий оранжево-желтый балахон, явно рассчитанный на женщину

весом по меньшей мере в триста фунтов, со словами:

— Это тебе на март, когда ты вылезешь из всей своей одежды. К маю, конечно, и он тебе станет мал.

Они также сделали друг другу серьезные подарки: драгоценности, свитера и книги.

Но Нора, как и Тревис, чувствовала: этот день принадлежит прежде всего Эйнштейну. Она подарила ему портрет, над которым работала целый месяц, и ретривер, казалось, был ошеломлен, польщен и очень доволен тем, что она навечно запечатлела его на холсте. Пес также получил три новые видеокассеты с Микки Маусом, пару красивых металлических плошек для воды и еды, на которых было выгравировано его имя, собственный небольшой электронный будильник на батарейках, который он мог таскать за собой по всем комнатам (он выказывал всевозрастающий интерес ко времени), и еще несколько подарков; но его постоянно тянуло к портрету, который они прислонили к стене для обозрения. Позже, когда его повесили в гостиной над камином, Эйнштейн, явно очень довольный и гордый, стоял у очага и, задрав голову, смотрел на картину.

Как все дети, ретривер играл с пустыми коробками, скомканной оберточной бумагой и лентами с не меньшим удовольствием, чем с самими подарками. Особенно ему приглянулась подаренная ими в шутку красная шапочка Санта-Клауса с белым помпоном, которая держалась на его голове с помощью эластичной завязки. Нора надела ее на собаку просто так, чтобы посмеяться. Когда пес увидел себя в зеркале, собственное отражение так понравилось ему, что, когда несколько минут спустя Нора попыталась снять с него шапку, он запротестовал и оставался в ней почти до самого вечера.

Днем приехали Джим Кин с Пукой, и Эйнштейн сразу же потащил их в гостиную полюбоваться на его портрет над камином. Целый час Джим и Тревис смотрели, как собаки играют на заднем дворе. Эта возня, которой предшествовало возбуждение от утреннего обмена подарками, утомила ретривера, и он захотел вздремнуть, поэтому они все вернулись в дом, где Джим и Тревис принялись помогать Норе готовить праздничный обед.

После отдыха Эйнштейн попытался пробудить в Пуке интерес к видеофильмам с Микки Маусом, но Нора заметила, что ему это не слишком удалось. У Пуки не хватало терпения досмотреть даже до того момента, где с помощью Дональда, Гуфи или Плуто Микки попадает в какую-нибудь передрагу. Проявляя уважение к своему товарищу, чей интеллект был явно ниже, и совершенно очевидно не скучая в его обществе, Эйнштейн выключил телевизор и занялся чисто собачьими играми: они немного поборолись в комнате, а затем долго лежали нос к носу, молчаливо поверяя друг другу свои заботы.

К вечеру дом наполнился ароматами индейки, вареной кукурузы, ямса и других вкусоностей. Играла рождественская музыка, и, несмотря на запертые из предосторожности внутренние ставни, на лежащие под рукой ружья, несмотря на демоническую фигуру Аутсайдера, незримо присутствующую в ее мыслях, Нора никогда еще не была так счастлива.

За обедом разговор зашел о ребенке, и Джим спросил, как они думают его назвать. Эйнштейн, устроившись вместе с Пукой в углу, где для них был накрыт обед, сразу же выразил живейшее желание принять участие в выборе имени для их первенца. Он немедленно ринулся в кладовку, чтобы сообщить им свои предложения.

Нора вышла из-за стола, чтобы взглянуть, какое имя выберет пес.

«МИККИ».

— Исключается! — сказала она. — Я не собираюсь называть моего ребенка в честь какой-то мыши из мультфильма.

«ДОНАЛЬД».

— И в честь утки тоже.

«ПЛУТО».

— Плуто? Будь серьезным, мохнатая морда.

«ГУФИ».

Нора твердо воспротивилась тому, чтобы он продолжал нажимать на педали, собрала использованные карточки, положила их на место, выключила в кладовке свет и вернулась к

столу.

— Вы, наверное, думаете, Эйнштейн шутит, — сказала Нора покатывающимся со смеху Тревису и Джиму, — но он совершенно серьезен.

После обеда все сидели в гостиной вокруг елки и разговаривали о разных вещах, среди них и о намерении Джима завести еще одну собаку.

— Пуке нужен друг, — сказал ветеринар. — Ему скоро полтора года, и я думаю, что собакам, когда они перестают быть щенками, человеческого общества недостаточно. Им, как и нам, становится одиноко. И поскольку я собираюсь взять ему товарища, я могу с таким же успехом завести чистопородную девочку-лабрадора, а потом, может быть, у меня появятся щенки на продажу. Таким образом, у него будет не просто приятель, но и пара.

Нора не заметила, чтобы Эйнштейн к этой части беседы проявил больший интерес, чем к остальным. Однако после ухода Джима и Пуки Тревис обнаружил в кладовке послание и позвал Нору взглянуть на него.

«ПАРА. ТОВАРИЩ, ПАРТНЕР, ОДИН ИЗ ДВУХ».

Ретривер явно ждал, пока они обратят внимание на аккуратно разложенные карточки. Он стоял у них за спиной и вопросительно смотрел на них.

Нора спросила:

— Ты думаешь, тебе нужна пара?

Эйнштейн проскользнул мимо них в кладовку, разбросал карточки и выложил ответ:

«ОБ ЭТОМ СТОИТ ПОДУМАТЬ».

— Но послушай, мохнатая морда, — сказал Тревис. — Ты ведь единственный в своем роде. Собак с таким интеллектом на свете больше нет.

Ретривер задумался, но разубедить его им не удалось.

«ЖИЗНЬ — ЭТО НЕЧТО БОЛЬШЕЕ, ЧЕМ ПРОСТО ИНТЕЛЛЕКТ».

— Справедливо, — заметил Тревис. — Но полагаю, это надо хорошенько обдумать.

«ЖИЗНЬ — ЭТО ЧУВСТВА».

— Ну хорошо, — сказала Нора. — Мы обсудим это.

«ЖИЗНЬ — ЭТО ДВОЕ, ВМЕСТЕ».

— Обещаем тебе все всесторонне взвесить и еще раз вернуться к этому разговору, — сказал Тревис. — А сейчас уже поздно.

Эйнштейн быстро составил еще одно послание:

«МОЖЕТ, НАЗОВЕМ РЕБЕНОЧКА МИККИ?»

— Исключено! — ответила Нора.

Ночью, когда они, обессилив от любви, лежали в постели, Нора сказала:

— Могу поспорить, что ему очень одиноко.

— Джиму Кину?

— Ну да, ему тоже. Он такой хороший человек и мог бы стать для кого-нибудь прекрасным мужем. Но женщины так же привередливы насчет внешности, как и мужчины, правда? Им не нравятся мужчины с такими лицами. Они выходят замуж за красавцев, которые часто обращаются с ними как с ничтожествами. Но я имела в виду не Джима. Я говорила об Эйнштейне. Наверное, временами он чувствует себя очень одиноким.

— Но мы же постоянно с ним?

— Да нет, на самом деле это не так. Я рисую, а ты занимаешься разными делами, в которых бедняга Эйнштейн не принимает участия. А если ты когда-нибудь снова займешься недвижимостью, ретриверу придется много времени проводить в одиночестве.

— У него есть книги. Ему нравится читать.

— Может быть, кроме книг, ему еще что-то нужно, — сказала она.

Они молчали так долго, что Нора решила: Тревис заснул. Но он неожиданно спросил:

— Интересно, если Эйнштейн найдет себе подругу и у них появятся щенки, какие они будут?

— Ты имеешь в виду, будут ли они такими же умными, как он?

— Не знаю... Думаю, тут возможны три варианта. Первый: его интеллект не может

передаваться по наследству, и его потомство будет обыкновенным. Второй: он передается по наследству, но гены его подруги ослабят интеллект, поэтому щенки родятся умными, но не такими, как их отец; и каждое последующее поколение будет появляться на свет все более серым и бесцветным, пока в конце концов его прапрапраправнуки не станут самыми обыкновенными собаками.

— А третий вариант?

— Интеллект как сохраняющаяся черта может оказаться генетически доминирующим, крайне доминирующим.

— И тогда щенки Эйнштейна будут такими же умными, как он сам.

— И следующее поколение тоже, и так далее, и так далее, пока со временем у нас не появится целая колония разумных золотистых ретриверов, тысячи по всему миру.

Они снова замолчали. Потом Нора произнесла:

— Здорово.

Тревис сказал:

— Он прав.

— Что?

— Об этом стоит подумать.

4

Тогда, в ноябре, Винс Наско и предположить не мог, что ему потребуется целый месяц, чтобы разделаться с Рамонем Веласкесом, этим парнем из Окленда, занозой на теле дона Марио Тетранья. До тех пор пока он не прикончит Рамона, Винс не получит имен парней в Сан-Франциско, которые занимались подделкой документов и могли помочь ему выйти на след Тревиса Корнелла, женщины и собаки. Поэтому он испытывал настоящую потребность поскорее сделать из Веласкеса отбивную.

Но тот был чертовски осторожен. Он и шагу не ступил без двух своих телохранителей, из-за которых становился более, а не менее заметным. Однако Рамон вел свой картежный и наркотиковый бизнес — ущемляющий права Тетранья в Окленде — с хитростью, достойной Говарда Хугса. Он удирал и ускользал по своим делам, имел в распоряжении целый парк разных автомобилей, никогда не повторяя дважды один и тот же маршрут, никогда не назначал встречи в одном и том же месте, пользуясь улицей в качестве своего офиса, никогда нигде не задерживался подолгу, чтобы его не могли засечь и убрать. Веласкес был безнадежным параноиком, считающим, что все вокруг хотят его убить. У Винса не было возможности даже рассмотреть этого человека, чтобы сравнить с фотографией, которую дал ему Тетранья. Рамон Веласкес был неуловим, как *дым*.

Винс смог добраться до него только на Рождество, и вышла ужасная заваруха. Рамон встречал праздник с кучей своих родственников. Винс попал в дом Веласкеса со стороны соседнего здания: он перелез через высокую каменную ограду, разделяющую два строения. Очутившись внизу по другую сторону стены, он высмотрел Веласкеса и еще нескольких человек, которые во внутреннем дворе у бассейна жарили огромную индейку на жаровне — разве где-нибудь еще, кроме Калифорнии, можно увидеть такое? — и они сразу же заметили его, хотя Винс и был от них на расстоянии в пол-акра. Телохранители потянулись к заплочным кобурам за пистолетами, и ему ничего другого не оставалось, как открыть беспорядочный огонь из своего «узи», обстреливая всю территорию внутреннего дворика и уложив Веласкеса, обоих телохранителей, какую-то пожилую женщину, вероятно, чью-то жену, и еще одну старую даму, должно быть, чью-то бабуку.

«Ссснап».

«Ссснап».

«Ссснап».

«Ссснап».

«Ссснап».

Все, находящиеся как внутри дома, так и снаружи, отчаянно кричали и пытались укрыться. Винсу пришлось перелезть обратно через ограду во двор соседнего дома — где, слава Богу, никого не было — и он уже добрался до самого верха, перетаскивал через стену свой зад, когда несколько латиноамериканцев в доме Веласкеса открыли по нему огонь. Ему чудом удалось унести оттуда ноги.

На следующий день Винс пошел в Сан-Франциско в ресторан, принадлежащий дону Тетранья, чтобы, встретиться там с Фрэнком Дичензиано, доверенным *капо* Семьи, подчиняющимся непосредственно самому дону. Он был очень озабочен. В *fratellanza* существовал кодекс, касающийся убийств. Черт возьми, у них были правила абсолютно на все — возможно, даже на посещения сортира, — и они очень серьезно относились к ним, а к кодексу убийств особенно. Первое правило этого кодекса гласило: нельзя убивать человека в кругу его семьи, если только он не ушел в подполье и до него нельзя добраться другим способом. В этом отношении Винс чувствовал себя уверенно. Но второе правило гласило: нельзя убивать жену, детей или бабушку этого человека, чтобы выйти на него. Любой исполнитель, нарушивший это правило, рискует тем, что его самого пустят в расход те самые люди, которые его наняли. Винс надеялся убедить Фрэнка Дичензиано, что инцидент с Веласкесом — это особый случай: ни одному клиенту еще не удавалось ускользнуть от Винса в течение целого месяца — и то, что произошло в Окленде на Рождество, было печальным, но неизбежным событием.

Если Дичензиано — а может быть, и дон — будет слишком сердит, чтобы прислушаться к голосу разума, Винс сделал необходимые приготовления помимо пистолета. Ему было известно: если его захотят убить, то окружают и отнимут оружие, прежде чем он им воспользуется. Как только Винс войдет в ресторан и сообразит что к чему. Поэтому он обмотал себя пластиковой взрывчаткой и приготовился подорвать их и снести весь ресторан, если только они попытаются примерить на него гроб.

Винс не был уверен в том, что ему удастся выжить после взрыва. За последнее время он поглотил такое количество жизненной энергии других людей, что полагал, будто уже близок к бессмертию, к которому стремился — или уже достиг его, — но не знал, насколько силен, пока не подвергнет себя испытанию. Если бы ему пришлось выбирать: стоять ли в центре взрыва... или позволить парочке умников разрядить в себя сотню пуль и замуровать в бетон, прежде чем они сбросят его в воду... Винс решил, что первое нравится ему больше и, возможно, даст ему больше шансов на спасение.

К его удивлению, Дичензиано — который был похож на бурундучка с засунутыми за щеки орехами, — пришел в восторг от того, как был выполнен заказ на Веласкеса. Он сказал, что дон очень доволен Винсом. Никто не обыскивал Винса при входе в ресторан. Его и Фрэнка, как самых дорогих гостей, обслуживали в угловом кабинете, где подавали специально приготовленные для них блюда, которых не было в меню. Они пили «Каберне Совиньи», за триста долларов бутылка, подарок от Марио Тетранья.

Когда Винс осторожно затронул вопрос об убитых жене и бабушке, Дичензиано сказал:

— Послушай, друг мой, мы знали, что это очень трудное, сложное задание и что тут, возможно, придется нарушить кое-какие правила. Кроме того, эти люди — не *наши* люди. Просто кучка мексиканских нелегалов. Им не место в нашем бизнесе. Если они пытаются пролезть в него, то не должны ожидать, что мы будем играть с ними по правилам.

Успокоившись, Винс в середине ленча встал и пошел в туалет, где разрядил детонатор. Теперь, когда опасность миновала, ему не хотелось, чтобы тот случайно сработал.

В конце ленча Фрэнк вручил Винсу список из девяти фамилий.

— Эти люди — кстати, не все члены нашей Семьи — платят дону за право изготовления поддельных документов на его территории. Еще в ноябре, предвосхищая твой успех в деле Веласкеса, я разговаривал с ними со всеми, и они знают, что дон хочет, чтобы тебе оказали всяческое содействие.

В тот же день Винс отправился на поиски кого-то, кто вспомнит Тревиса Корнелла.

Вначале он был разочарован. С двумя из первых четырех человек, включенных в

список, связаться было нельзя. Они прервали на время свои дела и отправились на рождественские каникулы. Винсу показалось странным, что криминальный мир разъезжается на Рождество и Новый год, как школьные учителя.

Но пятого человека, Энсона Ван Дайна, Винс застал на рабочем месте в подвале его клуба «Хот Типс», и в половине шестого двадцать шестого декабря Винс нашел то, что искал. Ван Дайн взглянул на фотографию Тревиса Корнелла, которую Винс вырезал из старой газеты Санта-Барбары.

— Да, я его помню. Он не из тех, кого легко забыть. Не какой-нибудь иностранец, пожелавший стать американцем, как половина моих клиентов. И не простой неудачник, которому надо изменить фамилию и уйти на дно. Он не здоровяк и ничего из себя не корчит, но создается впечатление, что он прикончит всякого, кто встанет у него на пути. Держит себя в руках. Очень осторожен. Я не мог бы его забыть.

— Кого действительно трудно забыть, — сказал один из двух бородатых кудесников за компьютерами, — так это красотку, с которой он был.

— Да, при виде нее и у мертвого встанет, — сказал второй.

Первый повторил:

— Да, даже у мертвого, это точно.

Винса одновременно покорибили и привели в замешательство их замечания, поэтому он их проигнорировал. Обращаясь к Ван Дайну, он спросил:

— Есть ли какая-то вероятность, что вы вспомните их новые фамилии?

— Конечно. Они у нас в картотеке, — ответил Ван Дайн.

Винс не верил своим ушам.

— Я считал, что люди вроде вас не держат архивов. Это гораздо безопаснее для вас и важно для ваших клиентов.

Ван Дайн пожал плечами.

— Плевать я хотел на клиентов. Может, однажды нас застукают федералы или местные власти и прикроют наше дело. И мне понадобятся деньги, чтобы платить адвокатам. Тогда мне и пригодится перечень из пары тысяч человек, живущих по фальшивым документам, ребят, которые предпочтут, чтобы их слегка прижали, чем снова начинать все сначала.

— Шантаж, — произнес Винс.

— Некрасивое слово, — сказал Ван Дайн. — Но, боюсь, точное. В любом случае, все, что нас волнует, так это *наша* собственная безопасность, чтобы не было архивов, могущих скомпрометировать *нас*. Эти данные мы держим не здесь. Как только клиент получает новую фамилию, мы, пользуясь безопасной телефонной линией, передаем соответствующую запись с нашего компьютера на другой, который стоит в другом месте. *Тот* компьютер запрограммирован таким образом, что данные из него нельзя затребовать отсюда — это игра в одни ворота. Так что, если нас накроют, полиция не сможет с этих машин добраться до наших записей. Черт, они даже не узнают, что такие записи существуют.

У Винса голова пошла кругом от этого высокотехнического криминального мира. Даже дон, человек беспредельного криминального ума, считал, что эти люди не держат архивов, и не мог предположить, что компьютеры и эти архивы обезопасили. Винс думал обо всем, что сообщил ему Ван Дайн, мысленно раскладывая все по полочкам. Он спросил:

— И что, вы можете отвести меня к тому, другому компьютеру и посмотреть новую фамилию Корнелла?

— Для друга дона Тетранья, — сказал Ван Дайн, — я сделаю все что угодно, может, только не дам перерезать себе горло. Пошли за мной.

Ван Дайн привез Винса в оживленный китайский ресторан в Чайна-тауне. Ресторан вмещал, наверное, человек сто пятьдесят; все места были заняты, и в большинстве своем европейцами, а не азиатами. Хотя зал был большим и украшен бумажными фонариками, нарисованными на стенах драконами, ширмами под красное дерево и медными колокольчиками в форме китайских идеограмм, он напомнил Винсу кричащую итальянскую

тратторию, где он в августе пришил этого таракана Пантанджелу и двух приставленных к нему агентов. Все эти этнические колориты — от китайского до итальянского, от польского до ирландского — были, по сути, совершенно одинаковы.

Владельцем ресторана был китаец лет тридцати, которого представили Винсу просто Юанем. Получив от него бутылки с «Чинзано», Ван Дайн с Винсом прошли в его офис, расположенный в подвале, где на двух столах разместились два компьютера. Один из них стоял в центре комнаты, а второй был приткнут в угол. Тот, что находился в углу, был включен, хотя за ним никто не сидел.

— Вот это мой компьютер, — сказал Ван Дайн. — За ним никто никогда не работает. До него даже *не дотрагиваются*, только каждое утро включают телефонную линию, чтобы запустить его в действие, а вечером выключают. Мои компьютеры в «Хот Типс» связаны с этим компьютером.

— Вы доверяете Юаню?

— Я его субсидировал, чтобы он смог открыть свое дело. Юань должен мне много денег. И это совершенно чистый заем, ничто не связывает его со мной или с доном Тетранья, так что Юань остается добропорядочным гражданином, не представляющим интереса для полиции. В благодарность за мои услуги он разрешает мне держать здесь мой компьютер.

Ван Дайн сел за компьютер и стал нажимать на клавиши. Через две минуты он нашел новое имя Тревиса Корнелла: Сэмюель Спенсер Хайатт.

— А вот еще, — сказал Ван Дайн, когда на дисплее высветилась свежая информация. — Вот женщина, которая была с ним. Ее настоящее имя Нора Луиза Девон из Санта-Барбары. Теперь ее зовут Нора Джин Эймс.

— О'кей, — сказал Винс. — Теперь сотри их с твоего файла.

— Что ты хочешь сказать?

— Сотри их. Вынь их из памяти компьютера. Они больше не твои. Они мои. Больше ничьи. Только мои.

Чуть позже они вернулись в «Хот Типс», от которого Винса тошнило.

В подвале Ван Дайн дал фамилии Хайатт и Эймс двум бородатым кудесникам, которые, казалось, как пара троллей, никогда не покидали это подземелье. Сначала тролли проникли в файлы Департамента автомобильного транспорта. Они хотели узнать, поселились ли где-нибудь за эти три месяца, прошедших с момента получения новых документов, Хайатт и Эймс и зарегистрировали ли они свое новое место жительства.

— Есть, — сказал один из них.

На экране появился адрес, который бородач тотчас распечатал.

Энсон Ван Дайн оторвал с принтера лист бумаги и вручил его Винсу.

Тревис Корнелл и Нора Девон — теперь Хайатт и Эймс — проживали в сельской местности на «Пасифик Коаст Хайвей» к югу от Кармела.

5

В среду, двадцать девятого декабря, Нора одна отправилась в Кармел на прием к доктору Вейнгольду.

Небо было затянуто тучами, такими темными, что белые чайки на их фоне казались яркими огоньками. Такая погода установилась на следующий день после Рождества, но обещанного дождя все не было.

Сегодня, однако, как только она поставила пикап на свободное место на небольшой стоянке за офисом доктора Вейнгольда, дождь полил как из ведра. На всякий случай Нора предусмотрительно надела нейлоновую куртку с капюшоном и, перед тем как выйти из пикапа и побежать к одноэтажному каменному зданию, натянула на голову.

Доктор Вейнгольд, как всегда, очень внимательно осмотрел ее и заявил, что она совершенно здорова.

— Никогда еще не встречал женщину на третьем месяце беременности в лучшей форме, чем вы, — сказал доктор.

— Я хочу, чтобы у меня родился очень здоровый ребенок, идеальный малыш.

— Так и будет.

Доктор знал, что ее фамилия Эймс, а фамилия ее мужа Хайатт, но никогда ничем не выказывал своего неодобрения относительно ее семейного статуса. Такое положение вещей смущало Нору, но она полагала, что современный мир, в который она вылетела, покинув кокон дома Девон, снисходительно взирал на такие вещи.

Доктор Вейнгольд еще раз предложил ей пройти обследование и определить пол ребенка, но она, как и прежде, отказалась. Нора хотела, чтобы это был сюрприз. Кроме того, если они узнают, что это девочка, Эйнштейн начнет приставать к ним, чтобы они назвали ее Минни.

Быстро согласовав с ассистенткой доктора дату и время ее следующего посещения, Нора вновь натянула на голову капюшон и вышла на улицу. Лил проливной дождь. На одной части крыши не было желоба, и вода стекала прямо на тротуар, образуя глубокие лужи на покрытой щебенкой автостоянке. Она пошла по этой небольшой речке к пикапу, и через секунду ее спортивные туфли промокли насквозь.

Добравшись до машины, она увидела, как из красной «Хонды», припаркованной рядом, вышел мужчина. Она не слишком хорошо рассмотрела его — только то, что автомобиль, казалось, был мал для такого крупного мужчины и что его одежда не предназначалась для прогулок под дождем. На нем были джинсы и синий свитер, и у Норы мелькнула мысль: «Бедняга, он промокнет до нитки».

Она открыла водительскую дверцу и стала садиться в машину. В следующую секунду этот человек протолкнул ее на соседнее сиденье, а сам уселся за руль. Он сказал:

— Если ты, сука, будешь кричать, я выпущу тебе кишки. — Нора ощутила, как ей в бок ткнулся револьвер.

Она непроизвольно вскрикнула и хотела было пролезть дальше через переднее сиденье и вылезти наружу через дверцу с правой стороны. Но что-то в его голосе, жестокое и мрачное, заставило ее заколебаться. Ей показалось, что он скорее выстрелит ей в спину, чем позволит ускользнуть.

Мужчина захлопнул дверцу с ее стороны, и Нора осталась с ним наедине, без надежды на помощь, скрытая от всего мира завесой из дождя, стекающего по стеклам и делающего их непроницаемыми. Впрочем, это не имело значения: других машин на стоянке не было, а саму стоянку с улицы было не видно, так что ей все равно не к кому было бы обратиться за помощью.

Рядом с Норой сидел *очень* крупный мужчина с развитой мускулатурой, но не его размеры пугали ее больше всего. Его широкое лицо было спокойным, лишенным всякого выражения, и это спокойствие, совершенно не подходящее к данным обстоятельствам, пугало Нору. Его глаза были еще хуже. Они были зеленые — и холодные.

— Кто вы такой? — спросила она, стараясь скрыть свой страх, уверенная в том, что ее ужас только возбудит его. Казалось, он балансирует на тонкой линии. — Что вам от меня нужно?

— Мне нужна собака.

Она думала: грабитель. Думала: насильник. Маньяк-убийца. Но ни на секунду Нора не могла предположить, что он окажется правительственным агентом. А кто еще будет разыскивать Эйнштейна? Никто даже не знал о его существовании.

— О чем вы? — спросила она.

Нора почувствовала боль, когда он еще сильнее ткнул ей в бок револьвер.

Она подумала о ребенке, которого носила.

— Хорошо, о'кей, очевидно, вам известно о собаке, так что нет смысла играть в молчанку.

— Нет смысла.

Мужчина говорил так тихо, что за шумом дождя, барабнящего по крыше пикапа и бьющего о ветровое стекло, она с трудом разбирала слова.

Он потянулся к ней, стянул с головы капюшон, расстегнул «молнию» и запустил руку вниз через грудь к ее животу. На какое-то мгновение Нора испугалась, что он все же собирается изнасиловать ее.

Вместо этого незнакомец спросил:

— Этот Вейнгольд — акушер-гинеколог. Зачем ты к нему приезжала? У тебя какая-нибудь проклятая венерическая болезнь или ты беременна? — Он почти выплюнул слова «венерическая болезнь», как будто его тошнило от отвращения, когда он произносил их.

— Вы не работаете на правительство, — сказала она, повинувшись интуиции.

— Я задал тебе вопрос, сука, — произнес он почти шепотом. Наклонился ближе и снова ткнул ей в бок револьвер. В пикапе было очень влажно. Шум дождя и страшная духота создавали почти невыносимую клаустрофобическую атмосферу. — Так что с тобой? У тебя лишай, сифилис, триппер или еще какая-нибудь мерзость? Или ты беременна?

Подумав, что беременность, возможно, спасет ее от насилия, на которое он, казалось, был способен, Нора сказала:

— Я жду ребенка. Я на третьем месяце.

Что-то произошло с его глазами. Какой-то сдвиг. Как если бы в детском калейдоскопе изменилась фигура, составленная из осколков стекла одного и того же оттенка зеленого цвета.

Нора поняла, что, признавшись в своей беременности, она допустила непоправимую ошибку, но не знала *почему*.

Она вспомнила о пистолете тридцать восьмого калибра, лежащем в отделении для перчаток. Нора не могла просто так открыть дверцу, схватить пистолет и пристрелить мужчину, прежде чем он нажмет на курок своего револьвера. Все же ей надо быть все время настороже, ждать подходящего случая, какой-нибудь оплошности с его стороны, которая позволит ей достать свое оружие.

Вдруг Нора почувствовала, что он лезет на нее, и снова подумала, что незнакомец собирается ее изнасиловать среди бела дня, пусть под прикрытием дождевой завесы, но все же среди бела дня. Затем сообразила: он просто меняется с ней местами, вынуждая ее сесть за руль, а сам займет пассажирское место, не спуская с нее дула револьвера.

— Поезжай, — сказал мужчина.

— Куда?

— Обратно, домой.

— Но...

— Заткнись и поезжай.

Теперь Нора сидела с другой стороны от перчаточного отделения. Чтобы добраться до него, ей придется тянуться через пассажира. Такой оплошности он никогда не допустит.

Она не собиралась поддаваться нарастающему в ней страху, но сейчас поняла, что, кроме страха, ей придется держать в узде еще и свое отчаяние.

Нора завела мотор, выехала со стоянки и свернула на улицу.

«Дворники» стучали по ветровому стеклу почти так же громко, как ее сердце. Она не знала, что шумит громче: дождь или кровь у нее в ушах.

Квартал за кварталом Нора искала глазами полицейского, хотя не имела ни малейшего понятия, что будет делать, если его встретит. Решать эту проблему ей так и не пришлось: полицейских не было видно.

Всю дорогу, пока они ехали по Кармелу и затем по шоссе «Пасифик Коаст», шквалистый ветер не только гнал дождь по ветровому стеклу, но и швырял в него колючие кипарисовые и сосновые иголки с огромных старых деревьев, которыми были обсажены улицы. Южнее, по мере того как они удалялись от города и продвигались вдоль побережья, местность становилась все менее населенной; здесь над дорогой уже не нависали кроны деревьев, но ветер с океана с еще большей силой ударялся в пикап. Часто Нора ощущала, как

от его порывов руль дергается у нее в руках. А дождь, хлещущий в них с моря, с такой силой колотил по машине, что, казалось, пробьет в металле дырки.

После пятиминутного молчания, показавшегося Норе часом, она больше не могла подчиняться его приказу не открывать рот и спросила:

— Как вы нас нашли?

— Следил за вашим домом несколько дней, — ответил он своим холодным тихим голосом, который был под стать безмятежному выражению его лица. — Сегодня, когда ты уехала из дома, я последовал за тобой в надежде, что ты мне поможешь.

— Нет, я имела в виду, как вы узнали, где мы живем?

Он улыбнулся.

— Ван Дайн.

— Вот подлый обманщик.

— Чрезвычайные обстоятельства, — заверил он ее. — Большой человек из Сан-Франциско был мне должен, вот он и надавил на Ван Дайна.

— Большой человек?

— Тетранья.

— А кто это?

— Ты ничего не знаешь, да? — сказал незнакомец. — Только как делаются дети, да? Это ты знаешь, да?

Жесткие издевательские нотки в его голосе были не просто сексуального свойства: они были более мрачные, более странные и внушали больший ужас. Это неистовое напряжение, которое Нора чувствовала в нем каждый раз, когда он заговаривал с ней о сексе, так пугало ее, что она не посмела ничего сказать ему в ответ.

На землю опустился легкий туман, и Нора включила фары. Она внимательно следила за мокрой от дождя трассой, проглядывающей из-за грязного стекла.

Мужчина сказал:

— Ты очень красива. Если бы я хотел воткнуть его кому-нибудь, я бы воткнул его тебе.

Нора прикусила губу.

— Но даже несмотря на то, что ты такая красивая, — продолжал он, — могу поспорить, что ты ничем не лучше, чем все. Если я воткну его в тебя, он начнет гнить и отвалится, потому что ты так же заразна, как и другие, правда? Да, заразна. Секс — это смерть. Я один из немногих, кто это понимает, хотя доказательств вокруг полным-полно. Секс — это смерть. Но ты очень красива...

Пока Нора слушала его, в горле у нее встал комок. Ей стало трудно дышать.

Неожиданно всю его неразговорчивость как рукой сняло. Незнакомец заговорил быстро-быстро своим тихим и безмятежно-спокойным голосом, резко выделяющимся на фоне тех безумных вещей, о которых он говорил:

— Я стану еще больше, чем Тетранья, еще важнее. Во мне собраны десятки жизней. Я поглотил больше энергии, чем ты можешь себе представить, пережил Момент. Это мой дар. Когда Тетранья умрет, я буду здесь. Я буду здесь, когда умрут все, кто сейчас жив, потому что я бессмертен.

Нора не знала, что сказать. Пришедший из ниоткуда, каким-то образом знающий об Эйнштейне, этот человек был сумасшедшим, она, казалось, ничего не может сделать. Ее злость на несправедливость всего происходящего не уступала ее страху. Они так тщательно подготовились к приходу Аутсайдера и предприняли все возможное, чтобы убежать от правительства, — но как они могли быть готовы к такому? Это было несправедливо.

Незнакомец замолчал и напряженно смотрел на нее минуту или более, показавшуюся ей вечностью. Нора физически ощущала взгляд его зеленых глаз, как если бы он касался ее своими холодными руками.

— Ты не понимаешь, о чем я говорю, правда? — спросил он.

— Нет.

Возможно, потому что он считал ее красивой, мужчина решил объяснить ей все.

— Я всего лишь однажды рассказывал об этом другому человеку, и он посмеялся надо мной. Его звали Дэнни Слович; мы с ним вместе работали на семью Каррамазза в Нью-Йорке, самую большую из пяти мафиозных семей. Выполняли небольшую работку руками, время от времени убивая тех, кого надо было убрать.

У Норы тошнота подкатила к горлу; он был не просто сумасшедшим и не просто убийцей, он был сумасшедшим профессиональным убийцей.

Не заметив ее реакции и переведя взгляд с мокрой от дождя дороги на ее лицо, незнакомец продолжал:

— Мы обедали в одном ресторане, Дэнни и я, ели моллюсков с соусом, и я объяснил ему, что мне суждено прожить долгую жизнь благодаря моему дару поглощать жизненную энергию людей, которых я убиваю. Я сказал ему: «Понимаешь, Дэнни, люди — они как батарейки, ходячие батарейки, наполненные таинственной энергией, которую мы называем жизнью. Когда я пришиваю кого-либо, его энергия переходит ко мне, и я становлюсь сильнее. Я — бык, Дэнни. Посмотри на меня: я бык или кто? А я должен быть быком, потому что у меня есть этот Дар забирать у людей их энергию». И знаешь, что мне ответил Дэнни?

— Что? — оцепенев, спросила Нора.

— Ну, Дэнни очень серьезно относился к еде, поэтому он не сводил глаз со своей тарелки, пока не подцепил еще несколько моллюсков. После этого посмотрел на меня — с губ и подбородка у него тек соус — и спросил: «Эй, Винс, где ты этому научился? Где ты научился поглощать эти жизненные энергии?» Я ответил: «Это мой Дар», — а он говорит: «Ты хочешь сказать, что он от Бога?» Мне пришлось подумать над этим, и я ему ответил: «Кто знает, от кого? Это мой Дар, такой же, как удар у Мэнтла или голос у Синатры». А Дэнни спрашивает: «Скажи мне вот что — предположим, ты убьешь парня, который был электриком. После того как ты поглотишь его энергию, ты можешь провести в доме проводку?» Я не понял, что он меня разыгрывает. Я думал, Дэнни серьезно меня спрашивает, и стал объяснять ему, как я поглощаю жизненную энергию, а не личность, не знания этого человека, только его энергию. И потом Дэнни говорит: «Значит, если ты пришьешь какого-нибудь подонка, ты не станешь ни с того ни с сего откусывать цыплятам головы?» Тогда я понял, что Дэнни решил, что я или пьян, или чокнутый, поэтому доел своих моллюсков и больше ни слова не сказал ему о своем Даре и с тех пор никогда об этом никому не рассказывал. Ты первая.

Он назвал себя Винсом, так что теперь Нора знала его имя. Она не знала только, что это ей даст.

Винс рассказал ей свою историю, никак не показывая, что сознает содержащийся в ней безумный черный юмор. Он был страшно серьезным человеком. Если Тревису не удастся с ним справиться, этот парень не оставит их в живых.

— Поэтому, — продолжал Винс, — я не мог рисковать тем, что Дэнни будет кому попало рассказывать в смешном и абсурдном виде то, что я ему доверил. И тогда все решат, что я спятил. А большие боссы не нанимают сумасшедших убийц; им нужны холодные, рассудительные, уравновешенные парни, которые чисто делают свое дело. А я как раз такой и есть; холодный и уравновешенный, но Дэнни заставил бы их переменить свое мнение обо мне. Поэтому я той же ночью перерезал ему глотку, оттащил труп на одну известную мне заброшенную фабрику, разрубил на куски, засунул в бочку и облил серной кислотой. Он был любимым племянником дона, и я не мог допустить, чтобы следы от него привели ко мне. Теперь во мне, помимо множества других энергий, была еще и энергия Дэнни.

Пистолет лежал в отделении для перчаток.

Мысль о том, что оружие находится в отделении для перчаток, давала ей некоторую надежду.

Пока Нора была на приеме у доктора Вейнгольда, Тревис замесил и испек двойную порцию шоколадного печенья с арахисовым маслом. Живя один, он научился готовить, но это занятие никогда не доставляло ему особого удовольствия. В прошедшие несколько месяцев,

однако, Норе удалось развить его кулинарные способности до такой степени, что теперь ему нравилось готовить и особенно печь.

Обычно Эйнштейн крутился рядом с Тревисом, предвкушая, что получит кусочек сладенького, но сегодня он покинул Тревиса еще до того, как тот кончил взбивать тесто. Пес в возбуждении бродил по дому от окна к окну, всматриваясь в дождь.

Через какое-то время поведение ретривера встревожило Тревиса, и он спросил, не случилось ли чего.

В кладовке Эйнштейн выложил ответ.

«Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ НЕМНОГО СТРАННО».

— Ты не заболел? — спросил Тревис, испугавшись, не начался ли у собаки рецидив. Она быстро шла на поправку, но пока еще не выздоровела окончательно. Ее иммунная система еще не была готова к новым испытаниям.

«НЕ ЗАБОЛЕЛ».

— Тогда что? Ты чувствуешь... Аутсайдера?

«НЕТ. НЕ ТАК, КАК ПРЕЖДЕ».

— Но ты что-то чувствуешь?

«НЕХОРОШИЙ ДЕНЬ».

— Может, это из-за дождя?

«МОЖЕТ БЫТЬ».

Несколько успокоенный, но все еще немного нервничая, Тревис вернулся к выпечке.

Мокрое шоссе казалось серебряным.

По мере того как они продвигались дальше на юг вдоль побережья, дневной туман усилился, и Норе пришлось сбавить скорость до сорока миль в час, а в некоторых местах даже до тридцати.

Интересно, нельзя ли под предлогом тумана совсем сбавить скорость, открыть дверцу и выскочить из машины? Наверное, нет. Ей пришлось бы ехать меньше пяти миль в час, чтобы не разбиться самой и не повредить ребенку, а туман был не таким уж густым, чтобы оправдать такую маленькую скорость. Кроме того, Винс все время, пока говорил, не сводил с нее дула пистолета, и он выстрелит ей в спину, едва она повернется к выходу.

Фары пикапа и еще нескольких встречных машин отражались во влажном тумане. Из-за быстро несущихся облаков вдруг показался яркий свет и выглянула радуга, а потом все сразу исчезло.

Нора подумывала о том, не свернуть ли ей с дороги в одном из тех мест, где, насколько она знала, насыпь внизу была мягкой и падение было бы вполне сносным. Но Нора боялась, что перепутает и по ошибке съедет в пропасть глубиной в двести футов и со страшной силой ударится о каменистый берег. Даже если она свернет в нужном месте, в результате этой подстроенной и не слишком опасной аварии она может потерять сознание или у нее случится выкидыш, а ей, насколько это возможно, хотелось, чтобы она и ребенок вышли из этой переделки целыми и невредимыми.

Начав говорить, Винс уже не мог остановиться. Многие годы он никому не поверял своей тайны, прятал от всего света мечты о власти и бессмертии, но страстное желание рассказать о своем предполагаемом величии, по-видимому, не уменьшилось после его фиаско с Дэнни Словичем. Казалось, долгие годы он записывал в своей голове на магнитофонную ленту все, что хотел поведать людям, и сейчас на большой скорости проигрывал ее, извергая собственное безумие, которое приводило Нору в ужас.

Винс рассказал ей о том, как узнал об Эйнштейне и об убийствах ученых, ведущих различные исследования в рамках проекта «Франциск» в Банодайне. Ему было известно и об Аутсайдере тоже, но он не боялся его. Винс ощущал себя на грани бессмертия, и похищение собаки стало последней ступенькой, которую следовало преодолеть, чтобы достичь своей Судьбы. Ему и собаке было предписано свыше быть вместе, потому что каждый из них был единственным в этом мире, единственным в своем роде. Когда Винс достигнет своей Судьбы,

сказал он, ничто его не остановит, даже Аутсайдер.

Нора не понимала половины из того, что он говорил. Она полагала, что если бы она понимала все, то была бы такой же безумной, каким, несомненно, был Винс.

Но хотя ей не всегда удавалось ухватить смысл, Нора знала, что он собирается сделать с ней и Тревисом после того, как завладеет ретривером. Сначала она боялась заговорить с ним о том, как будто слова могли сделать ее страшное будущее неотвратимым. В конце концов, однако, когда до дороги, ведущей от шоссе к их деревянному дому, оставалось не более пяти миль, Нора спросила:

— Вы ведь не дадите нам уйти, когда заберете собаку, правда?

Винс уставился на нее, лаская ее своим взглядом.

— А ты как думаешь, Нора?

— Я думаю, вы нас убьете.

— Конечно.

Она удивилась тому, что это подтверждение ее страхов не наполнило ее душу еще большим ужасом. Его самоуверенный ответ только разозлил ее, уменьшив страх и увеличив решимость сорвать его тщательно продуманные планы.

Теперь Нора знала, что стала другой женщиной, не имеющей ничего общего с той Норой, какой она была в мае и которая пришла бы в ужас от наглой самоуверенности этого типа.

— Я могла бы рискнуть и пустить машину под откос, — сказала Нора.

— Стоило бы тебе повернуть руль, — ответил Винс, — и я бы тебя пристрелил и попробовал взять управление на себя.

— Может, у вас ничего бы не вышло. Возможно, вы бы тоже погибли.

— Я? Погиб? Вероятно, но только не в аварии. Нет, нет. Во мне слишком много жизней, чтобы я мог уйти так просто. И потом я все равно не верю, что ты попыталась бы это сделать. В глубине души ты веришь: твой муж возьмет надо мной верх и спасет тебя, собаку и себя самого. Ты ошибаешься, конечно, но не перестаешь надеяться. Он ничего не сделает, так как побоится навредить тебе. Я войду в дом вместе с тобой, мой пистолет будет приставлен к твоему животу, и это зрелище парализует его на несколько секунд, а мне этого хватит, чтобы вышибить у него мозги. Поэтому-то у меня всего один револьвер. Мне больше не надо. Эта его забота о тебе и боязнь повредить тебе убьют его.

Нора решила, что сейчас крайне важно не выказывать своей ярости. Она должна стараться выглядеть испуганной, слабой, совершенно неуверенной в себе. Если Винс будет ее недооценивать, то может совершить какую-нибудь промашку и дать ей небольшое преимущество.

На секунду переведя взгляд с мокрого шоссе на него, Нора увидела, что он смотрит на нее не с радостью и не с яростью сумасшедшего, как можно было бы ожидать, и не со своим тупым спокойствием, а с чем-то очень похожим на привязанность, а возможно, и благодарность.

— Долгие годы я мечтал убить беременную женщину, — сказал Винс таким тоном, как будто его цель была не менее важна и достойна уважения, чем желание выстроить деловую империю, накормить голодных или ухаживать за больными. — Я никогда еще не был в такой ситуации, когда риск убить беременную женщину был настолько мал, чтобы его можно было оправдать. Но в этом вашем уединенном доме, после того как я разделаюсь с Корнеллом, у меня появится идеальная возможность.

— Пожалуйста, не надо, — прерывистым голосом сказала Нора, разыгрывая слабость, хотя ей и не пришлось подделывать нервную дрожь.

Продолжая говорить спокойным голосом, в котором, однако, звучало больше эмоций, чем прежде, Винс произнес:

— Я получу твою жизненную энергию, все еще молодую и богатую, но в момент твоей смерти ко мне перейдет еще и энергия ребенка. И это будет совершенно чистая, неиспользованная энергия, не зараженная грязью этого больного, развращенного мира. Ты,

Нора, — моя первая беременная женщина, и я всегда буду тебя помнить.

В уголках его глаз заблестели слезы, и это тоже не было игрой. Хотя Нора и верила, что Тревис как-нибудь справится с этим человеком, она боялась, что в этой заварухе могут погибнуть или она сама, или Эйнштейн. И Нора не знала, сможет ли Тревис оправиться от того, что не смог спасти их всех.

Тревис вынул из духовки первую порцию печенья и поставил на подставку остывать.

Вошел Эйнштейн и начал приняхиваться. Тревис сказал:

— Они еще слишком горячие.

Пес вернулся в гостиную и стал смотреть в окно на дождь.

Прямо перед поворотом с шоссе Винс съехал на сиденье вниз, чтобы его не было видно из окна, и приставил к ней пистолет.

— Одно неверное движение, и я вышибу из брюха ребенка.

Нора верила, что он так и сделает.

Свернув на грязную и скользкую грунтовую дорогу, она поехала к дому. Нависшие над дорогой ветки деревьев немного защищали ее от дождя, но зато собирали воду, а затем посылали ее на землю более крупными каплями или целыми струйками.

Нора увидела Эйнштейна, стоящего у окна, и попыталась придумать какой-нибудь знак, который бы означал «беда» и был бы сразу понятен, но ей ничего не приходило в голову.

Глядя на нее, Винс сказал:

— Не надо к амбару. Остановись прямо у дома.

Его план был ясен. Угол дома, где находились кладовка и лестница в подвал, не имел окон. Тревис и Эйнштейн не смогут разглядеть, что вместе с ней из машины выходит человек. Винс толкнет ее за угол и через черный ход войдет в дом прежде, чем Тревис поймет, что что-то не так.

Может быть, Эйнштейн своим собачьим чутьем обнаружит опасность. Может быть. Но... пес ведь совсем недавно был так болен.

Эйнштейн в явном возбуждении прошлепал в кухню.

Тревис спросил:

— Это был Норин пикап?

Да.

Ретривер подошел к задней двери и заплясал от нетерпения, затем замер, высоко подняв голову.

Норе повезло, когда она этого меньше всего ожидала.

Припарковавшись рядом с домом, она поставила машину на ручной тормоз и выключила двигатель. Винс схватил ее и через пассажирское сиденье потащил из пикапа со своей стороны, так как эта сторона примыкала к задней стороне дома и через передние окна хуже просматривалась. Вылезая из автомобиля и таща ее за руку, Винс оглядывался по сторонам, чтобы убедиться, что Тревиса поблизости нет; он отвлекся и не так внимательно следил за Норой. Протискиваясь через сиденье мимо перчаточного отделения, Нора рванула на себя его дверку и схватила пистолет. Должно быть, Винс что-то услышал или почувствовал, потому что он круто развернулся в ее сторону, но было уже поздно. Нора приставила пистолет к его животу и, прежде чем Винс смог поднять свой и разmozжить ее голову, трижды нажала на курок.

На лице его появилось выражение крайнего изумления, его отбросило к стене дома, находившейся в трех футах от него.

Ее поразило собственное хладнокровие. В каком-то безумии она подумала, что нет никого более опасного, чем мать, защищающая своих детей, даже если один из них еще не появился на свет, а второй был *собакой*.

Нора выстрелила еще раз, на этот раз прямо ему в грудь.

Винс тяжело повалился на мокрую землю, лицом в грязь.

Она отвернувшись от него и побежала. На углу дома едва не столкнулась с Тревисом, который перепрыгнул через перила крыльца и приземлился на четвереньках рядом с ней, не выпуская из рук «узи».

— Я убила его, — сказала Нора с истеричными нотками в голосе, которые она тщетно старалась побороть. — Я выстрелила в него четыре раза, я убила его. *Господи*.

Тревис поднялся, ничего не понимая.

Нора обхватила его руками и положила голову ему на грудь. Они стояли под холодным дождем, и она наслаждалась исходящим от него теплом.

— Кого... — начал Тревис.

Позади Норы Винс, тяжело дыша, пронзительно вскрикнул и, перекатившись на спину, выстрелил в них. Пуля попала Тревису в плечо и отбросила его назад. Еще бы два дюйма, и она бы размозжила Норе голову.

Она еле устояла на ногах, когда Тревис упал, потому что держалась за него, но быстро выпустила его и побежала налево, чтобы укрыться за пикапом и выйти из линии огня. Нора лишь мельком взглянула на Винса и увидела, что тот пытается встать на ноги, в одной руке сжимая револьвер, а второй хватаясь за живот.

И в этой картине, которая промелькнула перед ее глазами, прежде чем она укрылась за машиной, не запечатлелось следов крови — на этом человеке не было никаких следов крови.

Что происходит? Он не мог остаться в живых, получив три пули в живот и одну в грудь. Если только он *действительно* не был бессмертным.

Пока Нора пробиралась к пикапу, Тревис приподнялся в грязи и сел. На нем кровь была видна, она стекала с плеча ему на грудь и проступала на рубашке. В правой руке, которая действовала, несмотря на рану в плече, он по-прежнему сжимал «узи». Винс выстрелил наугад во второй раз, и Тревис открыл огонь. Его позиция была не лучше, чем у противника: пули беспорядочно ударялись о дом и рикошетом отскакивали к грузовику.

Он перестал стрелять.

— Дерьмо, — сказал Тревис, поднимаясь на ноги.

Нора спросила:

— Ты попал в него?

— Он спрятался за дом и побежал вокруг, — сказал Тревис и последовал за Винсом.

Винс полагал, что если он еще не достиг бессмертия, то уже близок к нему, находится совсем рядом. Ему нужны были всего лишь несколько жизней, и он боялся умереть, когда *так* близко подошел к своей Судьбе. Поэтому Винс принял ряд предосторожностей. Вроде самой последней и самой дорогой модели бронезащитного жилета «Кевлар». У него под свитером был надет такой жилет, и это-то и спасло его от четырех пуль, которые всадила в него эта стерва. Пули расплющились о жилет, не оставив на нем ни царапины. Но, Бог мой, ему было так больно! Его отбросило к стене дома, и он едва не задохнулся. Винсу казалось, что он лежит на гигантской наковальне и кто-то мерно опускает на него тяжелый молот.

Согнувшись пополам от боли и ковыляя к дому, чтобы спрятаться от этого проклятого «узи», он был уверен, что его пристрелят выстрелом в спину. Но каким-то чудом ему удалось зайти за угол, забраться на крыльцо и уйти из-под обстрела.

Винс испытывал некоторое удовлетворение при мысли о том, что ранил Корнелла, хотя и знал: рана не смертельна. Он лишился элемента внезапности, теперь ему предстояла долгая борьба. Черт возьми, эта женщина оказалась такой же опасной, как сам Корнелл, — эдакая сумасшедшая амазонка.

Винс готов был поклясться, что в ней было что-то от робкой мышки, что по своей натуре она очень податлива. Очевидно, он ее недооценивал, и это его подвело. Винс Наско не привык совершать такие ошибки, ошибки были уделом других, а не избранника Судьбы.

Отступая через переднее крыльцо, уверенный в том, что Корнелл настигает его, Винс решил спрятаться в доме, а не бежать к лесу. Они ожидают, что он двинет в сторону леса,

чтобы укрыться там и выработать стратегию. Вместо этого он пойдет прямо в дом и выберет такую позицию, с которой ему будут видны обе двери: и передняя, и задняя. Возможно, еще удастся застать их врасплох.

Он проходил мимо большого окна, направляясь к передней двери, когда что-то, как бомба, выскочило через стекло.

Винс вскрикнул от удивления и нажал на курок, но пуля попала в крышу крыльца, и собака — Бог мой, так вот что это было, собака! — с силой ударила об него. Он выронил револьвер, и его отбросило к перилам. Собака не выпускала его, она рвала когтями одежду, а зубами впиалась ему в плечо. Перила крыльца не выдержали. Они рухнули на землю прямо под дождь.

Винс кричал и молотил по собаке своими огромными кулачищами до тех пор, пока она не завизжала и не выпустила его. Затем пес набросился на его горло, ему едва удалось сбросить его прежде, чем он перегрыз ему дыхательное горло.

Внутри у Винса все трепыхалось, но он все же подтянулся на руках и влез обратно на крыльцо, ища глазами револьвер, — и вместо револьвера увидел Корнелла. Из его раны на плече текла кровь, но он стоял на крыльце и смотрел вниз на Винса.

Того захлестнула безумная волна самоуверенности. Он знал, что с самого начала был прав, знал, что непобедим, бессмертен, поэтому мог смотреть в дуло «узи» без страха, без *всякого* страха, и он ухмыльнулся Корнеллу в лицо:

— Посмотри на меня, *посмотри*. Я твой самый страшный кошмар.

Корнелл сказал:

— Ты ошибаешься, — и открыл огонь.

Тревис сидел в кухне на стуле, Эйнштейн лежал рядом, а Нора обрабатывала мужу рану. Накладывая ему повязку, она рассказала все, что знала об этом человеке, который силой залез к ней в пикап.

— Проклятая случайность, — сказал Тревис. — Этого мы никак не могли предвидеть.

— Надеюсь, это только случайность.

Тревис поморщился, когда Нора смазала рану спиртом и йодом, и еще раз, когда она бинтовала ее, пропуская марлю под мышкой, и сказал:

— Не слишком старайся. Кровотечение совсем слабое. Ни одна артерия не задета.

Пуля прошла навылет, оставив на выходе страшную рану, и ему было здорово больно, но какое-то время Тревис еще сможет пробыть на ногах. За медицинской помощью он обратится попозже, скорее всего к Джиму Кину, чтобы избежать вопросов, которые любой другой врач наверняка задаст ему и на которые потребует ответа. Сейчас Тревиса заботило, чтобы рана была крепко перевязана и он мог бы избавиться от трупа.

Эйнштейну тоже досталось. К счастью, он не порезался, выскакивая через стекло. Было не похоже, что у него сломаны кости, но пес получил несколько сильных ударов. Да, ретривер тоже был не в лучшей форме и выглядел ужасно: грязный, насквозь промокший и больной. Да, ему тоже не помешает показаться Джиму Кину.

Дождь за окном усилился, с силой барабанил по крыше и с шумом стекал по желобам и водосточным трубам. Он заливался через крыльцо в разбитое окно, но сейчас им было не до этого.

— Надо Бога благодарить за дождь, — сказал Тревис. — Из-за этого потопа ни один человек в округе не мог слышать звуки выстрелов.

Нора спросила:

— Куда мы денем труп?

— Я как раз об этом думаю.

Боль разливалась от плеча вверх и отдавала в голову, и Тревис с трудом мог собраться с мыслями.

Она сказала:

— Мы могли бы закопать его здесь, в лесу...

— Нет. Мы все время будем думать о том, что он здесь. Бояться, как бы звери не раскопали тело и его не нашли туристы. Лучше... там вдоль шоссе есть такие места, где мы могли бы остановиться, выждать, пока вокруг не будет машин, вытащить его и сбросить вниз. Если мы найдем место, где склон обрывается прямо в океан, его унесет течением, прежде чем кто-нибудь заметит.

Нора закончила перевязку. Эйнштейн резко поднялся и завыл. Он принялся. Затем подошел к задней двери и замер, уставившись на нее, затем скрылся в гостиной.

— Боюсь, он пострадал больше, чем кажется, — проговорила Нора, прикрепляя последнюю полоску пластыря.

— Возможно, — сказал Тревис. — А может, и нет. Он сегодня весь день ведет себя как-то странно, с самого твоего отъезда. Он сообщил мне, что день сегодня плохо пахнет.

— Он был прав, — сказала она.

Пес прибежал из гостиной и сразу направился в кладовку, где включил свет и стал доставать карточки, нажимая на педали.

— Может, он придумал, как избавиться от трупа, — предположила Нора.

Пока она убирала на место йод, спирт, марлю и пластырь, Тревис, морщась от боли, надел рубашку и пошел в кладовку узнать, что хочет им сообщить Эйнштейн.

«АУТСАЙДЕР ЗДЕСЬ».

Тревис защелкнул новый магазин в приклад своего карабина, запасной сунул себе в карман и дал Норе один из пистолетов «узи», которые лежали в кладовке.

Судя по поведению собаки, у них не было времени пройти по дому, чтобы закрыть и запереть ставни.

Весь их хитроумный план, заключавшийся в том, чтобы отравить Аутсайдера в амбаре газом, был построен на уверенности, что он придет ночью и отправится на разведку. Теперь, когда он появился среди бела дня и произвел рекогносцировку, пока они занимались Винсом, этот план никуда не годился.

Они стояли в кухне, прислушиваясь, но из-за нескончаемого шума дождя ничего не было слышно.

Эйнштейн не смог точнее указать им место, где находится их противник. Его шестое чувство все еще работало не в полную силу. Счастье, что он вообще почувствовал эту бестию. Его утреннее тревожное состояние, очевидно, не было связано с ощущением опасности, грозящей им со стороны человека, приехавшего вместе с Норой, а вызывалось — пусть неосознанно — приближением Аутсайдера.

— Второй этаж, — сказал Тревис. — Пошли туда.

Здесь, внизу, это существо могло появиться и через двери, и через окна, а там, на втором этаже, им по крайней мере не надо будет думать о входных дверях. Может быть, им даже удастся закрыть ставни на некоторых окнах.

Нора поднималась по лестнице вместе с Эйнштейном. Тревис, пятясь и держа под прицелом первый этаж, прикрывал их с тыла. У него кружилась голова. Он остро чувствовал: боль и слабость в его раненом плече медленно растекаются по всему телу наподобие чернильного пятна, проступающего на промокательной бумаге.

Добравшись до площадки второго этажа, Тревис сказал:

— Если мы услышим, что Аутсайдер вошел в дом, то отойдем подальше, подождем, пока он начнет забираться к нам, выступим вперед и, застав его врасплох, пристрелим.

Нора кивнула.

Сейчас надо было молчать, предоставив ему возможность пробраться в дом, дав ему время понять, что они спрятались наверху, позволив ему подойти к лестнице, ощутив себя в полной безопасности.

Вспышка молнии — первой за все время — осветила окно в конце холла; за ней последовал раскат грома. Казалось, небо сотряслось от этого удара и все запасы дождя, которые скопились в небесах, обрушились на землю в едином страшном потоке.

Из студии, расположенной в конце холла, вылетело одно из Нориных полотен и с грохотом ударилось о стену.

Нора вскрикнула от изумления, и какое-то мгновение все трое тупо смотрели на лежащую на полу картину, думая, что ее полтергейстский полет, наверное, был вызван страшным раскатом грома.

Из комнаты вылетела вторая картина, ударилась о стену, и Тревис увидел, что все полотно изрезано.

Аутсайдер был уже в доме.

Их разделял короткий холл. Слева от них была главная спальня и будущая детская, а справа Норина студия и ванная комната. От твари, которая в Нориной комнате уничтожала ее картины, их отделяли всего две двери.

Еще одно полотно оказалось в коридоре.

Весь промокший, грязный, избитый, все еще слабый после чумки, Эйнштейн тем не менее яростно лаял, стараясь спугнуть Аутсайдера.

Держа «узи» перед собой, Тревис сделал шаг вперед.

Нора схватила его за руку.

— Не надо. Давай уйдем отсюда.

— Нет. Нам придется с этим справиться.

— В нашем-то положении.

— Другого выхода у нас нет.

Еще две картины вылетели из комнаты и с грохотом присоединились к уже и так не маленькой кучке загубленных полотен.

Лай Эйнштейна перешел в грозное рычание.

Вместе они двинулись по коридору по направлению к открытой двери в Норину студию.

Весь предыдущий опыт и подготовка Тревиса говорили ему, что им следует разделиться, рассредоточиться, а не группироваться вместе, представляя собой единую мишень. Но они ведь сейчас были не в «Дельте». И их противник не был обычным террористом. Если они рассредоточатся, то потеряют часть своего мужества, так необходимого им, чтобы лицом к лицу встретиться с этим существом. Сама их близость друг к другу придавала им сил.

До студии оставалось пройти еще полпути, когда раздался пронзительный крик Аутсайдера. Этот леденящий душу звук резанул Тревиса, кровь застыла у него в жилах. Они с Норой остановились, а Эйнштейн сделал еще два шага.

Собаку била сильная дрожь.

Тревис заметил, что сам он тоже дрожит. От этого боль в его плече усилилась.

Страхнув с себя сковавший его страх, Тревис рванулся к открытой двери, ступая прямо по загубленным картинам, и дал очередь по комнате. Карабин отдавал ему в плечо, и, хотя отдача была минимальной, ему казалось, что кто-то зубилом врезается ему в рану.

Он ни в кого не попал, не услышал никакого крика, не обнаружил никаких признаков противника.

Пол был усеян дюжиной изуродованных картин и осколков стекла из разбитого окна, через которое Аутсайдер проник в комнату с крыши переднего крыльца.

Тревис выжидал, широко расставив ноги.

Сжимал обеими руками карабин. Пот заливал ему глаза. Он старался не замечать страшной боли в правом плече. Ждал.

Аутсайдер должен быть слева от двери — или за ней справа — стоит, приготовившись к прыжку. Если Тревис не будет торопиться, возможно, эта тварь устанет ждать и бросится на него, и тогда он здесь, в проеме, вышибет из нее мозги.

«Нет, она такая же умная, как Эйнштейн, — сказал себе Тревис. — Разве Эйнштейн выскочил бы на меня через этот узкий дверной проем? Нет. Он придумал бы что-то более хитроумное и неожиданное».

Раскат грома, такой сильный, что стекла задрожали в окнах и дом покачнулся, сотряс небеса. Молния осветила небо.

Ну, давай же, скотина, покажись.

Тревис взглянул на стоящих в нескольких шагах от него Нору и Эйнштейна. С одной стороны от Тревиса была главная спальня, с другой — ванная, а за ними — лестница.

Он снова посмотрел в комнату на осколки стекла, валявшиеся на полу. Неожиданно Тревис осознал, что Аутсайдера в студии больше нет, он выбрался через окно на крышу переднего крыльца и сейчас приближается к ним с другой стороны дома; возможно, через другую дверь, или из одной из спален, или из ванной комнаты, или, может быть, он с криком бросится на них с лестницы.

Тревис подозвал к себе Нору.

— Прикрой меня.

Прежде чем она успела запротестовать, он крадучись вошел в студию. Тревис чуть было не поскользнулся в этом беспорядке, но удержался на ногах и круто развернулся, готовый открыть огонь, если эта тварь прыгнет на него.

В студии никого не было.

Дверь в подсобку была открыта. Там тоже было пусто.

Тревис подошел к разбитому окну и осторожно выглянул наружу на мокрую от дождя крышу крыльца. Никого. Ветер звенел опасно острыми осколками стекла, торчащими из оконной рамы.

Он повернулся, чтобы идти обратно в холл верхнего этажа. Тревис видел Нору, которая смотрела на него испуганными глазами, но храбро продолжала сжимать свой пистолет. Позади нее распахнулась дверь в будущую детскую, и он заметил эту бестию с горящими желтыми глазами. Ее чудовищная пасть, полная зубов, гораздо более острых, чем осколки стекла в раме, была широко раскрыта.

Почувствовав ее присутствие, Нора стала оборачиваться, но тварь схватила ее прежде, чем Нора успела выстрелить, и вырвала у нее из рук пистолет.

Эйнштейн, яростно рыча, бросился на Аутсайдера, не дав ему вонзить в Нору свои острые, как бритва, шестидюймовые когти. С проворностью кошки тот перенес свое внимание с Норы на пса. Он хлестал вокруг себя и размахивал своими длинными руками так, как если бы у него был не один локтевой сустав, а несколько. Затем своими ужасающими клешнями он схватил собаку.

Тревис рванулся через студию к двери, но не выстрелил, так как между ним и этой ненавистой тварью стояла Нора. Добежав до двери, Тревис крикнул ей, чтобы она легла и он смог выстрелить, она так и сделала без промедления, но было уже поздно. Аутсайдер затащил Эйнштейна в детскую и захлопнул за собой дверь, как будто он был каким-то злобным кошмарным отродьем из игрушечного ящика, которое в мгновение ока появилось и исчезло со своей жертвой.

Эйнштейн завизжал, и Нора бросилась к двери в детскую.

— Назад, — закричал Тревис, отталкивая ее в сторону.

Он направил свой автоматический карабин на закрытую дверь и разрядил в нее оставшиеся патроны, проделав в ней по меньшей мере тридцать дырок и сжав зубы, чтобы не закричать от страшной боли, которая жгла его плечо. Конечно, был риск, что Тревис попадет в Эйнштейна, но ретриверу грозила куда более страшная опасность, если бы Тревис не открыл огонь. Когда патроны кончились, он рывком вытащил пустой магазин, достал из кармана новый и вставил его в карабин. Затем распахнул изуродованную дверь и вошел в детскую.

Окно было открыто, и ветер раскачивал занавески.

Аутсайдер исчез.

Эйнштейн без движения лежал на полу у одной из стен. Он был весь в крови.

При виде ретривера Нора вскрикнула от отчаяния.

Выглянув в окно, Тревис увидел кровавые следы, тянущиеся через крышу крыльца.

Дождь быстро смывал их.

Какое-то движение привлекло его внимание, он бросил взгляд на амбар и увидел, как за Аутсайдером закрылась большая дверь.

Опустившись на колени рядом с собакой, Нора проговорила:

— Боже мой, Тревис, Боже мой, умереть так после всего, что он пережил.

— Я иду за этим чертовым отродьем, — яростно проговорил Тревис. — Он в амбаре.

Нора последовала было за ним к двери, но он сказал:

— Нет! Позвони Джиму Кину и оставайся рядом с Эйнштейном, оставайся рядом с Эйнштейном.

— Но я нужна тебе. Ты не можешь идти один.

— Ты нужна Эйнштейну.

— Эйнштейн мертв, — сказала она сквозь слезы.

— Не смей этого говорить! — закричал Тревис. Он понимал, что ведет себя неразумно, как если бы он считал, что Эйнштейн не умрет до тех пор, пока они не произнесут этих слов, но сдержать себя не мог. — Не говори, что он мертв. Оставайся с ним, черт подери. Я уже ранил этого проклятого монстра, думаю, сильно ранил, он истекает кровью, и я могу сам с ним справиться. Позвони Джиму Кину и оставайся с Эйнштейном.

Тревис боялся также, что случившееся может спровоцировать у Норы выкидыш. Тогда они потеряют не только собаку, но и ребенка.

Он бегом бросился из комнаты.

«В таком состоянии ты не можешь идти в амбар, — сказал Тревис себе. — Сначала тебе надо успокоиться. Ты велел Норе вызвать ветеринара к мертвому псу и остаться с ним, когда на самом деле она могла бы помочь тебе... Не годится. Нельзя давать ярости и жажде мести овладеть собой. Не годится».

Но он не мог остановиться. Всю свою жизнь он терял тех, кого любил, и всегда, за исключением службы в «Дельте», ему некому было нанести ответный удар, потому что нельзя ведь отомстить судьбе. Даже в «Дельте» враг был безликим: некая бесформенная масса маньяков и фанатиков, составляющих «международный терроризм», — и эта месть не доставляла большого удовлетворения. Но сейчас перед ним был враг, не имеющий себе равных, враг, достойный этого названия, и он заставит его заплатить за то, что тот сделал с Эйнштейном.

Тревис пробежал через холл и, перепрыгивая через несколько ступенек, понесся вниз по лестнице. Волна тошноты и головокружения захлестнула его, и он едва не упал. Тревис ухватился за перила, чтобы прийти в себя. Он облокотился не на ту руку, и жгучая боль пронзила его раненое плечо. Выпустил перила, потерял равновесие и скатился вниз по последнему пролету, сильно ударившись спиной.

Тревис был в худшей форме, чем думал.

Сжимая в руке карабин, он поднялся на ноги, с трудом добрался до задней двери, затем прошел на крыльцо, спустился по ступенькам и вышел во двор. Холодный дождь прояснил его тяжелую голову, и Тревис еще минуту постоял на лужайке, чтобы дождь хотя бы немного смыл с него слабость.

Перед его взором мысленно пронесся образ изломанного, окровавленного тела Эйнштейна. Он подумал о веселых посланиях, которые уже никогда не появятся на полу в кладовке, о будущих Рождествах, на которых Эйнштейн уже не будет расхаживать по дому в своей шапочке Санта-Клауса, и о любви, которую он уже никогда не сможет получить и отдать, и о гениальных щенках, которые уже никогда не родятся, и тяжесть этой потери едва не вдавила Тревиса в землю.

Он направил свое горе на то, чтобы обострить свой гнев, и оттачивал свою ярость до тех пор, пока она не стала острой как бритва.

Тогда Тревис направился к амбару.

Амбар кишел теньями. Он остановился у открытой двери и щурясь смотрел на царящую внутри слоистую мглу в надежде увидеть желтые глаза, а дождь хлестал его по голове и

спине.

Ничего.

Гнев придал ему храбрости, и Тревис вошел внутрь и нажал на кнопку выключателя на северной стене. Даже когда зажегся свет, он не увидел Аутсайдера.

Борясь с головокружением и сжав от боли зубы, Тревис направился мимо пустого места, где обычно стоял пикап, мимо «Тойоты» и медленно двинулся вдоль машины.

Сеновал.

Еще несколько шагов, и он выйдет из-под сеновала. Если эта тварь там, она может броситься на него сверху...

Его размышления были прерваны при виде Аутсайдера, который был здесь, в глубине амбара, за «Тойотой». Он лежал, скорчившись, на бетонном полу и выл, обхватив себя своими длинными сильными руками. Пол вокруг него был весь в крови.

Тревис почти минуту стоял рядом с машиной в пятнадцати футах от этого существа и с отвращением, страхом, ужасом и какой-то необъяснимой завороченностью разглядывал его. Ему казалось, он видит тело обезьяны, возможно, бабуина, но в любом случае кого-то из семейства обезьян. Но причислить его к какому-то одному виду или сказать, что это просто мешанина, состоящая из разных частей многих животных, было нельзя. Аутсайдер существовал как бы сам по себе. Со своим чрезмерно большим и бесформенным лицом, огромными желтыми глазами, со своими челюстями, напоминающими экскаватор, и длинными изогнутыми клыками, со своей сгорбленной спиной и спутанной шерстью и слишком длинными руками, он представлял ужасное зрелище.

Существо выжидающе смотрело на него.

Тревис сделал два шага вперед и вскинул карабин.

Аутсайдер поднял голову, заработал челюстями и скрипучим, надтреснутым голосом невнятно, но все же достаточно разборчиво произнес слово, которое он расслышал, даже несмотря на бурю: *«Больно»*.

Тревис скорее ужаснулся, чем поразился. От этого существа не требовалось умение говорить, но, обладая умственными способностями, оно хотело научиться этому, так как стремилось к общению. Очевидно, за те месяцы, что оно преследовало Эйнштейна, это желание окрепло. Оно каким-то образом могло извлекать исковерканные звуки из своих жилистых голосовых связок и бесформенного рта. Тревиса привел в ужас не вид говорящего демона, а мысль о том, как отчаянно Аутсайдер хотел общаться с кем-нибудь, с любым. Тревис не мог жалеть его, не смел жалеть, потому что он должен был чувствовать, что поступает *правильно*, стерев его с лица земли.

— *Долго шел. Теперь кончено*, — с огромным усилием произнес Аутсайдер, как будто каждое слово приходилось вырывать у него из горла.

Его глаза были слишком недобрыми, чтобы вызывать сочувствие, а все конечности, несомненно, служили орудиями убийства.

Высвободив длинную руку, он поднял что-то, лежащее на полу рядом с ним, и Тревис только сейчас заметил, что это одна из кассет с Микки Маусом, которую Эйнштейн получил на Рождество. На футляре кассеты был нарисован знаменитый мышонок: на нем был надет его привычный наряд, он улыбался знакомой улыбкой и махал рукой.

— *Микки*, — произнес Аутсайдер, и, несмотря на то, что голос его был таким же мерзким, странным и еле различимым, он каким-то образом передавал чувство ужасной потери и одиночества. — *Микки*.

Затем он выронил кассету, обхватил себя руками и в агонии стал кататься по полу.

Тревис сделал еще шаг вперед.

Страшное лицо Аутсайдера было таким отталкивающим, что в этом был какой-то элемент законченности. В своем уникальном уродстве оно было странно, мрачно завораживающим.

Раздался новый раскат грома, и на этот раз свет в амбаре мигнул и почти потух.

Снова подняв голову, Аутсайдер сказал своим прежним скрипучим голосом, в котором

на этот раз звучало холодное, безумное ликование:

— *Убил собаку, убил собаку, убил собаку,* — и издал какой-то звук, который, возможно, был смехом.

Тревис едва не разнес его на куски. Но, прежде чем он успел нажать на курок, смех Аутсайдера перешел в рыдание. Тревис как замороженный смотрел на него.

Уставившись на Тревиса своими желтыми глазами, он снова повторил:

— *Убил собаку, убил собаку, убил собаку,* — но на этот раз казалось, что он испытывает страшные муки, как если бы он осознал размеры преступления, которое в силу своей генетики вынужден был совершить.

Аутсайдер взглянул на кассету с изображением Микки.

Затем умоляюще произнес:

— *Убей меня.*

Тревис не знал, действует ли он под влиянием горя или жалости, когда нажал на курок и разрядил в Аутсайдера магазин своего карабина. Что человек начал, то человек и закончил.

Тревис почувствовал себя опустошенным.

Бросил карабин и вышел из амбара. У него не было сил вернуться в дом. Опустившись на землю под дождь, он сжался и зарыдал.

Тревис все еще плакал, когда с шоссе на грязную дорожку свернула машина Джима Кина.

Глава одиннадцатая

1

В четверг днем, тринадцатого января, Лем Джонсон оставил Клиффа Соамса и еще двух человек в начале проселочной дороги, там, где она упиралась в шоссе «Пасифик Коаст». Им было приказано никого не выпускать и оставаться на месте до тех пор, пока Лем, в случае необходимости, их не позовет.

Клиффу Соамсу этот приказ показался странным, но вслух он ничего не сказал.

Лем заявил, что, поскольку Тревис Корнелл когда-то служил в группе «Дельта» и имел большой боевой опыт, с ним следует обращаться осторожно.

— Если мы ворвемся к нему, он сразу поймет, с кем имеет дело, и может оказать сопротивление. А если я пойду один, то смогу заставить его выслушать меня, и, возможно, мне удастся уговорить его добровольно выдать нам собаку.

Это не слишком убедительное объяснение его неортодоксальных действий не смогло стереть выражение недоумения с лица Клиффа.

Лему было наплевать на недоумение Клиффа. Он поехал по дороге один на седане и припарковался перед домом из мореного дерева.

На деревьях распевали птицы. Здесь, на северном калифорнийском побережье, зима временно ослабила свою хватку, и день выдался очень теплым.

Лем поднялся по ступенькам и постучал в дверь.

На стук к двери подошел Тревис Корнелл и взглянул на него через решетку. Затем сказал:

— Мистер Джонсон, я полагаю.

— Откуда вы... ах, да, конечно, вам обо мне рассказал Гаррисон Дилворт, когда той ночью звонил вам.

К удивлению Лема, Корнелл открыл дверь.

— Можете войти.

На Корнелле была майка без рукавов, очевидно, из-за повязки, скрывавшей большую часть его правого плеча. Он провел Лема через холл в кухню, где его жена, сидя за столом, чистила яблоки на пирог.

— Мистер Джонсон, — произнесла она.

Лем улыбнулся и сказал:

— Я вижу, меня тут хорошо знают.

Корнелл сел за стол и взял в руки чашку с кофе. Лему он кофе не предложил.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Лем с минуту постоял, затем сел рядом с ними. Он сказал:

— Ну, знаете, это было неизбежно. Рано или поздно мы должны были вас найти.

Женщина продолжала молча чистить яблоки. Ее муж устался в свою чашку.

«Что это с ними?» — подумал Лем.

Происходящее даже отдаленно не напоминало картину, которую он себе представлял. Он был готов к панике, гневу, подавленности и многому другому, но только не к этой странной апатии. Казалось, им было все равно, что он в конце концов их нашел.

Он спросил:

— Вам неинтересно узнать, как мы вас нашли?

Женщина покачала головой.

Корнелл произнес:

— Если хотите, можете доставить себе это удовольствие и рассказать нам.

Лем удивленно вскинул брови и сказал:

— Ну, все очень просто. Мы знали, что мистер Дилворт позвонил вам из какого-то дома или заведения, находящегося в радиусе нескольких кварталов от парка севернее бухты. Поэтому мы подключили наши компьютеры к архивам телефонной компании — с их разрешения, конечно, — и дали нашим людям задание проверить счета всех междугородных разговоров, произведенных той ночью с одного из номеров в радиусе трех кварталов от парка. И мы ничего не нашли. Но потом вдруг поняли, что при счетах с обратной оплатой звонки не регистрируются по номеру, с которого производились, а регистрируются по телефону абонента, оплачивающего разговор, то есть по вашему. Но их также заносят в специальный файл телефонной компании, чтобы у них было документальное свидетельство разговора, если позже абонент откажется платить. Мы просмотрели этот файл — он был очень небольшой — и быстро нашли звонок, произведенный из одного дома, стоящего на побережье чуть севернее парка. Когда мы пришли беседовать с жильцами — их фамилия Эссенби, — мы сразу же обратили внимание на их сына-подростка по имени Томми, и хотя нам потребовалось некоторое время, убедились в том, что действительно Дилворт воспользовался их телефоном. На первую часть ушло очень много времени, недели и недели, но зато после этого... детские игрушки.

— Вы что, ждете от меня медали? — спросил Корнелл.

Женщина взяла еще одно яблоко, разделила его на четыре части и начала снимать кожуру.

С ними было очень нелегко, но ведь его намерения были далеки оттого, что они ожидали. Нельзя было упрекать их за то, что они так холодны с ним; они ведь еще не знали, что он пришел к ним как друг.

Лем сказал:

— Послушайте, я оставил своих людей в конце дорожки. И предупредил их, что вы можете запаниковать и совершить какую-нибудь глупость, если увидите, что мы целой группой подходим к дому. Но на самом деле я пришел к вам... чтобы сделать вам одно предложение.

Только теперь они с интересом взглянули на него.

Он сказал:

— Я собираюсь к весне выйти из этого дела. Почему я так поступаю... вас не касается. Скажу только, что я теперь совершенно другой человек. Я научился справляться с поражением, и теперь я его больше не боюсь. — Лем вздохнул и пожал плечами. — В любом случае собаке в клетке не место. Мне плевать на то, что они говорят и чего хотят. Я знаю, что правильно, а что нет. Я знаю, что значит жить в клетке. Я сам до недавних пор жил в клетке.

Нельзя допустить, чтобы собака вернулась туда. Вот что я хочу вам предложить. Вы, мистер Корнелл, прямо сейчас уводите пса отсюда куда-нибудь в лес, оставляете его в безопасном месте, затем возвращаетесь и держите ответ. Скажите, что собака сбежала от вас пару месяцев назад, когда вы были в другом месте, и вы полагаете, что ее уже нет в живых или что она попала к другим людям, которые теперь о ней заботятся. Конечно, остается Аутсайдер, о котором вы, должно быть, знаете, но мы с вами могли бы позже что-нибудь придумать, чтобы справиться с ним, когда он появится. Я установлю за вами наблюдение, но через несколько недель сниму его, скажу, что это дохлый номер...

Корнелл встал и шагнул к Лему. Лево́й рукой он схватил его за рубашку и заставил встать.

— Ты опоздал на шестнадцать дней, сукин ты сын.

— Что вы хотите сказать?

— Собака мертва. Аутсайдер убил ее, а я убил Аутсайдера.

Женщина положила на стол свой нож и кусок яблока. Она закрыла лицо руками и наклонилась вперед, сгорбив плечи и тихо плача.

— Господи Иисусе, — сказал Лем.

Корнелл выпустил его. Смущенный и подавленный, Лем поправил галстук, расправил складки на рубашке. Затем взглянул на брюки — и отряхнул их.

— Господи Иисусе, — повторил он.

Корнелл охотно провел их к тому месту в лесу, где он похоронил Аутсайдера.

Люди Лема выкопали его. Чудовище было завернуто в полиэтилен, но им не надо было разворачивать его, чтобы понять, что перед ним творение рук доктора Ярбек.

Корнелл отказался назвать место, где похоронена собака.

— У него была не слишком спокойная жизнь, — угрюмо сказал Корнелл. — Но теперь, клянусь Господом Богом, он будет отдыхать с миром. Никто не положит его на анатомический стол и не разрежет. Ни за что.

— Если этого потребуют интересы национальной безопасности, вас могут заставить.

— Пусть только попробуют, — заявил Корнелл. — Если они вытащат меня на суд и попытаются заставить сказать, где я похоронил Эйнштейна, я выложу все, что знаю, газетчикам. Но, если они оставят Эйнштейна в покое, если они оставят в покое меня и мою семью, я буду держать язык за зубами. Я не собираюсь возвращаться в Санта-Барбару и жить там под именем Тревиса Корнелла. Теперь моя фамилия Хайатт, им я и останусь. Моя прошлая жизнь кончилась навсегда. Мне незачем к ней возвращаться. И если в правительстве сидят не дураки, они дадут мне жить под фамилией Хайатта и будут держаться от меня подальше.

Лем долго смотрел на него. Затем сказал:

— Да, если там не дураки, думаю, они именно так и поступят.

В этот же день, позже, когда Джим Кин готовил обед, раздался телефонный звонок. Звонил Гаррисон Дилворт, которого он никогда не видел, но с которым познакомился на прошлой неделе, выступая в роли посредника между адвокатом, Тревисом и Норой. Гаррисон говорил из телефона-автомата в Санта-Барбаре.

— Они уже были? — спросил адвокат.

— Да, днем, — ответил Джим. — Должно быть, этот Томми Эссенби хороший парень.

— Да, неплохой. Но он пришел предупредить меня не потому, что у него такое доброе сердце. Сейчас он бунтует против властей. Когда они надавили на него и заставили признаться, что той ночью я звонил из его дома, он возмутился. И с той же неукротимостью, с какой козлы расшибают свои лбы о загородки, Томми пришел прямиком ко мне.

— Они забрали Аутсайдера.

— А что с собакой?

— Тревис заявил, что не скажет им, где ее могила. Заставил их поверить, что

разделяется с каждым и проломит им всем головы, если они будут настаивать.

— Как Нора? — спросил Дилворт.

— Она не потеряет ребенка.

— Слава Богу. Это большое утешение.

2

Восемь месяцев спустя, в уик-энд Дня труда в сентябре, Джонсоны и Гейнсы собрались на барбекю в доме шерифа. Лем и Карен чаще выигрывали, чем проигрывали, что было теперь довольно необычным явлением, поскольку Лем больше не садился за стол с прежним фанатичным желанием победить.

Он ушел из УНБ в июне. С тех пор жил на доходы от тех денег, что оставил ему отец. К весне будущего года Лем собирался заняться чем-нибудь другим, открыть какое-нибудь свое небольшое дело, где он был бы сам себе хозяин и распоряжался своим временем сам.

Позже, пока их жены готовили в кухне салаты, Лем и Уолт во внутреннем дворике жарили барбекю.

— Значит, ты по-прежнему известен в УНБ как человек, проваливший это расследование о Банодайне.

— Меня навечно запомнят из-за этого дела.

— И несмотря на это, ты получаешь пенсию, — сказал Уолт.

— Ну, я все же не даром вкалывал там двадцать три года.

— Нет, это все-таки несправедливо, чтобы человек провалил расследование века и в сорок шесть лет спокойно ушел с полной пенсией.

— С тремя четвертями пенсии.

Уолт глубоко втянул ароматный дымок, поднимающийся от мяса.

— Все равно. Куда катится наша страна? В менее либеральные времена тебя по меньшей мере просто высекли бы и посадили в колодки. — Он еще раз глубоко вдохнул ароматный запах и произнес: — Повтори еще раз, как все было там, в кухне.

Лем уже сотни раз рассказывал ему об этом, но Уолт готов был слушать эту историю снова и снова.

— Ну ладно, кухня была очень чистенькая. Все сверкало. И сам Корнелл, и его жена тоже очень опрятные люди. Такие начищенные и наглаженные. И вот они говорят мне, что собака умерла две недели назад, умерла и похоронена. Корнелл сует мне под нос свой кулак, вытаскивает меня за рубашку с моего стула и сверкает глазами, как будто сейчас оторвет мне голову. Когда он меня отпускает, я поправляю галстук, расправляю рубашку... и смотрю на свои брюки, просто так, по привычке, и замечаю эти золотистые волоски. Собачью шерсть. Шерсть *ретривера*, голову даю на отсечение. И я думаю: разве это возможно, чтобы такие аккуратные люди, особенно теперь, когда им надо заполнить пустоту и отвлечься от своей трагедии, не нашли за две недели времени немного прибраться.

— У тебя *все* штаны были в волосках, — сказал Уолт.

— Сотни волосков.

— Как будто собака была там за несколько минут до твоего прихода.

— Как будто, приди я на две минуты раньше, я бы наткнулся на нее.

Уолт перевернул мясо.

— Ты очень наблюдательный человек, Лем, и должен был далеко пойти. Ума не приложу, как со всеми твоими талантами ты умудрился так успешно провалить это дело.

Они оба, как всегда, рассмеялись.

— Такой уж я везунчик, — сказал Лем, который всегда так отвечал ему, и снова засмеялся.

3

Когда двадцать восьмого июня Джеймс Гаррисон Хайатт отмечал свой третий день рождения, его мать носила ребенка, который позже стал его сестрой.

Они устроили вечер в своем доме из мореного дерева на лесистой возвышенности над Тихим океаном. Поскольку вскоре они собирались переезжать в новый, более просторный дом на побережье, им хотелось этот памятный вечер посвятить не только дню рождения, но и своему прощанию с домом, ставшим первым пристанищем для их семьи.

Из Кармела приехал Джим Кин с Пукой и Сэди, двумя своими черными лабрадорами и своим молодым золотистым ретривером Леонардо, которого обычно звали Лео. Пришли несколько близких друзей из агентства по продаже недвижимости, где работал Сэм, которого все звали Тревисом, — и из галереи в Кармеле, где были выставлены на продажу Норины картины. Эти друзья тоже прибыли со своими ретриверами, щенками от второго помета Эйнштейна и его подружки Минни.

Не было только Гаррисона Дилворта. Он скончался во сне в прошлом году.

Стоял чудесный день, они прекрасно провели время не только потому, что были друзьями и им было хорошо вместе, но и из-за общей тайны, объединявшей их, чудо и радость, которые навсегда соединили их в одну большую многочисленную семью.

Все щенки от первого помета, с которыми Тревис и Нора не смогли расстаться и которые жили вместе с ними в доме, тоже были здесь. Их звали: Микки, Дональд, Дейзи, Хью, Дью и Луи.

Собаки проводили время еще веселее, чем люди: резвились на лужайке, играли в лесу в прятки и смотрели видеофильмы в гостиной.

Собачий патриарх участвовал в некоторых играх, но большую часть времени проводил с Тревисом и Норой и, как обычно, держался рядом с Минни. Он прихрамывал, так как его правая задняя нога была искалечена Аутсайдером, и, если бы ветеринар не приложил массу усилий к тому, чтобы восстановить ее, она бы вообще не действовала.

Тревис часто задавался вопросом, действительно ли Аутсайдер решил, что Эйнштейн мертв после того, как со страшной силой швырнул его об стену. Или в ту минуту, когда Аутсайдер держал в своих руках жизнь ретривера, он нашел в себе каплю жалости, которую его создатели не запрограммировали в нем, но все равно она у него была. Возможно, Аутсайдер припомнил то единственное удовольствие, которое они с псом делили в лаборатории: мультфильмы. И, вспомнив это, вероятно, впервые ощутил в себе слабую искру, роднящую его с другими живыми существами. И, найдя в себе это общее, он, возможно, не смог убить Эйнштейна с той легкостью, с какой ожидал. Ведь, в конце концов, легкого движения его когтей было достаточно, чтобы распотрошить собаку.

Но хотя Эйнштейн стал хромать, благодаря Джиму Кину из его уха исчезла татуировка. Теперь никто никогда не смог бы доказать, что он был псом из Банодайна, и он по-прежнему, когда хотел, мог разыгрывать из себя глупую собачонку.

Изредка в течение этой феерии — трехлетнего юбилея Джеймса — Минни в замешательстве поглядывала на своего друга и потомство, удивляясь их играм. Хотя она никогда не могла до конца понять их, ни одна мать никогда не получала от своих щенят и половины той любви, которую отдавали ей те, кого Минни произвела на свет. Она следила за ними, а они, в свою очередь, присматривали за ней, охраняя друг друга.

Поздно вечером, когда все гости разъехались, а Джимми спал в своей комнате, когда Минни и ее первые щенки укладывались на ночь, Эйнштейн, Тревис и Нора собрались в кладовке рядом с кухней.

На месте устройства для выдачи карточек из «Скрэббла» стоял компьютер. Эйнштейн взял в рот карандаш и стал нажимать на клавиши. На экране высветилась надпись:

«ОНИ БЫСТРО РАСТУТ».

— Да, — произнесла Нора. — Твои растут быстрее, чем наши.

«ОДНАЖДЫ ОНИ БУДУТ ПОВСЮДУ».

— Однажды, — сказал Тревис, — спустя какое-то время они будут по всему миру.

«ТАК ДАЛЕКО ОТ МЕНЯ. ЭТО ОЧЕНЬ ПЕЧАЛЬНО».

— Да, — сказала Нора. — Но ведь все птенцы рано или поздно покидают свои гнезда.

«А КОГДА МЕНЯ НЕ БУДЕТ?»

— Что ты имеешь в виду? — спросил Тревис, наклонившись к псу и взъерошив его густую шерсть.

«ОНИ БУДУТ МЕНЯ ПОМНИТЬ?»

— Да, мохнатая морда, — ответила Нора, опустившись на колени и крепко обнимая его. — Пока существуют собаки и пока существуют люди, они все будут тебя помнить.

1987